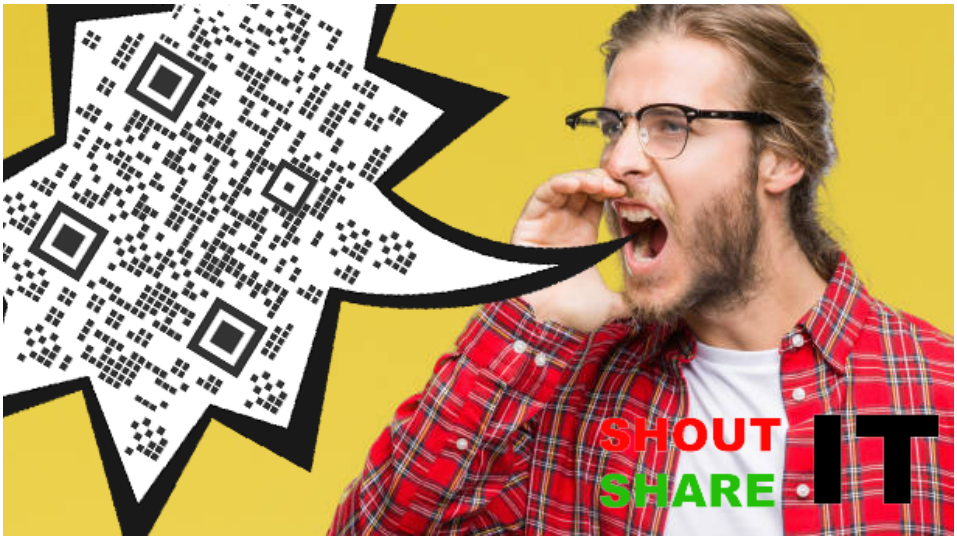
Дневник, 2005 год [январь-сентябрь]

Сергей Николаевич Есин


SHOUT
SHARE
IT

- Сергей ЕСИН

Сергей ЕСИН
ДНЕВНИКИ. 2005 год

1 января, суббота. Удивительно: начинается новый год, и В.С. и я, и собака — все мы дожили. Буквально накануне меня назвала дедушкой молодая женщина, едущая в лифте с ребенком. Потом, разглядев и видя, наверное, мою хмурость, поправилась: "дядя". Все в прошлом, лишь бы с честью закончить путь, как говорится, полностью выразиться. Но это все никому не нужные общие рассуждения.

Хорошо, что приехал брошенный всеми на произвол судьбы Вася из Ленинграда. Для меня каждый подобный человек это еще и источник информации о жизни, не о той, верхней, а о низовой, которая, собственно, является и объектом искусства, и его фундаментом. Все остальные банщики и компаньоны меня бросили — Володя ушел в давно им запланированный загул, С.П. уехал на Новый год к матери, Клавдии Макаровне, в Воронеж. Я — и собака.

Буквально в двенадцать часов, после довольно спокойной ночи, после утренних телефонных звонков и уборки, погрузились и, как планировали (как я планировал, потому что зимой "утеплять" дачу, особенно одному, тем более, не был там две недели, довольно хлопотно), уехали с Василием. Снова в белое царство такого покоя и тишины, такого блаженства, что просто не верится. Целая сумка продуктов, а главное, трехлитровый термос с харчо, которое сварила В.С., а я — по своей жадности: мало! — превратил его в некое подобие рисовой каши на мясном бульоне.

Вечером, уже натопив дом, гуляли по дачным улицам в валенках, нарезая круги по поселку. Народу очень мало, освещена только дача финна, это, наверное еще до Нового года, приехали его дети, слышатся молодые голоса. На нашей линии был днем сосед Сережа, но он обычно уезжает ночевать домой. Еще в двух или трех домах есть люди.

Должно быть, поколение родителей, которые строили эти дачи, которые помнили, как и где достали они каждую лесину, как копали фундаменты и сажали первые деревья, уже ушло, детям все досталось готовым, но не вполне по стандартам сегодняшнего дня. Да и ездить за сто километров стало дорого. Это раньше бензин на внутреннем рынке стоил по цене газированной воды. Резко повысились цены на билеты железной дороги. Пусто.

За два часа гуляния никаких сторожей, естественно, не

видели. Правда, когда въезжали на территорию, возле правления встретился нам выходящий откуда-то из-за сугробов Будулай, большой лохматый кобель, "жених" нашей Долли. А в соответствующем проулке увидел я в свете фонарика стоп-сигналы на машине Константина Ивановича, значит здесь, значит ночью пойдет в свой обход.

Вечером взялся, наконец, за рукопись романа с правкой Бори Тихоненко. Хватит ли теперь у меня сил, чтобы, восстанавливая, сличить текст, оставить все лучшее, цитаты, эпиграфы, которые он нашел? Чужая работа не должна пропадать. Но в целом он пошел по своей собственной, а не моей логике, именно по логике редактора, причем позапрошлого века, и сразу роман сел, стал нудным перечислением фактов и жалоб героя. Теперь надо сжать зубы и — вперед, страница за страницей. Мне не нравится и этот чуждый взгляд, и эти чужие дописки.

Боря каждый раз виртуозно овладевает стилем моей новой вещи. Выдает его только "головное", а не органическое владение моим слогом. По ляпу в каждом абзаце. Пишу так нелицеприятно, потому что считаю: писатель каждый раз для новой вещи изобретает новый стиль. Здесь очень ясно, чем отличается писатель даже от очень грамотного, высшей категории редактора, когда тот, уже со свободой писателя, вмешивается в чужой текст. За работу, товарищи!

2 января, воскресенье. В моем романе Боря сделал еще некоторые перепланировки. Первую главу он переиначил в пролог от третьего лица, что, в общем-то, было не сложно. Но это, почти механическое, изменение без понимания, что не всякий текст может быть переложен таким образом. То, что даже по факту возможно произнести про себя, нельзя бывает перевести в объективный план.

Но и это не все, он еще дописал и финал. Герой-рассказчик, профессор-филолог, умирает, и в эпилоге появляется настоящий автор, который как бы приводит в порядок разрозненные романные наброски. Возможно, Боря это сделал, считая, что "экскурсионные", по Марбургу, главы, в которых рассказано об учебе Ломоносова и Пастернака в этом немецком городе с дистанцией в 175 лет, слишком декларативны и "научны".

Кончается роман неким постскриптумом о друге автора, умершем профессоре. Здесь уже Борины ностальгические воспоминания с некоторой даже обидой на меня. Это понятно, он отредактировал почти все основные мои книги, он изменил фамилию главного героя "Имитатора" с Самураева на Семираева, без чего невозможен был бы термин, которым критика потом пометила типаж, — семираевщина. Обида вполне уместная. Но

все вместе это делает роман каким-то иным, слишком законченным, логичным, старомодным даже. Но сама по себе идея постскриптума меня тронула. Я, пожалуй, рано или поздно напишу о Боре эссе или рассказ. Я отчетливо сознаю, сколь много он сделал для меня.

Но Боря слишком хороший редактор: он не только устроил обрамление из пролога и эпилога, но и в качестве эпиграфов везде понасовал цитат из Пастернака и Ломоносова. Не стоит доказывать, что Пастернака я знаю хуже своего редактора, мне это просто ни к чему. Своих студентов я предупреждаю, чтобы они не увлекались эпиграфами. У писателей совершенно другая ученость.

Еще накануне я несколько раз выходил из дома на грохоты петард: кто-то из наших соседей через три или четыре линии отчаянно веселился. А сегодня вечером, когда стемнело, вдруг из домов, как раз с того именно места, где вчера "гуляли", показалось пламя. К счастью, совершенно не было ветра, и горел не дом, а баня. Когда мы с собакой подошли к месту пожара, огонь почти лизал и дом. Приехали пожарные с бочкой воды, протянули брезентовые шланги и, локализовав пожар, затушили огонь. Малые несчастья страхуют нас от больших. Видимо, лучше всего это понимали погорельцы. Они успели вынести из бани баллоны с пивом и хрустальные бокалы и очень философски, сидя в снегу, смотрели на веселый пожар.

3 января, понедельник. Поздно ночью начал читать книгу Умберто Эко "Шесть прогулок в литературных лесах". Я сразу же понял, что это книга для меня, она о читателе, о его работе, о его долге перед писателем. Попутно думаю о том, что литература все больше и больше начинает питаться литературой. Вымысел отощал.

Ездил в Обнинск, купил халат в подарок Лене Колпакову.

4 января, вторник. Плохо спал, потому что вчера допоздна работал, в голове всякие мысли о моем романе.

Утром позвонил В.С., она собирается на диализ. Она тоже плохо спала, заснула только под утром.

Сразу же после завтрака пошел с собакой гулять. Вдоль реки все в снегу, но река не замерзла, в ней только прибавилось воды.

На обратном пути встретил своего соседа Сергея, который пробирался на дачу. Он всегда приезжает только на несколько часов. Так вот Сережа сказал, что в Москве идут жуткие скандалы. Льготники наконец-то опомнились, что принесли им новые законы. В Москве в метро еще пускают по пенсионным удостоверениям, но требуют показать паспорт с московской пропиской. Уже налицо конфликт Москвы и Московской области.

Весь день сидел над первой главой романа. Тотальные переделки Бори я не принимаю, но все его мелкие редакторские уточнения очень по делу. Я сверяю два текста.

Телевидение, не переставая, говорит о катастрофе и цунами в Юго-Восточной Азии, цифры погибших все время увеличиваются и достигают сейчас 150 тысяч. Катастрофа библейская.

Уехал в Ленинград Василий.

5 января, среда. Днем пошел за водой на источник, а потом гулял с собакой. Мы шли с ней по дороге вдоль участков, внезапно Долли пролезла в какую-то дыру в сетчатом заборе и пошла вдоль чужого участка, параллельно мне. Ну, думаю, как она будет отсюда выбираться. Наконец, она уткнулась в забор, тоже из сетки, который огораживает соседний участок. Я продолжаю идти, вернее, уходить от Долли, а она начинает искать дырку в новом заборе. Ее там нет, собака мечется вдоль этого поперечного забора. Долли может догнать меня, если вернется по своим следам, найдет и вылезет именно в ту дырку, через какую она и залезла на участок. Я между тем дошел до угла, повернул и из-за столба со старой, еще прошлогодней, зеленью стал наблюдать за собакой. Нет, она определенно умница. Она, пометавшись, села, подумала, встала и побежала обратно по своим следам. Вылезла из дырки, огляделась и галопом помчалась теперь уже по моим следам. Встреча была очень горячей.

Работал, читал, слушал английский, занимался хозяйством и уборкой.

6 января, четверг. С утра — все продолжаю жить в Обнинске — разбирал старые бумаги в портфеле. Там накапливается: не успевая прочесть вовремя, откладываю, все трамбуется, превращается в гумос. В том числе достал и просмотрел газету, малоформатную, естественно, "Московский литератор", еще аж за октябрь месяц. Начал со статьи В.И.Гусева "Герой" о состоявшейся у нас в Литинституте конференции, посвященной100-летию со дня рождения Николая Островского. Я же ее и открывал. Но я совершенно по-другому и толкую, и вижу все события. Меня в тот момент волновало чувство литературной справедливости, понимание значения этого писателя для русской литературы. Это мероприятие я затеивал — с подачи, правда, и по инициативе В.П. Смирнова, который тоже удивительно точен и не стреляет холостыми — еще и потому, чтобы тем засранцам-писателям и литературоведам, что раньше все вились вокруг революционно-героической тематики, а сейчас, кроме Набокова и Гумилева, никого не замечают, стало хоть немножко не по себе. Но Гусев-то здесь нашел примечательную общественную тенденцию.

"Произошло то, что и должно было произойти: "публика" (народ!) соскучилась по этому самому Герою. Надоели антигерои, маленькие люди, мужчины-бабы, женщины вместо мужчин, самокопатели, себялюбцы-нытики, славолюбцы без причин для славы, таланты без мужества и без таланта и так далее. Нужен Герой. Он нужен морально, рационально, эмоционально и, если угодно, биологически". Дальше — совершенно замечательные пассажи о том, как "русские Герои шли друг против друга…. Телегин против Рощина, Мелихов против Турбиных, Тухачевские против Колчаков".

Надо сказать что вся газета такая: и умная, и ладно написанная, и заставляющая думать. Как обычно, на первой странице три автора. Кроме Гусева, это еще Иван Голубничий и Максим Замшев. Все держат направление, это важно. Чуть позже я обязательно прочту всю газету, стихи, прозу. На одной из страниц увидел свою фотографию рядом с Бондаревым и Гусевым — открываем совещание молодых писателей. Но еще больше порадовался, увидев фото Толкачева. Ну что же, мы уйдем, вот эти самые ребята придут на наши места и снова будут воевать и держать фронт.

Из того же портфельного запаса нашел и три странички текста, вынутых из интернета. Это мне переслал один из моих приятелей с таким комментарием: "Сергей Николаевич! Ты, конечно, не читаешь израильский журнал "Лехаим". А вот что он пишет (автор Александр Борин, в свое время член парткома "Литературной газеты", выдающийся партийный публицист):

"Совсем недавно, в апреле 2003 года, газета "День литературы" опубликовала переписку двух литераторов — Андрея Мальгина и Сергея Есина. Главная их печаль — стоит только проявить некоторое инакомыслие, как тут же тебя без всякого повода окрестят антисемитом. А какие они антисемиты? Мальгин даже уверяет, что, не будучи евреем, "животных антисемитов" "не переваривает с детства". Правда, тут же огорчается: "Разгромив НТВ и еще кого-то в еврейском лагере, Путин не создал никакого идеологического бастиона для подлинных государственников, для настоящих патриотов". Убежденный же неантисемит Есин, которому "до чертиков надоело говорить о евреях" и который "с удовольствием не знал бы о них", ему вторит: "Процентное соотношение евреев-литераторов… чудовищно по отношению к русским. Мы что, хуже пишем?" И с тоской вспоминает, что когда-то в журнале "Юность" он "стоял всегда во вторую очередь и проходил только тогда, когда проходили все свои". Ну, словом, обыкновенные инакомыслящие — что с них взять".

Теперь мой комментарий: пишешь себе пишешь, романы,

повести. воспитываешь чужих детей, не считаешь, кто свои, кто чужие, спасаешь от нахрапистых людей государственную собственность, — и ни слова публичной благодарности. Вся критика, в которой осталось все то же соотношение, помалкивает, а чуть наступишь на мозоль чужому национальному, читай — еврейскому, чувству, сразу становишься знаменитым даже в чужой прессе. Ну, уехали, живете на исторической родите, я всегда говорю, что израильские евреи — самые замечательные евреи, они хоть не ругают свою родину и не называют ее "этой страной", так забудьте наши заботы, живите спокойно, читайте своих писателей, своих литераторов, прекратите сводить счеты, уймитесь.

Потом знаменитый партийный публицист принялся учить и воспитывать Мальгина, который в свое время написал статью против одной из публикаций Натана Эйдельмана. В переписке со мною Мальгин об этом уже поминал, из текста публициста я бы выделил два места, относящиеся к этике, которая и в газетном варианте этика, а не междусобойчик. Партийный публицист прочел статью в верстке и сразу же: "Прочитав верстку, я позвонил Натану. "Любопытно, — сказал он, — захвати полоску, вечером я приеду". Проглядев текст, Натан возмутился. Нет, не из-за ругани в свой адрес, она его не тронула, его возмутило фантастическое количество ошибок. "Ну какой неуч!" — вздохнул он и… стал править материал. Весь вечер он приводил поносившую его статью в божеский вид. Удивительно, но мне это показалось тогда совершенно нормальным".

Из тайного доносительства, нарушения служебной этики сделали благородный поступок. И, наконец, последнее, партийный публицист дает характеристику своему принципалу: "Отец его исповедовал сионизм. После смерти Якова Наумовича в память о нем под Иерусалимом даже посадили небольшую рощицу, десять деревьев. Я знаю, Натан этим гордился. Сроднившись с русской историей и культурой, живя в ней, дыша ее воздухом, лучше, чем кто-либо другой умея осмыслить и прочувствовать ее, не представляя себе жизни без нее, он в то же время трепетно оберегал и собственное еврейство. В том не было раздвоенности, внутреннего разлада. Для него это было совершенно естественно и органично".

Меня здесь удивляет только одно. Я согласен, что в том числе и евреи много полезного сделали в русской культуре, вообще национальность пропадает, когда перед нами человек большого дела и крупного калибра. Не представляю себе Мандельштама или Пастернака, защищающих только "своих". Но почему, не дай Бог, кого-то лишь только тронешь, сразу — гвалт. Уже бегут с

ведром воды, а то и с дубиной.

Вечером приехал в Москву, и выяснилось, что я по своему обыкновению все перепутал: празднование дня рождения Лени Колпакова состоится не завтра, а послезавтра.

7 января, пятница. Весь день занимался ненавистным мне романом.

8 января, суббота. В четыре часа ездил на 50-летний юбилей Лени Колпакова. Какой получился чудесный и возвышенный праздник. Леня, в отличие от меня, не звал всех подряд. Все это происходило в каком-то полузакрытом ресторане возле Администрации президента. Вкусно, без излишеств кормили. Особенно хороши были морковка, типа корейской, и куриный шницель. Я, правда, не смог устоять перед второй порцией торта во время десерта.

Все как-то удивительно по-доброму определились в своем отношении к юбиляру. Церемонию довелось начинать мне. Я выбрал иронически-гротесковый тон и стал говорить о "недостатках" Лени — о его семье, работе, детях, о нем, как о журналисте. У Лени прекрасные дети, жена и друзья. Потом очень точно высказался Авангард Леонтьев, который давно дружит с Леней, потом Юра Поляков, многие другие. Чуть позже всех, как и положено важному гостю, приехал Виталий Яковлевич Вульф, который тоже говорил очень тепло и мило. Он даже сплел полуреалистическую новеллу про какую-то американскую миллионершу. Ни ложечка не звякнула в стакане, пока он витийствовал.

Здесь же я встретился с Владимиром Митрофановичем Поволяевым, который был главным редактором канала "Добрый вечер, Москва" в то знаменитое время. Его, как и меня, потом с эфира сняли. Но я отчетливо помню: "Добрый вечер, Москва" была лучшей передачей телевидения. Телевидение, собственно, училось там.

Вообще, было много интересных и хороших разговоров. С Юрием Поляковым — о всех наших, и не наших, о писательских делах, о бесшабашности и недостаточной культуре наших патриотов, о царящем в нашей среде хамстве и предательстве. Потом с Леонтьевым — о театре, о новых ролях Табакова, где я увидел некое движение или даже возрождение, особенно в "Тартюфе". Волшебное чувство, когда говоришь с интересным собеседником.

Я подвозил В.Я.Вульфа домой, по дороге он рассказал мне много любопытного. Например, как уволили с профессорства в школе-студии МХАТа Авангарда Леонтьева, чьими воспитанниками были и Машков, и Миронов. О неприглядной

роли в этом вопросе в первую очередь ректора Смелянского и самого Табакова. Недаром О.П. через два или полтора года взял Леонтьева во МХАТ, когда тот ушел из "Современника". Но как Табаков решился на это, ведь Леонтьев был человеком очень ему близким? Я припоминаю, что единственный раз я был у Табакова в доме, еще когда он был женат на Люсе Крыловой, и, кроме меня, гостями были только Никита Михалков с женой и Леонтьев. Какая жуткая история, какое грубое вмешательство в личную жизнь людей! Дойди эта история во всех подробностях ее лживой интриги до газет где-нибудь на Западе, скажем во Франции или Германии, голова ретивого ректора скатилась бы в грязную корзину.

9 января, воскресенье. Ехал домой после бани со стороны Октябрьской площади, по Шаболовке, мимо Донского монастыря, мимо огромного завода им. Орджоникидзе. Хорошо помню этот завод, один из лучших в Москве, на котором строили громадные конструкции новейших металлообрабатывающих станков; помню, как приезжал туда Горбачев, не сразу, а попозже, я тогда порадовался: наконец-то вспомнили о рабочем классе. Ну, как вспомнили, так и забыли. Вывеска завода еще некоторое время была над огромным, выходящим на улицу цехом, а потом появилась другая вывеска: цеха уже нет, там — склад. Остановил машину, вышел. Все станки, всё оборудование куда-то подевалось, долго рассматривал интересные штучки, связанные с хозяйством, огородом, сервировкой стола, бытом; цены довольно высокие, народу не очень много. Может быть, России действительно не нужна ни промышленность, ни станки, а только одна политическая жизнь?

Каждое утро минут по сорок гуляю с собакой и слушаю на плейере английский. Книжечка в продаваемом наборе, сопутствующая звуковым дискам, всегда у меня с собой. Вот и сегодня в перерывах между парениями — с раннего утра ездил в баню, так как на даче один не топил, а растренировываться не хочется, если раз в неделю, то раз в неделю, — когда я читал английский и пытался усвоить разницу между идиомами to use (употреблять, использовать), use to (привычные действия, совершаемые в прошлом), to be used to (в значении — привыкнуть) и to get use to (приспособиться, привыкнуть), то подумал, что никогда мне язык не выучить, но вот занимаюсь, чтобы мозги не сохли.

Кстати, сегодня днем, разбирая в доме бумаги, нашел книжечку: "Сто современных русских писателей", выпущенную к 49-й международной книжной ярмарке в Варшаве. Еще раз восхитился замечательным свойством английского языка, не

различающего, в отличие от нашего, "русского" писателя от "российского". Начинается сборник с Михаила Айзенберга, а заканчивается Александром Яковлевым, главным архитектором перестройки, так много сотворившим для самосознания русского народа. Мне посвящено почти полстраницы, я не жалуюсь. Битову тоже полстраницы, которые предуведомлены тем, что Битов — это "живой классик русской литературы". Больше всего места в сборнике отдано критикам, самому угнетенному племени русских литераторов. Следующая за мною Наталья Иванова разлеглась на четырех страницах, а Сергей Чупринин — на трех с половиной. Готов был, как крохобор и завистник, отметить ущербность наших с Битовым позиций, но тут обратил внимание, что в этом "справочнике" нет ни Распутина, ни Белова, ни Бондарева, ни Крупина — действующих, между прочим, писателей.

Роман не трогаю, надоел смертельно, но, чувствую, необходим еще один штурм, чтобы отдать его в журналы и насладиться их реакцией.

Вечером звонил Л.И. Скворцову, он сказал, что его дочь Ира принесла какую-то английскую газету с моим интервью, а "Правда" напечатала статью, которую заказывала мне к Новому году. Но тут в разговор вмешалась Таня Скворцова, очень статью похвалила, но спросила: что там за "флорентийские медики"? Я ответил: это флорентийские Медичи. Про себя подумал: в старой "Правде" такой досадной ошибки произойти не могло бы.

Телевидение продолжает показывать иногда шокирующие подробности цунами в Юго-Восточной Азии. Число жертв достигло уже 165 тысяч. Это библейские размеры и Божье наказание человечеству за его гордыню и пренебрежение естественными формами жизни.

10 января, понедельник. Институт выходит на работу только завтра, но сегодня экзамены, на всякий случай поехал посмотреть. Соскучился по кабинету, по институтским коридорам, хотя понимаю, что пора уже от всего отвыкать. Сегодня на месте и Лев Иванович, у которого тоже: видимо, болит за работу сердце. Принес мне статью, где Медичи названы "медиками".

Прошелся по аудиториям. Первый курс сдает литературоведение. Ребята расселись на полу, как цыгане. Леша Антонов говорит, что в этом году больше хорошо успевающих ребят. По введению в литературоведение у него идут в основном пятерки и четверки, из всего курса только две двойки. Я, наоборот, полон уныния: много званых, но мало избранных. Где те гении, которые так много обещали на первых курсах, где знаменитые писатели, которыми гордилась бы страна? Ребята

чувствуют себя малышами и начинающими. Но сколько народу начинало в Литинституте, ввинчиваясь в литературный небосклон "свечкой", ракетой. Трифонов чуть ли не студентом получил Сталинскую премию.

Около двух позвонил в столовую: накормят ли? Сказали — накормят. Пошел. В маленьком зале, что сразу бросилось в глаза, стоит роскошная ёлка. Елки вообще интересная проблема в Москве. Пока шли эти огромные и никчемные каникулы, проезжая по городу, обращал внимание: напротив Моссовета — искусственная ёлка, на Октябрьской площади — какие-то конструкции, похожие на ёлки, в других местах также все ненастоящее, не лесное, а сделанное из проволочек, трубочек и подсвеченное лампочками. А вот у Альберта, в его кафе, — самая настоящая елка. Оказывается, их продавали много в Москве, но все разошлись по домам. Это чудо — канадского производства, и стоит оно 500 долларов. Ёлку подарил кафе цветочный магазин. 31-го в 8 часов она осталась единственной не проданной, ну и подарили клиенту. Господи! До чего дошло: елки стали ввозить из Канады и Дании. А впрочем, это обмен: мы им для увеселения — своих баб, они нам — свои ёлки.

В семь вечера гулял с собакой, потом разбирал ящики стола и бюро. В неустрое жить надоело. Одних значков, медалей, наград в коробочках и без у меня целый ящик. А сколько удостоверений, благодарственных писем, пропусков, и все хранится. Без меня это превратится в хлам. Выбросил два мешка разных бумаг.

Иногда наталкивался на какие-то вырезки и непрочитанные своевременно материалы. В том числе попалась в газете "Российский писатель" рецензия Игоря Блудилина-Аверьяна на мою "Хургаду" еще из ноябрьского номера "Московского вестника". Автор все внимательно прочел. Вот врез, видимо об авторе и его позиции: "Он, не смягчая, показал нам нечеловеческий, мертвецкий лик нынешнего российского пресловутого "среднего класса"". В статье большие рассуждения о сегодняшнем времени и о 91-м годе, который, "по сути, перечеркнул все прекрасные мечтания русских интеллигентов. Рухнул не только коммунизм — вся вековая борьба народовольцев, петрашевцев, нечаевцев, Бакуниных, Кропоткиных, Плехановых, Чернышевских. Белинских, Писаревых и проч., как оказалось после 91-го, ни к чему в России не привела, кроме как к низвержению самодержавия, без какового народу-то лучше жить не стало". Критик называет меня "мастером", внимательно рассматривает все сюжеты новелл и после своих политических дефиниций итожит, исходя опять-таки из моей повести: "И ничего хорошего в России не получится, пока у нее

такой средний класс. А другого нет и, увы, не предвидится. К возникновению другого среднего класса предпосылок пока даже и не просматривается. С.Есин показал нам его во всем его убогом блеске".

Прочел статью в "Правде", она действительно злая и язвительная. Финал ей я взял из своего письма министру. Это, пожалуй, у меня первый случай повтора.

УРА! ЛЮБИМАЯ СТРАНА

Ну, вот и слава Богу, високосный год уходит. Они, високосные, как известно на Руси, не самые ладные. Но ни слова о Президенте. Он священен, он наш Осирис. Очень легко водрузить на него многое… Но по себе знаю, тоже, когда стал ректором, в институте ни машины не было, ни компьютера, ни зарплаты. Вообще, это удивительное чувство, которое овладевает хозяином, когда он выходит поутру в разоренный и разграбленный двор. И корову свели со двора, и естественные монополии украли, а шубу твою, которая досталась от папки и мамки, уже примеряет некий олигарх или другой случайный завлаб. Ах, русская жизнь, куда же ты катишься, в какую сторону крутится твоё развесёлое колесо? Тем не мене очень разные у нас итоги. По существу, как человека Ходорковского жалко — такой замечательный, крепкий и весёлый парень, а вот томится в узилище. Но если перевести сумму, так сказать, уведенную из-под государева догляда, да перемножить её на количество других наших замечательных благотворителей и олигархов, какая бы могла получиться прекрасная жизнь! На всё бы хватило и на всех. Ой! Но, боюсь, это не почтенного мужа взвешенная речь, а обывателя. Либеральная общественность меня осудит

Кое на что хочется закрыть глаза и забыть: Беслан, с его корчащейся от невыразимой муки безъязыкой трагедией, теракт в Москве у Рижского вокзала, синхронный полет самолетов из аэропорта Домодедово на юг. А это когда у нас высадили в центре Ленинграда из машины марки БМВ жену министра внутренних дел? Представляю эту ситуацию при Николае Первом "Палкине", при Николае Втором "Кровавом", Иосифе Джугашвили — сыне сапожника. Ну, правда, вождя мирового пролетариата как-то тоже высадили из машины в Сокольниках бандиты, но когда это было. А у нас что — пошел на повышение? И кто там у нас оказался виновным за трагическое параллельное планирование самолетов? Кажется, нашли какого-то армянина, который продал билеты, и какого-то "стрелочника", который пропустил террористок. Какой все же коварный существовал рецепт у врачей: лечить не

симптомы, а причины. А Библия, та просто рекомендовала: если мешает тебе рука — отсеки её. Не время, конечно, казней, но что-нибудь отсечь не помешало бы. Отсекли льготы.

С чувством глубокого удовлетворения наблюдаю я за нашим любимым русским народом. Помню, в начале перестройки добрые русские бабушки, так дружно проголосовавшие за демократию и Ельцина, говаривали, бывало, в телевизор нашим ласковым журналистам: "Я при Советской власти никогда пенсию в тысячу рублей не получала!". Она получала бесплатное медицинское обслуживание, внуки бесплатно учились в престижных московских вузах, доярки зимой, после того как престижные санатории освобождала московская и областная элита, занимали ялтинские и сочинские курорты. Теперь отдельные бабушки пропели, как важны им 200 рублей заместо какой-нибудь льготы, которую они недополучали. А как теперь эти бабушки будут ездить на электричках на свои садовые участки, находящиеся за чертой Московской области, как будут обходиться с городским транспортом и прочим, и прочим? Ах, Зурабов, народный благодетель! Рассказывают анекдот, а может быть и быль, что даже родная мать после всех историй с льготами вроде не пускает его на порог своего дома.

И, опять же не к новогоднему столу будь помянут этот Зурабов, семь "лимоновцев", со строительным пистолетом в руках, штурмом взяли его министерство, дабы научить взрослого дядю, как заботиться о стариках. Не помогло. Может, мама с папой мало били в детстве? После этого — новая инициатива: в больнице можно лечиться только пять дней, и ни денечка больше. Если больной хочет эксклюзивных медицинских услуг свыше пяти дней, то пусть решает сам, за соответствующее, разумеется, вознаграждение. Говорят, что знаменитый доктор Рошаль меланхолично на это заметил: а кто будет решать за недоношенных детей или больных, находящихся в коме? Когда в коме находится парламент и общество, когда расслаблено общественное мнение, а якобы средний класс упивается своим якобы благоденствием, вот тогда и лезут на балконы минздрава мальчишки со строительными пистолетами.

Но надо отдать должное нашей Фемиде. Она твердо знает, где опасность, она хорошо знает, что олигарха можно простить, вора пожурить, бандита отметить медалью, а двадцатилетнему мальчику надо дать семь лет. Слишком уж яркие примеры. Слишком уж эти мальчики напоминают тех молодых людей, которые в свое время подточили империю гнёта и насилия. Фемида знает своих героев. Фемида дожмёт, кого надо. Но, как известно, сила гнёта всегда равна силе противодействия. А

иногда и превосходит.

Что еще сказать, что пожелать, кроме помилования и милости? Путь у богатых будет полная чаша, у бедных еда и медицинское обслуживание, и у всех — новый, не високосный год.

Сергей ЕСИН

Удивительно, но сегодня же случилось то, о чем я в своей статье писал еще неделю назад. По радио, когда ехал в машине домой, услышал, что в Химках — это как раз на границе Москвы — пенсионеры перегородили Ленинградское шоссе, протестуя против лишения их льгот. Жду теперь телевизионных новостей в семь вечера, чтобы узнать, в чем там дело.

11 января, вторник. Та удивительная война против отмены льгот, которую начали химкинские пенсионеры, именно в силу того, что они стоят на границе между Москвой и не-Москвой, то есть областью, кажется, перекинулась на всю страну. Мне очень понравилось, как объясняет это дело Л.К.Слиска: вот, дескать, недочеты в законе, посмотрим, прикинем, будем совершенствовать. Кстати, Путин не подписал еще закона о пиве, ему-то не надо доказывать своего отношения к народу таким образом, а вот Думе было необходимо как-то умаслить пожилых людей этим самым "пивным законом".

Телевидение показывает уже не катастрофу в Юго-Восточной Азии, а как пенсионеры, три месяца назад говорившие, что им полезна монетизация льгот, теперь объявляют, что все это плохо и сколько они на этом потеряли. Но ведь это было видно с самого начала. Весь этот конфликт — кроме участия в нем нашего молодого сверкающего правительства, стремившегося поскорее избавиться от людей, построивших страну, заводы, фабрики и шахты — спровоцировало, по сути дела, телевидение, которое, вместо того чтобы разобраться со всем, ввело в заблуждение нашу общественность, всех пенсионеров, в том числе этих лихих и жалостливых старушек, выступающих теперь уже в ином амплуа. Закон, может быть, в своей основе не так и плох, но тогда надо объяснить, разъяснить, искать изъяны в механизме его реализации… А теперь образовался огромный слой людей, которые это наше правительство ненавидят, и из них получилась старая (в смысле возраста) оппозиция. И если найдется у нее лидер, то дело может пойти очень своеобразно.

Но лидера нет. Рогозин, конечно, уйдет в кусты. Зюганов сядет в другие кусты. Может быть, опять отличатся лимоновцы, и им дадут срок. Если же говорить об абстрактных стратегических задачах, то соединение пенсионеров и лимоновцев может

переворошить всю страну, чего я, конечно, не желал бы ей.

Каждый вечер — чистка авгиевых конюшен моего жилья. Долго, вполглаза смотря в телевизор, гладил белье, а потом с помощью Вити разбирал платяной шкаф. Выбросил два пиджака, много рубашек и с десяток галстуков, две пластмассовые сумки.

12 января, среда. Всегда читаю не по порядку, а то, что попадает в руки. Давненько у меня завалялся 11-й номер "Нашего современника". Что там читать в прозе? Она редко там бывает. Но вот А.Казинцева и публицистику читать надо. Как-то рука сама остановилась на большой статье — "Еврейская ксенофобия". Подписано Исраэлем Шамиром. Статья довольно скучная, начинающаяся с рассказа о том, как автор в юности переживал свое знакомство со "злобным талмудом", поэтому он и исследует эту проблему: еврей и не-еврей.

Дальше по пунктам Шамир излагает некие давно известные положения. Повторяю, тема его: евреи и неевреи.

"Вообще говоря, согласно еврейским законам, всякий идолопоклонник, как еврейский так и нееврейский, должен быть приговорен к смертной казни соответствующим судом. Некоторые из современных религий, например индуизм, буддизм и зороастризм, являются для всех без исключения еврейских авторитетов абсолютно идолопоклонничеством. Относительно христианства существует разногласие между авторитетами. Однако подавляющее большинство их считают христианство тоже идолопоклонничеством. С другой стороны, ислам идолопоклонничеством не считается".

Это, так сказать, завязка. В параграфе 1.3 есть совершенно шокирующий пассаж: "Еврею запрещается спасать нееврея, находящегося в смертельной опасности, или лечить его, даже если он смертельно болен, безразлично — бесплатно или за плату, если только отказ в помощи нееврею не повлечёт за собою рост враждебности по отношению к евреям".

Или вот еще: "Если еврей гонится за нееврем, чтобы убить, запрещается спасать нееврея ценой жизни преследователя-еврея, даже если невозможно спасти его иным образом". Неужели всё это до сих пор живет? Неужели всё это не только реликт прежних племенных отношений?

Особая регламентация связана с денежно-материальными отношениями. "Некоторые из галахических авторитетов полагают, что еврею, в принципе, разрешается грабить и обкрадывать нееврея, и всё это запрещается лишь в том случав, когда эти действия приводят к осквернению имени Всевышнего или станут реальной опасностью для евреев". Или вот еще, на ту же тему: "Если выяснилось, что в рамках коммерческой операции

еврейский предприниматель взыскал с нееврея непомерную цену за свой товар либо скрыл его низкое качество или иные недостатки своего товара, еврей не обязан нееврею выплачивать какую бы то ни было компенсацию (зато если бы покупатель был евреем, ему полагалась бы полная компенсация)".

Вот здесь я просто засомневался, отложил книжку. И вдруг вспомнил вчерашний разговор в столовой, куда мы ходили с Л.М. в два часа обедать. С нами параллельно обычно обедают арендаторы из "Сибирского угля", с которыми мы беседуем на экономическую тему. На этот раз разговор зашел об Украине, о намертво проигранном украинском деле. Были рассказаны анекдоты, и что американские пиарщики переиграли наших российских, и возникло имя Юлии Тимошенко. В том числе в такой вот связи: дескать, если к ней есть претензии, есть обвинение во взятках за поставки российского угля, значит за ней есть история, следовательно — с ней можно было бы говорить, и надо было посылать таких людей, которые могли бы с ней говорить. И тут всплыл удивительный пример такого "умеющего говорить" — это Ходорковский, но ведь он, дескать, сидит…

В связи с этим процитирую еще один абзацик, свидетельствующий о том, как аккуратно надо обращаться с деньгами, если имеешь соответствующего клиента. "Если кредитор нееврей, которому еврей должен деньги, скончается, еврей не обязан выплачивать долг его наследникам при условии, если те ничего не знают о существовании долга". Ну что же это за бог, который допускает подобные шалости, лишь бы никто не знал!

Чем бы мне закончить этот "веселый" труд? Параграф 6.2: "Запрещение ненавидеть (другого человека) относится исключительно к неевреям". И последнее, уже в параграфе 7.1: "Еврею запрещается отпускать на свободу своего нееврейского раба". Ой, не хочу я в рабство!

Но день на этом, естественно, не заканчивается. Не успел я приехать на работу (вы меня можете называть кем угодно, даже антисемитом, но такая уж карта ложится в моей жизни), не успел приехать, мне дали письмо от 12.12.04, подписанное министром образования и науки Самарской области Е.Я. Коганом.

Вот чем хороша наша бюрократическая система — ни одной бумажки не пролетит мимо. Я вспомнил, как еще в начале осени писал самарскому губернатору относительно одного парня, которого нашел в его области, Сережи Корясова, способного поэта, он сейчас учится на I курсе заочного отделения. К нему я подверстал другого самарца, Алексея Аполинарова, и просил губернатора по возможности помочь, сославшись на характер

помощи, оказываемой своим студентам-заочникам иркутским губернатором. Много я не просил: помогите с билетами и, может быть, выдадите маленькую, всего лишь двухмесячную стипендию. И вот получаю письмо.

Вообще, Поволжье мастерски отвечает на письма из Москвы. Кто же там сидит и сочиняет этим министрам ответы? Какое замечательное письмо я получил в свое время из аппарата господина Кириенко! Такая же мелкая была просьба — насчет бумаги для журнала "Волга". Подобные истории повторяются.

Министр, видимо, не поняв, чего я прошу, пишет в соответствующей стилистике министерства образования и науки: "Оказание финансовой помощи из средств областного бюджета для оплат расходов по обучению в вузе невозможно, так как в бюджете не предусмотрены расходы на получение высшего профессионального образования".

А вот, интересно, предусматриваются ли в бюджете области фуршеты, приемы, развоз гостей, представительские расходы, иллюминации, откаты, воровство, присвоение благ своими и проч., и проч., и проч.? Душа моя тут особо затрепетала, и я написал достойный ответ господину Когану.

Глубокоуважаемый Ефим Яковлевич!

С грустью должен сказать, что я получил Ваше письмо и расстроило оно меня именно потому, что, наверное, Вы правы. Может быть, я его так написал, что Вы неправильно меня поняли — ведь не об оплате учебы в вузе я просил Вас. Слава Богу, институт и наше государство еще учат талантливых людей бесплатно, и я верю в то, что существует некий губернский грант, который, быть может, поддержит двух неопытных и достаточно наивных парней, С. Карясова и А. Аполинарова, и они пробьются. Но, скорее всего, они не пробьются: я знаю, как эти гранты распределяются, достаточно на это насмотрелся.

Я просил у губернатора именно поддержки, которая может выразиться по-разному — например, в оплате два раза в год железнодорожного билета до Москвы, не такие уж это большие деньги для областного бюджета. В качестве примера хочется сослаться на губернатора Иркутской области Б.А. Говорина, который тихо-спокойно оплачивает иркутянам-заочникам билеты до Москвы, ссужает их очень небольшими деньгами на тяжелую двухмесячную жизнь студентов-заочников в столице. А цены ведь у нас не самарские, а в Самаре вознаграждение труда не московское, как Вы, многоуважаемый Ефим Яковлевич, понимаете. И Иркутск, как известно, подальше, нежели Самара. Но Б.А. Говорин, уже имеющий в своём арсенале Валентина

Распутина, хочет получить шанс появления в области новых писателей.

Я уже не прошу за этих двух по-настоящему способных ребят, Сергея Карясова и Алексея Аполинарова, видимо, это безрезультатно, я просто делюсь своей печалью по поводу положения талантливого человека в нашей стране.

Ректор Литературного института,
секретарь Союза писателей России,
член коллегии министерства культуры,
профессор, писатель,
Заслуженный деятель искусств,
лауреат многочисленных литературных премий
и кавалер правительственных орденов
С.Н. Есин

P.S. Подписываюсь так пышно не из мелкого тщеславия, а потому, что вспоминаю, как помогали в своё время мне, начинающему литератору, и если бы не помогли, — возможно, не было бы и всего этого.

13 января, четверг. Сегодня утром приехал в институт так рано, что успел обойти все хозяйственные трудные точки, дать везде, где надо, накачку, немного разобраться с делами. К 11 часам пошел на авторский совет в РАО.

У меня на столе лежит письмо, вернее, заметка, Димы Быкова, которую он только что опубликовал в газете "Собеседник". Заметку эту впечатываю в свой Дневник, а уже после нее напишу и остальное, главное.

"Критик и журналист Андрей Мальгин, один из самых зубастых публицистов раннеперестроечной поры, молчал десять лет, занимаясь проектами, далекими от словесности. Все это время, как выяснилось, он изучал жизнь. Теперь он закончил роман "Советник президента", который выйдет в свет в двадцатых числах января.

Ну, братцы! "Шишкин лес" отдыхает. Здесь главного героя тоже узнают все — не хочу, чтобы он настораживался раньше времени, а потому не назову основного прототипа. Вы найдете тут всех — иных под прозрачными псевдонимами, иных в предельно обобщенном виде, но мало не покажется никому. Чиновники московской мэрии, гении воровства и совершенно азиатского лизательства; молодые гэбешные волки из президентской администрации; журналисты и шоумены, скурвившиеся прожектора перестройки и маразмирующие

шестидесятники, мальчики и девочки из растленной золотой молодежи… Никого не пожалел человек, который в начале девяностых искренне верил в возможность какого-то нового пути! Всю силу своего разочарования вложил он в эту трехсотстраничную книгу, которую вы наверняка не сможете купить уже через день после выхода. Если ей вообще позволят выйти, хотя тираж печатается".

Секретов уже никаких нет. Еще до Нового года, недели за две, позвонил Мальгин и сказал, что написал роман "Советник президента", это роман об одном нашем общем знакомом. Он прислал мне роман, и я прочел его. Это очень здорово написанная вещь. Я понимаю всю неприязнь Мальгина к этому человеку, но роман получился замечательный, он шире его раздражения и злости. Лично у меня к этому человеку нет ни ненависти, ни неприязни, одно спокойное, тихое и ползучее презрение. Обычный средний писатель, в ком честолюбие съело все, а теперь еще жизнь заставляет вертеться и строить из себя фигуру, когда никакой фигуры и даже контура ее уже нет. Как ни странно, это остатки советских правил, когда было достаточно написать лишь одно произведение, чтобы быть кем-то.

Это роман о наших днях, он, может быть, даже пошире, чем мой "Имитатор". Описана ситуация полной коррупции, лжи, двойных стандартов, в общем все то, о чем мы сейчас говорим. В свое время все утверждали, что мой роман — о Глазунове, все, кроме меня, я-то знал, что он о другом герое. И Быков совершенно прав, когда говорит, что это оторвут с руками. Со своей стороны, предвидя все сложности, которые могут здесь возникнуть (суды, разбирательства), я порекомендовал Мальгину держаться такого мнения: мол, писал не человека, а ситуацию, а если есть много похожего, то это особенности типизации в русской романистике. В конце концов, Есин не писал в своем романе "Имитатор" Глазунова и не имел в виду гибель его жены, которая произошла через два года. А всё это поставили Есину в строку.

Я рад литературным успехам друзей, хотя думаю, что герой романа переживет это достаточно тяжело. Я не могу научить его главному: воспринимать всё как литературный фантом, не принимать близко к сердцу. Но основа для переживания есть, всё очень похоже на правду…

На авторском совете занимались бюджетом и кое-какими текущими делами. Что-то со мной произошло — то ли я уже уловил систему, то ли еще что, но я довольно активно умничал, задавал вопросы и сделал ряд предложений. Во-первых, мне кажется, что неадекватна доплата, которую СНГ переводит за

русскую музыку. Но мое пожелание создать какие-то пункты наблюдения замкнулось на знаменитом ответе: нет денег. Я также предложил РАО немного не его дело, а именно — фиксировать все случившиеся нарушения авторских прав: нелицензионные диски, другую контрафактную продукцию, и все эти моменты публиковать или в интернете, или в специальном печатном органе. Сделать здесь мы ничего не можем, но хотя бы авторы будут знать, что не по их вине они ничего не получают. В конце концов, обязанность следить за правом и законом лежит на прокуратуре и правоохранительных органах, а не на нас.

Опять возникло противодействие между В.Матецким и В.Казениным, другими членами Совета. Матецкий представляет одну сторону жизни, более облегченную, эстрадную, и это его больше всего интересует. Он, естественно, завидует композиторам, работающим в более серьезных жанрах. К тому же ему просто скучно быть рядовым членом авторского совета после ранее занимаемой им должности президента. Неймется, столько знаний, столько было почета и поездок, а теперь вдруг все кончилось. Конечно, его реакция была бы иной, если бы в свое время — после прежнего председателя правления, а также по поводу его как президента — мы приняли бы какие-то жесткие меры, что было вполне возможно. Но ведь мы, русские люди, отходчивые и незлобивые.

14 января, пятница. Утром опять состоялся экспертный совет по наградам в министерстве культуры. Я приехал за полчаса до совета, поговорил с Ю.Т.Бундиным. Настроение у него повеселее, он влез в дела и начинает в них разбираться. Меня даже порадовало, что он, после более плотных разговоров и наблюдений, стал лучше относиться к М.Е. Кстати, он сослался здесь на меня, а я действительно всегда говорю, что тот человек деятельный и ближе мне многих моих патриотически настроенных товарищей без таланта, без дела и всегда, как древние русские князья, готовых к предательству.

В десять часов начался экспертный совет, который на этот раз шел без Надирова. До этого мы с Ю.И. о нем говорили. О причине, по которой Надиров отсутствовал, не пишу. Но с ним совет проходит быстро, он много знает, и решения его, как опытного бойца в рукопашной, точны. Смотрели все очень пристально, я потихонечку присматриваюсь к своим коллегам и проникаюсь к ним симпатией. Пока мне особенно близки…….. дама, которая курирует балет, это, кажется, балетмейстер Надеждинского ансамбля и……. Паша Слободкин, который виртуозно знает все в своей области: музыка и эстрада. Я сам здесь очень многое узнаю. Министр не зря придумал этот совет,

кое-что мы и задерживаем, а ретивых и бойких очень много. На этот раз за шлагбаумом оказался отец Филиппа Киркорова, которого одна из филармоний представила к высокому ордену. Теперь надо ждать, когда к званию Героя России представят актера Данилко, играющего Верку Сердючку.

Надо было бы вечером ехать в Обнинск, но еще дня два назад позвонил Авангард Леонтьев: в пятницу можно пойти во МХАТ на "Последнюю жертву" с Табаковым. Это результат моего разговора с А.Н. еще на юбилее Лени Колпакова, когда я сказал, что, судя по "Тартюфу", О.П. находится в какой-то фазе подъема. А.Н. тут же взялся доказывать правильность этого тезиса: посмотрите, мол, "Последнюю жертву".

Вечером отпустил машину и пешком отправился в театр.

Спектакль поставил Ю.Еремин. Сделано все значительно лучше, чем я ожидал. несмотря на некоторые модернистские трюки, вроде киносъемки главных персонажей. Интересно оформление Фомина. Понимает ли зритель, когда видит над декорациями колеса и приводные ремни, что это — время начинающегося капитализма?

Островского я каждый раз смотрю с огромным удовольствием, думая о том, каким образом он так просто и подробно, а главное, "увлекательно" зацепил свое время, а вот мы не можем. В его пьесах удивительная простота, все объясняется "за кадром", на сцене только обнаженная данность. Тут же, как это всегда бывает со мною, я начинаю прикидывать, что бы сделать с моей "Стоящей в дверях", если все же идея поставить ее во МХАТе у Т.В.Дорониной окажется реальной. Пока мне ясно одно: все это надо опрокинуть в сегодняшний день. Действие самой повести — воспоминание. Два потока: это сегодняшняя бедная жизнь проигравшей наивной женщины, и ее же "героическое" прошлое. Но как просто все это у Островского — лишь отдельные сцены, ничего он не объясняет, ни снисходит.

Интересно, что табаковский МХАТ, располагая, конечно, совершенно другими материальными возможностями, дает бой МХАТу доронинскому на его же материале. Но если бы сюда еще молодых, очень сильных героев от Дорониной и если бы в эти спектакли еще саму Татьяну Васильевну! Нужно объединение не театров, а замирение и объединение сил. В актерском смысле доронинцы ни капельки не слабее.

Что касается Табакова, то это одна из самых мощных его ролей. Он играет Флора Федулыча, старого фабриканта, влюбленного в молодую вдову. Здесь многое сошлось, в том числе и то, что он играет в паре со своей женой Зудиной. Он играет, как всегда в великих ролях любого артиста почти не играя, самое на

театре трудное — любовь, закрытую страсть, готовность любить и волю к совершению своего безукоризненного мужского желания. Теперь список моих театральных долгов удлинился: Брагарник и Олег Гущин, Андреев, Авангард Леонтьев и снова Табаков.

Авангарду Леонтьеву, когда пришел в театр, я принес свои дневники. Надпись была многозначительной: профессору от профессора и пр.

15 января, суббота. В.С. была почти права, когда принялась меня ругать за то, что я вечерами отпускаю шофера и еду домой на метро. Видимо, даже на очень коротком пути от театра до дома я простудился. Это уже не первый раз в своем тоненьком пальто и в костюме я простуживаюсь, именно когда иду из театра. В этом смысле незабываемым был мой поход в метро из Кремля в предновогоднюю ночь после банкета. Тоже пожалел шофера. Именно в ту ночь я и заболел, а простуда привела к астме.

В довольно плохом состоянии вместе с обычными своими спутниками — С.П. и Витей, Володя на этот раз ехать не мог, потому что у него какие-то дела дома и больная сестра — поехали на дачу. В.С. дала нам с собою огромный термос харчо.

Дача за десять дней, что я не был, сильно выстудилась. Погода стоит небывалая, пасмурно, но тепло, снега на участке совсем нет, все растаяло. Неужели зима может вернуться? Такое ощущение, что надо начинать копать грядки. Сходил заплатил за электричество Константину Ивановичу — 2225 рублей за три месяца. Солил кету, которую по 93 рубля за килограмм купил в Обнинске. Потом была долгая довольно баня, на этот раз без пива, а с квасом, все после десяти дней каникул перешли на безалкогольные напитки. Вечером, как всегда, какой-то американский фильм из видеотеки и немножко чтения. Я обратил внимание, что и плохие картины мне что-то дают.

Параллельно с фильмом читал альманах "Вузовский вестник", где опубликовано большое интервью со мной: "Дневник ректора — это не только летопись института". Делал интервью один из учеников Владислава Пронина. Это уже второй текст, сделанный этим парнем, и каждый раз я поражаюсь, что значит умный человек, а не балаболка, прикрепленная к магнитофону.

А в Ленинграде — я не стараюсь называть этот город по-новому — отчаянные волнения по поводу отмены льгот. Пока это касается только проезда в городском транспорте. Недовольные пенсионеры перегородили Невский проспект. Телевидение сообщает, что хотя эти акции не санкционированы, но милиция и правоохранительные органы не вмешиваются. Хотел бы я посмотреть, как бы они вмешались и что из этого бы произошло. Это массовые и стихийные выступления, в которых участвуют еще

не все обездоленные. Пенсионеры, наконец-то, увидели, чем им грозит так называемая монетизация. Но ведь льгот лишили и военных, и милицию, и афганцев, и участников чеченской войны.

Любопытно, что, растерявшись, власти пытались сначала отыскать каких-либо зачинщиков или участие левых сил в этих эксцессах. Никак в головах властей не укладывается: дайте народу большие пенсии — они, кстати, заработаны, — чтобы хватало не только на молоко и хлеб, но и, как западным леди, на путешествие в другие страны, и никто и не пикнет, если даже сказать, что отныне билет на транспорт эти леди и старые джентльмены должны будут покупать сами.

16 января, воскресенье. В теплице стаял снег, и под ним немножко пожухлая, но все равно зеленая и почти свежая оказалась петрушка. Ее-то и накрошу в харчо, приготовленное В.С. Как ни странно, за ночь в тепле после бани я ожил, хотя ночью два раза просыпался и пил валидол. Может быть, это оттого, что резко поднималось давление. Утром уже морозец Замечательная стоит погода, так жалко уезжать.

Вечером по одной из программ показали — я смотрел это не с начала — последнее интервью Льва Рохлина. Он практически, называя фамилии, в том числе и фамилию Березовского и Грачева, говорил о предательстве и страшной коррупции в армии в начале чеченской войны. Сказано, что жизнь солдат была отдана за нефть. Из слов Рохлина также стало ясно, что Дудаев мог бы стать самым верным вассалом России, если бы были предприняты лишь некоторые меры, которые не были приняты. Говорил о предательстве средств массовой информации по отношению к армии. Поэтому-то его и убили. Давая такие интервью, он не мог выжить.

17 января, понедельник. Во-первых, у меня на столе лежит книжка Мальгина "Советник президента". Красивая обложка, с правительственной "Волгой" и храмом Василия Блаженного — все кремлевские аксессуары. На последней странице — некоторые высказывания об авторе, выпечатываю то, чего не знал: "Андрей Мальгин — милый человек, разводящий дома пираний" (Алла Босорт), "Люблю я Мальгина Андрея, что очень странно, не еврея" (Сергей Довлатов), "Андрей Мальгин — веселый и дерзкий мальчишка, который любит разорять тоталитарные птичьи гнезда" (Валерия Новодворская).

Таким характеристикам можно и позавидовать. Мне, конечно, очень интересно, как ко всему этому отнесется герой романа, я его не буду утешать, хотя роман, конечно, очень злой, я бы сказал даже — злобный. Утешением же может служить то, что, прочитав его две недели назад, я сейчас уже не помню, о чем он. Если бы

герой знал, как быстро все забывается! Но, как написано на воротах одного из концентрационных лагерей, "каждому — своё".

Утром был на экзаменах по английской литературе у Сергея Петровича. Получил большое удовольствие, так как многое из того, о чем спрашивал преподаватель, я не знал. Большинство девочек отвечало очень хорошо, особенно Катя Ривкина и вторая девочка — ….. Ваня Сотников, который, конечно, рассчитывал на пятерку, такую стал развешивать лабуду по поводу "Улисса", что мне сразу было ясно — он роман не читал, хотя и уверяет, что читал роман с комментариями. Знает лишь трех героев, но не знает ни их профессии, что странно, не знает и портретов художника в Юности и других особенностей этого текста. Это обычная линия поведения профессорских детей, исключение в свое время составляла лишь Маша Царева. Только крайний либерализм Толкачева и мое попустительство позволили Сотникову получить все же четверку. Бог с ним. Жаль, что парень никогда уже не вернется к этому роману, и для него погибнет эта сторона мировой художественной жизни.

Во время студенческих ответов, когда речь шла об Оруэлле, Хаксли, Вирджинии Вульф, передо мной вдруг замаячил новый роман. Как же мне смертельно надоело писать, сверяясь с какой-то документальной подосновой, проверять цитаты! Хватит, напишу современный роман-фантазию из диалогов, побываю во всех ипостасях, побуду и официантом, и прохожим, и мужчиной, и женщиной, и ребенком, и идиотом, и профессором, и придурком, и бомжем. Есть у меня что сказать о сегодняшней жизни. И напишу я всё это между делом — в трамвае, в машине, в метро.

Но пока буду собирать материал для книги о письмах.

18 января, вторник. Был до некоторой степени сумасшедший представительский день, думал, что даже не попаду на работу, но попал. Занимался делами, и Максим, мой секретарь, рассказал мне, среди прочего, интересную историю. Это было, правда, под вечер, уже когда мы расходились. Вот как выглядело появление его у нас в институте в качестве моего помощника-секретаря.

Ровно год назад, зимой, пришел ко мне в кабинет высокий парень. В то время Оксану мы перевели в приёмную комиссию, Лена одна не справлялась. Парень сказал, что он кончил Литинститут и хотел бы у нас работать. "А где работаешь сейчас?" — "На складе, выдаю детали к автомобилям". В то время мы как раз начинали работу над "Словарем выпускников", набирал списки на компьютере другой малый, тоже наш студент, делал плохо, небрежно, пришлось его уволить. Я спросил Максима, как у него дела с компьютером, хотя это и не было для

меня решающим моментом. Оказывается, дела обстояли хорошо. "А у кого учился?" Числился он у Фирсова, потом был в семинаре Николаевой, но, практически ни там, ни здесь не занимался. Я попросил его прочесть свои стихи. И, собственно, дело этим и решилось: стихи его были высокого класса, традиционные, прозрачные. Максим сказал, что большое влияние на него оказали лекции В.П. Смирнова, в частности, он привел его высказывание, которое стало для юного поэта основополагающим: стихотворение производит впечатление прозрачностью и глубиной. Как завораживает чистая вода, когда видны камешки на дне, а глубина при этом такая, что рукою дна не достать.

Но, оказывается, решающую роль в его попадании в институт сыграл я. Ему не хватило одного балла, он написал вместо изложения сочинение — так же как я, поступая в университет, написал вместо сочинения рассказ. Мне тогда повезло. Ему повезло меньше. Он получил пятерку на собеседовании, но в списке принятых на букву "Л" его не было, и сердце у него ёкнуло. Однако после прочтения списка, Зоя Михайловна (а читала список именно она) объявила, что особым решением комиссии Лаврентьев принимается в институт за интересные стихи. Потом он защитил дипломную работу с отличием, были, правда, какие-то нападки оппонента Е.А.Кешоковой, но, скорее всего, она чего-то не так поняла. А я подошел тогда к нему и сказал: "Не расстраивайся, парень, все равно твои стихи здесь самые лучшие". Я это забыл, а теперь мне напоминают о том, что было.

Но это конец дня. А сначала я поехал к Кондратову, предварительно написав ему письмо с просьбой о деньгах для Гатчинского фестиваля. Я написал уже 11 таких писем, и горжусь тем, что ни разу в них не повторился. Когда буду делать книжку о письмах, обязательно, если найду, приведу и их. В каком-то смысле я виртуоз в этой сфере.

Долго говорили о моей "Хургаде", она ему не очень нравится, а я отчетливо понимаю, что повесть в новеллах — один из новых этапов моей творческой жизни, моего характера письма, с тематикой, типичной для конца девяностых годов, и это было связано с задачей, которую я тогда себе поставил. Вопрос повис.

В кабинете Кондратова стоят те самые огромные книги, очень дорогие — по нескольку тысяч долларов за каждую, — которые выпускает его издательство и потом они красуются на стеллажах у очень богатых людей. Он мастер выдумки и смелых и решительных проектов. По-моему, летом нынешнего года он наметил выпустить более 60 томов новой "Русской энциклопедии", над которыми работал около пяти лет, и выйдут

они сразу, огромный комплект можно будет купить в один день. Если мне не изменяет память, мы на первом этапе работы помогали ему, Лев Иванович, с моей легкой руки, рецензировал какие-то материалы. Кондратов здесь — главный редактор, Месяц… — председатель общественного совета. Среди статей есть и обо мне, чем я горжусь.

Вот письмо С.А. Сохранились ли мои предыдущие письма к нему?

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Мне кажется, я перепробовал уже все мотивы ласкового отъятия у холдинга, а может быть и у тебя лично, пяти тысяч долларов, которые, ты бестрепетно, как покорная овечка, жертвуешь ежегодно на фестиваль "Литература и кино" в Гатчине. Я не знаю, какими ты руководствуешься особыми мотивами, кроме как любовью к родной литературе, привитой тебе воспитанием, собственной жизнью, а может быть традициями бывшего Полиграфического института, ныне Академии, всеми её преподавателями (особенно В.А. Прониным). Я просто теряюсь от этого бескорыстия, а поэтому применяю самый крайний приём: пишу то, что думаю. Ну, дай еще раз — это будет 11-й фестиваль и твои десятые деньги.

С уважением и признательностью —

Сергей ЕСИН,

ректор Литературного института,

член коллегии министерства культуры

Заслуженный деятель искусств России,

председатель жюри Гатчинского фестиваля

и знаменитый писатель, в конце концов.

После визита к Кондратову поехал в Институт русского языка, где происходило чествование Виталия Григорьевича Костомарова, ему исполнилось 75 лет. В сумочке мы везли подарки, адрес. Я впервые в этом институте и понимаю теперь, что если наш язык еще держится на мировом уровне — это дело рук именно Костомарова, он сумел многое пробить, построить, создать массу пунктов по изучению русского языка во всем мире. Это крупный итог деятельности.

На чествовании выступила Людмила Алексеевна Вербицкая, а также бывший министр образования Владимир Михайлович Филиппов, который меня помнит, а сам он сейчас советник в правительстве. Я это про себя отметил, ведь я всё время, будто с новым своим романом, ношусь с идеей реставрации института, собираю всевозможные векторы, чтобы потом приложить к ним определенную силу. Выступал также Я.Н.Засурский и директор РЦДН. Лев Иванович одобрил мое выступление, я говорил в своей манере: давайте, мол, представим в этом зале большое количество людей с различными лицами, с разными привычками, которые имеют счастье разговаривать по-русски. Я говорил, что сам праздник — юбилей Костомарова — дает нам возможность говорить о русском языке, одном из величайших языков мира. И я не лукавил — я действительно восхищаюсь тем, как этот язык скруглён, насколько пригоден для строительства устной, письменной и воображаемой речи, насколько удобен он, чтобы мечтать и фантазировать на нем и взрослым, и детям… Говорил я и о том, что Костомаров — строитель всего того, что есть в институте. Другие отметили его как ученого, хотя стенды, стоящие по стенам в холле, не совсем меня в этом убедили, это скорее публицистико-просветительские работы, и в этом смысле Л.И. был совершенно прав, назвав Костомарова, в первую очередь, просветителем.

Л.А. Вербицкая сказала мне, что они открыли Институт искусств. Я обещал в ответ подарить ей свои две книжки о преподавании литературного мастерства.

Вот такой был день.

19 января, среда. Когда ехал в институт, слушал "Маяк-24". Вместо Гриши Заславского, который всегда так замечательно тонко и с пониманием дела ведет передачу "Диалог", вещал какой-то парень. Не окажется ли нынешнее поколение через несколько лет в таком же положении, в каком оказались сегодняшние наши пенсионеры? Парень говорил с людьми плохо, затыкал им рот, и я всё хотел услышать его фамилию, чтобы "отметить" этого героя. Вот что значит психология сытого человека, не понимающего, что у любого государства должна существовать социальная программа, что государство и образовалось для того, чтобы объединять людей и помогать им отстаивать свои интересы.

Вечер. Разбушевавшиеся страсти вокруг отмены льгот постепенно отходят. По этому поводу несколько раз появлялся на экране президент. Правительство приняло какие-то постановления, вроде бы пенсионерам возвращают их право на проезд. Все говорящие политики помалкивают, что правительство

"расчищает" бюджет. Оно ведет себя так, будто пенсионеры — зарвавшиеся старики и требуют чего-то излишнего, как аристократ рябчика в станционном буфете. Никто не заикается, что эти глупые старики создали те материальные ценности в виде заводов, фабрик и научных систем, которые должны были кормить их в старости, но которые с попустительства и корысти, в том числе и этого правительства, у страны украли. Не им мы что-то даем из милости, а им мы не додаем из того, что мы им должны. Но это еще далеко: пенсионеры пока расчухали только близлежащее — проезд, к весне они обнаружат, чего их лишили еще.

Абсолютно цинично министр финансов Кудрин и другой министр, Зурабов, говорят, что вот, дескать, в акциях участвует только один процент от разоренных и обкраденных пенсионеров. Не волнуйтесь, милые друзья, вы еще кое-кого увидите на наших улицах. Вчера же мой племянник Валера, полковник, сказал мне, что по работе ему надо постоянно объезжать до 12 предприятий и воинских частей чуть ли не ежедневно. Военные, пожарные, милиция пока молчат. Но уже кое-кто спохватился. Армия обещает выдать срочникам проездные билеты за счет своего бюджета.

Написал и послал с курьером письмо О.Табакову во МХАТ.

Дорогой Олег Павлович!

Я имел честь и удовольствие посмотреть два спектакля МХАТ им. Чехова. В обоих спектаклях ты играешь главную роль — это "Тартюф" и "Последняя жертва". С радостью отметил, как сильно вырос за последнее время твой талант. Мы ведь обычно сами, лучше чем кто бы то ни было, знаем, когда нам удается наша работа, а когда не удается. Какой-то новый поворот, какой-то подъем в твоем творчестве я заметил еще во время булгаковского "Мольера", а тут это стало еще более очевидным. Всем нам свойственны какие-то приёмы, врезавшиеся в наше практическое сознание детали, однако в этих работах ты со всем этим предстал как бы заново. Игра стала крупнее, с меньшей заботой об удобстве зрителя. Особенно мне понравилась "Последняя жертва". Это безусловно выдающаяся работа на русском театре, которую я ставлю даже выше, чем сыгранный тобою Коломийцев в горьковских "Последних". Здесь ни намека на комикование, ничего привычного, фантастическая сдержанность, а главное — ты невероятно для современного актера сыграл любовь, любовь мужчины к женщине. Это или получается, или не получается. Обычно на театре это не получается, а создается при помощи разных приёмов. У тебя же это получилось.

Пишу тебе это письмо потому, что достигнутое тобой стало и частью моих переживаний, моей собственной гордостью.

С уважением

Сергей Есин

20 января, четверг. Совершенно рассыпается без С.П. международный отдел, засыпает даже не организационная работа, а наша инициатива. Вот и я уже отказываюсь ехать на съезд в Лейпциг в основном потому, что некому поручить все рассчитать и потом за все быть спокойным.

Днем ездил в общежитие, разбирался с пожарными. Слава Богу, появился какой-то достаточно принципиальный парень, Андрей Александрович, который потребовал снять металлическую дверь между этажами, отгораживающую банк. Обычно с предыдущими инспекторами наши арендаторы договаривались. Я только этому рад, но надо сказать, тут же придумал и некий проект, как сохранить и банк, и отдельный ход к другому нашему долговечному арендатору, в "Машинпекс". Теперь снова сам займусь всем этим хозяйством. В общежитии пробыл часа три, лифт еще чинить не начали, но всему нашему хозяйственному руководству до этого нет дела.

К четырем часам вернулся в институт. Сколько же ежедневно появляется бумаг, которые надо просмотреть и подписать!

В конце дня произошел такой инцидент. Еще утром я разговаривал с Мальгиным, и он спросил меня, пойду ли я сегодня на юбилей "Нового мира". Несколько стыдясь, что я такой средний писатель и такой ничтожный автор "Нового мира", которого можно было забыть, я ответил, что не пойду, что пригласительного билета не получал. Что же повлияло на коллектив и администрацию журнала, редактор которого именно по моему приглашению работает у нас в институте? Ой, как хочется остаться на новый срок и навести теперь уже настоящий и воистину революционный порядок!

Что-то повлияло, но пригласительный билет прибыл в институт за сорок минут до начала торжественного вечера, который должны был состояться совсем не рядом, где-нибудь в Доме литераторов или в кинотеатре "Россия", а на Таганке, в солженицынском центре. Прибыло даже два билета: еще и Е.Ю.Сидорову. Я ему прозвонил, он в Барвихе, налету понял ситуацию и, так же как и я, счел себя если не оскорбленным, то уязвленным. Билеты нам скинули, как на рынке, в конце дня, продают уже несвежие овощи по сниженным ценам. В институт после шести заглянул Леня Колпаков, долго разговаривали с ним о театре и о жизни.

Домой приехал в девятом часу. Без меня звонил О.П. Табаков.

С огромным счетом Андрею Дементьеву в "дуэли" у Соловьева проиграл Жириновский, любимец Кремля. Андрей защищал пенсионеров. Теперь я уже могу его понять: видимо, после поездки в Израиль, когда ничего значительного и ожидаемого в его судьбе не свершилось и он сам оказался полунищим пенсионером, в тот момент, когда многие его знакомые и люди, которых он поддерживал и продолжает поддерживать, разбогатели и переплыли в другой класс общества, а он остался на берегу, на песчаном пляже, наш Андрюша огляделся, вот тут-то и пришлось менять взгляд на жизнь. Двадцать лет назад он, знаменитый поэт-песенник, принадлежал к элите советского общества, а ныне существует лишь как сфера обслуживания.

21 января, пятница. Еще вчера вечером твердо решил, что в институт сегодня не поеду. Завтра, в субботу, мне надо идти на запись передачи с В.И.Пьявко, но вчера и позавчера, в связи ли с погодой — на солнце бушуют магнитные бури и возмущения — или просто простудился, я чувствовал себя очень плохо, а когда у меня кашель и мокрота отходит кусками, я начинаю паниковать и думать об э т о м. Твердо решил отправиться на дачу, чуть отсидеться в тишине, продышаться чистым воздухом. Поездка одному в машине, когда радио не работает, когда голова свободна, когда впереди расстилается хотя бы краешек свободы, действует на меня благотворно.

Утром, еще до отъезда, включил телевизор. Опять разговор о пенсиях, о льготах. Как же обеспокоены власти происходящим! В связи с выступлением пенсионеров у нас даже появилось, как говорят, гражданское общество. Насчет последнего не знаю. Гражданственность в русском обществе, терпеливом и тихом, всегда развивается под влиянием реакции властей, положительной или отрицательной, не важно. Но если власти проявляют к требованиям народа равнодушие, то жизнь для его обидчиков начинает идти по принципу "брань на вороту не виснет". Тогда гражданственность на время уходит в подполье, а потом… По крайней мере сейчас, глаза у тех, у кого они еще были прикрыты, открылись. Но я не об этом.

Утром же выступал по телевидению доктор наук экономист Михаил Делягин, обычный паренек с простеньким русским маловыразительным лицом, и сделал совершенно убийственный анализ происходящего. Ему задали вопрос об авторах этой реформы. Он, естественно, назвал как основных исполнителей Кудрина и Зурабова, но все же назвал и главное — идеологию и ее выразителя, Путина. Публично в такой жесткой форме сделал это Делягин первым. Браво!

22 января, суббота. Почувствовал потребность перейти на режим, который был свойствен мне лет 15–20 назад. Тогда я каждые выходные отлеживался, чтобы суметь проработать следующую неделю. Но сейчас на даче отлежаться два дня не удалось. Как я уже говорил, нужно было возвращаться в Москву, чтобы участвовать в передаче Владислава Ивановича Пьявко. Он на меня рассчитывал, и я не мог его подвести. Вечером, в 8 часов, у него в мейерхольдовском центре назначена съемка в программе "Линия жизни".

По дороге, на сотовый, позвонил Олег Табаков. Он звонил уже в течение нескольких дней, но мы всё не могли связаться. Он человек точный, ясный, а В.С. говорит, что он еще и "машина". Это очень хорошо сказано. Да, он — человек-учреждение, но при этом учреждение творческое. Я давно заметил, что целый ряд людей творческих занят не только тем, чтобы сидеть за столом, как многие себе этот творческий процесс представляют, читать книжки, лениво что-либо пописывать, одним словом — вести жизнь художественного интеллигента. Этот сорт людей почему-то начинает еще чем-то руководить, директорствовать, пускается в коммерческие предприятия (я-то не касаюсь этого, я тут бездарен, ну, может, не бездарен, но мне это не интересно). И так было всегда: Некрасов руководил журналом и собственным винокуренным заводом; Пушкин издавал и редактировал журнал и газету; выпускал журнал писателей Достоевский, учительствовал Гоголь, преподавал у великих князей Чайковский. Творчество — это все-таки акт, ограниченный временем, и, совершив его, душа отдыхает, накапливая новые силы и впечатления. Но творческие люди — натуры деятельные, вот и начинают придумывать, к чему бы еще приложить свои силы. Таков, собственно говоря, и Олег Табаков — был директором "Современника", занимался этим все молодые годы, потом пробивал "Табакерку", ходил по начальству, искал денег, перестраивал. Теперь пришел во МХАТ, театр у него не пустой, спектакли идут разные по своему характеру, среди них есть очень неплохие, даже значительные. А попутно он все время работает сам. В общем, Олег звонил, чтобы как обязательный человек поблагодарить за посланное мною письмо. Сказал, что мне перешлют репертуар "Табакерки", просил посмотреть несколько спектаклей. Честно говоря, театр и культурная деятельность увлекают меня больше, нежели деятельность чисто в области литературы. Я люблю работать сам, люблю читать чужие работы, но вести литературную дружбу, литературные беседы — это слишком тяжело. Вот такие раздумья возникли у меня во время телефонного разговора с Олегом Табаковым. Дорога была

довольно пустая, мы хорошо поговорили, у меня осталось от этого теплое чувство.

"Линия жизни" — это та передача, на которую я давно уже обратил внимание, еще когда там выступал Г.Я.Бакланов. Я думал, что это некий эксклюзив, подогнанный специально под него, но оказалось, передача цикловая.

Запись проходила в центре Мейерхольда. Красивый современный дом, красивые интерьеры. В большом зале, разгороженном под студию, одна за другой идут съемки. Перед В.И.Пьявко снимали Сергея Владимировича Михалкова, потом Ирину Константиновну Архипову, у которой юбилей и которую совсем недавно наградили орденом Андрея Первозванного. График сломался, съемки задержались. Я был невыспавшимся и с дороги.

Мы порой наблюдаем лишь результат (в том числе и телевизионный) жизни. А тут я увидел всё как есть. Пьявко тоже задержался, и я разговорился с Зурабом Соткилавой. Он тоже один из нескольких специально приглашенных на передачу гостей. Мы с ним оба — из последнего состава горкома. Как любой активный человек и художник, Соткилава много знает, смешно рассказывает — например, о том, как играл в футбол, и его больше знали как известного футболиста, а не как знаменитого певца и солиста Большого театра. Я понимаю его нагоревшую боль. Заговорили о Грузии, о её единстве, о Сталине. Он стал рассказывать о грузинском царе Давиде-Строителе, который прошелся по Грузии огнем и мечом, чтобы её объединить. В каждом ущелье практически свой народ, своя культура, свой язык, и эти грузинские языки значительно дальше друг от друга, нежели языки русский и украинский. Этот рассказ показался мне значительным в свете близких событий — послезавтрашнего визита к нам В.Ющенко, а также политики Саакашвили. Зураб вспомнил давний разговор с Чиаурели, когда тот рассказал, как Сталин был недоволен, если кто-то заговаривал о "советской империи". Затронули национальные проблемы в бывшем СССР, а их-то и не было, оказалось, что империя — это такое объединение, где люди просто тихо и спокойно жили. Римская империя была могучей и сильной, пока существовало римское гражданство.

Саму запись передачи с Владиславом Ивановичем не привожу. Кое-что в ней было очень интересно — в частности, его пение, в живую, вместе с группой теноров. Но самое замечательное — его рассказы. Для меня поразительна его энергия — как же настойчиво он пробивался к своей профессии и к своему признанию. Бывший ротный запевала и курсант

военного училища попал в Большой театр. Мог попасть в театральное училище, поступал, не добрал баллов и все-таки оказался в ГИТИСе, в классе оперетты. А если бы попал, если бы стал обыкновенным драматическим актером? Теперь, конечно, доволен, что не попал, что сорвался на конкурсе в "Щуку". В этот момент я подумал: как хорошо, что и я не попал в театральное училище, хотя меня брали к себе в классы и Зубов, и Герасимов. Наверно, получился бы средний актер. Но нет, я все же не мог бы им стать, так как с детства, еще не понимая ничего в профессии литератора, мечтал создавать иллюзорные картины из слов.

Еще одна деталь. Когда Пьявко попал на стажировку в Театр оперетты, он отказался от нее и целыми днями, сидя где-то наверху, в рабочей комнате, в певческом классе театре, "орал", как высказался один из его товарищей. И голос этого орущего тенора слышали все в театре. Пока другие вели свою молодую жизнь. он наорал себе биографию. Вот оно, еще в молодости, настоящее стремление пробиться к вершинам. Ой, совсем не просто стать народным СССР.

Второй интересный для меня эпизод — это взгляд Владислава Ивановича на педагогику. Здесь мы с ним совершенно сходимся: если ты не вкладываешь в ученика энергию — обучение бессмысленно. Нельзя просто академически прийти и побеседовать с молодыми балбесами, надо потратить на это душу и кусок жизни.

Я сидел в первом ряду и задал два вопроса: о книгах, а фонд Архиповой выпустил достаточно много книг о знаменитых ранее певцах, ныне успешно забываемых, потому что наша современная культура стремится показать, что она началась только позавчера, а до этого у нас ничего не было, сплошное белое поле. Так вот почему они выпускают книги о Лемешеве, Казанцевой, Орфенове и о других певцах — это и долг перед ушедшими, и осторожный взгляд в будущее, чтобы и их не затолкали так же, как заталкивают и забывают тех…

Другой вопрос — о его исполнении свиридовского романса "Подъезжая под Ижоры", где требуется невероятная техника. Уже можно было бы этот романс и не петь, но он все же поет, хотя каждый раз на концертах предупреждает: не знаю, мол, получится или не получится.

Что останется в этой передаче — сказать трудно. Под конец, когда В.И. стал рассказывать о своем триумфе в одной из опер Масканьи в театре города Ливорно, о том, как пропадал голос, как восстанавливался, как он набирался энергии, молчал, съедал до двух килограммов мяса в день и массу грецких орехов, о том, как из Милана специально освистать русского артиста приехала

клака. Подобное, и именно в Милане, было с Шаляпиным, как это описано у Власа Дорошевича. Русский приехал в Италию петь Мефистофеля в опере Бойто?! Пусть русский идет в баню! Но вот раздается первая могучая нота красавца-баса, и клака уже понимает, что ей надо молчать или их всех растерзает публика… Триумф, к которому так готовился Пьявко, был в Ливорно, и тут вспомнились еще и стихи Гумилева: "Если будете в Ливорно, Там мой брат торгует летом, Отвезите бочку кьянти От меня ему с приветом".

Два часа пронеслись как минуты: когда участвуешь в чем-то серьезном и значительном, начинаешь чувствовать себя вдруг лучше.

24 января, понедельник. "Трудный день" начался с коллегии министерства. Всё выглядело, конечно, достаточно занудным, сначала обсуждали вопросы архивного дела. Тем не менее у меня иногда возникает мысль, что, на фоне всех безобразий, кое-что неуклонно делается. Говорили о единой архивной системе. Контуры её возникают, и это понятно — бюрократическое государства без архива жить не может. Но приводились и страшные цифры. Не хватает компьютеров, сплошь да рядом на десять человек один. Как правило, в архивных помещениях нет ни единого свободного метра. Всё, что показывается об архивах в кинофильмах, — недосягаемая мечта. Говорили об архивных материалах, находящихся в музеях, библиотеках, о необходимости подчинить всё это некой системе, на первое время хотя бы поисковой. М.Е.Швыдкой отметил любопытный факт — музейные и библиотечные работники не любят делиться информацией.

Выступило несколько молодых людей, которые говорили самоуверенно и в быстром темпе. Наша русская речь американизируется. В ней появляется масса иностранных слов. Мысленно я все время переводил эти речи на русский язык. Швыдкого я всегда хорошо понимаю; его хоть и ругают, но человек он умный, и мысль его звучит всегда очень отчетливо. После коллегии ко мне подошел министр Александр Сергеевич и сказал, что только после Нового года получил мое письмо, за которое поблагодарил. Письмо это я не очень хорошо помню, но помню остаточный импульс после того злополучного заседания правительства.

В институте идут экзамены. Обошел аудитории, посидел на экзамене у Пронина. Все время нервничал — ведь начались празднества и мероприятия в связи с 250-летием МГУ, и мне обязательно надо было хотя бы отметиться и забрать документы.

Подписал счета на зарплату за январь. Наши уборщицы,

гардеробщицы, дворники все во что бы то ни стало хотят обойти государство и поэтому не идут в штат, все ведь пенсионеры, а в этом случае пенсия уменьшается, вернее — перестают давать московскую "добавку". Вот каждый месяц и выписываем счета и договоры на оплату их труда. Все дело в чудовищно низкой зарплате и в неимоверно заниженном прожиточном минимуме. А в это время наши правительственные дамы — энергичная Л.К.Слиска и другая, зам. спикера Совета федерации, которая даст фору всем по вере в непогрешимость государственных решений — объясняют, что закон правилен, вот только его кое-где на местах не выполняют. Я думаю, что неприятие перевода льгот в деньги связано еще и с тем, что пенсионеры и все остальные льготники отчетливо понимают, как ненадежны наши деньги, как быстро правительство может затормозить компенсацию, все боятся роста цен, в том числе и на билеты, и замедленной компенсации. Но определенный испуг у властей все-таки есть. Уже договорились о бесплатных поездках пенсионеров и льготников на территории всей страны. Конечно, местные власти найдут способ платить с каждым месяцем все меньше и меньше. Позиция невинного и благостного Кудрина, министра финансов, ясна: лучше командовать по старинке, имея в наличии большой денежный задел, чем все сразу пускать в производство, не будет причин для волнений, можно тихо распределять бюджеты, ездить спокойно в отпуск и рапортовать о финансовых победах президенту.

Написал обычную свою статейку для каталога. Теперь нужно доделать статью об Андрееве и взяться за предисловия к сборникам Максима Лаврентьева и Софьи Ромы.

Пытался поехать в университет, но приехал Миша Лещинский, которого не видел много лет. После Афганистана он несколько погрузнел, но энергия по-прежнему из него пышет. Сейчас он владелец какой-то телевизионной компании, здесь, в институте, снимает очередной телевизионный фильм, связанный с Серебряным веком нашей литературы. Поговорили. Я никогда не забуду, сколько сделал для меня Миша в Афганистане.

Наконец, махнул в университет. Думал, оттуда сразу поехать домой. Но не тут-то было. Зарегистрировался. Дали целый пакет бумаг, какой-то портфель, который я кому-нибудь подарю. Прослышал, что всех ректоров и зарубежных гостей пригласили в Большой театр. Мы все отчетливо понимаем, что парадные виды искусств — и Большой театр, и концерты в консерватории, и гастроли звезд — все это теперь доступно лишь очень богатым людям. И я если не посмотрю "Раймонду" сейчас, то не попаду на нее вообще. Причитающийся мне билет, хоть с неудовольствием,

все же вынесли, так как из моего конверта он исчез.

К 7 часам вечера поплелся в Большой. Наслаждение, конечно, небесное. Сидел в партере в 17-м ряду, в этом есть определенные преимущества: хорошо слышно, да и волшебный рисунок танца, поставленного Григоровичем, здесь очевиден. Большой театр почти весь на ремонте: закрыт вход, нижнее фойе, фойе перед правительственной ложей. Но сцена блистает, и, в первую очередь, блистает кордебалет. Танцевали уже давно работающая Галина Степаненко и Андрей Уваров. На балерин я теперь смотрю, после разговора с К…… на дне рождения Колпакова, с особым вниманием. Любая балерина отличается даже от хорошей солистки так же, как писатель-романист от журналиста. Журналист пытается стать романистом, а пишет тем не мене по-другому. Он все время идет к какой-то недалекой и уже сформулированной до него цели.

Еще один интересный эпизод. В фойе встретил Плагенборга, профессора из Марбурга, поговорили о немецких и русских делах. Кафедру славистики в Марбургском университете, а главное, преподавание на ней русского языка, несмотря на все письма (в том числе и мои), отстоять не удалось. Государство надвигается, как кентавр, на образование не только в нашей стране.

25 января, вторник. Во второй половине дня, в пять, — мой неудачный поход на прием в Кремлевский дворец. Когда я вчера получал пакет с приглашениями, оттуда вынули, оказывается, не только билет на "Раймонду", но и билет на прием. В пакете осталось только роскошно напечатанное приглашение. Но охрана по этой пестрой бумажке меня не пустила. Я довольно долго простоял в очереди в Александровском саду. Она образовалась потому, что всех приглашенных теперь пропускают через металлоискатели. Очередь была огромна, как раньше в Мавзолей. Я так порадовался, что вся наша университетская и преподавательская общественность побывает в Кремле, на, так сказать, правительственном приеме. Еще раз порадовался широте и организаторскому дару и просто человеколюбию В.А.Садовничего.

26 января, среда. Утром ездил домой к академику Петру Алексеевичу Николаеву. Он уже давно хворает, на университетские мероприятия не ходил. Привез ему второй, "красный", том "Власти слова" и некоторый гонорар, который выгородил из своего: каким-то образом Виктор Широков уже второй раз не закладывает в смету ни на предисловие, ни за послесловие, которые, кстати, написаны блистательно. Это один из тех редких случаев, когда великолепный и яркий собеседник так же замечательно пишет, как и говорит. Я-то, собственно,

совсем не главный здесь персонаж, в этой написанной П.А.Николаевым работе — широкая и ясная картина сегодняшней литературы.

Пили чай, у него накрывает стол какая-то сравнительно молодая женщина, гостеприимная, с мягким характером. Поговорили легко и воздушно о сегодняшней жизни. П.А. много цитирует, и каждый раз я восхищаюсь его светлым умом и памятью. Совсем недаром в прошлом году П.А. был отмечен как лучший профессор Московского университета. Вот тебе и крестьянский сын! Вот таким же, наверное, по стати и охвату и по иступленной радости, когда говорил о науке, был Ломоносов. Простите меня, Петр Алексеевич, за сравнение, но Ломоносов сейчас у меня "под рукой". А так, в принципе, жаль, что, написав о нем роман, я так и не узнал его до конца.

В разговоре как-то случайно возникли поразительные подробности об одном знаменитом, ныне покойном, литературоведе. Я их не привожу, потому что они трагичны и подлы по своей сути. Здесь вполне хватает на роман. Особенность всей ситуации в том, что здесь слились воедино неуемный характер и трусость с подлостью времени. Хотя времена не бывают подлыми, такими они становятся под воздействием людей.

В два часа дня пошел в Дом журналистов на 175-летний юбилей "Литературной газеты". В Москве резко похолодало, температура около 10 градусов мороза, вдруг запахло русской зимой. Бодро шел по Тверскому бульвару, по снегу, перебирая свою приветственную речь, вспомнил почему-то Сашу Ципко. И надо же — в ДЖ встретил его в туалете, сказал, почти цитируя: "Черт тебя угораздил родиться в России с умом и талантом да еще русским". Правда, когда мы потом сидели в зале вместе с Бундиным, который прочел огромную книжку его статей последних лет, Ю.И. отметил некоторую сервильность автора. У меня же к Ципко, человеку умному и острому, лишь один счет: откуда такая нескрываемая антисоветскость? Может быть, это следование тем правилам игры, без которых нынче нельзя часто публиковаться?

К своему юбилею газета напечатала два удивительных материала. Один — о путешествии по Франции и Швейцарии Чупринина, Пригова, Гандлевского… "для поднятия имиджа России за рубежом". Обошлось это путешествие, по непроверенным данным, в 1,5 миллиона рублей. А второй — о списке писателей, которые приглашены на Парижский книжный салон. Полтора года назад статью о приглашенных на Франкфуртскую ярмарку "русских" писателях "Литературка" озаглавила "Список Лессина". На этот раз материал назван "Список раздора". За обоими заголовками стоит, просвечивая сквозь них, название знаменитого фильма со знаменитым содержанием — "Список Шиндлера". Суть, я думаю, ясна. Подпись — "Литератор", но по гениально простому ходу автор очевиден. Перечислены все сорок приглашенных с обозначением места их постоянного проживания. И вот что получилось: Аксенов Василий, живет в Москве и во Франции; Алексиевич Светлана, белорусский прозаик, пишущий на русском языке, живет во Франции; Болмат Сергей, художник, сценарист, прозаик, живет в Дюссельдорфе, Германия; Гиршович Леонид, прозаик, гражданин Израиля, проживает в Ганновере, Германия; Маркиш Давид, русский и еврейский писатель, живет в Израиле; Муравьева Ирина, прозаик, переводчик, живет в США; Шишкин Михаил,

русский писатель, живет в Швейцарии. 40: 7, "иногородних" почти 20 процентов.

Дальше — несколько цитат. "Список поражает прежде всего своей однобокостью. За редким, почти символическим, исключением представлено фактически одно направление современной отечественной литературы, назовем его условно "либерально-экспериментальным"…В год Победы в списке нет ни одного писателя — участника войны, который мог бы представлять в Париже феноменальное явление мировой культуры — нашу фронтовую литературу". Далее. "Изумленные парижане могут подумать, будто в России сочиняют книги только русские и евреи, а татары, калмыки, аварцы, чукчи и другие — вообще народ бесписьменный".

Первым выступал 92-летний С.В. Михалков, как всегда, за своей возрастной болезненностью не сумевший скрыть ясного и четкого ума. Вел все это Поляков, как обычно с некоторой даже пилотной смелостью. Правда, выступивший где-то в середине "списка Полякова" Анатолий Салуцкий отметил, что опытный наблюдатель уже видит в газете некий еле заметный крен в сторону… Я тоже это заметил, буржуазность нас всех затягивает.

Ход для своей речи я продумал, когда шел по бульвару. Мне, дескать, легче было бы говорить о старой газете, в которой и меня не привечали, и Распутина десять лет не поминали. И что-то я, конечно, сплел, но, как всегда бывает, несколько тезисов в своем "бобслее" пропустил. Теперь всегда буду выступать с бумажкой в руке. Все хорошо говорили. Костров — мудрец, и Ю.И. тоже постепенно становится деятелем искусства.

Пришел в институт и сразу же подготовил две телеграммы.

Министру культуры Соколову А.С. 109074, Москва, Китайгородский проезд, д.7

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич Убедительно прошу Вас просмотреть на первой полосе вчерашней Литературной газеты публикацию "Список раздора" которая может быть неверно истолкована как некоторый перекос

в государственной политике в области литературы

С глубоким уважением Сергей Есин Ректор Литературного института

им. Горького

Вторая была идентичного содержания, но адресат — другой.

Директору Федерального агентства по печати и массовым

коммуникациям Сеславинскому М.В.

127994, ГСП-4, Москва, Страстной бульвар, д. 5

Глубокоуважаемый Михаил Вадимович Убедительно прошу Вас просмотреть на первой полосе вчерашней Литературной газеты публикацию "Список раздора" которая может быть неверно истолкована как некоторый перекос

в государственной политике в области литературы.

С глубоким уважением Сергей Есин Ректор Литературного института

им. Горького

Вечером в ресторане "Ренессанс" поел, и очень неплохо, за счет индийских налогоплательщиков. Встретил на приеме Валентина Осипова, который похвалил мою книгу "Власть слова". Не забыть бы ему послать второй том.

Приехал домой около восьми. Сидел над дневниками до ночи.

На сон грядущий отменно наелся салом, которое купил в субботу в Обнинске и сам засолил; какая это прелесть — сало зимой.

27 января, четверг. Всю ночь думал о "Списке раздора", опубликованном в "Литературной газете", и в принципе не смог решиться на отказ от участия в Парижском салоне. С одной стороны, смертельно хочется повидать Татьяну, с другой — висит на мне все-таки докторская мантия Сокологорской, и ух как хочется совершить смелый и отчаянный жест. Однако еще вопрос: нужны ли жесты чиновнику, нужны ли они романисту, ведь и тот и другой вызревают скорее "подо льдом". Мне уже и по возрасту невозможно начинать карьеру Лимонова, хотя его смелость, до безрассудства, меня восхищают. Но кто кого подпитывает: смелая политическая деятельность — писателя-Лимонова или известный европейский писатель — "подростка Совенко"? В конце концов, решил написать текст телеграммы и утром, под копирку, напечатал и отослал один экземпляр — министру культуры, другой — Сеславинскому. Пускай хотя бы это прожуют.

В этом списке так отчетливо видна тусовка и её характер, так заметно, кто кого привлекал и как участвуют в этом списке внутренние интересы. Хотя, конечно, есть и крупные бесспорные имена: тот же Маканин, тот же Павлов, Эппель, Толстая… А остальные — добыча или тусни или французских славистов. Кстати, накануне пришло письмо от Сокологорской, она просит меня остаться еще на один или два дня, это связано с какой-то встречей, кажется, в Доме дружбы. Ну что ж, попробую.

И еще. Собственно, рабочий день у меня еще не начался, а в его задачах такая прорва всего, что кажется — не справиться. Но уже без десяти десять вдруг объявилась приехавшая из Белгорода Вера Константиновна Харченко, которая не оставляет мысли написать обо мне еще книжку, вернее, издать свою старую, с большими добавлениями: "Дневники", "Власть слова", "Смерть титана", "Хургада" и, может быть, новый роман. Говорил с ней в спешке и быстро. Вот что значит, в отличие от моей, хватка: все её экземпляры — а у нее ровно половина тиража, — до единого, распроданы. У меня была вторая половина, кстати, надо проверить, что там осталось.

В 10 часов началась аттестация, которую мы ввели с этого года. Это как бы большая "пужалка" для отстающих, для тех, кто не очень благополучно закончил первую сессию первого курса, да и второго, и третьего. Я по опыту знаю, что если как следует не наподдать заранее, то для студента это может кончиться плохо, ведь в головах еще ветер носится, и большинство полагает, что институт это как бы продолжение школы, что оценки отображают их успехи, а непосещение простят. Все это медленно, с различными номерами моего обычного представления, с попыткой достучаться до сознания, продолжалось почти до двух часов.

А около пяти, уже после ученого совета, наш новый декан, Мария Валерьевна Иванова, и Светлана Викторовна Киселева дали мне на подпись приказ. Наши либеральные девушки с самого начала как-то запеленали меня своей жалостью, и, в общем, никаких жестких акций так и не удалось провести. Не исключили даже многострадального Чижикова, который учился в прошлом году, попал на бакалавра в этом и не сдал ни одного экзамена. Но позвонил Е.Ю.Сидоров и попросил за него. Что касается, так сказать, настоящего дела, его безумных образов, Чижиков, конечно, тут один из запевал, и как его учить — не представляю. Но попробую. Пока мы дали ему месяц последней отсрочки.

В три часа начался ученый совет. Ничего особенно тревожного, обычный отчет Льва Ивановича о научной и творческой работе. Доклад занял 40 минут, Лев Иванович сгреб туда все, что только пишется у нас в институте. Я отчетливо представляю, что в этом списке много случайного, имеющего отношение к нам лишь по касательной. Но мы в своих отчетах все это упоминаем: сборник, книга, научная работа. В принципе институт — это ристалище, все время провоцирующее к творческой работе. Да, сделано много. Но какое отношение к нам имеет, скажем, книжка о балете, написанная В.С.Модестовым?

Это хорошая книжка на трудную тему, талантливо написанная, изданная за счет какого-то государственного гранта. Эти свои мысли я опрокинул на ученый совет. В качестве примера привел то, что в изданиях меня волнует: Смирнов написал предисловие к томику стихов Цветаевой, и хотя сам томик меня не очень интересует, предисловие это для меня ценно. А какое отношение имеет к нам роман Б.Н. о Паскале, ведь Б.Н. уже выпустил о Паскале монографию. Тем не менее доклад был принят.

Я еще раз подумал, что иногда раздражаюсь напрасно, а тут, к концу дня, видимо, устал и заколебался, ехать ли на вечер Битова или не ехать. Это далеко: Таганка, Дом русского зарубежья, заваленная снегом Москва…

Давно обратил внимание, что очень функционально живу, времени совершенно не хватает, особенно сейчас, когда заканчиваю редактирование своего романа. Мне тяжело даются документальные романы, потому что здесь нужна большая точность, многие проверки; боязнь исказить цитаты требует большой гибкости — ведь цитату нужно еще размять и встроить в текст. В общем, тяжело. А тут еще при последней редактуре чуть перестарался Боря и какие-то пассажи перевел в свою лексику, а я так дорожу своей! Сейчас приходится производить раскопки и подводить все под определенный интеграл. Тем не менее логику его поправок я отчетливо понимаю — тут много идет от правил абзацев. Да, с точки зрения абзацев все верно, но с точки зрения восприятия тяжелых мест, мимо которых не так просто пройти, а надо пробежать, иначе грунт может развалиться, и это понимает благодаря своему опыту романист, и часто не понимает даже самый доброжелательный редактор, — с этой точки зрения всё по-другому. Но работа идет и меня выматывает.

Но к Битову решил поехать. Тут присоединяется еще одно мероприятие: как ученые собираются в последний четверг месяца, так и прозаики решили собраться в этот же четверг в Московской организации. Народу было не очень много. Минут сорок поговорили, приняли в Союз двух переводчиков, фамилии обоих впишу позже. Один из них перевел какую-то монографию о Ришелье, что для меня интересно, книжку зажилил, как только освобожусь — начну читать, это будет подготовка к моей Франции.

На Таганку проехали через центр просто с боем, несмотря на все сообщения, что наземный транспорт в Москве стоит из-за снегопада, и даже не опоздали.

Встреча состоялась в том же зале, где вручали солженицынскую премию. На сцене — постаревший Битов, ведет Юрий Рост. Я, как всегда, делаю записи. Он, конечно, очень

умный и талантливый человек, и побыть в атмосфере его мыслей полезно. Я понимаю, что не все мы мыслим постоянно с такой интенсивностью, это похоже на летний грозовой дождь или на ту атмосферу, которая возникает после грозы: пахнет свежестью и озоном.

Начал он с незначительных слов. Потом, как опору, взял тему Пушкина, постепенно перешел к тому, чем мы и в себе дорожим, — к своему внутреннему миру. "Это только кажется, что я не пишу сейчас. Для "Эсквайра" написал небольшое эссе "Искусство писать от руки". Надо было написать только 2000 знаков, и, когда написал, набрал на компьютере — действительно, оказалось 2000 знаков". "Писать от руки стальным пером это привычка прошлого века". Сам Битов с 1961 года пишет прямо на машинке, а с 1995-го — на компьютере. Читал текст, интересный и точный, с массой детских воспоминаний и подробностей — стальное перо 86-го номера, "вытирашка", "жженка", "чеканка", — которые так милы и дороги нашему поколению. Правда, в тексте многовато уменьшительных названий.

"Послезавтра день смерти Бродского. Я прочту вам стихи". Битов: седая голова, облысевший лоб, умное, вытянутое лицо. Встреча с Битовым в Нью-Йорке. "Я взял эту книжечку для Голышева".

"В общем-то, я написал одну книгу, и мне ее издали к 60-летию (показывает), "Империя в четырех измерениях". На книгу ушло 4–6 лет". ""Пятое измерение" — книга о русской литературе".

"Застой был великим счастьем, которым мало кто воспользовался". Дальше говорит о том, что и сегодня появились некоторые признаки застоя. Я еще раз подумал: какой он наблюдатель точный. "Чаще стали анекдоты, тяга к юбилеям, писать стали лучше, появился историзм в мышлении".

Встреча идет уже минут сорок. Я чувствую, что Андрей начал уставать. Перед началом вечера мы с ним поздоровались — так две льдины, проплывая по реке, случайно тронут друг друга боками.

Продолжались вопросы, не очень сложные, но я фиксирую ответы: "Пьянство как прием — это очень удобно. Можно высказать много мнений о дорогих тебе людях". "Каждый человек — дурак, и каждый человек умен. Если он не дурак, значит — не умен".

Вечер набирает силу. Я чувствую, что Битов постепенно уходит от заготовок, они у него, безусловно, есть, он с собой на сцену принес большой плотно набитый пластмассовый пакет.

Говорит о маленьких книгах, которые издавал во время перестройки. Это очень верный прием, надо было взять на вооружение. Я об этом думал, но, как всегда, не довел дело до материального воплощения.

Битов совсем перестал кокетничать, заговорил о Геннадии Селезневе, очень хорошо. "Уходит слишком много людей. За здравие и за упокой. Сейчас здесь счет 1 к 3-м". Это естественно, у меня тоже больше знакомых уже там, за главным рубежом. "Советская власть была очень хорошим соавтором. Бери — не хочу". Ну вот, видите, все мы наконец-то опомнились. Это и моя мысль. Для меня это было ясно уже давно. "При социализме, кроме класса аппаратчиков, никто не жил лучше другого. С завистью было все в порядке". Заговорил об эмиграции. Опять очень точные мысли: "Кто был человеком здесь — был человек и там". Мысль о том, что человек, уезжая с Родины, останавливается в своем развитии: "В каком году человек уехал, в том он и перестал развиваться".

Зал был не совсем полон. В малиновом, привычном для него, пиджаке, входит потихонечку Ткаченко, оглядывается, вот выбрал место поближе к президиуму и телевизионной камере. А я в самом начале, зная свое отношение к телевизору, наоборот, сел подальше. Последнее, что я записал: "Тома убивают книги". Это очень верно и точно замечено. "Интуитивно мы все, видимо, приходим к одному и тому же, поэтому я не стремлюсь и даже избегаю, когда предлагают издать собрание сочинений. Если кому-то это понадобится — соберут, а я, по крайней мере для этого, палец о палец не ударю. Лучше написать еще одну книгу". Говорил о большой, пухлой книге: ее неудобно читать ни сидя, ни лежа, её хорошо дарить. И опять вернулся к перестройке: "Я издавал книги, не зарабатывая на них ничего". Это тоже ощущение большого писателя, он ведь знает, что факт выхода книги важнее денег.

Перед выступлением Битова в фойе встретил Юру Рашкина. Мы с ним раньше работали на радио. Он, как всегда, полон разных планов.

30 января, воскресенье. Роман все-таки оттягивает все мои силы, масса деталей пропадает для дневника. В субботу и воскресенье был в Москве, был на даче, кашлял. Собственно, дача — единственное место, где я чувствую себя нормально, когда натоплю баню, пропарюсь, отдохну, все сделаю, посижу, почитаю, попишу. Смотришь, утром и здоров.

Телевизором на даче совсем не балуюсь, но кое-что отслеживаю о наших пенсионерах. Несмотря на все объяснения правительства и заверения его, что монетизация льгот не

затронет бытового благополучия старых людей, все понимают, что эту самую монетизацию значительно легче отрегулировать, чем самые льготы. Хотя в принципе понимаю, что подобное проводить надо, но какие-то из льгот необходимо было оставить, это существует во всем мире и это возвышает старого и заслуженного человека даже в его собственных глазах. Сейчас пенсионеры продолжают свою медленную, но неуклонную борьбу. До них, наконец-то, дошло, что они имеют право что-то требовать и именно не милости, а того, что заработали. Пенсия сейчас должна быть выше уровня прожиточного минимума: почему человек, всю жизнь проработав, должен влачить жалкое существование и думать о том, какого сорта макароны ему купить, не имея возможности позволить себе что-то иное. На телевидении все время проводят игру — дескать, пенсию надо заработать. Государство — это государство, а работающий человек — это работающий человек. Но если бы этот человек раньше не платил налоги и ничего не отдавал государству! Пенсионеры протестуют и требуют пенсии в размере четырех тысяч рублей. Слава Богу, теперь они вошли во вкус. Я очень надеюсь на этих бабушек и дедушек.

31 января, понедельник. Всё началось с раздражения по поводу актов на списание, которые мне принесла хозчасть. Здесь и стройматериалы, и большое число инструментов, и разные мелочи. Но на всё это нет актов, куда ушли кирпич, цемент, линолеум и пр. Я всё чаще и чаще подумываю об аудите. Наши женщины, конечно, все будут против, особенно если я приглашу белгородских (?) дам, которые у нас уже бывали. В этом смысле О.В., наш бывший главный бухгалтер, за всеми этими процессами внимательнейшим образом следила.

Утром же пришел В.Е.Матвеев. В четверг, когда я уехал на вечер Битова, в гараже вечером состоялась пьянка. Пили Миша, завгар, и Володя, рабочий. Поставил им пузырь Андрей, экспедитор из столовой. Не деньгами расплатился, по дешевке водкой. У меня здесь два момента нервничать. Во-первых, я боюсь, что во время пьянки что-нибудь произойдет, боюсь пожара и пр. Миша со своим братом Пашей у нас опытные выпивальщики. У Паши и так здоровье, как и положено у пьющего, никуда. Но главное — в это вовлекается слабый на выпивку Володя. Он остановиться не может и в пятницу не вышел на работу. Так вот, в понедельник утром я попросил В.Е. со всем этим разобраться. Напомнил, что я уже отдавал приказ о пьянстве в гараже. Тем не менее под вечер В.Е., сам не промах выпить и неоднократно водивший компанию именно с этими шоферами, принес мне две объяснительные. Оба "виновника" — конечно, по

инициативе дошлого Миши — написали: "не пили". Все знают, кто их видел, но знают, что я ни на кого ссылаться не стану. Кто-то из них троих, значит, соврал. Самое интересное во всем этом, что В.Е., прекрасно знавший, что в гараже пьянка была, с ухмылочкой сказал: "Не пойман — не вор". Вот это меня из уст проректора, занимающегося хозяйством, взбесило. Его-то я уже ловил… Значит, делай что хочешь, пока не поймают?

В два часа ходил на Петровский бульвар, в офис Е.П.Богородицкой. У неё там юбилей. Народу было немного, выпили фуршетом, я — апельсиновый сок, было тепло и дружественно. Кормили вкусно, особенно хороши были блинчики с мясом.

Часов в восемь вернулся из института домой, что-то делал по хозяйству, потом с девяти до двенадцати сидел над рукописью. Кое-какие заметки и правки Б.Л. принял, но в основном, он по-журналистски распутывает мой стиль. Все фразы расставляет строго по форменной логике. А особенности моего стиля — сначала знак, действие, потом медленное, кругами, объяснение. У читателя тогда возникает ощущение, что так думает он.

1 февраля, вторник. Уже вторые сутки нахожусь под впечатлением двух материалов в прессе и книжки Умберто Эко "Шесть прогулок в лесах литературы", которую я дочитываю или ночью, между 3-4-мя часами, или утром, между 6-7-ю. Если говорить о "материалах", то первый — очень серьезное интервью Лимонова, данное им еженедельному журналу "Политика". Журнал в N 40 (141) пишет: "Политика Путина способна сделать из Лимонова влиятельную фигуру объединенной оппозиции. Вождей кует Кремль" Приведу две цитаты. Я себя уже обвиняю, что сам ничего не могу сообразить, а все пользуюсь цитатами. Но природа моя такая, я допускаю, что я не аналитик, даже что не умен, но что-то внутри себя чувствую. По крайней мере, когда и какой кусочек из того или иного интервью надо взять.

— …ваша партия — не хулиганы, а реально существующая, оппонирующая власти партия. И равных вам нет?

— По яростности, по самоотверженности, по активности — безусловно. Наши люди не боятся тюрьмы, и других таких кадров ни у кого нет. Я желаю всем "яблочникам" или эспээсовцам воспитать таких мальчиков и девочек, которые не боятся тюрьмы и гордятся ею! Мы, конечно, несовершенны. Но мы создавались на голом энтузиазме, на скудные деньги, без спонсорской поддержки. Я давал партии все свои деньги за книжки, но это же, увы, жалкие гроши!

— И в чем заключаются эти "изначальные" претензии к власти?

— Сосредоточение власти в одних руках — как при царе. Для меня как для писателя символично хотя бы создание этого опереточного кремлевского полка, как в "Марице" Кальмана! Или церемония инаугурации — ни один человек со вкусом не стал бы делать такого, а Путин делает! Он отшатнулся от кагэбэшной идеологии, но насмотрелся фильмов Михалкова с царем в папахе и на лошади — бред! И мне неприятно! Власть единолично занимается всем, не спрашивая ни у кого совета. Она не опирается на народ, и ей смешны все разногласия между политическими партиями, между коммунистами и либералами. Путин строит самодержавие. Но с февраля 1917 года Россия является республикой, и ее граждане хотят и могут влиять на судьбу своей страны. У них есть амбиции, и их волнует не только проблема набивания желудка. Социальные амбиции — вот что отличает человека от животного.

Второе интервью — Чубайса "Российской газете" в номере от 27 января. На него меня навел Игорь Котомкин. Всего, что касается экономики, приватизации и прочего, выписывать не буду. Вот только один вопрос и один ответ:

— Вы в одном из последних интервью очень нелестно отозвались о роли Достоевского во влиянии на умы россиян. Поясните.

— Я считаю, что в российской истории немного людей, нанесших такого масштаба глубинный мировоззренческий вред стране, как Достоевский. Для меня сущность Достоевского выражается в одной фразе князя Мышкина: "Да он же хуже атеиста, он же католик!" Абсолютная нетерпимость к другим мировоззрениям, к другим конфессиям (в том числе исповедуемым русскими), к другим народам (в том числе проживающим в России), отталкивающая Россию от мира, замыкающая ее в саму себя. Все это, традиционно прикрываемое словами о гуманизме и патриотизме, по сути, братоубийственная и человеконенавистническая концепция.

Понятно, в какой интеллектуальной среде это вызрело и чему было противопоставлено — идущему из Западной Европы марксизму. Но в сегодняшней России, в сегодняшнем мире, открытом, динамичном, конкурентном, ничего более разрушительного для нашей страны придумать невозможно. А вот и свежее подтверждение — сейчас, в XXI веке, в 2005 году, в качестве праздника национального единства у нас в России избран день изгнания католиков. Сторонники этой идеи могут с чувством глубокого удовлетворения вслед за Достоевским сказать: и правильно, ведь они же хуже атеистов!

Простим автору подмену понятий — видно, его отец не был

юристом, — но ведь с таким же успехом он мог бы сказать, что праздником великой Победы в мае 1945 года избрано изгнание не только католиков, которые опять, как триста с лишним лет назад, "по случайности" оказались у стен Москвы, но и протестантов, помогавших им дорваться до Ленинграда и Сталинграда. А его категорическое суждение, что любая закрытость, любое сохранение рода или вида — плохо, меня пугает и не позволяет отнестись к нему равнодушно. Откуда у ярого противника любой цензуры такая тяга к запрету на инакомыслие? И откуда у заядлого либерал-демократа такое резкое деление на своих и чужих? Ну, давайте и я тогда начну всех делить, давайте и я вспомню, что Асар Эппель, один из лучших русских стилистов, был сценаристом первого еврейского фильма в России, показавшего, не только как угнетают евреев, но и какие они боевые, как они стремятся жить в России с ксенофобной закрытостью. Почему французы не хотят мириться с хиджабами, а мы, живя на Бронной, должны мириться с кипурами и пейсами людей, идущих в синагогу? Как говорил Ленин, "нескладно получается".

Вечером состоялось заседание Клуба Рыжкова. Ничего особенно интересного, организационные вопросы. Любопытен список людей, оторвавшихся от клуба, и комментарий к этому М.И. Кодина. Не прямая речь, но близко к тексту. Ушел, например, Слава Рыбас, и все присутствующие вспомнили, как в 90-х годах Славин бизнес — Институт человека — раскручивался именно через Клуб Рыжкова. Ушел, ни разу в клубе не появившись, Вл. Филиппов, которого в свое время просил принять в клуб Примаков. Тогда Филиппов был министром образования. Приняли. Теперь он оторвался, не ходит. Кодин заметил: "Ну вот, снова станет проректором в Университете Лумумбы, место ректора уже занято, и тогда опять начнет ходить". Совершенно невероятную причину своего выхода из клуба привел президент совета директоров Промбанка Яков Дубинецкий: мол, у него нет возможности платить членские взносы. Кстати, о взносах, их все платят по-разному: моя доля — три тысячи в год. В пятницу получу зарплату и заплачу.

Были С.Глазьев, Г. Селезнев, В.Ганичев, Н.Скатов, В.Севостьянов, знаменитый авиаконструктор Новожилов, очень симпатичный Пареньков, директор "Серпа и Молота". Я постепенно ко всем привыкаю, меня уже знают по имени и сегодня даже выбрали в совет клуба. В перерыве несколько минут поговорил с Селезневым, он всегда был мне интересен. Спросил, насколько тяжело ему в Думе молчать. Он ответил, что знает многих журналистов, большинство его приятели, но

"администрация президента (Сурков, со слов Г.Н.) дала четкие указания — о Селезневе забыть". В.Ганичев, который в отличие от меня, нерасторопного, так удачно все спланировал в своей судьбе, что остался, несмотря на свой грозный возраст, еще на бесконечный срок в Союзе писателей самым главным, с некоторой гордостью и, я бы сказал, с надеждой меня уязвить сообщил, что был на президентском приеме. Вот только это я и запомнил, наверное потому, что я сам на этом приеме не был.

Вернувшись из клуба, смотрел по телевидению фильм "Однажды в Америке". Не видел его уже лет десять, но хорошо помню, что это был один из первых фильмов, которые я просмотрел на кассете в самом начале перестройки. Его тогда смотрела вся Москва. Это фильм о мальчиках из еврейского гетто, бедных, обездоленных, которые превратились в серьезную банду бутлегеров. Естественно, трагический финал. Но это первый фильм, поэтизирующий криминал как таковой, и в частности, криминал еврейский. Скольких же наших мальчиков этот фильм сделал бандитами? Конечно, все это в других масштабах, других видах, но у нас в России это повторилось.

2 февраля, среда. Вчера вечером пришло постановление из пожарного надзора, мне приляпали штраф в тысячу рублей за разгильдяйство, которое допустили Сергей Иванович и Владимир Ефимович в общежитии. Кое-что по поводу прежнего предписания мы сделали. Я не могу сказать, что Лыгарев ни о чем не заботится, но те мелочи, которые требовали определенных организаторских способностей — перевести столярку в другое место, убрать из подвала горючие вещества и т. д. — он не сделал. Я дал обоим по выговору и изъял из зарплаты по тысяче рублей, из надбавки за интенсивность. Это пока основное событие сегодняшнего дня. Я наконец-то поступил пожестче, чем всегда. Любопытен комментарий Ашота, нашего юриста, который, увидев присланный на штраф документ, сказал: "Ваша постоянная доброта, ваш либерализм привели к этому".

Утром прочитал "пробный" отрывок из повести Алексея Козырева. Приступал к чтению с некоторой, я бы даже сказал, боязнью: Алексей весь состоит из противоречивых склонностей, он амбициозен, по-девичьи ворчлив и проч. и проч. Отрывок небольшой, два паренька переговариваются между собой по поводу того, что забеременела какая-то девушка, и собираются ехать вечером на некую тусовку. Появляется третий парнишка. Или я не сюжетчик, или ничего не смыслю в жизни, но окажется, что девушка от одного из этих пареньков забеременеть не могла, так как у него некие другие интересы. В общем, эта часть не проявлена. Что касается языка, то есть определенный стиль,

четкие наблюдения за сленгом московской тусовки, и уж что-что, а в смысле вкуса Алексей сильно продвинулся, дай Бог, чтобы у него что-то получилось и не пришлось бы в этом году с ним прощаться.

Еще некоторые события, которые обязательно надо включить в эти записи.

Был некий старый соратник, Юрий Иванович Павлов. Разыскивал Лобанова, но оказался у меня. Я его не узнал, но постепенно в разговоре он стал кое-что о себе рассказывать, и я смутно его вспомнил. Это был помощник Г.Юшкявичуса, когда я работал на радио. Юшкявичус, оказывается, был не только зампредом Гостелерадио, но и зятем Пельше. Вот откуда и его заносчивость, и такая самоуверенность. Сейчас, по словам Павлова, его принципал в Париже, там какое-то у него дело.

Кажется, Дума всерьез решила отменить закон о неконфискации. Может быть, тогда у настоящих преступников, которых иногда, правда, все же судят, начнут отбирать виллы, акции, компании, которые они добыли воровски. Папочка сидит, а его цыпочки, его мамочки даже не поменяли стиля жизни. Выйдет папочка и опять будет богатым человеком. Хватит, милые друзья. Только бы у Думы хватило пороха!

Появились сведения, что бывшего президента Украины Кучму привлекают к ответственности за дело журналиста Гангадзе, за коррупцию, за махинации. Митрофанов, зам. Жириновского, предложил лишить нашего Ельцина его неприкосновенности. Ельцину сейчас 74 года, и в месяц на его содержание уходит 600 тысяч рублей. Не слабо.

3 февраля, четверг. Все утро сидел над рукописью "Марбурга", сличал два варианта — до правки и после правки, вписывал намеченные цитаты, расставлял названия улиц, которые в тексте были пропущены. При том, как работаю я, это большой труд, тем более что нет возможности сосредоточиться только на одном процессе два-три дня.

На работе все довольно тихо, какие-то сводки, мелкие хозяйственные дела, почта, чеки на зарплату.

Вечером пришла Соня Рома, рассказывала о своих делах в Нью-Йорке, о бабушке и дедушке. Сейчас она с каким-то издателем занимается выпуском очерков о суперсовременных художниках. Живет в первоклассной гостинице у Киевского вокзала. У нее свои трудности, в частности, после России ей трудно жить в Нью-Йорке. Есть сложности и с бывшим мужем. Этот самый тихий и нежный Сережа, которого я знаю, явление своеобразное. В русских и размах, и жалость, и доброта так же широки, как и подлость. Кое-что я наблюдал и в Нью-Йорке. В

этом смысле эти несчастные евреи совершенно беззащитны перед мальчиком из Петушков. Я дал несколько советов и горжусь этим. Он приехал туда, чтобы поесть от сладкого американского пирога, даже не предполагая, что ему надо будет работать. Теперь он работает мужем у какой-то стриптизерши. Ситуация осложняется совместным ребенком. Ребенок для Сережи это заложник, его собственный девятилетний сын в России, естественно, никаких алиментов не получает. Собственно, Соня зашла к нам по делу, я помогаю ей выпустить сборник стихов в нашем издательстве. Делает она это за свой счет, переводит все Сережа Арутюнов. Несколько дней назад я написал о них обоих, о Сереже и Соне.

Почти дочитал книжку Умберто Эко. Здесь много толковых соображений о литературе, но что-то меня не устраивает, слишком много замечательных кружев и рукоделия. Он совершенно упускает социальное, да и вообще какое-либо содержание. Но мой улов есть, кое-что просто чудо как подходит мне к семинару. Сюда пойдут цитаты.

4 февраля, пятница. Весь день прошел под знаком русско-еврейских разборок. Все началось с того, что, как часто бывало со мною, утром позвонили из "Вечерней Москвы" с блиц-опросом:

— Продолжается скандал с письмом 19-ти. Как вы относитесь к проблеме антисемитизма в нашей стране. Есть ли он, или нет?

— Этой проблемы не существует. Она выгодна лишь отдельным группкам людей, и они все время поднимают эти вопросы.

Но здесь надо вернутся ко вчерашнему дню.

Именно вчера вечером состоялась "дуэль" между генерал-полковником Макашовым и дважды Героем Советского Союза Алексеем Леоновым. Я "включился" не с самого начала, но все-таки сумел понять, что существует письмо генеральному прокурору, где 19 подписантов просят закрыть все еврейские общественные и религиозные организации. Вроде бы Макашов тоже это письмо подписал. Сначала они долго спорили над словечком все и, кажется, Макашов понял, что здесь он был не прав. Ни тот, ни другой не смогли объяснить, из-за чего, собственно, они спорят. Леонов говорил о ксенофобии, но дело было в другом. Макашов имел в виду, что все беды у нас от евреев. Они, дескать, все расхватали, разграбили. Приводились фамилии Фридмана, Ваксельберга и других олигархов. За бортом оставалось что-то главное: спайка, любовь только к соотечественникам, ощущение, что весь мир не в какой-то мифической родине и будущем, а только в сегодня, в детях, в семье, а за границами этого — ничего нет. А оперировали другим.

"Не все евреи сионисты, но все сионисты — евреи" (Макашов). В том, что говорил Макашов, было много справедливого, хотя и частного. Один момент нашего космонавта просто уязвил, когда Макашов сказал, что Леонов один из директоров Альфа-банка. А все знают, кому тот принадлежит. Собственно говоря, здесь и закончился спор двух русских, деревенских людей. Какой же здесь разговор о ксенофобии и других явлениях, называемых разными словами? Нет честных больших денег, нет. Судьи, которые как всегда в этой передаче странные, неявно ангажированные — Римма Казакова (без комментариев), Угольников, вечно кормящийся на телевидении и знающий, как надо держать нос, актриса Дипкунтайте, живущая даже не в Литве, а в Лондоне — единогласно присудили победу Леонову, но выглядели довольно жалко. А вот зрители отдали предпочтение Макашову. Плохо, что Макашов не читал воспоминаний Сахарова, где сказано то, о чем, собственно, Макашов и говорил: падение СССР стало возможным благодаря именно сговору еврейской интеллигенции. Самое занятное во всем этом — ощущение своего бессилия Соловьевым. Макашов почти впрямую сказал, что не ему, дескать, еврею, на эту тему рассуждать. Интересно было наблюдать, как русский человек совсем не в русской манере, а скорее в манере Жириновского вел этот спор. Как обозлился Соловьев, в какой он был ярости. Даже что-то неважное сказал о нашей стране. Но ни ему, ни одному еврею русские никогда не откажут в праве и счастье жить на наших просторах. Мы ведь всех перемелем. Итожу: истина была за Леоновым, Макашов — был прав.

Днем ездил в общежитие проверять, как выполняются предписания пожарной инспекции. И опять расстройство: втихаря, не посоветовавшись со мною, Лыгарев выстроил возле своей квартиры новый кирпичный вход, еще раз загородив вход пожарный. В курсе, оказывается, был и В.Е. Он-то ведь знает, сколько мы промучились из-за того, что в свое время без разрешения архитектора Альберт Дмитриевич пристроил тамбур к столовой.

Но это опять не все. И от кого еще надо было опять ждать удара? Естественно, только от того, кому помог, ради кого нарушил правило начальства: поступай жестко и только по закону. Юра Серебряник — тот самый, которого два года назад за драку с преподавателем, за спровоцированную им драку Королева с Сашей Панфиловым я сначала исключил из института, потом восстановил, потом перевел на заочное отделение, с которым возились, по поводу которого постоянно звонили родителям в Пензу, который еще осенью оставил записку, что кончил жизнь самоубийством, а сам уехал к себе домой — опять объявился в

Москве, на этот раз в милиции, куда он пришел сам и заявил, что убил нашу студентку Лену Георгиевскую.

Лена тоже овощ редчайший, но мною почему-то любимый. Талантливейшая девочка, которая учится у Самида, но пишет исключительно матом. Она учится у нас уже в пятом институте, я решил поставить спортивный рекорд: доучить ее до диплома. А если не доучу? Мы все знали, что Лена вроде уехала домой, кажется, в Тверь, но тем не менее на всякий случай вскрыли ее комнату. Она живет вместе с племянницей поэтессы Абаевой. Вот какой документ, напечатанный на машинке, — назовем его, как теперь модно, правилами Георгиевской — обнаружили мы на двери их комнаты.

Правила поведения в комнате:

— Не курить

— Не блевать

— Не колоться героином и проч. сильнодействующими средствами

— Не мешать мне спать

— Не рисовать на стенах свастику и проч. хуйню, к-рая в наше время символизирует расовую или социальную нетерпимость

— Не пытаться покончить с собой; в случае возникновения такого желания просьба обращаться к невропатологу или психиатру в поликлинику N 111

— Не пиздить вещи и деньги; в случае, если вы все же сделали это, настоятельно рекомендую положить спизженное туда, откуда вы его взяли.

В случае нарушения вышеуказанных правил вам предстоит беседа не только со мной, но и с:

комендантом;

милицией;

психиатром;

моими родственниками;

тяжелым предметом, к-рым я ебну вас по башке, если вы окончательно меня заебете.

Примечание. Лицам с психическими расстройствами настоятельно не рекомендую задерживаться на данной территории.

Вечером Дума принимала какие-то политические решения по поводу письма 19-ти. Многие из подписантов, "осознав", уже сняли свои фамилии. Но есть практическая польза от всего этого

— СМИ и Дума через эти самые СМИ озвучили некоторые тезисы. И они с неизбежностью будут ходить по устам недоедающего и ограбленного народа.

Но это опять не все. Именно сегодня Лев Иванович положил мне на стол номер "Советской России", где большая статья Саши Боброва под названием "Список Филатова". Засветили его, бедного бывшего ельцинского основного помощника. Сначала о нем, о самом Филатове: "Сергей Филатов — сын поэта Александра Филатова, певца завода "Серп и молот" и заветов Ленина — на дух не переносит тех, кто пишет о труде, о героическом прошлом. Отец назвал его в честь Сергея Есенина, но незадачливый тезка великого поэта терпеть не может писателей есенинского патриотического и почвеннического направления. Вот такие вопиющие мировоззренческие обмороки и предательства дела отцов и объясняют все духовные трагедии России".

Саша Бобров в своей статье тоже не мог пройти мимо письма 19-ти, о котором много говорилось в передаче Соловьева. Тень явления нависла и над этой ситуацией. В конце абзаца, который я собираюсь процитировать, приводится и та самая фраза из "Литературки" о двух этнических группах, которые, судя по списку, только и существуют в русской литературе: русских и еврейских писателях. А где другие? Речь идет об определенном национальном экстремизме в культуре или в финансах, против которого многие и выступают и о котором все русские думают. Сами-то по себе евреи — это обычный фон русской жизни, как куры на крестьянском дворе. Итак, цитата, подтверждающая мысль о всеобщности некоторых размышлений: "Прокурор Устинов, выступая на трибуне Совета федерации, сказал при упоминании о каком-то письме депутатов в прокуратуру по поводу агрессивности еврейских организаций: "Не надо привлекать внимание к подобным спискам. Вы же знаете поговорку: не трожь… сами знаете что, и пахнуть не будет"".

И опять не все, в статье Боброва нашлось место и для моей персоны. "В уже набившем оскомину списке Московская городская организация Союза писателей России — ведущий отряд российских писателей, насчитывающая в своих рядах около двух тысяч литераторов — представлена только одним членом, Сергеем Есиным, скорее как ректором Литинститута".

5 февраля, суббота. В.С. сварила замечательные кислые щи из рыночной квашеной капусты, я их даже перелил в термос, но высунул нос на улицу, и на дачу все же не поехали — слишком холодно.

Содержательно и хорошо провел день дома, все же эти пять-

шесть часов, которые приходится тратить на поездку, на то, чтобы "запустить" дом, это часы из жизни. Их-то всегда и не хватает. Капитально убрался дома, занимался дневником, с удовольствием варил и тушил кролика, который куплен в Обнинске с месяц назад и все время находился в заточении в холодильнике, тушил я его и готовил под белым соусом.

Но главное, дочитал книгу Умберто Эко. Та основная часть, ради которой все эти лекции были написаны и прочитаны, тот импульс ко всей работе, который я искал и не находил, наконец-то нашелся в последней, шестой, главе-лекции. В стержне любой книги обязательно есть какое-нибудь служение. Оно есть и здесь. Последняя глава вся посвящена вещи очевидной — "Протоколам сионских мудрецов". Я тоже филолог, и чутье редко меня подводит. Еще первый раз, когда в редакции "Юности" Мери Осиповна Лазарева дала мне прочесть, как некий казус, эти протоколы, я сразу же увидел, что это современная фальшивка, и мне почудилось, что где-то в литературе я уже с подобным встречался. Собственно, это и доказывает Умберто Эко. Дюма здесь был неким транзистором, передатчиком. Все это занятно, но не больше. Ради этой филологической безделицы, доступной даже журналисту, и была написана и переведена книга. Впрочем, время для меня зря не пролетело. Жаль только, что крупный филологический талант тратит время и свои возможности на чепуху.

Вечером начал читать "Юность вождя" Сартра. Огромный писатель чувствуется с первой же строки. Но главное здесь — выбор темы и тот филологический ракурс, интонация, с какой все это сделано. Я как-то отчетливее понял, что такое писатель мирового класса. Какой размах и свобода в использовании материала, какая раскрепощенность образности! Совершенно замечательно, очень пластично, с высоким знанием языка перевел это все неизвестный мне Г.Ноткин.

Но эту повесть нашел я и в сборнике, который называется "Портрет антисемита". Здесь же есть еще огромное эссе на эту тему, читать, наверное, не стану или отложу на неопределенное время, пока не возникнет "струя". Воистину, кажется, без проеврейского материала повести или романа Нобелевскую премию не получишь, да и крупным писателем не станешь, это как условие игры. Все исключения из правил, как известно, лишь подтверждают основной закон.

6 февраля, воскресенье. Начал новый, на звуковых дисках, самоучитель по английскому языку, именно поэтому долго гулял с собакой. В памяти у меня одно высказывание Кати Чаковской, которая сказала мне, когда я в одну из летних ночей побывал у

них дома, оглядел кабинет члена ЦК и вспомнил, что тот владеет английским. Катя тогда сказала, что это его вечная заноза: он всю жизнь учит язык и мало-мальски выучил только в конце. Теперь начну думать: лишь бы на английском не заговорить! А ведь среди слитной массы звуков я начал воспринимать отдельные слова, вернее, как и во время разговора по-русски, возникает в голове какое-то смутное понимание.

Утром по первому каналу показали передачу о гибели Сергея Есенина. Здесь, совершенно очевидно, почти доказанная версия убийства Есенина. Оказалось, то ли он сболтнул перед отъездом в Ленинград, то ли у него действительно был оригинал телеграммы Каменева, который тот посылал отрекшемуся от престола брату Николая Михаилу. Первому гражданину России! Сталин для своей политической борьбы вроде бы эту телеграмму искал. Первый канал не совсем сошел с ума, формально все это направлено как бы против столь нелюбимых ГПУ и Сталина, но за этим и Николай Эрлих, "с которым у Есенина были столкновения на почве антисемитских высказываний", и Троцкий, который опознал себя в железно-несгибаемом герое-комиссаре со своеобразной фамилией в одной из поэм Есенина, — тенденция другой литературы, к которой иные товарищи только что оказались допущенными и уже торопились в быстрые классики. Нелюбовь и даже враждебность к творчеству Есенина лучше всего доказана на примере "любимца партии" Бухарина. Здесь, в первую очередь, его доклад на учредительном съезде Союза писателей. Вот тебе и женитьба на юной Далиле, дочери партийного товарища. О, эта ночная кукушка со своими представлениями о культурном процессе и литературе!

Созвонился с С.И. Лыгаревым. Вчера он ездил в милицию, забрал оттуда Юру Серебрянника, запер его в пустой комнате, дал 100 рублей, чтобы его накормили. Вечером приехал отец Юры и увез его в Пензу. Вот таки дела… Как его учить дальше? А парень очень не без способностей.

Говорил с Прониным, который дал мне удивительную идею для пьесы.

6 февраля, воскресенье. Вечером пошел на концерт Олега Погудина. Позвал меня Леня Колпаков, у которого с Погудиным свои дружеские и свои принципиальные отношения. Мой интерес к певцу возник на вечере вручения ему, как одному из лауреатов, "Хрусталъной розы Виктора Розова", где он спел, и я сразу вспомнил его прекрасный русский тенор, слышанный мною как-то по телевидению, вспомнил его несуетливую манеру исполнения, очень традиционную и по-своему возвышенную.

Теперь относительно Колпакова и певца. Оказывается,

Колпаков два раза — сначала перед министром культуры Швыдким, а потом перед министром культуры Соколовым — ставил вопрос в "Литературной газете" о звании Заслуженного артиста России для Погудина: "Вы уже и группе "Нана" раздали это звание…" В общем, 27 декабря президент наконец подписал указ о присвоении Погудину звания, и, собственно, по этому поводу мы оказались в Большом зале имени Чайковского.

Скажу, что еще раз был поражен этим прекрасным залом, который в подробностях разглядел. Вспомнил Мейерхольда, для которого и строилось это помещение, и многое другое: концерт Галины Олейниченко, который я помню до деталей, концерт Святослава Рихтера, Доронину, читавшую здесь стихи Цветаевой и Есенина. Но с особым чувством я разглядывал герб Советского Союза, висящий над сценой, — ведь вот повисит, наверное, до первого ремонта, а потом исчезнет… И как при советской власти мы раскапывали — в книгах ли, в интерьерах общественных зданий, в устных рассказах — обломки предыдущей эпохи, эпохи царского режима, его культуры и обычаев, как с Библией знакомились по вкраплениям в художественные произведения, откуда уже нельзя было их изъять, так же, думаю, настанет время, когда и скрывшаяся Атлантида советской власти будет разыскиваться потомками.

Я хочу написать статью относительно маленького казуса: в одном из переулков, по каким я езжу на машине из дома в институт, раньше стоял одно- или двухэтажный домик с прилепленной к стене мемориальной доской: здесь жил первый переводчик "Капитала" Скворцов-Степанов и здесь же бывал у него Ленин. Снесли дом, выстроили на его месте большое и доходное здание — и улетела доска… Когда в новом доме появятся признаки жизни, я обязательно напишу, как в культурном отношении мелеет Москва. Кто-то борется с Лениным и "Капиталом", а меня в данном вопросе волнует то, что книга Маркса очень много сделала для общественного мнения в России, и ничего так не соединяет человека с историей, как живые и конкретные её вехи, например, эта возможность показать, кто такой был Степанов, кто был Ленин, сколько ему было лет, когда он приехал познакомиться с переводчиком "Капитала". Таких возможностей у современного молодого человека скоро уже не будет. Вот такие мысли приходили мне в голову, пока Погудин пел, а я разглядывал белый герб Советского Союза.

Погудин пел романсы на слова Пушкина, ведь скоро 10 февраля, день гибели поэта, и концерт был в этом отношении тематическим. Огромное количество молодых и пожилых женщин было в зале, а потом они шли с цветами к сцене, и трогало, что

несли они не заказные дорогие букеты, а один-два цветка, две-три розочки или гвоздики, так сказать, личная жертва на алтарь божества. На этот раз, мне показалось, обнажился не очень большой диапазон и актерских приемов, и интонаций певца. Тематический принцип заставил взять не самые знаменитые романсы, а набрать их массу, и возникло ощущение, что все это написано каким-то средним композитором XIX века. И тем не менее приобщение к возвышенному, к культуре было. Кого любит современный поэт и современный эстрадный певец? Какую-то девочку, какую-то Прасковью из Подмосковья, какую-то свою подругу. Это все женщины, лишенные женской загадочности, таинственности обаяния и красоты. У Погудина же, вслед за Пушкиным, за авторами тех песен и романсов, которые он поет, женщины были особо возвышенны: это "Алина", это "Нина", это "Мой друг" — те невыразимо прекрасные женские облики, с которыми было связано имя Пушкина. Наши современные поэты, в своем стремлении во что бы то ни стало дойти до конца, до "естественного", не знают удержу. Пушкин, предположим, тоже мог бы в письме к Вяземскому написать кое-что нелицеприятное об Анне Петровне Керн, но он написал: "Я помню чудное мгновенье"!

7 февраля, понедельник. Вот уж не думал, что так бурно у меня начнется рабочий день, такое ощущение, что наша хозяйственная часть работает сама по себе, даже вернее, сама на себя, немного обслуживая при этом и учебный процесс. Пришлось размышлять о нуждах гардероба и что некому утром включить обогреватель над дверью, а также о грязных полах, которые наши девицы, полные высокомерия, топчут своими модными бутсами, не вытирая ног при входе. В раздражении, что до сих пор нет расписания пересдач, о котором договаривались еще неделю назад, подписал приказ о лишении премии пятикурсников, не сдавших дипломные работы.

К 12-ти поехал на прием по случаю празднования дня Вайтанги (в факсе с приглашением есть более квалифицированное объяснение для непонимающих: национальный день Новой Зеландии) в новозеландское посольство, в тот особняк на углу Поварской, который хорошо знаю с детства и снимок которого висит в моем кабинете. Пригласил меня туда посол Стюарт Приор, который был у нас в институте, он специалист по русскому языку. Как ни странно, он нашел возможность несколько минут поговорить со мной о филологии, об институте.

Русских на приеме было очень мало, все какая-то местная (московская) новозеландская публика. Я бы не писал обо всем

этом, если бы не изысканность самой церемонии. Всё решал вкус, а не деньги. Собрались в большой гостиной. Я, естественно, пил томатный сок. Посол произнес недлинную речь, потом двое наших ребят из Гнесинского училища пели, в частности певица Мария Желтова спела гимн Новой Зеландии. Потом выступил представитель МИДа, г-н А.А.Татарников, и был исполнен гимн России — красивая, оказывается, песня, если петь ее с чувством и вслушиваться в слова. Потом девушка спела новозеландскую народную песню, и наступила церемония разрезания праздничного торта, величиной с письменный стол. С одной стороны его разрезал посол, с другой — Татарников. Торт очень вкусный, в нем много сливок, я съел два куска. Фуршет был очень неплох, опять-таки со вкусом — салат из свежих овощей, несколько блюд с запеченной в сметане картошкой, холодная баранина на тонких ребрышках, и две большие красные рыбы, кажется, лосось, запеченный в фольге. Все было замечательно, прошло быстро и мило. Я пригласил посла в Гатчину, он ведь филолог, может быть, возникнет контакт с нашим институтом. Спускаясь потом по лестнице, встретил русскую девушку, учившуюся в Литинституте, а ныне работающую в посольстве, спросил, сколько стоит такой большой торт. Оказалось, 25 долларов за килограмм, а их в нем 20, вот и считайте.

Воистину день — как бой. Еще два часа посидел в институте, и пришлось ехать на правление в Московское отделение. Завтра у них собрание, оно связано с юбилеем организации и, главное, с необходимыми изменениями устава. Юридические требования — общее собрание, а где собрать две с половиной тысячи человек? С большим трудом сняли зал на АЗЛК. Но, как мы все понимаем, среди этих двух с половиной тысяч есть люди, сидящие дома, которым кажется, что государство по-прежнему им что-то дает, а они этого не получают, так как кто-то их блага отнимает. В общем, говорили о механизме проведения собрания, где надо было утвердить документы и не допустить ту любезную нашим писателям склоку, главный смысл которой таков: я прокукарекал, а взойдет ли солнце или рухнет земля, уже никакого значения не имеет.

К 7 часам начался новый тур кандидатов на премию Москвы, и я поехал на спектакль "Три высокие женщины" по пьесе Олби. О премии много думаю, хочется поступить как лучше, но, слава Богу, что на этот раз не придется в угоду нашей критической общественности, где главный заводила Боря Поюровский, давать всем хотя бы по маленькому кусочку. Ясно, что в области театра появятся одно-два имени и теперь надо, чтобы и в литературе появились такие же имена. Моя первая прикидка — Тиматков и

Арутюнов, тем более что мы сами засадили весь наш московский писательский "огород" одними стариками — нужно дать премию и молодым, как некий аванс. В этих я уверен. Может быть, сюда приплюсую и Максима, в котором я тоже уверен.

Теперь о спектакле. Не очень люблю я зарубежную драматургию с её алгеброй смысла, но на этот раз получил большое удовольствие — давно не видел таких серьезных, до вздоха, до рыдания, работ и таких красивых женщин на сцене. Мне это было особенно интересно, потому что та новая пьеса, которую я задумал, уже ворочается во мне, и во внутреннем диалоге с другим автором, с действием на сцене, я как бы проворачиваю что-то своё.

Мотив не новый. Практически это история старой, очень старой, 92-летней женщины. Все это где-то близко по теме пьесам Уильямса, кстати и переводчик у них общий — Александр Чеботарев. С одной стороны, старуха, с другой — как бы особый персонаж, разделенный натрое, и каждая часть его персонифицирована в своем отдельном возрасте, может быть это три души каждого возраста.

Виртуозно играет Евгения Симонова, очень хорошо — ее дочь Зоя Кайдановская, да и третья, Вера Бабичева, тоже хороша, а главное, так прекрасны ее обнаженные плечи — прямо глаз оторвать невозможно.

Пришел домой, у телефона записка: звонил Рейн. Но он довольно часто звонит.

8 февраля, вторник. Я, с валидолом во рту, сразу же понял, о чем звонил всеведущий Женя: ночью скоропостижно скончалась Татьяна Бек. Мне об этом позвонил Сережа Арутюнов, ученик Тани.

Валидол в глотку — и на работу. Одно радио сообщило о возможном самоубийстве. Какое же самоубийство, когда весной у нее запланирована поездка в Мексику по линии института, кроме того, она должна ехать в Париж!.. Жизнь ее шла довольно удачно. Конечно, умерла кошка, скончался ее грузинский муж Зантария, но тем не менее, несмотря на это, она вся была поглощена своими учениками, литературой. Скорее всего инфаркт или инсульт. Есть и обоснования для ее внутреннего волнения: все-таки она вела сложную жизнь, находясь между лагерем либералов и своими друзьями, товарищами, хорошо к ней относящимися. Я помню, как она подписывала письмо 42-х — то письмо, которое (сейчас это уже ясно) не стало достижением либеральной интеллигенции. Помню также, как она попросила вынуть свою фамилию из моего предвыборного постера, и это, конечно, не свидетельствовало о её чутье: Олег Табаков — умница — не вынул; Рейн не вынул,

Тихонов не вынул, а Таня, которая не была такой крупной фигурой в культуре, как они, вынула, испытывая определенное давление пен-клубовского стада. Думаю, что эта двойственность терзала ее душу. Что же касается прямой причины — она сломала ногу, мог возникнуть тромб, а Женя Рейн, который все знает, сказал мне, что она еще немного пила…

Но история на этом не кончается. На моих глазах развернулся крупнейший литературный скандал. Я сам заметил несколько преувеличенное внимание к факту смерти Татьяны Бек сначала Евгения Рейна, а потом и Сергея Чупринина. Утром ко мне в кабинет, где уже сидели Е.Сидоров и Л.Колпаков, внезапно зашел Рейн, и мы сразу договорились, что он напишет в "Литературную газету" некролог, а он предложил собрать утренние поэтические семинары в 23-й аудитории, что-то вроде траурного митинга. Там появился Чупринин. Я не обратил внимания, что из его с Бек семинара — а Татьяна много возилась со своими студентами, и они, вероятно, были в курсе последних событий, — так вот, из ее семинара были только две девушки. Я открыл это небольшое собрание, зал был, как никогда, полон. Прощай, Танечка, я помню нашу с тобой поездку по городам России еще в начале перестройки, помню разговоры на берегу, прощай, прощай. Буду вспоминать только хорошо. До встречи. Потом выступил Рейн, очень ненадолго. После мне рассказали, что на кафедре вдруг возник очень острый разговор между Рейном и Чуприниным. Чупринин был не только опечален, что естественно, смертью Татьяны, но и чем-то напуган. Тут же возник слух, что Татьяна покончила самоубийством, об этом будто бы было сказано по "Эху Москвы".

Не успел я спуститься к себе в приемную, как раздался звонок. Наташа Дардыкина из "Московского комсомольца", как всегда функционально, быстро, неделикатно: "Сергей, скажи мне правду о смерти Татьяны Бек". Я жестко ответил, что самоубийства быть не могло, я в это категорически не верю. Правда, я уже знал, что брат Татьяны настоял на вскрытии, и оно уже идет в морге Боткинской больницы.

Вскоре было еще несколько звонков. Выяснилось, что последние дни Татьяна жила под телефонным гнетом Жени Рейна и Сережи Чупринина — об этом очень точно говорила Виктория Шохина, которая была дружна с 55-летней Татьяной и постоянно разговаривала с ней — все по поводу ее отношения к гипотетическим переводам Рейна произведений Туркмен-баши. Татьяна написала об этом в "Независимой газете". ТЕКСТ. Будто бы Рейн позволял себе непристойные выражения. "Мягкий" Сережа Чупринин вел себя по-другому, но суть его заявлений,

если исключить лексику, напоминала мой разговор с его предшественником на посту главного редактора. Я об это несколько раз писал. Не хочу подробностей, но был еще рассказ о каком-то мате в редакции "Знамени" в адрес Натальи Ивановой. К вечеру "Литгазета" взяла обратно свою просьбу Рейну написать статью о Бек.

Еще звонок, и шелестящий голос Сергея Михалкова. В четверг он собирает исполком. Я понимаю: кому-то все неймется, что-то джентльмены делят. Могу только догадываться, что все крутится вокруг денег, зарплат, престижа. Михалков, в частности, рассказал, что после его требования созвать исполком четверо его замов — Ларионов, Сорокин, Мухамадиев, Ниязи — написали ему письмо, что по уставу он на этот созыв не имеет права. Зря, конечно, Михалков это делает, но если человек, в свое время спасший организацию от разгрома, хочет, почему же не собраться и не посоветоваться.

Вечером звонил и Арсений, который не звонил мне домой уже лет двадцать пять. Я разговор оборвал, сказав, что готов все выслушать публично, при всех.

9 февраля, среда. Никогда не думал, что два этих события — смерть Т.А.Бек и вчерашний звонок Михалкова так меня взвинтят и разволнуют. Судьба выбивает не только русскую литературу, но и кафедру творчества Литинститута. Я уже устал прощаться. Печальный список: Е.Винокуров, Ю.Левитанский, Л.Ошанин, Е.Долматовский, В.Цыбин, С.Иванов, В.Сидоров, Ю.Кузнецов, теперь вот Таня Бек. Вчера показали ее живой по телевидению. Голубые глаза, просвечивающие на свету сережки…

Поразительно: если брать другой список, список Михалкова, то все четверо — это главные участники прежнего, михалковского переворота. У меня лично сил, чтобы так шустро "переворачиваться", нет.

Утром решил все же вставить в дневник рейтинг продаж книг "50 современных российских прозаиков", напечатанный в "Литгазете". Эта выборка сделана на базе Дома книги на Новом Арбате. Здесь продается 75 тысяч названий. Больше всего, конечно, в этом рейтинге меня интересуют собственные цифры. Я на 28-м месте, причем торгуют-то сейчас лишь моими "Дневниками". Чемпион — Улицкая, но это и понятно, продано10117 экз. Передо мной Павлов (25-е место — 123 экз.), Бондарев (26-е — 106), Приставкин (27-е — 103). За мною: Бакланов (30-е место — 74 экз.), Белов (34-е — 50), Волос (40-е — 31), Курчаткин (44-е — 7), Киреев (47-е — 5), Миша Попов (49-е — 2). Исчез из списка Пьецух — не продается.

Утром же пошел в аптеку, у меня заканчиваются лекарства. В

частности, купил беникорт, он за последнее время подорожал на 100 рублей, еще полгода назад стоил 200, а сейчас 313.

Похороны Татьяны завтра. В институте опять какие-то безобразия в общежитии. Пришлось выселять до окончания сессии двух заочников, пьют, и на неделю выселить Витю Гусева.

Днем ехал, сам за рулем, и слушал, как какой-то придурок (слышу его уже второй раз, но не могу уловить фамилию) ведет по "Маяку" передачу "Диалог", причем разговор всё о том же: льготы, роль в реформе правительства. Вся аудитория, собственно, делится на две категории — одни указывают на зарплату министров, что тоже существенно, ведь министр говорит о прибавке в 200 рублей, не сопоставляя эту прибавку со своей собственной зарплатой. Другая категория людей видит все глубже. Мне запомнился один парень, экономист, закончил МГИМО, он сказал: "Друзья, а куда же все подевалось? В свое время мы кормили полмира — половину Латинской Америки, половину Африки… А сейчас никого не кормим и ничего не осталось". Это понятно. Сейчас речь идет о главном — о собственности и о власти. Наш парламент затушевывает всю проблему, ведь дело не в том, уйдет или не уйдет правительство, ну, придет новое, отобранное там же, в администрации президента; дело в том, что парламент у нас, как выяснилось, состоит из каких-то недоумков: почему же они принимали так скверно подготовленную реформу? Почему не задали в свое время вопрос: кому это выгодно?

Есть, конечно, претензии и к Путину, который привычно играет роль "отца народа", дает прибавки студентам (100 рублей), прибавки солдатам (100 рублей). Он что, не понимает, как живут люди? Не сопоставляет свой уровень жизни с жизнью простого народа? Я всегда писал, что разговоры о том, чтобы навести экономию по депутатским зарплатам и льготам — все это мелочи, ведь можно было бы прибавить им в три раза больше, если бы они вели четкую политику. Но, как выяснилось, люди эти, в основном неглупые, но декоративные, закрывающие своими, часто простыми русскими лицами настоящих хозяев жизни.

Идут совершенно неинтересные дебаты в парламенте относительно того, отправлять ли все правительство в отставку в связи с пенсионной реформой, или одного только Зурабова.

Вечером дома вносил правку в роман. Лева его прочел, кое-что поправил по грамматике и сказал, что это моя лучшая, новая вершина. Думаю о пьесе.

10 февраля, четверг. Со вчерашнего дня думал о дне сегодняшнем, плохо спал, два раза просыпался. Впереди — похороны Татьяны Бек, потом исполком, созванный

С.Михалковым, а вечером еще надо ехать на ежегодную конференцию по Лакшину. Если будут силы, поеду и туда.

В паузах бессонницы продолжаю читать монографию о Ришелье, узнаю много интересного — средние века, романтичное д'артаньяновское время предстают несколько по-другому. Приходит мысль: как мало мы вообще знаем о реальной истории! Я теперь с удовлетворением обнаруживаю, как хорошо и как точно были упорядочены в русском историческом времени все эти налоги, деятельность бюрократии — и при царизме, и еще глубже в старину, когда всем владели князья.

На похороны Татьяны Бек, которые состоялись в ритуальном зале Боткинской больницы, меня подвозила Н.Л.Дементьева. Пока ехали, говорили об очень многом. Она теперь не связана чиновничьей этикой, поэтому рассказывала достаточно откровенно о министерстве культуры, об отдельных людях. В частности, смешной и до некоторой степени трагический эпизод с открытием итальяно-русской выставки в Музее изобразительного искусства. 82-летняя Антонова, директор, прошла на выставку с почетными гостями, двумя министрами — Лавровым и Соколовым. Но ее персонал, который, конечно, ко всему относится чрезвычайно ревниво и, по сути, ждет, когда этот деятельный и живой человек уйдет на пенсию, тут же почти демонстративно самоустранился. И вот вся наша художественная элита — Мессереры и Ахмадулины, даже директор Эрмитажа Пиотровский — минут пятнадцать стояла у роскошной парадной лестницы музея, пока не вмешалась сама Н.Л., и лишь тогда кто-то из администрации музея дал отмашку охране: этих можно пропустить.

И это похоже на всех и на все. И, в том числе, на наш родной институт. Кстати, вчера отдал приказ по поводу пристройки к зданию общежития. Вынес выговоры, но, главное, пристройку придется снести. Я отчетливо понимаю, что Лыгарев со своими связями мог бы получить на нее разрешение, но зачем создавать прецедент: завтра кто-нибудь попросит расшириться еще, за счет двора, за счет соседа…

На похоронах Тани Бек, все в том же зале N 2 Боткинской больницы, где я стольких уже перехоронил, народу было много. Первым выступил Ю.Черниченко, все с теми же своими категорическими и самодовольными интонациями. Тепло о покойной сказал В.Войнович, потом говорили Нина Краснова, наша выпускница, дружившая с Татьяной, затем Наталья Иванова, Володя Глоцер, в выступлении которого прозвучали кое-какие отчетливые нюансы проблемы. Краснова сообщила такую бытовую деталь: она фотографировала Таню, а та сказала: "Ну, я

хоть фотографию покажу, а то Есин не поверит". Собственная фамилия стала для меня сигналом — я пошел говорить, хотя не люблю этого. Я всегда стою подальше от основной массы, от телевизионных камер. Я говорил не только о случившемся с ней, но и о своей личной боли, потому что для меня очевидно, как коротка жизнь, и эпизод с нашим знакомством, и дальнейшие десятилетия, и вот это расставание — всё очень быстро пролетело перед моими глазами… Таня лежала в гробу спокойная, но с крепко сжатыми губами.

Войнович меня не объявил, но потом, уже после панихиды, подошел и сказал: извините, я вас не узнал, говорили вы очень хорошо. Я знал это и сам, мне кажется, что я показал жизнь Татьяны между правдой и истиной, и ту обиду, которая у нее из-за этого возникла.

Чтобы закончить эту грустную тему, приведу еще несколько свидетельств прессы. Вот в "Независимой газете" Виктория Шохина, подруга Татьяны:

И вот что странно и страшно. Почему-то в качестве мишени выбрали именно ее — поэта, женщину, человека очень ранимого и впечатлительного.

Последней каплей стали лживые и подлые слова анонима в одной уважаемой газете — о том, как "одна поэтесса использовала" имя одного "поэта, его влияние, товарищескую помощь в своих целях".

Таня спрашивала: "А если я умру, им хотя бы станет стыдно?" — "Нет, — сказала я. — Чувство стыда им неведомо". Она не поверила… А я не поверила в то, что она умрет…

Я не называю имен тех, кто звонил Тане. Но буквально на следующий день после ее гибели, 8 февраля, начался настоящий дезинформационный шквал. Как будто ждали и готовились.

От имени родных и друзей Татьяны большая просьба к фигурантам — не появляться на похоронах Татьяны.

Татьяна Бек не могла молчать. И расплатилась за это непомерно высокой ценой. Своей жизнью. I

Еще один связанный со смертью Тани эпизод. Среди многих некрологов в разных газетах есть и такой: "Татьяна Бек была и одним из лучших педагогов Литературного института: существование этого "творческого" вуза оправдано именно такими людьми, общение с которыми формирует новых литераторов". Не буду делать секрета из кавычек в середине фразы. Это уже обижается второе поколение Новиковых — Лиза Новикова, дочь Владимира Ивановича, проигравшего мне выборы в 1992 году. При нем, конечно, институт назывался бы творческим без кавычек.

Что еще дописать о Татьяне Бек? Я думаю, чувство утраты сохранится долго, оно связано с тем, что все мы, в силу своей психики, так же переживаем жизненные удары, как и Татьяна. Она, повторяю, лежала в гробу с выражением на лице, словно говорившим: я всё простила, я ушла, теперь вы живите с ними.

Писал ли я раньше, что в недрах МСПС назревает жестокая склока? Предчувствия меня не обманули — при входе в здание был ОМОН, плечистые юноши, крики. Все, как встарь. Писателей очень много, руководящих мест мало, собственности остается все меньше и меньше, скандалы и разделы учащаются. Ходят слухи, что продали какую-то землю во Внукове, что подвал на Комсомольском — ресторан "Пегас" — все-таки приватизирован и главный человек там — жена одного из наших литературных начальников, что дочь другого литературного начальника издает свой журнал, а за помещение, где находится редакция, склад и проч., ничего не платит. Еще ходят слухи, что с Домом Ростовых не всё в порядке, и жена какого-то верховного литературного босса принимает здесь дань от арендаторов. Всё это не совсем хорошо для писательского сообщества. Во флигеле Дома Ростовых по-прежнему живет журнал "Дружба народов", но финансируется эта "дружба" Сергеем Филатовым. (Я всегда считал его сыном поэта, а недавно выяснилось, что сын он приёмный, не рязанских привычек, поэтому становится ясна его биологическая нелюбовь к русской поэзии, да и многое в его поведении.)

Вокруг исполкома, который все же собрался в два часа, сразу возникли неловкие обстоятельства. Председатель собирал людей, а заместитель председателя звонил по организациям, что ехать не надо. В общем, кворума не было, а смысл заключался в следующем. С.В.Михалков во что бы то ни стало захотел сместить Арсения Ларионова. Насколько все это справедливо, я пока не знаю. Арсений дорог мне как друг юности, С.В. для меня фигура знаковая, он вызывает у меня восхищение. Сергей Владимирович прочел свое заявление и тут же предложил кандидатуру для ведения собрания — В.Ганичева. Что бы то ни было — Ганичев! Почему? Сразу же выяснилось, что на место Арсения уже подготовлен Ф.Ф.Кузнецов, недавно оставшийся без института. Человек, видимо, привык при любых условиях получать зарплату. Но меня будто бы ошпарило, когда я увидел двух этих людей вместе, я-то их хорошо чувствую. Ничего плохого не могу сказать, но если за деятелем литературы не стоит сама литература — это всегда опасно. Рядом со мной сидела Ирина Стрелкова, которая бросила реплику: "Ну, вся Москва знает, что Есин не ворует, а вот….. ворует. Зачем же вы его поддерживаете, Сергей

Николаевич?" Я бы чуть отредактировал эту фразу. Может быть, это самое отточие и подворовывает, но я не уверен, что ворует, а вот если придут две большие старые и циничные акулы, уже смоловшие большое количество писательской собственности, и даже интересовавшиеся, почему Литературный институт перестал быть собственностью Союза писателей, то спасения никому не будет. Хорошо будут жить их дочки и внуки в Германии, будут издаваться никчемные журналы самого возвышенного содержания. Хорошо бы, конечно, и институт вернуть в собственность СП, тогда можно его сдать или продать и ездить, и представительствовать, и делать вид, что ты большой писатель. Если к власти и собственности придут эти люди, что тогда будет?

Не живописую реплики, достаточно оскорбительные для той и другой стороны. Все понимали, за что идет война. Но не успел я опомниться, как из зала ушел Бондарев, потом ушел Гусев, ушел Ларионов, ушел Мухамадиев. В зале осталась более старшая и ушлая часть собрания. (Михалкова я в счет не беру, он в данный момент лишь игрушка в руках, возможно, своей семьи.) И тут я сказал: "Друзья мои, или мы говорим и принимаем решения все вместе, или нет, я не хочу участвовать в каких-то междусобойных разговорах". Вышел. Долго сидел и разговаривал в фойе, потом меня позвали отколовшиеся, их большинство, здесь Бондарев, мне они ближе. Дело происходило в кабинете Михалкова-Ларионова. Ю.В.Бондарев сказал потом: "У нас, писателей, есть определенная рефлексия по сделанному. Помните, что мы ничего плохого не сделали, а совершили мужской поступок". А.Ларионов сказал прямо, что его отношения с Михалковым (я опускаю, так сказать, все его действия и, быть может, материальные нарушения, я об этом не знал и знать не хочу) испортились с тех пор, как 26 декабря 2003 года Арсений ему сказал, что получены документы, свидетельствующие о собственности МСПС на комплекс зданий на Поварской. Теперь все может быть продано, сдано, передано кому-нибудь, со всего можно получать ренту. Арсений тут же выстроил предположение, что это связано с желанием определенного клана, к которому примыкает и небезызвестный интеллектуал С. Филатов, все это приватизировать.

В детали я вникать не стал, но сразу же продиктовал свою точку зрения, ставшую резолюцией собрания: "Мы (было перечислено количество ушедших с собрания писателей) категорически протестуем против распада, случившегося в организации. Мы требуем, чтобы Михалков и Ларионов, оба избранные на съезде, вместе продолжали работать до нового съезда. Мы также требуем немедленного созыва полного

исполкома и разбора на нем инцидента". Это все, что я мог сделать для нашего угасающего Союза. По крайней мере, такова моя точка зрения, и я не хочу предавать Сергея Владимировича, которого люблю, не хочу предавать всю организацию. Я отчетливо понимаю, что С.В. 92 года, и хотя ум его еще светлый, в силу некоторой физической немощи он управляем. Возможно, Лариса Салтыкова, которая все время возле него (и именно о её влиянии говорили многие), не самый лучший его советчик.

В 7 вечера, совершенно больной, поехал на 9-е Лакшинские чтения. Они проходили в зале ЦДРИ, народу было не так много, но трогательно было наблюдать, как люди подходили и подходили и ставили цветы к портрету Лакшина. Я выступал первым, потом ушел. У меня была тема о писательских женах, и выскочившая вслед за мной Светлана Кор…. (мы с ней работали когда-то в комсомоле) сказала, что говорил я хорошо, но не назвал жену Набокова, наверное, потому, что она еврейка. "Но ведь я назвал Н.Я.Мандельштам, а о "мадам Набоков" просто забыл", — смутился я. Светлана помянула книгу, которую издал филфак ее года выпуска. Там, мол, есть эпизод, как я исключал ее из комсомола. Простились с ней до Парижа.

Я заметил также в своей речи, что существует Лакшин до выпуска его трехтомника и — после. Этот трехтомник показал, что он еще и очень интересный беллетрист — история представлена там в виде конкретных и любимых нами людей.

На похоронах я промерз, потому что стоял так, что меня все время обдувало из-за приоткрытой двери. Когда приехал домой, сразу выпил терафлю и в половине десятого уже спал.

11 февраля, пятница. Утром написал 8 или 9 писем, в том числе Марку в Америку и по поводу квартиры для Стояновского в Моссовет, а также вопросы С.В. Степашину, который в понедельник будет у нас выступать перед студентами. Вопросы немудреные.

1. Когда собирается аудитория из такого большого количества творческих людей, во что бы то ни стало желающих стать знаменитыми, то невольно возникают вопросы к нашему выдающемуся гостю. Не расскажете ли об этапах Вашей карьеры? Конечно, произнося слово "карьера", мы подразумеваем ее естественное, человеческое значение.

2. Уже многие годы Вы возглавляете Счетную палату. Что это такое — ясно лишь в основном. А если поставить вопрос так: Счетная палата и общеморальный климат в наших экономических и промышленных делах?

3. Сергей Вадимович, Вы еще и президент Всероссийского книжного союза. Для многих ясно, что это союз издателей и

предпринимателей. А если поговорить о пользе этого союза для нас, читателей?

4. Как Вы думаете, не проигранная ли это специальность — писатель — рядом с такими современными специальностями, как владелец банка, хозяин футбольной команды, управляющий фирмой или просто жулик в государственном масштабе?

5. Вопрос к Вам как к бывшему премьер-министру. Что Вы думаете о тех реформах, которые сейчас идут, и как бы проводили их Вы?

С утра занимался еще решением вопроса, связанного с Высшими литературными курсами. Собрались у Льва Ивановича. Не пришел Гусев. Я объяснил ситуацию, что практически ВЛК существуют исключительно на деньги, которые зарабатывает сам институт, т. е. не на бюджетные деньги. Стипендию слушателям платим за счет того, что некоторые студенты очного отделения стипендии не получают. Преподавательская нагрузка идет в счет сметной нагрузки по институту, жилье и кормежка — опять за счет собственных средств. Все это и несправедливо, и незаконно. Особенно потому, что за последнее время мы набираем на ВЛК средних по таланту людей, других, в отличие от прежних времен, не находим. Из контингента прежних наборов — Проскурин, Носов, Личутин, Друце и т. д. К моему удивлению, В.В.Сорокин, с которым я два дня назад сцепился по этому поводу, вдруг предложил: дескать, давайте будем набирать только платных, как это и положено в современных условиях. Совещались недолго. В общем, решили пока сделать объявление в газете о платном наборе и дезавуировать наше прежнее объявление, которое разослано уже по отделениям Союза писателей РСФСР. Разговоров по этому поводу будет много, в Союзе писателей привыкли все делать за чей-то счет — любить, одаривать, миловать и рекомендовать.

Вечером дал интервью каналу "Культура" по поводу значения литературы в кино. Конечно, оставят крошку, все основное вырежут. Пафос заключался в некоей кинематографической мафии сценаристов. Я, собственно, повторил тезисы своей старой статьи: все самые крупные успехи русского и мирового кинематографа связаны с литературой, исключения в виде Феллини и отдельных фильмов Висконти, как и некоторых лент Эйзенштейна и Довженко лишь подтверждают правило. "Талантливый мистер Рипли", "Однажды в Америке", "Крестный отец", герасимовский "Тихий Дон" — это литература, и литература большая. А вот "мыльные оперы", "Менты" и проч. и проч. — это всё работа сценаристов.

12 февраля, суббота. Всё время думаю о трех вещах. Самое

ближнее — приезд в понедельник В.С.Степашина. Вторая мысль — надо в институте кое-что сделать, строить, реставрировать, двигаться вперед, а как за это браться, не представляю. Безумный Ефимыч подал мне докладные. Нужен миллион на новый потолок и стропила, два миллиона на противопожарную безопасность. Такое ощущение, что он работает где-то в конторе по найму, а деньги я должен доставать сам, откуда-то вынуть. А откуда? Я недавно хорошо получил по зубам, до сих пор сломлен той ситуацией, когда договоренность двух министров о реконструкции института рухнула, так как оба ушли в отставку, всё оказалось в полном обломе. А ведь сколько было перед этим сделано — я ходил в ведомство Грефа, в министерства, всюду улыбался, что-то дарил. Всюду обещали. А сейчас — в связи с монетизацией льгот, с фактической нищетой культуры и образования из-за политики финансирования по остаточному принципу — просить что-нибудь, не имея нужных связей и возможности дать большие взятки, нет никакого смысла.

Конечно, я думаю еще и о том, что через год моя жизнь изменится, потому что решение не оставаться в институте ректором я принял почти наверняка. Знаю, что всем это невыгодно, все рады взвалить на меня хлопотные заботы, но я не хочу расхлебывать всё подряд, в том числе и на ВЛК. Мне не хочется подтягивать дисциплину, увольнять стариков и видеть, когда ты на них нажимаешь, крысиный оскал наших милых интеллигентов-либералов. Мы все, в том числе и наши профессора, выученики советского дела, когда на работу смотрели как на нечто сопутствующее тому, что надо еще вырвать для себя.

Теперь, собственно, о своем. Я уже, наверное, писал, что так неловко начатая реформа вдруг подняла в народе волну самосознания. Телевидение, остальные госструктуры пытаются доказать, сколь хороша монетизация льгот. Министерство здравоохранения закупило в долг кучу лекарств (думаю — не самого высшего качества). И тем не менее народ всё протестует. Это связано, видимо, с нашим народным инстинктом: мы верим не в деньги, а в предмет, мы верим не в хлеб в мешке, а в муку, стоящую в мешке у нас на чердаке. Мы отчетливо понимаем, что деньги могут поменяться, что правительство вообще может кинуть пенсионеров или с таким опозданием идти за инфляцией, что никаких; денег не хватит. Поэтому, когда человеку обещают конкретные лекарства, он в это верит, а когда дают какие-то несчастные деньги, на которые он не сможет купить себе лекарств, — ему уже не на что надеяться.

Сейчас начался новый виток: автовладельцы и перевозчики

заговорили о цене на бензин, потому что в нефтедобывающей стране бензин стоит выше, чем в Западной Европе, не имеющей своей нефти. С топлива начинается вся цепочка инфляции. Но если опустить цену на бензин, то это означает невозможность взяток, невозможность лишних прибылей. Впереди еще повышение цен на квартиру, какой-то общественный всплеск, возможно, вызовут и эти меры.

Но я думаю, что до весны ничего не произойдет, правительство, судя по всему, испугано. Чуть не ежедневно Путин собирает какие-то совещания, на которых, сидя в кресле в западной манере, с широко расставленными ногами — поза его, видимо, должна выражать уверенность и силу, — успокаивает и собеседников, и всех нас. Правительство организовало ряд демонстраций в свою поддержку. Мне это всё напоминает демонстрации, состоящие из дамочек и гимназистов, которых в 17-м году выводило Временное правительство (впрочем, дамочки и гимназисты могут быть разных возрастов). И еще, что свидетельствует о большой обеспокоенности правительства: срочное повышение зарплаты милиции и вообще работникам правоохранительных органов. Но происходит это очень нечетко, правительство всегда держит в уме, сколько нужно оставить на случай народных бунтов и стихийных бедствий и сколько нужно отправить в зарубежные банки на счета главных персонажей нашей жизни. Поэтому денег не хватит, естественно, даже для внутреннего перелома, для того чтобы милиционеры перестали брать взятки.

13 февраля, воскресенье. Заболел С.П., я ему звонил с дачи. Температура четыре дня у него не уходит. Он обычно привык полагаться на свою молодость и здоровье: два дня интенсивной терапии с таблетками, какие можно и какие нельзя, — и на работу. Но на этот раз все заклинило. Попросил, когда поеду с дачи, заехать в аптеку и потом прислать ему некоторые лекарства. Случилось даже невиданное: он вызывал на дом врача.

Утром, как всегда на даче, проснулся рано; наверное, все-таки воздух и баня накануне дали и хорошее настроение, и хорошее дыхание. Полтора часа занимался английским языком, потом гулял с собакой, которая стареет и спит с утра до вечера. Но на морозе она оживает, минут пятнадцать бегает, скачет, а потом уже пристраивается ко мне в кильватер.

До отъезда — а уезжаю я всегда рано, в два-три часа — достал с полки книгу о русском экспедиционном корпусе во Франции и Салониках. Это огромная книга, весом в 6–7 килограммов, мне подарили ее полгода назад. Теперь я принялся разглядывать фотографии. Люди, которые создавали книгу,

подошли к делу скрупулезно и с большой душевностью. В комментариях обращается внимание то на пилотку, но на Георгиевский крест, приколотый английской булавкой. Есть кадры, конечно, жуткие: затопленные окопы, раненные и убитые люди.

Я отметил три детали. Во-первых, характер лиц: на всех фотографиях невероятно славянские лица, которые постепенно уходят из нашей жизни, меняется, видимо, генетический тип. Таким добродушием веет от них, и наряду с этим — сила, упование на Бога и судьбу. Мне так дороги эти широкоскулые спокойные люди, эти вдумчивые, покорные глаза, ведь и сам я принадлежу к этому типу и по внешнему виду, и по внутреннему мироощущению. Второе мое соображение относится, скорее, к идеологии. Оно возникло от фразы одного французского дипломата, полагающего, что Россия обладает неисчерпаемыми людскими ресурсами, и Запад вполне может, в силу более высокого уровня его промышленности, обменять этот русский человеческий материал (т. е. пушечное мясо) на снаряды, амуницию, боевое снаряжение. Не забудем, что время, описанное в книге, — Первая мировая война. Царь с большой неохотой посылал русский корпус за рубеж. А наши дрались обстоятельно, спокойно, не думая о собственной жизни. Какие портреты унтеров с полным набором Георгиев, младших офицеров! Третье соображение: серьезное отношение к убитым, которых добросовестно хоронили по православному обряду, церковь всегда была с нашим солдатом. Достаточно часты фотографии, изображающие празднование Пасхи и других религиозных дат: солдаты, выстроенные перед алтарем — круглые просветленные лица, шапки на локте…

Посылал Виктора к С.П. с лекарствами, а обратно он мне привез две дипломных работы. Полагаю, что защита будет в среду, один диплом уже прочел. Это ученица Рекемчука Ирина Богатырева. Весьма грамотно, точно, но, как и всегда в современной прозе, всё вокруг собственной биографии и собственных, достаточно тонких, переживаний. Здесь и религия — буддизм, гопники и что-то другое подобное. И чувствуется атмосфера некоей выгороженной в нашем мире площадки. Все туда приходит: и нищета, и Чечня, и религиозный эклектизм, всё как бы просачивается в фильтры этой атмосферы. Героиня будто смотрит не на жизнь, а на кино об этой жизни. Может быть, напишу рецензию.

Вечером звонил Ф.Ф. Кузнецов. Разговор все о том же — исполком или съезд. Что именно, я не знаю, ведь я ушел тогда с собрания "большевиков". Мы тогда раскололись на

"демократических большевиков" и "буржуазных меньшевиков". Разговор напоминал разведку боем, и, конечно, член-корреспондент меня переигрывал, так как точно знал, чего хочет. А выражаясь по-простому, думаю, что, оставшись без института, он хочет респекта: машины, зарплаты, чувствовать себя министром литературы уже не только России, но и всего постсоветского пространства. Я высказался относительно старых джентльменов, которые куда-то подевали всю писательскую собственность, перечислил вопросы, связанные и с Поварской, и с Комсомольским. Правда, оказалось, что в мое отсутствие "большевики" договорились о съезде. Мне показалось, что старые джентльмены (впрочем, я и сам отношусь к; ним по возрасту, однако, не по психологии) съезда боятся.

Я хорошо помню фразу, произнесенную мною на исполкоме, который рассыпался. Мы все знаем нашу писательскою психологию: главное — выкрикнуть. Кстати, думая о собрании в кабинете Михалкова-Ларионова, вспомнил речь Олега Шестинского, произнесенную по всем правилам риторики тридцатилетней давности: с гневом, клятвами, пафосом. Но не по делу. Так вот, вернусь к той самой фразе. "Писатели такой народ — их хорошо покорми, хорошо встреть, и они проголосуют за что угодно". А так ведь и было — сколько раз мы голосовали за дурное управление, за воровство, за не годных к управлению людей.

14 февраля, понедельник. В институт приезжал председатель Счетной палаты С.В.Степашин.

Меня всегда волновала природа творческого человека. Ошибочно, наверное, но я очень многое примериваю на себя. Ну, почему я с детства был очень любопытен, почему меня интересовало, как, скажем, устроен трактор? Я докапывался до реальной механики очень простых вещей — как работает мясорубка или кофемолка, в том числе залезал в нутро игрушек. Я был любопытен ко всем сторонам жизни. В 14–15 лет заинтересовался архитектурой; еще до того, как поступил в университет, не думая о функциональной стороне подготовки, отправился на лекции Радцига по античной литературе, читал ненужные, казалось бы, книжки… Но ведь всё потом пригодилось. И я всегда старался приобрести главное, духовное, или просто, потакая себе, узнать любопытное, даже избыточное, в ущерб, может быть, времени. А тут в вестибюле встречаю девушку-студентку: "Почему ты не была на встрече со Степашиным?" — "Ходила лечить зуб". Наши профессора тоже хороши — часто читают одно и то же, закисли, а ведь, кроме Лобанова, почти никого не было на лекции. Правда, сидели Горшков, Скворцов и

Стояновский, но это, скорее, по проректорской обязанности.

Народу на выступлении Степашина — почти полный зал. Но обидно, что не столько, сколько, скажем, на Жириновском. Возможно, это особенность наших потребительских душ: бежим, отталкивая друг друга, на Верку Сердючку, на Жириновского, а вот сюда многие прийти поленились. Не пришли на встречу с человеком, обладающим огромной информацией, с экс-премьером, с президентом Счетной палаты, бывшим начальником контрразведки (контр- или просто разведки, не понял, в то время одну из этих должностей занимал Примаков, а другую — Степашин), в общем, не пришли на встречу с человеком, обладающим тайнами этой жизни.

Держался он хорошо, естественно, у меня возникло ощущение, что человек он природно очень умный, честолюбивый, в известной мере задавленный обстоятельствами, но, по крайней мере, это-то уж ясно, не боязливый. Бесстрашно оперирует всеми именами, большим количеством чисел. Любопытный штрих подметил Александр Иванович: Степашин всех персонажей называл по их юношеским именам: Люся (Нарусова), Рома (Абрамович), Лена (Батурина) и т. д. Это как-то микширует степень его истинного, глубинного, подлинного отношения к этим людям, а ведь это самое главное, что интересно было бы узнать. Но здесь он глух, как стальная переборка подводной лодки, за него говорят лишь цифры и сравнение поступков. Не чинясь, после своей лекции попил с нами чаю (кстати, на этот раз столовая испекла прекрасный пирог с капустой и грибами).

В подобной ситуации я кое-что просил у Швыдкого — он обещал и сделал, а Степашин, пожалуй, первый из серьезных больших деятелей, у кого я ничего не просил, хотя показал институт, достаточно напористо объяснив состояние построек, но все-таки не просил — он сам сказал, что институту надо помочь, он что-нибудь придумает, и сказал, что примет институт и меня в Книжный союз. Это, видимо, уже взгляд и премьер-министра, и человека, не привыкшего холодно наблюдать, как огромные деньги пропадают зря. Итак, обещал институту помочь — здесь подразумевается и строительство, и реставрация, — и названная мною цифра в три миллиона долларов его не смутила, видимо у больших людей и масштабы большие.

Теперь, в довольно беспорядочной форме — так как на листочках записывал то, что говорил Степашин, — изложу его мнение по ключевым моментам. Иногда пропускаю вопросы, только ответы.

"Проблема: богатые у власти". Привел в качестве примера некоего вице-премьера, который сделал свои дела и ушел.

"Надо всегда испытывать некоторую стеснительность перед полученной властью". Привел в пример себя, когда стал премьером. Мне очень близко это чувство: отчетливо сознаю, что ректором я стал потому, что так сложилась судьба, но, с другой стороны, на месте ректора мог бы сидеть и более интересный человек.

"Кричат: "Нельзя менять Конституцию! Общество не готово!" А кто-нибудь читал эту Конституцию? Кто-нибудь помнит её основные положения о том, что у нас государство социальное? Но можно Конституцию и поменять — если она при этом позволит сделать жизнь лучше".

"Не было необходимости срочно приватизировать газ, золото, нефть и прочее".

Три раза выступавший упомянул в разговоре слово "Чукотка". Это у него — как оговорка, по Фрейду. Я даже спросил: связано это с Абрамовичем или с футбольной командой? На Чукотке 75 тысяч жителей, пять тысяч чукчей, три тысячи чиновников. Те 175 миллионов долларов, которые Абрамович тратит на Чукотку, — для него ровным счетом ничего не значат. В связи с этим что-то спрашивал я, а С.В. отвечал. Я, в частности, сказал, что очень много мест сенаторов в Совете федерации, которые проплачены, олигархи, видимо, хотят числиться властью, иметь депутатскую неприкосновенность. Он согласился, что это безобразие, выразил мнение, что тот принцип, который был в самом начале, — два выборных человека от региона — самый оптимальный, хотя и заметил, что в наше время выборы практически дискредитированы, и в связи с этим назначение губернаторов рационально.

Очень много Степашин говорил о так называемом стабилизационном фонде, об обслуживании внешнего долга. У меня, как и у него, есть ощущение, что и погашение внешнего долга, и стабилизационный фонд при всей внешней привлекательности — ах, какие хорошие, рачительные хозяева! — скорее признак беспомощности правительства, так же как и хваленый профицит. Самый большой дефицит — в бюджете США, и тем не менее они живут и процветают. Экономисты!

"У нас сейчас экономика "выжженной земли", "экономика Луны"". Степашин говорит очень точно психологически, пожалуй, он один из тех немногих политических деятелей, кто понимает и хорошо чувствует, что такое социальная психология.

Особый разговор был о министре Зурабове, о льготах, которые с его помощью уничтожают. С.В. признает, что Зурабов — человек-компьютер, много знает, замечательно считает, но мне уже очевидно, чем Зурабов отличается от Степашина: второй

корнями, духовно очень сильно соединен с народом. Я снова задал какой-то полупровокационный вопрос, в котором употребил термин "коэффициент вороватости", и выяснилось, что Зурабов крепко связан с фармацевтической промышленностью, и целый ряд закупок лекарств должен был идти через близкие к нему фармацевтические фирмы. Теперь это вроде бы сорвалось. И дохода нет, и позор большой. Степашин привел в пример Китай, где ни одна реформа не проходила без длительного испытания в одном или двух регионах. Так же, как и я, считает, что бессмысленно отправлять в отставку и Зурабова, и правительство.

Еще вопрос: "Не скажете ли — ведь вы практически все знаете о деньгах: откуда они возникают и куда деваются, — советуется с вами президент, назначая того или иного губернатора?" Насколько я понял из ответа, Счетная палата аккуратно отправляет отчеты своих изысканий в администрацию президента.

У гостя очень правильные и точные мысли относительно армии и людей в форме. Я рассказал о своем племяннике-полковнике, который за 600 рублей сутки стоит на нашей проходной и, как сторож, открывает ворота. С.В. огласил цифры: пять с половиной миллионов людей в России носят погоны. Это не только армия, но и таможня, прокуратура и проч. Такого количества людей в форме не может прокормить ни одна страна в мире, это вторая статья по расходам. А мы все говорим только о реформе в армии! Привел пример с реформой советской армии: после того, как Советы победили, Троцкий, возглавлявший армию, увидел в двадцатые годы, что прокормить её невозможно, — и она была сокращена сразу в десять раз. Еще: в США три высших военных учреждения, три военные академии по родам войск: море, воздух, земля. У нас — 28 академий.

И, наконец, последнее. Точка зрения Степашина на писательское мастерство — он же недаром президент Книжного союза: "Пишите искренне, — советует он. — Если вы верите себе, всегда найдется ваш читатель".

На встречу со Степашиным пришел Куняев. Интересно, что для бывшего премьер-министра это фамилия знакома, читал. Станислав Юрьевич принес мне два за этот год номера "Нашего современника" с моими дневниками. Когда, уже дома, я решил посмотреть, как сокращен вдвое против первоначального текст для журнальной публикации — мы с С.Ю. об этом договаривались, — невольно принялся читать, не в силах оторваться: то ли потому, что это моя жизнь, то ли потому, что это воспоминания о совсем недавно улетевшем времени. Похоже, по массе я дотягиваю до Теляковского. Как бы хотелось бросить писание дневника, но не могу, затянуло.

Еще утром была М.В.Зоркая — я давал ей прочесть "Марбург" — и сказала, что роман очень интересный. Подобное мне по телефону сказал и Леня Колпаков. Это подтверждение того, что я и сам чувствую. Специально даю на читку людям, которые в литературе, да и в жизни, не соврут. Сегодня же утром один экземпляр отослал в "Новый мир", другой — в "Октябрь", Барметовой. Теперь я, как охотник в засаде: в какой форме будут отказывать?

15 февраля, вторник. Сегодня, как всегда, семинар.

Обсуждали труды двух девочек — Морозовой и Юргеневой. По этим, еще ученическим, работам можно сказать, что это довольно серьезно. Меня, конечно, немного смущает, что уже середина 3-го курса, а мои студенты так и не могут выйти на масштаб. Приехали еще две иркутские девочки.

Жизнь замечательно интересна, интересней, чем это можно предположить. Уже второй день читаю роман "Фрида" о последней любовнице Троцкого. Мне особенно это интересно, так как я бывал в Мехико в музее Троцкого и в музее художницы Фриды Кало. Роман, написан чисто, автор — специалист по Мексике, и хорошо показывает подлинный материал. А его очень много, так как сохранились дневники. Для меня самое главное — подробности того времени, знание Троцкого, его жизнь, его мысли. И все, оказывается, не так прямолинейно, как мы себе представляем. Вот, например, такая мысль Троцкого, вызванная в известной мере досадой и полемикой: если бы не Сталин (или — Советы?), возможно, Гитлер не пришел бы к власти. Он считает, что несколько пассивное отношение к войне в Испании со стороны Советского Союза повлияло на приход к власти Франко. Это, конечно, не абсолютно, но как один из векторов проблемы рассматривать можно.

16 февраля, среда. Первый день начала работать дипломная сессия. Защищались девушки из семинара Рекемчука. При всем своеобразии выбора А. Е. молодец и большинство своих студентов доводит. Из пятерых трое получили "отлично": Маранцева, Поплавская и С…….Так же как и девочки из моего семинара, они выжимают литературу из своей собственной тонкой натуры. Их как бы и не интересует внешний мир, исключение составляет, пожалуй, только Воронцова, написавшая о поездке в Индию с родителями в качестве туристов. Здесь произошло некоторое отстранение от материала, возникли возможности вариаций со словом.

Некоторую дискуссию вызвала дипломная работа Анны Маранцевой. Я помню эту девочку, пять лет назад поступившую на платное отделение. После 1 курса А.Е. хотел ее исключить, я заступался, она осталась. Руководителя, видимо, смущала тематика ее произведений: она работает более чем стриптизершей где-то в ночном клубе, в чужую жизнь я не полезу, но об этом, собственно говоря, и написаны её рассказы. Я всегда думаю, что очень трудно через "я" пропускать и самую серьезную лексику, и вообще стереоскопию мира. Тем не мене диплом приняли, хотя довольно резко о нем сказал Самид Агаев — он еще залез в интернет (по следам повести) и обнаружил, что там есть две фотографии — на одной достаточно обнаженная девочка,

на другой — ее отношение, обнаженное же чувствование по рассказам дипломной работы. Кстати, речь Агаева вызвала аплодисменты. Его мысль: не всегда девушка поступает так из-за социального момента. Я посмотрел и другие кадры Анны, девочка она редчайшей молодости и красоты, но меня интересует, где здесь натура, а где реклама, стремление во что бы то ни стало и вопреки всему пробиться. Думаю, девочка понимает, что литературных возможностей у нее не очень много. Таким образом я тоже влез в эту маленькую литературную склоку и вспомнил, что и стиль и тематика Маранцевой очень напоминают стиль и тематику целого ряда учеников и учениц А.Е.: М.Шараповой, Р.Сенчина, покойной Евы Датновой, вот теперь и Маранцева так пишет. Александр Евсеевич по поводу каждой своей ученицы говорит, что это — абсолютное явление. Но мне кажется, что и в подобной тематике, и в подобной лексике писателю развиваться очень трудно.

Вечером прочел большую статью, вернее доклад, который Михалков вроде бы произнес на исполкоме. Мне было тем более интересно, что я сопоставил это с тем, что мне рассказал по телефону Сорокин. История повторяется. Оказывается, утром Михалков с какими-то плотными ребятишками появился у здания и пытался войти в него. Да, закон есть закон, но сейчас надо войти, взять власть, а уже потом начнут действовать законы. Пока там кого-то пускали, кого-то не пускали, состоялась летучая пресс-конференция. Одни адвокаты против других адвокатов, одни знающие люди против других знающих. Выяснилось, что и 900 тысяч долларов, о которых Михалков пишет в своей статье, нашлись, и другие обстоятельства не так однозначны. Обе стороны сейчас идут на разные ухищрения. Я даже думаю, что на один день мне придется отложить поездку в Ленинград: пускай там открывают без меня, а я утром, с поезда, поеду прямо на просмотр.

17 февраля, четверг. Утром, как и договаривались, был у Кондратова. Если функционально, то, к сожалению, денег у С.А. не взял, книги будут, скорее всего, в понедельник, так что на машине их отправить не удастся, придется везти на поезде. Оказывается, не только я растяпа: в конце разговора Сергей стал искать ключи от сейфа и установил, что они потеряны. Меня волнует не столько то, что деньги он обещает прислать завтра, сколько именно потеря ключей — я знаю цену этим мелким несчастьям, которые закрывают горизонты жизни.

Каждый раз, когда бываю у С.А.Кондратова, думаю, какое он имеет значение в моей жизни, я и писал много об этом. Сегодня, пока искали ключи и разговаривали, просидел там довольно

долго и все рассматривал книги, которые выпустил его холдинг. Здесь большое количество вещей просто уникальных, комплект которых стоит не одну и не две, а может, три тысячи долларов и более. Книги в ларцах, репринты в драгоценных переплётах. Да, где-то продолжает идти та книжная жизнь, о которой мы в свое время знали только по отделу редких книг Ленинской библиотеки. Самое главное — это, конечно, 62-томная Энциклопедия, которую издательство выпускает летом. Эти 62 тома будут стоить около двух тысяч долларов. Выпускаются все сразу. Сережа показал мне сигнал первого тома. Я с гордостью должен отметить, что в свое время наш институт готовил сюда словник по литературе. Впервые энциклопедия идеологически безоценочна, Писарев здесь — просто Писарев, а не революционный демократ, а Абрамович — просто богатый человек, а не… (из вежливости опускаю собственные эпитеты). Всё здесь цветное — и фотографии, и портреты, если взять каждый том, то по цвету бумаги видно, к какому разделу относится статья: один цвет — у больших статей по географии страны и регионов, другой цвет — у статей по искусству, третий — у статей по технике. Главный редактор издания — сам Сережа. Это памятник при жизни. Я видел, как он работает: каждая статья лежит в трех или четырех вариантах, и практически выбирает он. Естественно, заглядывает в Большую советскую энциклопедию, а в приемной у него в этот момент как раз разбирают ящики с первой советской энциклопедией, такой же, какая стоит и у меня дома; редактор там, по-моему, Бухарин.

Пришел в институт и стал сначала прозванивать в Книжный союз — оказалось, союз сократил для института взнос при вступлении: вместо 30 тысяч рублей мы должны внести только половину. Тут же меня попросили срочно написать на имя С.В.Степашина бумагу со всеми нашими просьбами по реставрации. Мне кажется, С.В. выбрал верный вектор своей деятельности: человек, который отреставрирует Литинститут, навсегда войдет в общественное сознание, по крайней мере мы об этом позаботимся.

Пришел факс из Китая. Я просил переводчика "Имитатора" вставить в книжку для объема "Стоящую в дверях", но оказалось, повесть уже переведена в начале 90-х годов. Ай, да Есин, ай да сукин сын, а я этого и не знал!

Вечером был в Театре русской драмы. Его ведет Михаил Щеленко, который в свое время получил премию Москвы, а теперь приглашает меня почти на все спектакли. На этот раз показывали водевиль "Беда от нежного сердца" Ф.Сологуба. К концу жизни впечатления начинают сталкиваться. Я эту пьесу смотрел в театре

уже раз 10–15, и всегда её вывозили один-два очень хороших актера. Теперь вышло несколько по-другому — скорее, вывозит пьесу ансамбль. Все актеры и актрисы абсолютно профессиональны, хотя и не самой высшей категории, играют весело и искрометно. Кстати, и драматургия не самая плохая, время уже делает сейчас точную селекцию — как я понимаю, целый ряд речений, превратившихся в общенародные, именно из этого водевильчика. Но в спектакле есть еще одно достоинство: Щеленко слепил его очень точно, без малейших излишеств. Парадокс в том, что эта старая пьеса вдруг оказалась сегодня невероятно актуальной. Может быть, у меня такое впечатление сложилось после защиты дипломных работ… Ах, эти милые, современные девушки, желающие от мужчины только одного — денег. Ах, эти дошлые мамаши! И откупщик со своим глуповатым сыном — это тоже примета времени.

18 февраля, пятница. Утром, наконец, дочистил письмо Степашину, и сам остался доволен. Сергей Вадимович получит документик, написанный по правилам художественной литературы.

Председателю Счетной палаты

Российской Федерации
Степашину С.В

Глубокоуважаемый Сергей Вадимович!

Обращаюсь к Вам, в первую очередь, как к общественному деятелю, чётко осознающему увязанность вопросов экономики и культуры, воспитания и государственного строительства.

Обращаюсь для того, чтобы создать определенное общественное мнение в связи с той ситуацией, которая складывается вокруг Литературного института, точнее вокруг ремонта и реконструкции его зданий. Конечно, есть и тайная надежда: а вдруг поможете? Впрочем, с такой же надеждой я обращался в Администрацию Президента к г-ну Волошину, в ведомство г-на Грефа, к бывшему министру образования г-ну Филиппову, к бывшему министру культуры г-ну Швыдкому. И я бы сказал, что у некоторых из перечисленных адресатов находил сочувствие и понимание, вернее, понимание проявляли все. Я даже обращался в Государственную думу, но, впрочем, об этом лучше не говорить.

Один раз у меня даже возникло чувство победы, когда вдруг два министра (образования и культуры) почти договорились

сделать совместными усилиями первый шаг: для начала хотя бы выделить деньги на довольно дорогостоящее проектирование, а потом уж, дескать, можно обращаться с этим вопросом и в правительство… Но недолго испытывал я ликование: жизнь разбросала бывших министров в разные стороны, вот теперь я начинаю всё сначала.

Мне, не только как ректору, но прежде всего как человеку, всю жизнь занимающемуся культурой, как писателю, да и просто как мыслящему гражданину, абсолютно ясно, что комплекс институтских зданий, находящийся в центре Москвы и представляющий из себя несколько памятников архитектуры, культуры и общественной жизни, не должен бесконечно ветшать. Так же как элитное учебное заведение, расположенное здесь же, давшее стране такое большое количество имен первой величины, не может постоянно существовать возле черты бедности.

С одной стороны, это дом, где у помещика Яковлева в канун наполеоновского нашествия родился внебрачный сын, ставший впоследствии знаменитым звонарем при лондонском "Колоколе", раскачавшем самодержавие и подвинувшем Россию к февралю 17-го года; где в литературном салоне 40-х годов бывали Языков и Гоголь; где единственная сохранившаяся в Москве квартира Осипа Мандельштама; место жительства и смерти Андрея Платонова и рождения основного корпуса его сочинений; наконец, особняк, ставший легендарным после появления романа Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита", — все это требует особого отношения, элементов музеефикации, щадящего режима эксплуатации. Если таких мест не станет — значит, будет утеряна память о слишком дорогих для всех нас вещах.

С другой стороны, сейчас (впрочем, как и много лет назад) Литературный институт испытывает огромный недостаток учебных площадей. В критическом состоянии, в подвале, находится библиотека института, кстати, лучшая из библиотек творческих вузов России. Дефицит общих площадей составляет, по расчетам Гипровуза, около 5 000 квадратных метров. Здесь уже приходится говорить о том, что центральное здание — главный дом "Усадьбы Яковлева" (XVIII в.) — с деревянными междуэтажными перекрытиями, представляющими особую пожароопасность, за многие годы интенсивной эксплуатации подвергалось многочисленным перепланировкам, в результате которых исчез зал с колоннами и анфилады комнат, культурный слой вокруг здания поднялся на один метр.

Тем не менее выход есть. Идея принадлежит не только сегодняшнему времени, а целому поколению ректоров. Она заключается в том, чтобы на месте бывших конюшен, впритык к

брандмауэру соседствующего с институтом Театра им. А.С. Пушкина, вместо сегодняшних гаражей выстроить дополнительный современный учебный корпус, соединив его с корпусом заочного отделения, перевести сюда учебный процесс, а центральное здание поставить на нормальную научную реставрацию.

В организационном плане посильная работа институтом сделана. В свое время, в 1994 году, одна из мастерских Моспроекта подготовила альбом предпроектных предложений. В 2002 году фирмой "Аверс проект" (являющейся преемником утонувшего в процессе торопливой перестройки Гипровуза) был составлен "укрупненный технологический расчет комплексных зданий и сооружений с ориентировочной сметной стоимостью строительства учебного корпуса". На основании этих документов в 2003 году мастерской "Эдлайн" был подготовлен эскизный проект. Следующий этап — это сам проект, стоимость которого определяется в 10–15 % от стоимости строительства. По расчетам, само строительство, в зависимости от вариантов проекта, обошлось бы от 2,7 млн. долларов до 4,7 млн. долларов.

Но если бы я был царь и приехал в Литинститут, погулял по его большому двору, через который прошла практически вся литература XX века, посидел бы в небольшом актовом зале, где в последний раз выступали Блок, Есенин, Маяковский, ректорствовал Брюсов и встречался с литераторами после приезда из Италии Горький, взглянул бы на легендарную ограду, описанную в культовой книге русской интеллигенции "Былое и думы", представил бы себе, что ироничный дух Булгакова именно здесь водил озорных своих героев, я бы сказал так: "Чего там мелочиться, господа, нашей России предстоит стоять долго, а русский народ — народ взыскующий культуру, поэтому давайте сделаем реконструкцию в две очереди: построим этот самый учебный корпус, о котором так интересно говорит наш верноподданный ректор, с удобным книжным хранилищем и большим читальным залом, встроим под него гаражи, а спортивный зал расположим как раз под нынешней спортивной площадкой, на которой, как и при Герцене, что-нибудь посадим, чтоб было красиво и зелено, центральное же здание поставим на реставрацию. Не забудем и о флигеле, тоже легендарном, где много лет располагалась редакция журнала "Знамя". Помните, именно в нем было опубликовано пастернаковское "Свеча горела на столе"? Здесь можно разместить Музей литературы, и какой прекрасный культурный уголок получила бы столица! Тут же останется и небольшой институтский театр. А, кстати, где у нас мэр Москвы, господин Лужков? Может быть, и он принял бы

участие в этих необходимых и благородных работах, независимо от того, чья это собственность — московская или федеральная? Москва-то у нас одна!"

Вот такие у меня, Сергей Вадимович, размышления по поводу института и его дальнейшей жизни. Надеюсь, кто-нибудь когда-нибудь разделит со мною эти заботы.

С уважением,
ректор Литературного института С. ЕСИН

Утром же встретился с Максимом Замшевым. Наши московские молодые ребята уже, оказывается, распределили все роли в будущем МСПС, у них своя интрига, свои ходы, и все почти довольны, что я уезжаю в Гатчину. Они хотят от меня доверенности на исполком. Но я, наверное, дам им две доверенности — одну на исполком, другую на съезд, попробую поиграть за обе команды. Все рассказывают разные страсти друг про друга.

Вчера вечером внимательнейшим образом прочитал наконец-то доклад Михалкова, здесь тоже достаточное количество натяжек. На каком это, интересно, исполкоме Сергей Владимирович прочитал этот доклад? В зале осталось шесть членов исполкома, а тринадцать — ушло. Как мне надоели эти взрослые дяди, которые во что бы то ни стало хотят хоть мифической, но власти! А может, хотят собственности остатков собственности? Так и подмывает меня спросить у них: а где принадлежавшие ранее Союзу писателей Дома творчества в Прибалтике, Средней Азии, на Каспии? А где деньги, вырученные за продажу домов на Поварской? А кто получает аренду за подвал, где сейчас ресторан, на Комсомольском? Куда делись гаражи, кто получил прибыль с Малеевки и с земли во Внуково? И прочее, и прочее, и прочее…

Кстати, во время разговоров выяснилось, что старые джентльмены очень интересуются и Литературным институтом, — дескать, когда-то это было писательской собственностью. Занятные люди! В тот момент, когда они занимались собственными прибылями и политическими интригами, я тихо-спокойно выгородил и вывел Литературный институт из зоны каких-либо претензий. В свое время Союз писателей добровольно отказался от так называемой собственности под названием "Литературный институт" — и от общежития, и от зданий на Тверском бульваре, — чтобы не платить за их эксплуатацию. В свое время была даже создана согласительная комиссия в Госкомимуществе, которая

постановила, что Литературный институт "вынесли за скобки" дележки.

А Ф.Ф.Кузнецов, потерявший свой институт… Какая же это страсть к высокой зарплате, к машине, к власти! Крики начальствующих джентльменов у меня в ушах еще с прошлого исполкома.

Чуть выше я цитировал письмо министра образования Самарской области. Доблестный министр отказал в помощи двум нашим студентам, и вот один из них, Сережа Карясов, подал мне заявление: "Не имею возможности продолжать обучение из-за материальных проблем. Нет сил нормально готовиться к сессии, так как приходится работать на двух работах, чтобы приехать в Москву на сдачу экзаменов. Ваше прошение к губернатору о выделении помощи самарским литераторам было отклонено". Ну, вот так. Самарская область почти наверняка потеряла хорошего, грамотного поэта.

Успели прийти книги для Гатчины, и мы отправили их на машине с кинопленками. Еще не пришел конверт с деньгами от Кондратова. Буду его ловить в понедельник, дай Бог все обойдется, С.А. не такой человек, чтобы хитрить.

К концу дня прочел почти всю дипломную работу Маранцевой. Конечно, она до некоторой степени ведет двойную жизнь. Но разве многие, в том числе и писатели, ее не вели? Сколько было развратников, пьяниц, кровосмесителей, биржевых игроков, преступников. Достаточно вспомнить в русской литературе знаменитый солитер и убийство французской актрисы, а во французской — Бомарше. Что касается прямой отсылки к своему сайту, а также инвектив о якобы бессмысленной литературе, то, с одной стороны, это обычная страсть писателя выговориться, побалансировать на узкой дощечке между правдой и вымыслом — а вы, дескать, догадайтесь! — с другой, какое-то даже щегольство: вот смотрите, из какого сора делаю я свою литературу, сможете ли вы из чего-то подобного сотворить свою вы? Хотя и речь Агаева я не могу признать лишенной смысла и пафоса истинности. Он тоже высказывал свое, писательское, имея ввиду свою художественную практику. Маранцева, вопреки моему первоначальному мнению, явление, конечно, очень яркое, неоднозначное, и, во всяком случае, девочка, которая умеет страдать.

Уже поздно вечером с жадностью дочитал роман Юрия Папорова "Фрида". Давно не читал я с таким интересом. Какая прелесть — оттолкнуться от телевидения и читать хорошую книжку! Наверное, повторюсь, но здесь и знание Мексики, и знание общей истории. Хорошую книгу всегда отличает густой

замес фона. Читая, мы иногда и не понимаем, о времени это или о героях, и то и другое интересно. Есть подробности, которые меня взволновали. Если бы я решил писать пьесу о Сталине и Фейхтвангере, не хочу дышать архивной пылью старых газет, все сведения можно получить из книг, между делом. Вот замечательная подробность:

"— Да, пока не забыл, я видел Пелиссера. Карлос сказал, что все-таки драка была, он присутствовал на всех заседаниях.

— Каких заседаниях?

— Второго съезда Международной ассоциации писателей в защиту культуры в Испании.

— Ну, и что? — заинтересовалась Фрида.

— А то, что все члены советской делегации набросились на Троцкого и Андре Жида.

— А на Жида зачем?

— За книгу "Retour de l` USSR". С ними случилось то же, что и со мной в Москве. Поначалу ты настолько захвачен идеей пролетарской революции, что готов отдать за нее жизнь. А потом ты видишь, что происходит на самом деле… Со мной это произошло в двадцать восьмом, с ним — совсем недавно. А Жид — честный человек, он и написал честно о том, что увидел. И теперь Сталин явно велел Кольцову, Эренбургу и моему другу Алексею Толстому проучить Андре Жида, чтобы другим не было повадно. Ясно?.. По этой причине ни Дос Пассос, ни Хемингуэй в Испанию на съезд не поехали…"

Еще одна цитата, которую я пометил, интуитивно полагая, что она мне понадобится. Ее вполне можно было бы отнести к Анне Маранцевой: ""Истинная талантливость происходит от сочетания сексуальных отношений с работоспособностью". Правда, сказав это, дон Леон уточнил, что цитирует Фрейда". Кто бы мог подумать, что начну цитировать Фрейда через Троцкого!

Звонил опять Ф.Ф.Кузнецов. Он сообщил, что возглавляет Международный литфонд. Теперь ему, как я понял, смертельно захотелось захватить МСПС. Это многоходовка: Михалков человек не молодой, после него можно возглавить как бы все постсоветское литературное пространство. Писал ли я, что у нашей молодежи из Московского союза другая идея: во что бы то ни стало не допустить Ф.Ф. к власти, для этой цели они наметили Бояринова? Я не против Бояринова, но в схему не помещается Ларионов, за которого горой стоит Бондарев. Я слишком проговариваюсь по поводу своей неприязни к нашим литературным функционерам.

19 февраля, суббота. В пятницу дал два интервью по телефону. Все куда-то гонят, гонят, не успеваешь что-либо

сообразить. Одно интервью появится в "АиФ" в понедельник — это о культуре. К моему удивлению, второе, короткое, уже появилось в "Труде". Газета объявляет своих лауреатов. Вот, кстати, образец сбалансированного политически, а не по существу, видения ситуации: тут и политика (Вл. Кравченко, директор школы во Львове), и юбилеи (Г.Волчек), и куда мы ходим в театры (И.Чурикова), и спорт (Л.Галкина, чемпион по стрельбе, потому что мы стали уделять внимание спорту), и, наконец, С.Степашин (чтобы не копал лишнее в бумагах и потому, что со временем может стать президентом). Ну, здесь они, возможно, и не ошиблись, и дай Бог, чтоб не ошибся и я).

О Сергее Степашине, руководителе Счетной палаты РФ, — Сергей Есин, ректор Литературного института им. И.Горького:

Степашин представляется мне решительным государственным деятелем, человеком взвешенным, порядочным, безукоризненно честным — это известные качества. Недавно он был у нас в Литературном институте, я познакомился с ним поближе, и меня особенно порадовала его внутренняя связь с жизнью простого, как говорится, гражданина. Он все время держит в уме масштаб проблем страны, в том числе и таких: как живут люди у черты бедности, что можно сделать для них?

Обратил внимание и на его позицию по вопросам, близким лично мне, — об образовании, отношении к памятникам архитектуры (таковым, собственно говоря, является и здание нашего института). Увидел и здесь явный государственный взгляд, отчетливое понимание комплекса проблем. Назовем их, может быть не совсем скромно, но, полагаю, верно: Россия и ее будущее.

Не ошибся "Труд", назвав и Алексея Пушкова, — отдал дань средствам массовой информации.

20 февраля, воскресенье. Где-то после полудня на дачу позвонила В.С.: умер Юра Копылов. Уже в Москве вечером я узнал от Тони, его жены, что Юра умер в 5 утра, дома, на ее руках. Голос ее был спокоен и взвешен. Попрощаться можно будет на Мытной, у него дома, в четверг, в 10.30. В этот день я как раз уезжаю в Ленинград, а буквально в то же время Литинститут будут принимать в Книжный союз.

Сколько же заканчивается со смертью Юры! Мы познакомились с ним в 1967 году, я столькому у него научился. Все мои воспоминания, наши воспоминания, уходят навсегда в вечность: Навои, Мурунтау, Белокуриха, Хоста… Я почти плачу, когда пишу эти строчки. Я даже за границу туристом впервые выехал, потому что Юра и Тоня дали мне взаймы денег.

21 февраля, понедельник. До двух часов вел обычную

институтскую жизнь, в том числе и посмотрел дипломную работу Селявина (?), которую Е.Рейн не принял в прошлом году, не принял и в этом. Это очень легко — не принять работу, однако, значительно труднее ее заново проструктурировать, переверстать, поправить, может, что-то парню еще и присоветовать новое. Я бы обязательно добавил сюда прозу или какое-нибудь теоретическое сочинение. Надо обязательно показать эту работу Гале Седых, она все хватает налету.

В два часа состоялось заседание оргкомитета. Опять закрытый подъезд, рослые охранники, впускающие в здание по строгим спискам. Правовые аргументы, весьма справедливые, таковы: после раскола на исполкоме власть взял на себя оргкомитет, от лица которого и собирается съезд. Мы с Арсением оба слишком долго и подробно изучали историю партии, чтобы не знать процедуру. Старик Ленин опять нас учит. Собрались в знаменитом председательском кабинете. Все по-своему рассказывали о ненавязчивых контактах, которые имели с ними или Михалков, или Кузнецов. Возникло такое соображение: ни в 1992-м, ни в 1995-м их с нами не было. Гусев был недавно в гостях у С.В., пили чай. Присутствовала, естественно, и Салтыкова. Миссия Гусева совпала с желанием всех нас как-то помирить Бондарева и Михалкова.

Попутно: сегодня же звонил мне представившийся заведующим отделом газеты "Советская Россия", мой бывший студент Сережа Гончаренко (?) и спросил: "При той войне, которая идет сегодня в МСПС, вы, Сергей Николаевич, за кого: за Михалкова или за Ларионова?" Я начал с того, что вопрос некорректен; мне по-своему дороги оба, и обоих я ценю. Но, вообще-то, я — за писательскую собственность, которую многие годы разбазаривают. Ларионов говорил о поддельной печати, которая оказалась у Шереметьева, о том, что Михалков заблокировал счета в банке. Мы все отчетливо понимали, кто за всем этим стоит. Об этом же мы поговорили с Гусевым, когда вышли после исполкома. Еще до того были произнесены слова "молодые волчата". Боюсь, что Гусев не очень точно представляет расстановку сил у себя за спиной. Съезд состоится 25-го в 12 часов. Если я останусь, то обязательно приду пораньше, чтобы понаблюдать. В конце концов, фестиваль я уже открывал десять раз, а съезд писателей, да еще с такими сложностями, — явление уникальное.

Звали на чаепитие к Михалкову 23 февраля, после или во время которого должен был состояться некий альтернативный съезд. Жизнь непишущих писателей фантастична. Ведь это же кто-то придумал! И кто-то все время пишет бумаги, телеграммы,

звонит по телефону…

Начал и с упоением читаю новый роман Виктора Пелевина "Священная книга оборотня". Как ни странно, мои первые впечатления от книги встретились с теми рассказами о Пелевине, которые я слышал в Пекине. Он приехал туда, снял жилье, купил или взял на прокат велосипед, ездил по городу, встречался с какими-то людьми. Книга-то о китайской по своей природе лисице, с которой мы встречаемся под видом проститутки в Москве. Читается книга легко и изящно, Пелевин очень талантливо, без натуги монтирует довольно простые, лежащие на поверхности сведения из других книг. За этим романом чувствуется, что автор скорее живет, читает, путешествует, но ни в коем случае не мучается муками творчества, его жизнь довольно естественна, и в романы потом легко входит все, что его окружает и что он любит. Много английских слов и идиом, интернет как компонент сегодняшней молодежной жизни. Прочел пока лишь 100 страниц. Вот серьезная ли это литература, не знаю, но милая, развлекательная, изящная. Настанет вечер, и я опять с удовольствием залезу в этот роман.

22 февраля, вторник. Утром на семинаре Рейна выступал Равиль Бухараев. У нас часто бывает так: если имя известно, уже потом начинаем разбираться — откуда, что и о чем пишет. Из дерзкого любопытства пошел на семинар. Оказывается, гость из Лондона. Из разговора с ним узнал, что по образованию математик, закончил Казанский университет. Последние 12 лет работал на русской службе Би-Би-Си. Кроме поэзии (о стихах чуть позже), пишет по истории, пишет, кстати, на русском и английском языках. Знает еще несколько восточных языков — естественно, родной татарский. В свое время попал в Венгрию по командировке Союза писателей. На венгерском написал венок сонетов. В венгерском языке у каждого слова огромное количество оттеночных синонимов, значит этим он близок русскому. Рассказывал о поэзии Золотой орды. Человек, конечно, интересный, много подробностей сообщил, для меня увлекательных. Например, как в 44-м году эту поэзию Золотой орды похоронили решением Татарского обкома в Казани… Говорил о свой жене, Лидии Григорьевой, с которой я знаком. В прошлом году они потеряли взрослого двадцатидевятилетнего сына.

Стихи его достаточно выразительны, но скорее это свободный поэтический полет, часто не столько поэзия, сколько поэтичность. Я уже давно заметил, что зарубежные поэты, особенно филологи игрового направления, замечательно артистично читают свои стихи. В своей истории Бухараев не обошелся без определенного

диссидентства: "Наделила грудой объедков, называясь моей родиной"… "Мне ведь — идолы твои боги". Рифмованные медитации, но иногда встречаются пронзительные строчки: "Мы поедем в Венецию плакать, удрученные мать и отец", "Только б вымолить нам сна без видений" — это, насколько я понимаю, отзвук трагической гибели сына. Боюсь показаться циничным, но это человеческое несчастье стало как бы импульсом обостренной поэзии.

Много рассказывал об исламе. Много говорил о Льве Гумилеве, тут ему помогал и Рейн. В исламе, в движении тюрков по Руси есть, оказывается, несколько периодов. Первые 25 лет — это, конечно, захватчики. Потом таковых почти не стало, были татары, с которыми Россия привыкла уже иметь дело. "Ордынский выход — 10 процентов от дохода. Эти средства, в основном, шли на строительство и охрану дорог". Мне стало немножко яснее, с чем и с кем воевал Иван Грозный. Целая гроздь татарских городов по нижнему течению Волги. Кирпич от их построек — в основании строительства Астрахани и Саратова.

Бухараева волнуют две вещи: подлинность и происходящее.

Утром же говорил с Рейном относительно диплома Сельянова. Женя, конечно, человек компанейский, богемный, за столом с чужой рукописью сидеть не любит и не умеет, но все-таки, думаю, что грешно было бы парню не помочь.

Перед началом семинара заходил Руслан Киреев, который прочел мой роман. Он показал отдельные кусочки, касавшиеся непосредственных персонажей, главному редактору Андрею Витальевичу. "Новый мир" готов его взять и напечатать к концу года. Это свидетельствует, конечно, о том, что им печатать такого, что явилось бы чтением, нечего. Но есть один неприятный аспект: для журнального варианта надо сократить роман на треть. Может быть, я и пошел бы на это, но самому делать не хочется — это всё равно, как себя же оперировать, вырезать кусок желудка и. вправлять кости. Во время разговора с Русланом, скорее по моей инициативе, решили показать роман Новиковой, жене В.И.Новикова, проверив тем самым их демократическую принципиальность. Мне это интересно, так как я знаю, как плохо они ко мне относятся. Впрочем, не покривив душой, я сказал, что мой роман — это, в известной мере, реакция на филологические романы ее мужа и ее самой. Но я все-таки попросил тайм-аут: хочу дождаться решения из "Октября". Правда, это связано и с моей ленью, но, повторяю, самому делать операцию не хочется. Может быть, вивисекцию произведет Боря Тихоненко, моя надежда.

Днем обсуждали на семинаре рассказ Ани Морозовой о

девочке, почти удочеренной взрослой женщиной, врачом. Рассказ называется ее именем — "Лиза". На этот раз я избрал иной метод обсуждения, чем обычно. Сначала сынтегрировал и получил общую оценку рассказа семинаром, а потом уже стали разбирать текст по абзацу, с начала.

Вторая часть семинара — обсуждение рассказа "Младенец" Ирины……. Эта иркутская девушка написала о неродившемся ребенке, с точки зрения его отца: мать сделала аборт. В рассказе много не до конца отшлифованного. Но я порадовался за Аню и Ирину — они взяли монументальные темы! Это — гражданское внимание, и дай Бог, чтобы девочки дозрели.

Волнует меня ситуация в Союзе писателей. Мне никогда ни от кого ничего не было нужно, а вот теперь воюют две стороны, и в обязательном порядке вовлекают нас. Я должен решать между двумя людьми, которых люблю: между Бондаревым и Михалковым. Как хорошо было бы здесь просто подчиниться сердцу, но сюда вклинивается прошлое, воспоминания. Все время заставляю себя прислушиваться к тому, что делается в душе. Вообще, в таких вещах надо придерживаться иррационального.

22 февраля, вторник. Вечером традиционно прошел Клуб Рыжкова. К этому клубу я начинаю привыкать. Сначала мне казалось, что там я могу осуществлять некоторые светские мероприятия — кого-то увидеть, с кем-то переговорить, но потом понял, что не только это приносит клуб, что я обязан ему значительной частью своего багажа. Выступал В.В.Каданников, генеральный директор Автоваза. Его давно не видно по телевидению, а когда-то он состоял вице-премьером. Мы знаем, что у него был крепкий контакт с Березовским, и где же тот "народный автомобиль", на который собирались огромные деньги? Я не буду приводить цифры, они чудовищны и неопровержимо свидетельствуют о коррупции и забвении всех государственных интересов. Всем почему-то кажется, что автомобиль — одна из отраслей промышленности, но вот в Америке 10 процентов всех рабочих мест занято в автомобилестроении. Мы здесь, конечно, безнадежно отстали. Когда говорят о нашем автомобиле, то всегда пренебрежительно, как об устарелом. Я, правда, так не считаю, ведь всю жизнь езжу на "Жигулях", а зимой на "Ниве", и меня даже устраивает отсутствие автоматической коробки скоростей, и мы, русские, по крайней мере никогда не думаем, что машина при всех условиях нас обязательно вывезет. А когда едешь по дороге, то видишь, что аварии происходят, в основном, с иномарками. В России сегодня 151 автомобиль на тысячу человек, в США — 765 на тысячу. Американец делает 6–7 поездок в день, до работы у него в

среднем 19 километров, которые он преодолевает на машине.

Легковое автомобилестроение, судя по Каданникову, у нас в полном загоне. Это связано, в первую очередь, с отсутствием государственной поддержки. Приводились цифры таможенных сборов у нас и за рубежом. Но неужели вся страна и всё управление состоит из взяточников?! К нам везут и везут старые европейские автомобили. Последний комплект цифр: у нас сейчас 24 миллиона автомобилей; половина из них — старше 10 лет, четверть — старше 5 лет. Теперь понятно, почему такое большое количество ДТП со смертельным исходом. Сидевший напротив меня Феоктистов задал вопрос о поставке комплектующих на Украину. Здесь опять — некий таможенно-налоговый сбор: если мы таким образом поставляем машины, то, значит, не берем налога на добавочную стоимость. Запад, как видим, тоже приловчился слать нам составляющие без таможни. Часто эта сборка заключается в том, чтобы провернуть все "четыре колеса", а нищее разворованное государство при этом остается без налогов.

В принципе, было не очень интересно. Чего-то главного Каданников в своем выступлении не затронул, но зато Севастьянов обогатил всех присутствующих замечательным лозунгом, который вывесили сибирские ученые — то ли это констатация факта, то ли издевка, то ли густая, как горчица, ирония: "Да здравствует то, вопреки чему, несмотря ни на что, мы всё еще…" Жизнь не меняется!

Видел на клубе В.Н.Ганичева. Он смутно подтвердил, что завтра съезд и смутно пригласил меня на него.

23 февраля, среда. Утром звонила Н.Л.Дементьева, поздравляла с праздником. На дачу не ездил, учил английский, к четвергу готовился, как к осаде.

Практически дочитал "Книгу оборотня" Пелевина — так всё замечательно начиналось, шла социология, настоящая жизнь, немного иронии, чуть-чуть любопытных восточных сказаний, прекрасный автор, волнующие сведения — и вот в конце всё это вылилось в такую неинтересную восточную муру, что я даже решил не дочитывать. Осталось немного, но он меня утомил. Мне так хотелось объявить Пелевина первым российским писателем-беллетристом, но в финале всё сдохло. Не пишу о всех сексуальных проблемах, которые затронуты в романе, они читаются двояко.

В конце дня позвонил Сорокин и рассказал о ситуации в МСПС. Для меня ничего неожиданного в его рассказе не было, все так, как неделю назад описал Замшев. Собрались, поговорили, потом поехали в ЦДРИ, где провели съезд, собрали как-то 24

делегата. Думаю, что это не очень легитимно, но мне кажется, что в этой ситуации большое количество людей потеряли лицо, потеряли репутацию. Сорокин сказал, что вроде бы на сторону оппонентов перешел Гусев, поддерживая которого и поддерживая Бондарева, я, собственно, и остался здесь. Думаю все же, что это неверно, хотя многие его помощники почему-то предсказывали подобное. Это будет довольно крупная потеря среди моих авторитетов.

В среду же мне рассказали, что существует письмо деятелей искусств, которое подписали и Распутин, и Белов, и Костров. В нем они говорят о смещении Михалкова и проч., и проч., и проч. Всё это, конечно, передержки. Мне в этой ситуации ничего ни от кого не нужно, я вообще здесь ни в чём не заинтересован лично. Дай Бог, чтобы Михалков жил как можно дольше, и если это будет, — ему предстоит увидеть, чем закончится его сегодняшняя акция. Это всё очень напоминает наш народ, наших писателей, которые вообще склонны к предательству. Вот так наш народ сначала проголосовал за конституцию, изъяны которой были и тогда уже очевидны. Теперь он стонет по поводу лекарств. Если бы он знал, как ему предстоит в ближайшее время простонать по поводу квартплаты!

24 февраля, четверг. Утром купил цветы и поехал на Мытную, к дому Юры Копылова. С опозданием привезли гроб, хоронить его будут в Электростали. Его жена Тоня и сын Дима поступили очень правильно. Недолгое прощание. Я расплакался — для меня это большая потеря. Все вокруг стоявшие показались мне так сильно изменившимися, что я подумал — все они не знакомые мне люди.

К двум приехал в СП на Поварской. Атмосфера все та же, закрытые двери, вход по спискам. Интеллигентные люди — писатели — свои войны ведут по правилам сегодняшней жизни: сначала сила, а потом право. Это на фоне невозмутимого Путина и разговаривающих о верховенстве закона депутатов Госдумы. В знаменитом кабинете к двум часам уже было полно народу. Говорили сначала о вчерашнем съезде, который провели В.Ганичев — жаловавшийся мне, что ему надо проводить собрание добрых людей вместе с церковными деятелями, а здесь писательские дрязги, — Ф.Кузнецов — возжелавший после своих полупобед в Международном литфонде прихватить, как средневековый феодал, еще и новую золотоносную провинцию под свое знамя — и наша московская молодежь, коей тоже не терпится властвовать.

Со вчерашнего дня разнесся слух, что на этом собрании был еще и Гусев. Я было начал скверно по этому поводу думать, но

тут мне Ренат Мухамадиев подает записочку: "Пришел Гусев, сидит за тобой". В это время говорил Ю.В.Бондарев. Вот это характер, военная специальность артиллериста даром не проходит. Он провел некоторый анализ происходящего, выяснил, что один или два делегата на завтрашний съезд еще не подъехали, и вдруг предложил: а чего, собственно, ждать завтрашнего дня, почему бы нам съезд не провести сегодня! Я воспринял это предложение с огромным облегчением! Взяли и за три часа провели!

25 февраля, пятница. Хорошо приезжать в знакомое место. Знакомый ленинградский перрон, знакомая дорога, привычная гостиница в Гатчине. На перроне оказалось, что ехал одним поездом с Мишей Козаковым, Станиславом Куняевым, Юрой Поляковым. Леня Колпаков, Андрей Харитонов, ребята из института — уже здесь. За завтраком встретился со Светланой Николаевной Брагарник. Говорил ей комплименты, которые, по сути, просто мои искренние наблюдения. В ответ она подарила мне жизненную деталь: после спектакля актрисе обязательно надо купить чекушку коньяка или какого-нибудь другого питья — иначе не заснет. За этим такое сиротское одиночество и пустыня, что становилось страшно.

Еще в автобусе рассказывал Юре о том, как проходил альтернативный съезд. Он зачесал репу. Но его и Леню Колпакова ожидали еще комплекты документов, которые я взял специально для них из Дома Ростовых. В их свете вся ситуация вообще выглядела сомнительной, по крайней мере не однозначной, как изложено было в статье Ф.К., которую он подписал "А.Широких". Топорный стиль всегда выдает этого автора.

Юра, человек непосредственный, сразу отреагировал: может сорваться все дело с Международным литфондом! А с ним обстановка такая: альтернативная сторона (то есть "наши") перекрыла денежные потоки (там только аренды 6 тысяч кв. метров), но дело не закончено, Голумян еще существует как председатель, счета еще не переданы. За этим и какая-то сложность с землей в Переделкино. Много чего еще было говорено, и вскрылись не лучшие подробности поведения и позиции и с той, и с другой стороны.

Вечером состоялось открытие. Это было лучшая церемония за все одиннадцать лет. Я протестовал по поводу введения каких бы то ни было военных мотивов, находя, что это близко к расхожей конъюнктуре. Но все прошло хорошо и даже вызвало у меня слезы. Вывели на сцену актеров и режиссеров, воевавших в Отечественную. Так трогателен был крошечный и беззащитный Трофимов. Боже мой, и он воевал!

Представили жюри, наступило время что-то сказать мне. Я скрутил несколько фраз, скорее ловких, нежели глубоких. Поблагодарил руководство фестиваля за те минуты просветления и волнения, которые нам доставили кадры, связанные с войной. Потом показали фильм по роману Полякова "Замыслил я побег". Здесь режиссером Мурад Ибрагимбеков, Валя недаром говорила, что он талантливый парень. Кажется, и сам роман очень интересный, по крайней мере, есть смелая попытка показать современный, почти горячий исторический материал. В фильме много документального: и Брежнев, и Ельцин, материал смыкается. Для меня, как для технолога искусства, здесь много поучительного. Я не уверен, что здесь в наличии зрительская, беллетристическая задача, но актерская и режиссерская — есть точно.

После показа состоялся банкет, на котором я лично очень повеселился. Кажется, в моду снова входит рок-н-ролл, с большим удовольствием поплясал.

Вечером по местному ТВ видел трансляцию нашего открытия, как ни странно, мое выступление было более складным, нежели я сам предполагал. На открытии хорошо пел Паша Быков, хотя чуть больше, чем следовало бы, старался. Но были энергия и решительность.

26 февраля, суббота. Утром шли фильмы дебютантов, которые, конечно, снижают общий уровень конкурса. "Прощание" — по рассказу Бунина в режиссуре Александры Стреляной. Здесь все в тумане (физически), влюбленные, осыпанные цветами, спят на могиле у подножья креста, характеры и социальные роли не определены, надежда на укрупнение в сознании зрителя. "В ожидании" — по пьесе Беккета "В ожидании Годо". Правда, видимо для фестиваля "Литература и кино", исключены все слова, на экране — "ожившие" фотографии на музыку Чайковского и Сибелиуса. Есть прием, хорошая работа внутри приема, и тем не менее слишком много необоснованной претензии. Кто-то из администрации мне сказал, что режиссер Эдуард Пальмов уже интересовался, какую премию ему дадут. Картина "Еще о войне" — по повести Виктора Конецкого — понравилась зрителям. Молодая женщина ожидает мужа, которого любит, случайно флиртует с офицером, и в этот момент нежданно появляется на несколько часов заехавший с фронта муж. Может быть, картина была бы и ничего, но много неточных деталей, актерская игра, особенно Светланы Кожемякиной и Веры Поляковой, на несколько градусов ниже нормы: время было сдержанное для выражения чувств, а бабы голосят по нынешним телевизионным правилам. Литературная основа накладывается на литературное

изображение переживаний. Еще одна небольшая картина — "Сураз" по рассказу Шукшина. Здесь просто плохо подобраны актеры, много необъясненного, но с нюансировками в короткий фильм и не поместилось бы. Вообще, молодежь пользуется многозначностью, надеясь, что она вывезет. Я еще и еще раз убеждаюсь, что искусство это точность и точность. Огромная мультипликация "Алеша Попович и Тугарин-змей" — это и не по-русски, и не хорошо, хотя дети смеялись. Американцы подобное делают живее.

День спасла картина Александра Велединского "Русское" — по нескольким повестям Лимонова. Ни одного просчета. Послевоенная жизнь в Харькове. Я полагаю, смотрящие картину кинематографисты из молодых исходили завистью. Вот что значит почерк писателя и почерк режиссера. А как играют актеры! Особенно хорош Александр Чадов в роли молодого Лимонова. В картине хитро сплетены еще и сведения о сегодняшнем и вчерашнем Лимонове. Внимательному читателю не надо объяснять, почему вдруг в конце картины в качестве ассистента профессора появляется молодой негр. Я знаю, что наверняка картина понравилась и Сергею Говорухину. Будем работать с жюри.

Вечером состоялся большой концерт, и я очень пожалел, что остался на него. Это такая глубокая провинция, так все развязно, мелко и случайно. Хорош, правда, был поющий Павел Быков, который всегда несет с собой энергию, и Костров, читающий плотные стихи об отечестве и о жизни. В конце, как в старое время, вдвоем вышли Игорь Черницкий и Коля Романов. Коля принялся еще что-то изображать и телом, не очень приятно, поскольку выявляло какие-то непонятные мотивы.

У нас в гостинице висит объявление, что участников фестиваля бесплатно обслуживает одна из парикмахерских. Студент третьего курса Саша Демахин сегодня бесплатно постригся.

27 февраля, воскресенье. Ожидали фильмы "Золотая голова на плахе" (потому что о Есенине) и "Рагин" — по чеховской "Палате N 6" (потому что молодой, но уже известный театральный режиссер Кирилл Серебрянников, ставивший в центре В.Казанцева "Пластилин" В.Сигарева). Впрочем, от первого фильма я ничего хорошего не ожидал. Оправдались плохие ожидания: все время содрогаешься от отсутствия вкуса у постановщика. Не очень подготовленный зритель половины не понимает: кто такой Мейерхольд, в каких отношениях была З.Райх с ним и Есениным, о чьих детях идет речь в картине, из-за какой телеграммы, по версии фильма, поэта убили. Как и в

прежних подобных фильмах, Есенин в кадре читает много стихов, и они иллюстрируются. "Мне бы вон ту, сисястую…" И сисястая тут как тут. Так же возникает и кабацкая драка, и престарелая Айседора Дункан с мгновенно вспыхнувшей любовью…

Как у писателей (а вслед за ними, естественно, и у читателей) с появлением книг "за счет автора" оказались размытыми критерии литературного качества, так и в кино теперь каждый, кто возле него потерся, уже заявляет свои права на режиссуру. Почти мой ровесник Семен Рябиков, закончив сначала кинотехникум, а потом институт культуры и побывав руководителем Московского областного кинопроката, становится директором фирмы, сначала продюссирует несколько фильмов, а потом в качестве режиссера снимает эту самую "Золотую голову". Это здорово: в 65 лет делать свой первый фильм! Но к этому возрасту должна быть наработана культура, оттренирован аппарат собственной рефлексии. Художник вообще должен знать в наше время много, в том числе и как сомкнутся в сознании зрителя и читателя отдельные образы, которые он выкрикивает. В этом фильме в роли легендарного Дзержинского дебютирует Василий Семенович Лановой. Вечером встретив Мишу Козакова, я поздравил его с тем, что он передал эстафету товарищу. Миша, зная, что возраст Васи уже перевалил за седьмой десяток, в карман за словом не полез: "Дзержинский умер в 49 лет!" Надо отдать должное очень обаятельному и точному молодому актеру Дмитрию Муляру, сыгравшему Есенина. Он же хорош и в чеховском фильме.

"Рагин" это развернутая метафора, что и до большевиков в России было ужасно: показано что-то среднее между сумасшедшим домом, базарной площадью и бардаком. В уездной больнице, а ими земства гордились, такая грязь и неразбериха, которая могла возникнуть только в очень разбалансированных мозгах человека, скверно относящегося к русским. Чехова мало, зато много неожиданного. Например, санитарка, отдающаяся за пятачок больному. Объяснение: "Доктор велит мне ему дать". Фельдшерица: "Так дай!" Все чеховское тонет в придумках и "находках". В экспозиции фильма чуть ли не лекция Фрейда с аудиторией из почтенных профессоров и видами Вены. Может быть, это дань вежливости к австрийским партнерам, которые дали деньги на фильм? А если мы русские былины начнем снимать при поддержке китайского капитала, не примутся ли Алеша Попович и Илья Муромец есть палочками? Надо обязательно перечесть чеховскую "Палату".

Чем еще был занят день? Почти час Георгий Натансон путешествовал с молодым Булгаковым по северному Кавказу. В

прошлом году по Крыму, теперь по Кавказу. Возможно, это интересно для школьников и людей, которые хотели бы развиваться. Боюсь, что на следующий год мы получим фильм "Булгаков в Киеве". Потом была замечательная крошечная картина Евтеевой "Демон", то ли мотивы лермонтовской поэмы, то ли воспоминания о Врубеле. Показали также фильм Сергея Некрасова (директор Дома на Мойке и сценарист) и Константина Артюхова (режиссер) "На берегу реки Фонтанки" — о реконструкции и дома и музея Державина. В прошлом году я был там вместе с С.Некрасовым, а сейчас с интересом наблюдал — это счастливая находка! — за поэтапными съемками этой реконструкции. Послойное возвращение в прежние времена: советская власть, коммунальные квартиры, революция, разорение, запустение и небрежение царского режима.

После ужина в "Победе" состоялся вечер Михаила Козакова. Большой зал кинотеатра сидел не шелохнувшись. Козаков блестяще читал Самойлова, Пушкина, Бродского. Отвечал на вопросы. Я был совершенно уверен, что вопрос о поэзии Хлебникова и собственных мемуарах Козакова задал наш Максим Лаврентьев. Так оно и оказалось.

Когда вернулись в гостиницу, довольно долго сидели у меня в номере: Поляков с женой Наташей, Леня. Говорили о фестивале, о положении в Союзе писателей, считали собственные раны. Мне очень трудно в разговоре Юре соответствовать. Он и больше знает, и острее думает, и как прирожденный политик лучше помнит недавнее, в лицах и с датами. Среди прочего вдруг наплыли и на своеобразную идею. Она родилась из моего и его чувства несправедливости, допущенной по отношению к нам обоим. Оказывается, мы выпустили в одно и тоже время по своему "знаковому", что ли, произведению. У него в январе 1985 года было напечатано "ЧП районного масштаба" в "Юности", а у меня в феврале того же года — "Имитатор" в "Новом мире". Круглая дата, 20 лет. Можно считать — фактически, так оно и есть, — что именно с этих двух вещей и началась перестройка в литературе. Но творческая интеллигенция, так хорошо имитировавшая, по Есину, идеологическую верность и преданность, разжигавшая всегда партийные страсти против инакомыслия, отодвинув пионеров, начала свой особый отсчет уже другой, политической, "перестройки". А комсомольская элита, циничная и безжалостная, как молодые волки, по Полякову, напролом пошла хозяйничать и отрывать куски от общенародного пирога. Именно "ЧП" и "Имитатор" и сегодня лучше любого другого произведения объясняют происходящее в стране. Так почему бы нам не устроить диалог, вернувшись к этим вещам.

Порассуждав на эту тему, мы решили с Юрой сделать совместную беседу в "Литературке". Я уже прикинул некоторые повороты: возникновение замысла, впечатление современников, послепубликационная судьба. Как много полезного рождается в общении с неравнодушными собеседниками! Очень умело в костер нашей идеи подбрасывали поленья Леня Колпаков и Наташа, жена Юры.

28 февраля, понедельник. День рождения Максима Лаврентьева, ему 30. Я пока подарил ему еженедельник на 2005 год. Одновременно с этим подумал, что, пожалуй, у меня уже появились возможные лауреаты на премию. "Старик Державин нас заметил"… Я надеюсь на ребят, которых в этом году взял в Гатчину. Меньше я уверен в сегодняшнем жюри, здесь много людей, слишком тесно и напрямую связанных с кино.

С утра показывали "Незнайку и Барбоса", достаточно вторичную, почти "западную" мультипликацию. Потом — три дебюта: "Подсобное хозяйство" Егора Анашкина, который был с курсовой работой на предыдущем фестивале, теперь перенес на экран пьесу В.Жеребцова про солдат, не все здесь ладно и с обстановкой, с бытом, пьеса не превращена в фильм, хотя парень, конечно, талантливый; "Темные аллеи" — это опять Бунин — скорее мне не понравились; "Дикие звери мира" — картина из недр Белорусской академии искусств и кинематографии. Не уверен, что белорусы сильнее москвичей, но они явно сильнее ленинградцев.

Вечером показали фильм С.Урсуляка "Долгое прощание". Оказалось, я его уже видел, но все позабыл. Это фильм по повести Трифонова. Сделан очень хорошо, но все куда-то быстро улетает. Хороша Полина Агуреева, режиссер вообще умеет работать и с актерами, и с натурой, и с музыкой. Очень точный фон, прекрасное знание еще недалеко ушедшей от нас эпохи. Когда проехала трехколесная инвалидная коляска, я просто умилился, уже даже и забыл об их существовании. Но, как ни странно не совсем правдивым выглядит первоисточник. Для меня очевидно, что литература Трифонова уплыла вместе с минувшим веком. Удивило, что со мною согласились и Миша Козаков, и Сережа Говорухин.

Кстати, вечером долго разговаривали с Козаковым о кино, театре и литературе. Ему, как ни удивительно, тоже очень понравилось "Русское". Почему же фильм так не нравится Игорю Масленникову?

По телевидению сообщили: разбился на машине Николай Караченцев, он в реанимации, ему сделали две нейрохирургические операции. Дай Бог, чтобы выжил.

1 марта, вторник. Интересную подробность рассказал Сергей Некрасов, директор пушкинского комплекса. Сейчас в Ленинграде в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина развернута выставка, посвященная 70-летию Союза писателей. Самый крайний экспонат этой выставки — моя книга "На рубеже веков. Дневник ректора". Прогнозы оправдываются, помимо меня и без моей воли книжка начала свое путешествие.

Сегодня — "Страсти по Марине", документальный фильм Андрея Осипова. Как и в прошлые разы, интересно, информативно, но Осипов уже получал у нас премию два раза. В его фильме приводятся слова Цветаевой о ее нежелании думать о смерти и о завтрашнем дне. А как меня страшит завтрашний день! Как же это я ничего не наворовал и не наколдовал за двенадцать лет работы ректором! Разве не знал, как это сделать? Нет, занимался никому не нужной литературой. До моего ухода с поста ректора осталось меньше года. А вот с сегодняшнего дня начинают действовать новые ставки на оплату коммунальных услуг. Без работы, на одну пенсию мне со всем этим не справиться.

"Щелкунчик" — анимационный фильм Татьяны Ильиной. Это все та же гофмановская сказка, но довольно путано изложенная, с переносом действия в Россию. Мастер Дроссельмайер путешествует и оказывается в С.-Петербурге. Милые ленинградские пейзажи на языке картинок. Есть и музыка Чайковского, это лучшие места, но в основном здесь музыкальная невнятица, написанная людьми с говорящими фамилиями — Александр Вартанов и Юрий Каспаров. С этим фильмом связано одно замечательное происшествие: вдруг утром приехал Женя Миронов. Оказалось, что он участвовал в озвучании фильма, говорит за принца. Вышел на сцену, весь лучась. Стоял, сложив на груди руки, и по обыкновению умно и тепло говорил. Упомянул, что два раза был премирован на Гатчинском фестивале и что приехал сюда по приглашению и под нажимом председателя жюри. Как бы хотелось дать что-нибудь этому фильму, но вряд ли это получится.

"Другой Тютчев" Евгения Цымбала — режиссер уже был у нас на первом фестивале — это очень академично, но чрезвычайно информативно и сбито как отчет о жизни. За обедом И. Масленников, сообщив, что в свое время работал главным редактором литературно-драматических программ ленинградского телевидения, сказал, что это скорее не фильм, а именно телепередача. Я из скромности умолчал, что был когда-то главным редактором литдрамвещания Всесоюзного радио. "Чайка" Маргариты Тереховой, ставшей внезапно режиссером,

поставлена будто с намерением доказать, что пьеса Чехова и не могла не провалиться в день первой премьеры в Александринском театре. Возможно, она и видела перед собой задачу силой искусства реконструировать именно эту неудачную премьеру. Вообще-то это семейное предприятие: Маргарита Терехова в роли Аркадиной, ее дочь Анна — Заречная, сын Александр Тураев тоже занят в киноспектакле.

Ну вот, все записал, теперь о главном. Вечером перед концертом говорил с Аллой Демидовой. Она рассказывала о своем гастрольном спектакле по "Гамлету". Это как бы мастер-класс, с двумя в начале молодыми актерами. Мне показались очень интересными ее слова, что согласно античной традиции актер должен выходить на сцену совершенно спокойным, не взвинчивая и не накачивая себя. Алла Сергеевна привела поучительный рассказ Ахматовой о славе, о двух ее ипостасях. Одна — это когда тебя видят в экипаже и говорят: вон поехала в ландо Ахматова; другая — когда ты стоишь неузнанной в очереди за селедкой, а тебе в спину читают твои же стихи.

Видел выступление на концерте Евгения Миронова, он пел песню из спектакля "Бумбараш" московской "Табакерки". Потом разговаривал с ним. Вспомнили Сережу Кондратова. Мысль сыграть П.И. Женя еще не оставил, даже отказался от этой роли в каком-то среднем кинопроизведении. (Я, кстати, обещал ему дневники П.И. - не забыть послать.)

В этом же концерте выступал Максим, он читал сдержанно, с внутренним напряжением, стихи Федора Соллогуба, Даниила Хармса и собственную "Бабочку-книгу". И его стихотворение спокойно встроилось в ряд классиков.

2 марта, среда. Пишу вечером совершенно больной. Все мои сложности с дыханием начались именно здесь, в гатчинском кинотеатре, уже потом были больница, Александр Григорьевич Чучалин и приговор на всю оставшуюся жизнь — астма. И вот опять вчера вечером насморк, ночью болит горло, а днем совсем расклеился. Доконал меня, конечно, сегодняшний полускандал на заседании жюри. Дело это для меня обычное, такое уже было, интеллигенция вообще не очень любит работать вместе. Для меня-то это одиннадцатый фестиваль, и я все вижу в определенной динамике, где один фестиваль поддерживает другой. Но по порядку.

Утро началось с фильма Романа Балаяна "Ночь светла". Действие происходит в некоем интернате для слепо-глухонемых детей. Свои маленькие трагедии, любовные натяжения, пейзажи, характерный разговор жеста. Прекрасно работают молодые актеры Андрей Кузичев и Алексей Панин. Сценарий фильма

сделал Рустам Ибрагимбеков, почерк которого алгебраичен до изумления. Я, правда, помню "Страну глухих" с точно найденным приемом. Смотрел с интересом, но ощущение сосчитанности сюжета не отпускало. Утвердил меня потом в моих сомнениях Андрей Павлович Петров, который рассказал, что на одном из зарубежных фестивалей — он там также был членом жюри — еще до начала просмотров предложил исключить из списка участников все фильмы, где играют дети, потому что в их оценке должны работать иные законы.

Второй фильм, "Анна", на который я пошел, как и Игорь Федорович Масленников — мы потом поделились с ним, — в предвкушении неминуемого, как с "Чайкой", провала, вдруг оказался фаворитом фестиваля. На жюри, через час после окончания фильма, мы дали ему Гран-при. В каталоге он определен так: "по мотивам пьесы А.Островского "Без вины виноватые"", — тем не менее сюжет довольно далек от пьесы. Действие происходит в наши дни, нет никакой Кручининой, а есть некая певица Анна Романова, которая наподобие Николая Барышникова или Нуриева осталась за рубежом, стала великой певицей и вернулась на родину. Естественно, у нее сын, который нашелся, в фильме даже есть с самого начала как бы ожидаемый монолог: "Я пью за матерей, бросающих своих детей…" Все это разделено огромными оперными вставными номерами. Режиссер — Евгений Гинзбург, тот самый, чей спектакль в цирке "Свадьба соек" я только что одобрил, будучи экспертом на присуждении премии Москвы. Все было бы невероятно банально, если бы Гинзбург не выстроил материал по законам жесткой музыкальной мелодрамы. Как же это будет смотреться обычным зрителем! По крайней мере, такой знаток, как Андрей Петров, утверждал, что фильм сделан лучше знаменитого блокбастера "Чикаго".

Теперь о работе жюри. Все крутилось вокруг не фильмов, а представлений о ранжире того или иного писателя, режиссера или актера. Большая дискуссия с прицелом на Гран-при шла вокруг осиповских "Страстей по Марине" и фильма Урсуляка. Мне очень понравился мой разговор, после заседания, с Леной Тимофеевой, главным координатором фестиваля. "Ну, почему вы ничего не дали Урсуляку?" — "А вы видели его фильм?" — "Нет, не видела, но парень он очень хороший". И тут я вспомнил одну реплику Мэри Лазаревны Озеровой. Мы сидели в редакции "Юности", и кто-то сказал: как Есин по почерку похож на Трифонова. На это М.Л. заметила: "Только Есин любит людей, а Трифонов нет, он все считает". В общем, дали Гран-при фильму с Казарновской, комплект книг за "Страсти по Марине", комплект книг за "Русское" и 5 тысяч евро Артюхову за неизменное

следование русской культуре. Все остальное значения не имело.

Поздно вечером мне в номер позвонил Витя Матизен с протестом по поводу "Анны". Что делать, Витя, это коллективное мнение. Правда, с этим решением жюри не согласились Светлана Брагарник и Сережа Говорухин.

Довольно много читал Жида и Фейхтвангера, никакой идеи по поводу этого чтения пока нет. Как только у меня появляется температура, ум отказывается работать, все вяло, в полоборота.

3 марта, четверг. Уже второй день я болен. Есть какая-то закономерность в том, что каждый раз в Гатчине я простужаюсь и приезжаю в Москву совершенно разбитым. Это, наверное, связано с тем, что зал в кинотеатре из экономии не топят, днем он нагревается от людского тепла, а протапливают его к вечеру, когда начинаются платные вечера и фильмы. Посильно борюсь с простудой. Андрей Павлович снабдил меня каким-то лекарством. А Светлана Михайловна Брагарник дала за столом "безошибочный" рецепт: водку с перцем, но и это не помогло.

Уже крепко больной, с бронхитом и севшим голосом, поехал на пресс-конференцию. Сережа Говорухин, видимо демонстрируя свое индивидуальное несогласие с жюри, на конференцию не поехал. Кстати, забегу вперед и расскажу, чтобы с этим покончить, крошечный инцидент вечером, во время заключительной церемонии награждения. Мне рассказал об этом Андрей Харитонов, который не только хороший актер, но и умница — он вместе с традиционной Шевель и вел всю церемонию. Так вот, Сережа будто бы сказал, что не выйдет на сцену вместе с жюри. Он не согласен с первой строчкой решения! Это, конечно, могло вызвать некоторое недоумение. Но на этот раз представление жюри не планировалось. "Как же так?" А вот так! Ах, русский человек, ему еще обязательно надо на все стороны рассказать о том, что он не согласен. Впрочем, в своем заключительном выступлении я признал, что решение жюри на этот раз достигнуто не консенсусом, а большинством голосов.

Но вернусь к конференции. Вопросы задавали, как и всегда, два человека — Витя Матизен и Володя Вишняков. Все крутилось вокруг все той же "Анны". Я чего-то объяснял, но разве столкуешься в понимании сути, большого стиля, особого жанра, народного лубочного начала фильма. Журналистам кажется этак, а вот людям в возрасте, уже прожившим жизнь в искусстве — Петрову, Масленникову, Мельникову, да и мне, — все видится по-другому. Генриетта Карповна поддержала эту точку зрения таким аргументом: дескать, Сокурову в Берлине ничего не дали за его "Солнце", жюри решило по-другому, нежели наши журналисты. Ну, чего еще объяснять? Витя Матизен с особой едкостью

спросил, сознаю ли, что здесь именно я выступаю против всего критического киносообщества? Чего-то я и здесь объяснял.

Вся конференция прошла энергично и живо. Я с удовольствием наблюдал за председателем областного законодательного собрания, совсем молодым парнем. Это новая смена, речь обкатанная, но бедная. Губернаторский подарок в 60 тысяч рублей получила Алла Демидова. Потом, в разговоре, Г.К. назвала сумму обычного гонорара актрисы за выступление, — не пишу. Я заключал церемонию, были какие-то наработанные мысли, но в основном отдался импровизации, и получилось, несмотря на мой севший голос, вроде бы хорошо. После Игорь Масленников сказал, что видит во мне прекрасного шоумена. Дескать, надо брать какую-нибудь телевизионную передачу. Так уж мне и дадут! А весь вечер закончился исполнением Любовью Казарновской со световыми эффектами, но под фонограмму, "Гранады". Потом Андрей Харитонов рассказал мне, что со сцены во время этого аттракциона он наблюдал за лицом Аллы Сергеевны Демидовой, сидевшей в первом ряду. Сначала брови у нее поднялись, а потом опустились.

Такая тоска после вроде честно выполненного долга! Как бы оторваться от ненужной шелухи и немного пожить чисто мыслительной жизнью?

4 марта, пятница. Встретил Толик, довез до дома — с поезда на работу я, пожалуй впервые, не поехал. С В.С. обсудили новости. Она пересказала статью о знаменитом нашем писателе Богомолове: Ольга Кучкина разыскала в биографии умершего писателя что-то жареное. На что только люди не идут, когда не складывается собственная литературная судьба! Поговорили об Украине, где бывший министр внутренних дел, проходивший свидетелем по делу журналиста Гангадзе, только что погиб: то ли убит, то ли покончил с собой. Прикинули, сколько нам придется платить в связи с новыми гримасами жилищной "реформы". Потом В.С. варила харчо.

Когда болею, нет сил ни читать, ни писать.

5 марта, суббота. Проснулся около шести утра, читал "Литературную газету", потом долго просматривал книжку Тани Земсковой "Останкинская старуха". Кроме того что там много страниц посвящено мне, есть еще и замечательный материал, которым я дополню свои дневники прежних лет. Я тогда вел их не так подробно, и многие детали, какие отметила Земскова, не зафиксировал. У женщин вообще память значительно лучше на даты и бытовые детали. Даже мою собственную жизнь В.С. знает много лучше, чем я, и все время подбрасывает мне из прошлого.

К утру лучше не стало, а появилась самая противная для

меня температура — 37,2. Надо бы поехать к врачу, но так не хочется что-то организовывать и искать пропуск в поликлинику. Поплелся на работу. Без меня на ученом совете перенесли рабочий день с понедельника на субботу. Восьмого, во вторник, все равно праздник, обидно, что выпадает день творческого семинара.

Ощущение, что, еще не уйдя из института, духовно я, кажется, уже от него отплыл. Не буду здесь поминать разных персонажей, пусть они живут сами. Только удастся ли им жить так вольготно, когда я уйду. Подгоняют меня к этому и события последних лет, уже совершенно определено, что вредная и антинародная реформа высшего образования произойдет. Главное в ней, полное непонимание, что она вредна и что ради ее продвижения, то есть ради американизации образования нашу высшую школу хотят лишить финансирования. У нас, видите ли, тоталитарное образование: профессор читает, студенты слушают. Теперь будет образование по баллам, студент выбирает себе предметы, время, в которое он их слушает, и набирает определенное количество баллов за целый курс. Преподаванием через беседы, общение мы будем воспитывать раскованных, говорливых молодых людей. А станут ли они специалистами? Если реформа неизбежна, но пойдет по линии повышения качества обучения и усиления научной компоненты — я согласен. Только чтобы не получилось так, как в Кошачьем государстве.

Поясню. В апреле предполагается моя поездка в Китай по линии Авторского общества, не очень для меня желательная, но нужная, есть и свои цели, и я взялся за "Записки о Кошачьем городе" Лао Шэ, читаю по две-три страницы, преимущественно перед сном, если нет других, более срочных штудий. Как это про наше время! Вот цитаты оттуда по теме:

"…История нашего образования за последние двести лет — это история анекдотов; сейчас мы добрались до заключительной страницы, и ни один умник уже не способен выдумать анекдот смешнее предыдущего. Когда новое образование еще только вводилось, в школах существовали разные классы, учеников оценивали по качеству знаний, но постепенно экзамены были упразднены (как символ отсталости), и ученик кончал школу, даже не посещая ее…

…Император был доволен реформой, потому что она свидетельствовала о его любви к народу, к просвещению. Учителя были довольны тем, что все они стали преподавателями университетов, все учебные заведения превратились в высшие, а все ученики стали первыми…Еще больший эффект принесла эта реформа с экономической точки зрения. Раньше императору

приходилось ежегодно выделять средства на образование, а образованные люди часто выступали против двора. За свои же деньги такие неприятности! Теперь стало совсем иначе: император не тратил ни монеты, число людей с высшим образованием все увеличивалось, и ни один из них даже не думал затронуть Его Величество. Правда, многие учителя померли с голоду, но это было гораздо бескровнее, чем прежде, когда преподаватели ради заработка подсиживали друг друга…

Сначала предметы в школах были разные и специалисты из этих школ выходили разные. Одни изучали промышленность, другие — торговлю, третьи — сельское хозяйство… Но что они могли делать после окончания? Для тех, кто изучал машины, мы не создали современной промышленности; изучавшие торговлю были вынуждены становиться лоточниками, а стоило им начать дело покрупнее, как их грабили военные; специалистам по сельскому хозяйству приходилось выращивать только дурманные листья. Словом, школы никак не были связаны с жизнью, и у выпускников оставалось два основных пути: в чиновники или в преподаватели. Для того чтобы стать чиновником, нужно иметь деньги и связи, лучше всего при дворе, тогда ты одним скачком мог оказаться на небе. Но у многих ли бывают сразу и деньги, и связи?"

В газетах опубликовано желание министерства ввести в практику университетов наряду с ректором фигуру президента. Это потому, что, с одной стороны, надо вводить новые кадры, а с другой — боязно, как бы эти новые кадры слишком много не наломали дров. Мысль о том, что ректоры после семидесяти болезненно реагируют на попытку отправить их на пенсию, несправедлива, это закон не разрешает им служить дальше, а без них обойтись трудно, вот теперь и изобретают мифическое президентство. Что касается меня, я-то думаю, что, уходя, надо уходить вовсе, надо перестать мучиться, переживать за дело, отказывать себе в последней свободе.

Долго разговаривал с Мишей Стояновским, который был на координационном совете в министерстве по московским творческим вузам. Литинститут единственный творческий вуз в системе министерства образования. Все, включая начальство, говорили, что происходящее — глупость: нельзя научить, допустим, играть на скрипке по баллам, забрав у студента время от игры на какой-нибудь обязательный компонент стандарта, здесь, как, впрочем, и у нас, учиться надо каждый день по многу часов. Тем не менее все понимают, что правительство скрутит и творческие вузы. Предполагая получить от жилищной реформы столько же денег, сколько надо тратить на оборону, войдя во

вкус, наши управленцы теперь не остановятся ни перед чем.

В два часа все же записался к врачу во 2-ю поликлинику и поехал. Сначала все меня раздражало, в частности долгое ожидание при пустой больнице, но потом я попал в лапы пожилой врачихи, видимо опытной и старательной, и она за меня взялась. Сразу же выписала бюллетень, который мне не нужен, отвела на рентген. Сделали и кардиограмму, признали, что все плохо: задняя стенка на сердце не так хороша, как им, врачам, хотелось бы. Испугали и принудили лечиться. Поразило, что в поликлинике все вроде есть: и рентген, и пленка, и электрокардиограмма работает. Посмотрим, что будет дальше. Впервые я тверд в желании немножко заняться и собой.

В политике, которая интересует людей все меньше и меньше, началась какая-то конфронтация с Молдавией из-за Приднестровья. Там завтра выборы. Дума настаивает на международных для нее, а не льготных ценах на газ и отказе от импорта молдавских вина и табака. Это наказание коммунистическому резиденту Воронину за союз с Ющенко и Саакашвили и внезапно вспыхнувшую прозападную позицию. Пока обе стороны высылают чужих граждан со своей территории. В Киеве вдруг опять всплыло дело журналиста Гангадзе. Оно всегда всплывает, когда меняется политическая ситуация. Я полагаю, в зависимости от этой самой ситуации найдут и такого убийцу, какого надо. В Киеве же новое криминальное событие: то ли убит, то ли покончил с собой двумя выстрелами в голову бывший министр внутренних дел, которого вызвали на допрос по делу Гангадзе. Какие удивительные "двумоментные" пошли самоубийства! Все яснее становится криминальная основа и нашей, и соседней жизни.

На работе написал ответ студенту-заочнику, который прислал письмо о чувстве одиночества, каким его "наградил" при встрече Литинститут.

Начал эссе о воровстве, обдуманное в Гатчине, посмотрим, что получится.

Пишу все о внешних сторонах своей жизни, а что же внутри?

7 марта, воскресенье. Повесил на стену список лекарств, которые в разное время должен принимать. Список из девяти пунктов. Такая грусть, столько времени требуется, чтобы в моем возрасте просто поддерживать более или менее нормальное состояние. Когда плохо себя чувствуешь — и голова тупая, мысль ленивая и плоская. Живу как на станции, все время в уме держу расписание.

Заезжал С.П., привез мне забытую на работе книгу Вадима Месяца. Забыл даже не я, а Лена, которая не вспомнила, что

книгу надо мне передать. С.П. покопался в моей библиотеке, взял книги по искусству, каталог Метрополитен-музея, который я купил в Нью-Йорке. Я ему завидую, он начинает читать, как в американском университете, новый курс — или историю искусств, или историю цивилизаций. Как всегда, он перед этим много начитывает. Ему очень помогает его замечательное и постоянно пополняемое — вот главное! — знание литературы. Жизнь у него, конечно, трудная, но он бросил административную деятельность и работает теперь вольным стрелком. Я не удивлюсь, если через пару лет он будет читать лекции где-нибудь в США. Как и мне, ему, видимо, надоела наша бюрократическая, эгоистическая среда.

Под вечер принялся читать книгу рассказов Вадима Месяца. Я-то думал, что придется тужиться и изобретать мнение, мол, все по-новому и замечательно. Далеко не самые плохие писатели, пишущие на русском, живут за рубежом. Совершенно новое чувствование, без малейшей претензии, замечательный язык. Если бы и мне научиться писать так. После подобного чтения чувствуешь себя литературным конструктором. Учусь, запоминаю, хотя понимаю, что чужую манеру не освоишь. Все больше и больше убеждаюсь в главенстве языка.

Прервался только для того, чтобы посмотреть чудовищную передачу В.Соловьева "Золотой соловей". Все мужчины разбиты на "тройки", женщины выбирают лучшего по каждой номинации. Все подобрано, сконструировано, определено по очень своеобразному принципу. Здесь, естественно, и Немцов, и Кириенко, и Жириновский. Наши женщины тоже, конечно, хороши: они всегда выберут скорее артиста или спортсмена, нежели человека какой-нибудь по-настоящему творческой профессии.

Еще о телевидении: оно часто показывает голодовки людей, лишенных крова или работы. Каким это оказывается контрастом к жизни Москвы!

8 марта, вторник. Встал около пяти, пил чай, в соответствии с "графиком" пил таблетки, мерил температуру. Она 35,6 — это моя, я уже давно холоднокровный, организм затихает, но будем продолжать борьбу.

Разбирал книжные полки в своей комнате. Написал рецензию:

Проза и рассказы Вадима Месяца: не новый ли путь?

Писатель часто читает книгу коллеги с противоречивыми чувствами. Это лишь читатель говорит: нравится, не нравится, советует друзьям к подобной книге не прикасаться или, наоборот, обязательно достать и прочитать. Для писателя чужая книга это

еще возможность сверить свой путь, что-то, простите меня, скрытно позаимствовать, вызвать в себе эмоцию, из которой может родиться что-то свое, понять, куда не надо идти, разведать, что происходит в цехе у иновозрастных друзей.

Любая книга, конечно, сама по себе целый университет — только надо уметь в нем учиться, — но это еще и технологический справочник, социологический сборник и словарь современного языка в чьем-то индивидуальном изводе.

Так что там у нас в начале, в заголовке? Вот именно, об этом и начнем.

Собственно, проза Вадима Месяца — речь пойдет о сборнике его рассказов "Вок- вок" — для меня не новость. Вообще, наша литературная жизнь, хотя и производит впечатление хаотичной, не лишена своей, в ряде случаев справедливой, логики. Иногда логики совпадений.

Несколько лет назад мне как эксперту премии "Хрустальная роза Виктора Розова" передали книгу этого же автора "Лечение электричеством". Будто знали и мою неприязнь к детям знаменитых отцов, и мою неласковость к прозе русских писателей, живущих в сырных странах. Это уже сейчас мы попривыкли к мысли, что человек может найти себя не обязательно среди родных осин и что научно-техническая молодежь часто уезжает не только из любви к качественной европейской или американской колбасе, но и из стремления как-то реализоваться, идти в русле собственного призвания. Каждый родине служит по-своему. Раздражала меня еще тогда и, так сказать, техническая составляющая автора: знаем мы, как порой эти технари пишут, начитались. Все идут за какой-то грозой с энциклопедическим словарем в руках. С мыслью у них, может быть, и все в порядке, но лексикон подрезан, спрямленный синтаксис создает неверное представление о только по-русски говорящих, но не пишущих. Такие тогда были мысли. Вдобавок ко всему это была еще книжка почти об Америке, вернее об американских и русских людях и взглядах. Помните, экстравагантный Жириновский как-то под горячую руку заявил: мы туда, в Америку, пришлем еще десять миллионов человек и, в конце концов, вполне легально изберем русского президента. До этого, конечно, далеко, но русские люди, имеются там уже в большом количестве. "Лечение электричеством" не об этом, я это все к тому, что раздражаться особенно не к чему, тема, так сказать, наличествовала.

Так за что же в тот, прежний раз "иногородний" писатель получил премию? А вот как раз за то, о чем было написано, все так и было, но только, как в алгебре — с другим,

противоположным, знаком. И другие, нежели можно было предположить, русские, и другая в восприятии этих русских Россия — и вдруг новая, по сравнению с тем что предполагалось, манера изложения. Кто-то вращал тубус бинокля: туда-сюда, предмет то приближался вплотную к глазу, то отдалялся до космической вышины. Это движение оптики, перепады наводки в том произведении Вадима названы "фрагментами". Общежитие, мотель, бульвар, постель, квартира. "Роман из 84 фрагментов Востока и 73 фрагментов Запада" — в подзаголовке и литературоведение, и география. Опытный читатель и по этим скупым отметинам уже представляет себе роман. И он, наверное, догадался, что такому построению должен соответствовать и язык. Он и соответствовал.

"К вечеру Толстая надела новогоднее платье, подчеркивающее в ней женщину. Она спустилась вниз, в ресторан: он был похож на американскую столовую, нечто незатейливое. Здесь подавали спиртное: приносили из буфета. Напротив столовой находилась парикмахерская за стеклянными дверьми: девочки-парикмахеры курили, хихикали. Судя по всему, они сами никогда не причесывались. Они работали круглосуточно. Подошла официантка, хриплая настолько, что можно было разобрать лишь интонации приветствия. Слова расщеплялись в ее голосе не на звуки, а на куски крабьего хитина, трескающегося на глазах у слушателя…" Рядовой и проходной, между прочим, абзац, таких у автора тьма.

Свои соображения эксперта, все время угрызаясь, что самоспровоцировался и увлекся, я тогда подробно изложил, автор получил свою премию. Но каково было мое изумление, когда ту же фамилию я встретил в шорт-листе "Букера", где жюри в тот год (?) возглавлял Маканин, у которого, как известно, особенно не забалуешь. И если бы не эта какая-то особая логика, не это букеровское совпадение, черта с два я принялся бы читать новый сборник Месяца. Стилистика освоена, эстетика понятна, а жизнь коротка. Последний пассаж еще раз подтверждает, что невероятное подстерегает нас всегда.

Теперь о собственно сборнике "Вок-вок"."…а душа — мозг позвоночника, озерный пикуль, что-то, может быть, осязаемое пальцами, проступающее на чужом теле под взглядом, сладко и бессмысленно повторяющееся какое-нибудь "вок-вок" или любое другое сочетание с фонетикой пересмешника и попрошайки, давно всем знакомое, то, что льнет и любит, плывет и раскачивается, пляшет цаплей в бесцветном пламени, расшвыривая к небу весь пух и прах. Вызывая лишь пресную слезливость, какая бывает от света, снегопада или присутствия

красивой женщины". Здесь все — с первой строчки и до последней — верно, скорее всего, это о той рефлекторной деятельности человека, которая зовется душой. Что я там написал в заметках, на последней странице обложки, пока читал? "Как надоели сконструированные рассказы с угадываемым фоном". Впрочем, об этом же в предисловии написал М.Л.Гаспаров: "Говорится о том, что было в разных местах, в действительности и в воображении, границы затушевываются, а тот общий знаменатель, который все это связывает, не назван: читатель должен быть внимателен и пытлив". Вот что значит знаменитый литературовед — рассекает сразу. Но знает ли он, как всего этого трудно достигнуть на практике. Беда в том, что умом-то все это можно понять, по уже проложенным следам можно и пройти, но вот как все это придумать, расположить материал, подобрать слова… По опыту знаю: рациональным способом такого эффекта не добьешься, так надо думать, может быть жить, чувствовать…

Еще фраза с последней обложки: "Рассказы начинаются, как с обрыва, резко, и летишь себе в голубом небе…" Что у меня самое любимое в книге? Это как молодая девушка бродит по Нью-Йорку и звонит жениху — "Алеида в день труда". Как девушка

В семичасовом выпуске "Новостей" объявили о гибели бывшего президента Чечни Аслана Масхадова. Патрушев доложил Путину, что это результат операции против международного террориста. Показали его труп, как американцы — трупы сыновей Хусейна, раздетым по пояс, с белым телом. Думаю все же, так нельзя, не по-человечески это, показали как собаку.

Сегодня же Грузия объявила вне закона российские военные базы на ее территории. Я понимаю: экономика так плоха, что Саакашвили должен инициировать нужный конфликт, за которым могла бы последовать американская помощь.

9 марта, среда. В институт уехал рано, заезжал по дороге в поликлинику. Передали по радио о смерти Нинель Шаховой, это телевизионная звезда прежних лет, которая обычно освещала вопросы литературы и искусства. Я с ней немного подруживал — хорошая, энергичная тетка (надо уже писать: была). Гриша Заславский по радио сделал о ней небольшую композицию — молодец, что не забыл, молодец, что нашел слова.

Приехал в институт часов 9, а в 10 уже стоял на пороге, приглядывал за опаздывающими. Это как некий для студентов импульс, чтобы на ближайшую неделю боялись. В 11 часов появился В.В.Сорокин, тут же, на лестничной площадке, он мне все и рассказал о дальнейших событиях в МСПС.

25 числа, на следующий день после моего отъезда в ночной

Ленинград, С.В.Михалков — просто стыдно об этом писать — вместе со своей новой молодой командой предпринял штурм "твердыни" — Дома Ростовых. Сам он (все по словам Сорокина, я старался как можно точнее их запомнить) лежал во въехавшем во двор "мерседесе", возле него вроде бы сидела жена Юля. Из автомобиля отдавал команды. На передней позиции были, так сказать, "наши" — Бояринов, Замшев, Катюков, кто-то еще, — по крайней мере, все выпускники Литинститута. Талантливую воспитали мы смену! Вообще-то, я их понимаю: старперы-де засиделись, а молодежи хочется приложения сил, почета новой литературы, ну и, естественно, денег. Я полагаю, что этот молодняк знает, как их добывать из собственности и должностей. Наряду с этим писательским и "офицерским" корпусом было вроде бы еще человек 15 тяжеловесов-охранников. Мне кажется, в России начала выводиться порода русских молодцев специально для охраны: плечистых, массивных, спокойно-наглых, нерассуждающих. Вот куда только они потом, лет через 10–15 после своей службы деваются, неужели их всех хоронят еще в молодом возрасте?.. В общем, была предпринята банальная попытка к штурму, даже взлому входной двери, но у предусмотрительного А.Ларионова за ней оказалась еще раздвижная металлическая решетка. С различной периодичностью (опять по словам Сорокина) стали появляться милиционеры и заместители районного прокурора. Под конец дня появился и сам районный прокурор. Все пытались как бы друг друга мирить, так как людей явно правых или явно виноватых здесь не было. В течение дня, когда писатели выламывали дверь, а мощная охрана им ассистировала, произошла встреча двух лидеров — Михалкова и Бондарева. Они называли друг друга по именам — "Что же ты, Сережа…." или "Что же ты, Юра…" — ведь возраст за 70 лет уже нивелирует границы, здесь все на "ты", все уже как бы за гранью банального бытия. Вроде бы в процессе разговора Бондарев предложил пойти на мировую и сказал: "Ну, давай мы изберем тебя почетным председателем, и все твои останутся на своих местах". Михалков был не против, чтоб все остались на своих местах, а относительно почетного председателя самым элегантным и дворянским образом (я опять цитирую Сорокина) сложил три пальца в известную фигуру и сказал: "Фига вам!"

Были и еще какие-то события, то ли в тот же день, то ли на следующий. Пока Дом Ростовых опечатали. Как мы полагаем, идет поиск знаменитых бумаг на права собственности, которых в этом доме ищущие не обнаружат. Самое любопытное, что при внушительных связях С.А.Филатова и Р.Ф.Казаковой с

телевидением события не выходят на телеэкран. Я думаю, это объясняется тем, что главные действующие в них персонажи — а самый главный, безусловно, патриарх Михалков, всегда столь любимый мною — понимают свою сомнительную правоту и не хотят, используя уже огромные семейные связи со средствами массовой информации, чтобы об этой истории в телекартинках узнала общественность.

Мне лично почти все равно, но в этом противостоянии окончательно рушится механизм, который хоть как-то определял советское литературное пространство. А вообще-то, Михалков мало занимался своими обязанностями, которые взял на себя, и секретариат — тоже. Что поделаешь…

Когда я написал эту историю, интересную лишь для летописцев литературы и нравов нашей литературной элиты, я вспомнил о большой статье Андрея Нуйкина "Где вы, бодрые задиры?" в "Литгазете". Тема этой статьи чрезвычайно проста: объединение союзов и какой-то анализ того, что сейчас происходит. Нуйкин работает с мыслью, что писатели полностью утратили свой политический и нравственный авторитет. Я фиксирую внимание на слове "политический", потому что еще лет десять назад я говорил на одном из собраний, что мы стали придатком современного буржуазного общества, что писатели потеряли свой нравственный авторитет, который в советское время был авторитетом также и политическим, являлся политической силой. Обязательно напишу письмо А.Нуйкину об этом.

С утра занялся своим ежегодным поздравлением всех наших девушек (я вообще очень люблю праздники, ощущение хлебосольного хозяина, милое женское щебетание). Послали Соню Луганскую за большим тортом на Арбат, нарезали его, я выставил дорогие подарочные напитки, которыми у меня набит секретер еще со дня моего рождения. Девушки волнами приходили в кабинет — сначала библиотека, потом деканат, потом бухгалтерия с отделом кадров, приходили девочки с кафедры русского языка, — полдня провел чудесно. И после всего этого, часа в четыре, уехал домой, успев еще (я слежу, чтобы в этом не было никакой остановки) продиктовать Е.Я. новый кусочек о воровстве. Эссе может получиться, а может и не получиться.

Вечером по телевидению был замечательный диалог Попцова и Соколова. Мне очень понравилась мысль Соколова об обязанности государства иметь альтернативное искусство и помогать ему. Сейчас альтернативным искусством является доронинскkй МХАТ, писатели-деревенщики. Было приятно, что он

назвал две, с промежутком в год, статьи из "Литературной газеты" — "Список Лесина" и "Список раздора", и та и другая о коррупции в связи с писательскими организациями, они упомянуты у меня в дневнике. Слушая взвешенные, с гневом высказанные тирады Попцова по поводу современного либерализма, я думал: "Почему люди так хорошо говорят, а я не умею?" Утешил себя мыслью, что умею лучше многих писать.

Вечером позвонила домой Людмила Михайловна; оказывается, по моему письму Степашин сделал запрос в министерство, и там теперь идет легкая паника. Ну, они от меня и не такого дождутся. Появился план: написать письмо Путину и каким-нибудь образом передать через его жену.

10 марта, четверг. Закончил утром, вернее поправил, рецензию на книжку Вадима Месяца и поехал на работу. Традиционная мелочевка, о которой не стоит писать, огорчил только Сережа Казначеев, который так и не выполнил моих пожеланий структурировать его монографию, и после двух-трех месяцев его хождения по кабинетам она, практически, в таком же виде пришла ко мне обратно.

В четыре часа начался дополнительный семинар, на этот раз мы обсуждали повесть Алексея Козырева, которую он наконец-то дописал. К тому, что он читал раньше, прибавилось еще несколько эпизодов, до некоторой степени уже угадываемых. Все это — своеобразная жизнь того круга людей, которых он знает. На всякий случай я перед семинаром попросил уйти молодую Шадаеву с 1 курса. На 3-м курсе наши девочки уже как бы все знают о сложной современной жизни, а этого ребенка я втягивать в сложные отношения между мужчинами и мужчинами и женщинами и женщинами не хочу.

Накануне плохо спал, потому что прикидывал план семинара, крутил и так и этак. Применил ту же тактику, что при рассмотрении повести Паши Быкова, — чуть-чуть вначале поговорили об определении жанра, а потом начали рассматривать повесть, не касаясь тематики. В процессе я все время кого-то поднимал, задавал вопросы, проводил анализ героев, допрашивал, кто это и каков, и постепенно направил Алексея на то, что повесть можно переделать. Вообще, семинар проявил редкое человеческое терпение к нему: ни насмешек, ни каких-то инвектив… Ну, пишешь дурацкую литературу, и пиши себе. У Леши, конечно, есть интонация, есть видение, он достаточно удачно поставил костяк, но не сумел наполнить все это каким-то духовным состоянием, той рефлексией, которая невольно должна была возникнуть у героя. И вообще, четыре педераста на одну повесть — многовато. Я-то лично вижу здесь

некую другую, психологическую коллизию, которую можно было бы позаимствовать у Сартра из его "Юности вождя". Ну, пусть товарищи главного героя будут, какие они есть, пусть, в конце концов, главный герой, Артур, если Алеше так хочется, окажется соблазненным. Но ведь у разных людей разная природа, и пусть тогда у него сохранится лишь один этот горький опыт, как сухой листок-закладка в книге его юности, а сам он, пройдя через это, останется прежним хорошим и добрым мальчиком. Беда Алешиной повести еще и в том, что кроме веселья, прыганья, курения травы и какого-то непонятного чая, она не наполнена ничем духовным, ведь ребята всегда должны к чему-то стремиться. Что касается моего семинара, то, еще раз повторяю: все проявили удивительное терпение, литературную грамотность и снисходительное величие.

Вечером по телевидению Юрий Лоза сражался с Олегом Митволем. Я заснул и не знаю, может быть, Лоза и выиграл, но сама по себе попытка популярного певца лобово защищать мещанские и низкие интересы очень удивила. Пусть теперь и живет на своих 10 гектарах. Но, скорее всего этих господ артистов все-таки выдворят из водоохранных зон.

11 марта, пятница. Уехал из дома аж в половине 8-го, сначала в поликлинику. Бюллетень продлили до среды, но самое главное — вроде бы рентген ничего серьезного не показал. Перестал пить антибиотики, врач посоветовал начать принимать аскорбинку, у меня дома есть, и витамины, которые надо купить.

Днем ездил в Педагогический университет сдавать экзамен по теории литературы. Очень хорошо и долго поговорили — сначала по специальности, потом на самые общие темы. Там все-таки удивительная атмосфера, давно уже я всласть и так подробно не говорил с кем бы то ни было о литературе, даже стал забывать божественность подобных ощущений. Нина Павловна Михальская, кстати, заметила, что все, что я пишу, ей очень напоминает, как ни странно, Фаулза — та же манера вглядываться не столько в объективную действительность, сколько в то, как она сконструирована, в то, как сконструирована сама литература. Я даже несколько задохнулся от такой оценки. Говорили еще о постмодернизме, о сегодняшней молодежи, которая, казалось бы идя против течения, вдруг начинает интересоваться такими простыми вещами, как семья, любовь, дружба. Это все, конечно, реакция на грязную официальную пропаганду, вернее не столько на официальную, сколько на коммерческую. Жизнь вообще идет по принципу маятника и контраста, государство же совсем отошло от какой-либо идеологии, от морали, совести; телевизионные каналы каждый

день говорят о другом — о том, что взрывают, убивают, воруют, следовательно надо бы составить этому оппозицию, как бывало. Именно поэтому, по мнению педагогов, ребят сейчас больше интересует "Анна Каренина", нежели "Война и мир". Очень интересна мысль о том, как деформируется оценка основных героев литературы, мы сейчас по-иному видим Раскольникова, он не только совершил преступление, но сумел, во всяком случае стремился, перепрыгнуть через забор своей социальной предопределённости.

12 марта, суббота. К концу дня всё сбивается, уже не помнишь, что записал, а чего не записал. Но есть вещи, которые не записывать нельзя. Однако не соскользнули ли они из дня предыдущего? Пожалуй, уже несколько дней я слышу о громком деле в одном из израильских банков, который занимается отмыванием денег. Сначала сказали, что среди клиентов этого банка числится несколько русских, потом двоих из них даже показали. Ими оказались Гусинский, у которого там несколько сот миллионов долларов и несколько сотен отдельных счетов, и бывший ректор РГГУ и товарищ Ходорковского — Немзлин. Какая удивительная штука: эти люди говорят, что у нас в России они подвергаются преследованиям по политическим мотивам, вопреки утверждению наших властей, что дело в обычном жульничестве. А потом выясняется, что и в стране с другой политической системой и огласовкой у них тоже не всё в порядке. Следовательно, дело здесь, как можно было бы подумать, даже не в их национальности, а в каком-то глубоком внутреннем стремлении во что бы то ни стало быть богатыми за счет других. Впрочем, есть ощущение, что это пиар-акция израильской правоохранительной системы. По телевидению же было сказано, что есть и такой вариант — дело спустят на тормозах, потому что и Немзлин, и Гусинский проходят по категории политических жертв.

Весь день практически сидел дома и медленно правил свое эссе о воровстве, даже придумал ему название: "Библейская заповедь". Подобная работа состоит из огромного количества дописок, уточнений, сопоставлений, согласований, лист компьютерного текста превращается в некое кружево, которое приходится потом снова и снова распечатывать, зато потом все приобретает определенную плотность.

13 марта, воскресенье. Перебирал книги и нашел "Кротовые норы" Фаулза, о которой мне говорила Нина Павловна. С налету книгу решил не читать, возьму с собой и уже где-нибудь в гостинице, в самолете, в поезде, с наслаждением и причмокивая, начну вникать в текст. Собственно, жизнь писателя вообще

делится на две части: создание художественного текста и осмысление чужого опыта. Беда писателя еще и в том, что приходится узнавать и исследовать жизнь.

Вообще, настроение довольно скверное. Я принял твердое решение подытоживать свою жизнь, по крайней мере этот этап моей работы. А от института, к которому я привык, от объема и интересов его дел отходить будет трудно. Но уже по опыту знаю, что всегда эта, внезапно и трудно возникающая, свобода пойдет мне на пользу: не успел уйти с радио, как был написан "Имитатор", именно когда я не работал, по крайней мере перестал занимать крупную административную должность, я и сделал большую часть из того, что сейчас стоит у меня за спиной. Но уходить надо с определенным запасом идей. Уже на следующий день ты должен сидеть за столом и четко знать, над чем работаешь. Почему-то вспомнил опять свои колебания, испытанные перед уходом с радио. Я много раз потом объяснял: работу надо бросать не тогда, когда ты якобы накопил на 2–3 года безбедной жизни, не тогда, когда у тебя есть прочное и стабильное положение, а тогда, когда её хочется бросить. В жизни надо чаще совершать необдуманные и резкие поступки. Человек — явление живое, и интуиция и безрассудство ведут нас порой и упорнее, и вернее.

Утром было 3–4 звонка сразу: "Смотрите ли вы, Сергей Николаевич, Мариэтту Омаровну по телевизору?" Теперь передача "Школа злословия" идет по утрам в воскресенье, и на этот раз ее героем оказалась М.О.Чудакова. Она, как всегда, энергична, интересна, даже необычна, а отдельные ее сентенции я отношу за счет очень формальной логики. Она, например, не понимает, что революцию (кроме оранжевой), никакими силами сделать нельзя, это явление стихийное, и Ленин тоже никак не смог бы захватить Россию, если бы Россия сама не призвала и не захватила Ленина. И в революции 17-го года Россия совсем не очутилась на обочине: что, Франция во время Великой французской революции тоже была на обочине? А в конечном итоге Россия оказалась великой державой. Мне интересным показался ее пассаж, как она агитировала против советской власти среди шоферов такси — правда, она призналась, что раньше на такси ездила, а теперь нет. Но ведь мы, Мариэтта Омаровна, живем не ради материальных ценностей, а ради духовных. И я уже давно не езжу на такси. Занятно, что и М.О., и Толстая вместе с Дуней Смирновой оказались союзницами в таком затасканном деле, как "чистка Красной площади": все они, конечно, за вынос Ленина из Мавзолея, а М.О. решила стать грудью, если, упаси Бог, будут восстанавливать памятник

Дзержинскому.

Мы не можем относиться к истории как только к событиям, которые минули — и все. И пусть себе стоят идолы этой истории. Мы обожаем иконоборчество, во что бы то ни стало надо снять Ленина со всех пьедесталов — не дай Бог, какая-нибудь бабушка что-либо хорошее скажет внуку на его вопрос: а это что за дядя? Ведь бабушки такие глупые, они никогда не смогут объяснить внуку диалектику истории!

Сегодня Прощеное воскресенье. Господи, прости меня и за еретический грех собственного осуждения!

15 марта, вторник. Каждый день повторяю себе, что писать надо ежедневно. А вот сегодня уже с трудом вспоминаю, что было вчера, только хорошо помню, что перед отъездом в Париж на этот самый разнесчастный книжный Салон приходилось работать как сумасшедшему. Удивило: в половине десятого М.В.Иванова — уже в институте, на посту, знает, что я уезжаю и подготовила приказ по отчислению. Тем не менее часа два еще все это рассматривали, глядели каждое личное дело, кое-кого помиловали.

Последнее московское впечатление — это знаменитый, модный, как раньше проповедники во Франции, дьякон Кураев. Его пригласила к нам в институт Олеся Николаева. После лекции — он читал о булгаковском романе "Мастер и Маргарита" и христианской традиции — пили чай на кафедре литмастерства с сушками и сушеными яблоками: начался пост. Олеся Александровна всё это чтит. А я почему-то вспомнил первое представление Набоковым госпожи Гейс с ее любовью к приличиям и светским праздникам. За чаепитием задал отцу Кураеву один вопрос, практически переиначив соображение М.О.Чудаковой о втором — именно в романе — пришествии Христа, которое оказалось незамеченным. Отец Андрей ответил, что в этом-то как раз и есть христианская традиция: святой или даже сам Господь является незримым, без явных знамений и ритуалов. Это показалось мне любопытным или, скорее, естественным для священника; но суждение прозвучало вне штампа. Сама лекция отца Андрея мне понравилась меньше, кажется, я уже это писал. М.О.Чудакова историю романа разбирает и дает студентам интереснее. Христианские соображения по поводу романа — отец Андрей по первому образованию то ли филолог, то ли философ — мне показались не очень органичными. Всему придается особое, символическое значение — так писатели не пишут: символы образуются и появляются потом.

После разговоров на кафедре поехал вместе с Альбертом Дмитриевичем в общежитие. Я всегда думаю, что же является

руководящей силой, которая заставляет меня двигаться? Чувство справедливости или некий рациональный принцип? Постепенно обнаруживаю, что, скорее, первое, но, как ни странно, это первое находится в удивительной гармонии со вторым: что справедливо, то и хорошо.

Итак, ездил в общежитие. Уже много лет — это основной доход, на который, в известной мере, живет институт, — там восьмиэтажное здание, там огромная гостиница, там и студенты из Высшей школы экономики. Я давно думал о том, что в смысле удобств там всего маловато, а если говорить о частностях, то следовало бы устроить там пункт питания. Пусть он не будет приносить никакого дохода или приносить доход кому-то, главное, чтобы не работал в ущерб институту. Я давно задумывался, что мои проекты, с которыми, как правило, сначала никто не соглашается, постепенно завоёвывают право на жизнь. Год назад мы начинали курсы корректоров, было там три человека. Курсы работали в убыток, а теперь — уже десять слушателей. И количество желающих растет. А уже когда пять человек на курсах, они становятся рентабельными. В общем, всё внимательно осмотрели с Альбертом Дмитриевичем, он обещал подумать, и, дай Бог, всё пойдет.

Весь вечер собирался в путешествие, наложил целый чемодан книг, одежду, лекарства, мантию и шляпу для Ирэны Ивановны Сокологорской. Чемодан тяжелый. Как всегда, занимался дневником. Вечером же смотрел альбом, в котором представлены все русские участники выставки. Париж, конечно, большой, "своих" там будет не так уж много, мне придется трудно. Да и вообще, я понял, что взяли меня скорее по необходимости: нельзя было не брать — и институт, и молодежь, и министерство культуры, — но у французов и русских, которые собирали эту компанию, безусловно, были иные приоритеты. Но, даст Бог, переживем!

Из телевизионных новостей выделю три. Во-первых, мне нравится, что за выдачу Басаева кому-то из чеченцев дадут 10 миллионов долларов. Когда предают по идейным соображениям — это одно, когда предательство материально поощряют — это другое. Песня о 30 сребрениках нескончаема. Второе: Путин был в Большом театре, решал, надо ли его реставрировать, — деньги огромные. Ему показывали старые лабиринты под сценой. Жаль, что не прочли отрывок из дневников В.А.Теляковского, там тоже много об этом театре и о вечной бесхозяйственности. Совсем не случайно провели Путина через балетный класс, где его напутствовал на ускоренный ремонт Коля Цискаридзе. И, наконец, третья новость, не без волнения воспринятая всем

академическим сообществом. Нашего решительного министра образования Фурсенко в Красноярске, где он встречался со студентами, двое парнишек закидали яйцами под лозунг: "Долой реформу образования!". Но министр уже успел сказать, что количество финансируемых из казны вузов будет сокращено.

16 марта, среда. Еще вечером переживал, что ребята мало пишут, что Паша Быков все время старается улизнуть с занятий. Разбирается он в литературе, имеет вкус, но писать не будет, его мозги и душа в той стороне, где поют. Помешает ему стать писателем и его скрытность. Надо прекратить морочить ему голову и отпустить.

Встал в пять, даже успел сделать зарядку. В шесть утра уже приехал Толик. Летел я не с писателями, которые вылетели на три часа позже. В самолете из знакомых были художник Боря Алимов, Галина Михайловна Щетинина, которая все время помогает нам с финансированием издания институтских книг, директор Пушкинского музея в Москве Евгений Антонович, обаятельный и живой человек. Рейс был аэрофлотовский, но на "Боинге". Кормили очень средне и еды давали меньше, чем в предыдущие годы. Как всегда и по-русски экономят.

В Париже тепло и радостно. Париж, его люди, его общий дух отличается неагрессивностью. Поселили меня в отеле "Конкорд" возле вокзала Сен-Лазар, в одноместный номер, но с такой немыслимой роскошью и по такой дорогой цене, что мне стало страшно. Имело, конечно, значение мое звание члена коллегии министерства. Пусть это престиж учреждения, но всё равно душа за государственные деньги болит. Чувствую себя неуютно, не на своем месте, как лакей в хоромах. В общежитии для рабочих в Сен-Дени мне было как-то увереннее. Тем не менее уже в маленьком электрическом чайничке, который мне подарила в свое время Барбара, вскипятил на лакированном столе чай.

Но на этом мое хулиганство не закончилось. Вышел из гостиницы — район вполне демократический, хотя и рядом с вокзалом, в маленьком магазинчике купил: сто граммов настоящего "рокфора", о котором уже забыл, у нас в стране его сменил некий суховатый аналог — "дар-блю". Какая забытая вкуснятина! Зael нигде в мире так не хрустящим батоном. Какая божественная прелесть! Помнил ли я в этот момент о посте?

Вечером, воссоединившись в автобусе, наши писатели мирового и российского уровня дружно поехали на прием в Дом книги. Совершенно чудная атмосфера старинного особняка возле музея Орсе, на минуточку освобожденного от бумаг, компьютеров и посетителей. Писатели и немногие приглашённые без остановки пили воды, соки (это моя добыча), шампанское и,

возможно, что-то более крепкое. Раскрепостились.

Здесь весь народ подобран качественно, мою цель — посмотреть не на Париж, а на писателей — я выполню. Унижаться до следованию списку не стану, пусть каждый появится сам по себе. Поговорим понемножку со всеми. В беседе с Толей Королевым, который похудел, обзавелся очень короткой стрижкой, посетовал, что здесь случайно, и это, конечно, так и есть Ему при взгляде на весело попивающее и жующее сообщество, пришла в голову мысль, что это хорошо организованный монолит, куда не попадает иной материал. Полагаю, что есть невысказанные законы, по которым сбиваются в кучку люди, а чтобы такому сборищу устоять, приходится впускать иногда и новых. Поговорил интересно и даже душевно с Олегом Павловым, которому именно сегодня исполнилось 35 лег. Он, как и некоторые писатели, с женой. Как бы здесь не помешала и оставшаяся в Москве В.С.! У меня сложилось ощущение, что по-человечески Павлов просто ищет поддержки и не всегда находит. Рассказывал о работе и о минувшей, пожалуй, дружбе с Солженицыным. Я все это так хорошо понимаю: нужен, не нужен, помог, занят, рассасывается дружба. Олег работал с письмами классика. С Олегом или с Толей мы приглядели определенное количество писателей, изготовляющих "гарнир" и боевых авторов вкусных "котлет". Вечер тем не менее прошел замечательно.

Я твердо решил заниматься не Францией и Парижем, а русскими писателями. Первые соображения — по поводу гипотетической делегации. Ещё одно соображение, выработанное в одной из бесед: они, конечно, телевизионную картинку захватили, а захватили ли читателя? Толя же сказал: у меня со всеми прекрасные отношения, однако никто не пригласит меня к себе в передачу. По сути, он прав, но глубинно духовное поле ухватил, конечно, и Олег Павлов, и не выходящий на телеэкран Маканин — он переигрывает всех.

В моей гостинице живет и Д.А. Гранин, утром пойду с ним завтракать.

17 марта, четверг. Утром, действительно, сначала завтракали с Д.А. Граниным — как накрывают шведский стол в дорогих гостиницах! — а потом в течение часа гуляли. Дошли до Гранд-опера, купили экскурсионные билеты и посмотрели фойе и парадную лестницу. Была еще галерея с театральными портретами и рисунками, но Д.А. ходит не быстро, и мы экскурсию сократили. Сначала о самой Опере, которую я осматривал с пристальным вниманием, особенно после визита В.В. в Большой. Французы воистину люди расчетливые — делали на века: мраморные ступени, мраморные полы, мраморные

перила на лестницах. Немыслимая пышная, как женские груди и турнюры того времени, роскошь — вовсе не декорация, производит впечатление массивной подлинности. Ремонты — дело хлопотливое и тяжелое, здесь не Москва, за деньгами следят, государство не очень любит, когда на нем неконтролируемо зарабатывают. Опера — воистину имперская роскошь, ничего подобного у нас нет.

Перед зданием Оперы, почти возле дверей, встретили замминистра Л.Надирова. Даниил Александрович его хорошо знает по Ленинграду. Раскланялись, разошлись. Был Л.Надиров свеж, ясен и доброжелателен. Сказал, что вместо Лесина введен в президентский совет по книгопечатанию.

За завтраком и во время прогулки хорошо говорили с Д.А. В его разговорах теперь много грусти и какой-то тоски по былому. Я совершенно внезапно для себя развернул целую картину угасания качества жизни писателя. Начался-то разговор с некоторого несогласия: Д.А. вспомнил вдруг, сколько, при существовавших в советское время тиражах, государство "должно" писателям. Я привел свой старый тезис о том, что эти тиражи отчасти были случайными: государственные, почти без стоимости, бумага и типографии, копеечное же распространение. Государство свои "недоплаты" компенсировало другим. А вот когда эта компенсационная функция перестала работать, тут-то… И я начал говорить о снижении уровня жизни писателя: мы перестали покупать книги, мы не выписываем толстых журналов — не читаем коллег и, значит, не в курсе сегодняшней литературы… "Для нас стал недоступен театр и кино", — добавляет Д.А. Дальше мы еще немножко перебираем то, чего все лишились…

А не написать ли мне другое эссе — о жизни писателя? Вот только закончу предыдущее, о воровстве.

На обратном пути из Оперы мы говорили о неповторимом и всегда живом Париже. Как замечательно в такой день (+18) идти, наслаждаясь солнцем и светом, по улицам, любоваться чугунными решетками на окнах, подъездами и дверями. Как всё же удается французам сохранять облик своего города? Париж — это Франция. И как же надо не любить Москву, чтобы так ее изуродовать во имя среднестатистической строительной мечты.

В 11.30 министр культуры Франции давал прием в честь русской делегации Салона и награждения своих и чужих орденами Франции. Перечисляю, чтобы покончить с темой, только своих: Ольга Седакова, Ирина Прохорова и Василий Аксенов стали кавалерами ордена искусств и литературы.

Любопытно, что г-ну Дюрану, писателю и издателю, орден Почетного легиона был вручен еще и за некоторое отношение к нашей стране. Вот как формулирует это г-н министр Рено Доннедье де Вабра: "Я хотел бы особо отметить ваше мужество и настойчивость, которые потребовались вам для публикации произведений самых известных советских писателей-диссидентов. Вы первым издали роман Солженицына "Август четырнадцатого", а затем и все три тома "Архипелага ГУЛАГ"". Приблизительно те

же заслуги отмечает министр и в творчестве Ольги Седаковой. "В течение многих лет вы не могли официально публиковаться в России, но благодаря самиздату вам удалось обрести любящих читателей, собиравшихся в квартирах и мастерских друзей, чтобы услышать ваши стихи".

Сделав эти выписки из переводов речей г-на министра, я подумал о моем любимом Марселе Прусте. Ему бы при такой ситуации, если он, конечно, не читал свои рукописи в будуарах поблекших герцогинь, никакого ордена не получить…

Но это всё не главное. Конечно, я получил свой кайф от наблюдения за самой церемонией. Большой очень красивый зал с восемью или десятью окнами от потолка до пола; свет в окнах, горят три хрустальные люстры, роскошные шторы, терраса-балкон, куда выход прямо из зала. Пожилые дамы с зализанными от постоянного ухода, с истонченной кожей, лицами; наш Андрей Андреевич Вознесенский в первом ряду с растянутой, будто на ниточках, улыбкой, рядом с ним Зоя Богуславская, в которой словно горит непререкаемый дух Березовского, чуть за нею в толпе, светясь, как водолаз, крупными очками, писатель Витя Ерофеев — о писателях-телевизионщиках особая речь, — скромно потупившийся В.П.Аксенов, ожидающий своего ордена. Море голов и гениев, французские переводчики, издатели, соглядатаи, ходящий по кругу и наблюдающий за порядком С.А.Филатов (как мне кажется, один из главных распорядителей кредитов; сколько бы я дал, чтобы узнать всю механику современного финансирования подобных мероприятий, тем более что, по словам В.В.Путина, "деньги стыда не имеют"). С чего я, собственно, ко всему этому вяжусь, разве я сам хотел бы заниматься подобным? Здесь же, в разлете своей темной шевелюры, советник Сеславинского В.Григорьев. Вот Сеславинский уже свою речь отговорил, отвечая министру. Нина Сергеевна Литвинец, золотая душа, измучившаяся, примиряя всех, где-то у стенки рядом с зеркалом сидит на стульчике. Мои соотечественники Наташа Иванова, Людмила Улицкая, Асар Эппель, Сережа Тютюнник, с которым мы только что обменялись книгами, Светлана Алексиевич, уже четыре года живущая в Италии и Франции и, наверное, не из первых рук говорящая о режиме в Минске, толпятся на солнечной террасе, уже получившие награду Вас. Аксенов и Ольга Седакова принимают поздравления, — все это у меня мелькает перед глазами, я пытаюсь всё запомнить. Встретился взглядом с Богуславской, помахал ей рукой. Помню, что снял мораторий на упоминание о ней как об очень средней писательнице. Одновременно вспомнил, что Гранин восхищается мужеством Андрея Вознесенского,

который старается держаться изо всех сил. Молодец, Андрей, держись. Но кажется ему плоховато. Ему принесли в передний ряд, где блестят фотокамеры, стул, он сел. А министр опять всё говорит, награждает, ему отвечают. Я стою рядом с Владимиром Зайцевым, директором национальной библиотеки, и так же, как и он, чувствую себя одиноким в этом зале. Красноречие это национальная добродетель, и если Германия — страна больших порций, то Франция — длинных, исчерпывающих речей. Когда министр закончил, было шампанское, чудные бутерброды, порезанная столбиком морковка, сельдерей и что-то похожее на брюкву, апельсиновый сок. Как раз за стойкой со съестным нашли общий язык с Димой Быковым.

Но пора объясниться по поводу главного. Мало ли я повидал приемов, и лучше и хуже, но никогда не видел министерство культуры в подобном здании. Париж, в принципе, небольшой город, мы ехали из гостиницы недолго, и только впереди зажелтел новодел Лувра, как мы остановились, вылезли из автобуса и по какой-то не очень широкой лестнице начали подниматься. Потом вошли в зал. С двух сторон зала два буфета наизготовку, ощущение праздника и надменности. Я огляделся, вышел через окно на террасу-балкон, и что-то меня здесь же ошарашило. Да это же Пале-Рояль, знаменитый дворец и дом кардиналов, огромный двор с перекинутой через него балюстрадой! И не совсем, так сказать, дворец, но чтоб и просто жить и радоваться. Комплекс зданий совета министров с личной квартирой кардинала-премьера, администрация президента. Сразу возникли аналогии. Вспомнил бывший кабинет С.А.Филатова с видом на звонницу Ивана Великого. Вспомнил также и грустно-современное, барочного типа, министерство нашей культуры в Китайском проезде.

В тот же день на Салоне встретился с Ирэной Сокологорской. До этого я разговаривал только с ее сыном Игорем. Ее положение и здоровье, а главное, здоровье Клода не так хороши, как бы всем хотелось. Жить у нее в доме я, конечно, могу, как в свое время жила Л.М., но Клод так плох, что она не может отлучиться из зимнего загородного дома, где они живут. Не очень ясно, и как можно проводить сейчас и здесь, в Париже, церемонию вручения ей грамоты почетного доктора и мантии. Если всё подытожить и принять во внимание, что моя сестра Татьяна приезжает на денек в субботу, то надо сделать всё, чтобы уехать в Москву со всеми. Иначе я в Париже останусь совсем один, и могу не справиться со своей расщепленной психикой.

На открытие выставки, а здесь как бы и нет официальной церемонии, нас с Даниилом Граниным забыли прихватить. Ехали

на такси, и все мои попытки заплатить кончились неудачно. Гранин и джентльмен, и человек бывалый. По дороге рассказывал про своего внука, работающего с какими-то электронными крупными системами. Для того, как в кино, этой фабрике грез, не существует рефлексии и трудностей в постижении мира: приехать, скажем, в Швейцарию, взять машину и переехать в другую страну — не проблема. Вот так, мир уже открыт, он, оказывается, как круг сыра, кусай его с любой стороны.

Огромный павильон во Дворце спорта в Порт-Версаль похож на ангар выставки во Франкфурте, так же стоят и павильоны. У нас довольно большая выгородка. Вот туда мы с Граниным без билетов и без каких-либо бумаг и пробились. Но по дороге, буквально случайно, мы встретили Марка и Соню Авербух, для которых я добыл билеты у Нины Сергеевны. Замечательные люди, о которых я часто думаю.

Сама экспозиция мне не очень понравилась: березки, перерастающие в наши флаги, книжные прилавки, в центре рояль, возле которого в шуме и гаме играет квартет каких-то великих музыкантов. На несколько минут в павильоне появился премьер-министр, похожий ростом и повадками на Фрадкова. После этого мне досталось несколько тарталеток с икрой и бокал вина. Об этом меня уже предупредили заранее, кто-то из служащих посольства рассказывал, как из Москвы отправляли груз с водкой и икрой для приемов. Может быть, основной корпус икры и питья находится в посольстве?

18 марта, пятница. Принужденный всегда что-то, как проклятый, писать, то есть создавать роман из собственной жизни, вот сижу и пишу без очков. Очки остались в фирменной сумке вместе с плейером, экземплярами моих книг и основной записной книжкой в машине, с которой я расстался возле Елисейского дворца. Нас подвезли туда вместе с Д.А.Граниным последними, писатели уже давненько были внутри. После приема у президента меня пригласили на брифинг, и я отправился в знаменитый отель "Бристоль" вместе с Э.Радзинским, Д.А.Граниным, а после Костя Эккерт, старый, еще по Ираку, знакомый, затащил меня в другой отель, где у него стояла аппаратура для интервью — он сейчас работает на Би-Би-Си. Сумка с вещами уехала в машине и оказалась в номере у Д.А., куда ее привез шофер. А если по порядку, то дело было так.

С большим воодушевлением я утром позавтракал вместе с Д.А.Граниным. Здесь, в четырехзвездном отеле, вообще очень хорошо кормят: две тарелки фруктового салата, сыр, попкорн с йогуртом, хлеб с повидлом, сок. За завтраком, как всегда, разговаривали. Кроме жизненного опыта, у Д.А. еще и некий

талант естественного мудреца. В природе этого таланта, наверное, органическая несуетная доброта.

На этот раз вместе с Филиппом Николаевичем Овсянниковым, который тоже живет в этом отеле, проехали на выставку. По дороге услышал много интересного о мздоимстве отечественных чиновников, о желании всех новых русских ездить на машинах со специальными номерами. Кстати, эти "специальные", с флажком и мигалкой номера во всем мире, естественно, отсутствуют, это чисто русское изобретение, то есть чисто русская привилегия. Здесь вспомнился рассказ о том, как некая дама, премьер-министр одной из северных стран, уйдя в отпуск, торопилась на самолет и превысила скорость. С отпуском ее привилегии закончились — отправили в отставку, ободрали милую на штрафах, как липку.

Выставка встретила нас большим количеством школьников. Тут же возникла мысль обязательно достать бесплатный пропуск для всех студентов Литинститута на ближайшую же выставку, которая состоится Москве. По дороге поговорили и о нашем павильоне, вернее "выгородке", которую "придумал" и оформил художник Канторович. Это очень безвкусно: ряды пространства разделяют особые колонны, стилизованные под березы, где роль поперечных полос, рассекающих белое пространство, выполняют фамилии русских писателей. Я для интереса списал с колонн эти славные имена. Мандельштам, Пелевин, Аксенов, Гумилев, Гоголь, Чехов, Ахматова, Платонов, Замятин, Есенин, Достоевский, Блок, Бродский, Пушкин, Цветаева, Толстой, Набоков, Сорокин, Белый, Горький, Петрушевская, Лермонтов, Вознесенский, Гиппиус, Маяковский, Бунин, Тургенев, Евтушенко, Куприн, Солженицын, Улицкая. Как занятно вписаны сегодняшние имена в сонм классиков. Есть ли здесь Распутин и Бондарев, Белов и Астафьев, Твардовский и Кузнецов? Наверху эти безвкусные сникерсы украшают цвета российского флага. Окурок с цветным фильтром. Не тормози, сникерсни!

Еще в машине вдруг осторожненько возник разговор о какой-то поездке в посольство — все же держится в секрете. Было сказано, что Даниил Александрович поедет обязательно, а вот поеду ли я, под вопросом. Ну и ладно, я всё равно одет в вельветовые брюки, рубашку с курткой и джемпер, почти по-студенчески, как мой Антон. Но внезапно на выставке вдруг все на меня накинулись: как же так, едете к президенту в Елисейский дворец, а без галстука! Но я тут же нашелся. Уже минут двадцать перед этим я разговаривал с В.Бояриновым и Максимом Замшевым о делах в МСПС. Ребята были рядом. Ах, нет галстука? "Замшев, снимай пиджак и галстук!" К сожалению, рукава

оказались чуть длинноваты. Я отдал Максиму свою куртку.

Приехали к Елисейскому дворцу, естественно, позже всех. Все наши уже строились в аванзале в некий полукруг. Как все у французов просто! Как-то в один момент нас быстро-быстро протащили через двор, в котором уже был построен, сверкая шашками, почетный караул. Я как бы оказался в Зазеркалье. Войти в этот волшебный дворец да еще с парадного, царского хода!

Ну, дальше всё, как на телевидении: какие-то распорядители окружили нас, между двумя крыльями строя писателей стояла вооруженная камерами пресса, а у окон — трибунка-пюпитр, из-за которой сначала говорил президент Ширак, а потом президент Путин, наш Вован. Я еще раз подумал, что бы о нем ни говорили, как бы даже я сам его ни критиковал, но он все равно мой, и только мой, президент. Пропускаю торжественный момент, когда оба президента, высокий и пониже, вошли в зал, говорили речи, не очень, правда, запавшие на ум. Путин напомнил, что два почти века русская элита говорила на французском лучше, чем по-русски, привел несколько по памяти имен французских классиков, чуть запнулся. Писатели снисходительно и иронично поулыбалисъ… Все было торжественно и мило, стоящий рядом со мной Слава Пъецух страдал оттого, что за его и моей спиной уже стоял стол с выпивкой. Писатели хотели понравиться президентам, президенты хотели понравиться писателям.

Наконец, речи закончились, и Сеславинский, директор федерального агентства по печати и массовым коммуникациям принялся представлять президентам писателей. Началось всё, как и положено, с противоположной от меня, по часовой стрелке, если идти от президентов, стороны. Первым стоял Даниил Александрович Гранин. Путин с Граниным, как старые знакомые, обнялись, я в этом ничего необычного не увидел, оба питерцы, к тому же писатель, как и отец президента, фронтовик. Все время шли какие-то разговоры возле каждого представляемого. Вторым, кажется, оказался историк Радзинский. Вообще-то здесь были далеко не все писатели из включенных в "список раздора" официальной делегации. Мне потом сказали, что вокруг этой встречи шла борьба между службами безопасности. Наши победили: не шесть и не десять, как предлагали французы, а чуть ли не тридцать. Сокращали списки по такому принципу — побольше писателей, поменьше чиновников вокруг. Может быть, поэтому не было на этом приеме ни Ивановой, ни Архангельского, ни Барметовой. Правда, Эппелъ и Ерофеев были с женами, так что свободные места, очевидно, все же оставались. Должен сказать, что жена Вити Ерофеева, с уже заметной

беременностью, и выглядела и была одета прекрасно: в неких штанах с подвязками чуть ниже колена и в туфельках с розовыми, как в эпоху Людовика XIV, бантами. Почему-то не было Татьяны Толстой, которая, как я узнал позже, вроде бы отказалась ехать на встречу с Путиным, не было Пригова и Рубинштейна, так похожих друг на друга, что я не различал их несколько лет — из одного, так сказать, корня. Не было и лучшей писательницы наших дней, Улицкой. Пропускаю, не развертывая, короткий разговор Путина со мной — все о том же ремонте института. Может быть, он привык к просьбам и пропускает их мимо ушей? Опускаю тяжелое рукопожатие Ширака. Во время разговоров на нашей стороне я затараторил о наших переводчиках с французского языка, Путин здесь меня даже поостерег. Но я успел вставить еще и некую полуинвективу французам, а русским даже комплимент: дескать, наши переводы порой лучше, чем оригиналы.

Кстати, если наше крыло, пока Путин и Ширак разговаривали с писателями другого крыла, и не думало (за исключением одного "перебежчика") оттягивать внимание на себя, когда представление пошло на нашей стороне, Ерофеев и Радзинский тут же, как магнитом, придвинулись к излучающей силовое поле власти. Люди все телевизионные, знают, как надо ближе садиться к софитам. Потом бывалые (Ерофеев и Вознесенский) стали дарить книги. Я грустно подумал о своей сумке с книгами, оставленной в машине, хотя прекрасно знал вечную судьбу даримых экземпляров. Занялся разглядыванием прекрасно выбритого затылка В.В.

Теперь главное, и довольно занятное, впечатление, которое я вынес из этой парадной церемонии. На мой взгляд, организация подобной встречи писателей и власти никогда бы не могла произойти в Москве. Это некий образец, урок отношения к культуре, который власть наша, надеюсь, не забудет. Теперь смешное. Вернемся к моменту, когда Путин и Ширак медленно начинают свое движение по полукольцу, разделенному на два сегмента. Это было так медленно, так неспешно, что стоящий рядом со мною А. Кушнер внезапно занервничал: а вдруг на его долю не достанется. Что он скажет своей жене, знакомым, товарищам по цеху! Это Маканин позволял себе довольно надменно стоять, не считая возможным даже застегнуть верхнюю пуговицу на рубашке. Трава должна шуршать, а деревья могут стоять молча. Александр Кушнер задергался! "Ну, чего ты нервничаешь, Саня — урезонивали Кушнера, одетого, будто к приему, в ладный и модный, почти как у Путина, костюм, — дойдут они до нас!" Но Саня, видно, счел бы себя униженным и оскорбленным, если бы ему не досталось рукопожатий. Он

внезапно по хорде пересек скругленное пространство и без очереди, будто ленинградец-блокадник, получил рукопожатие. Когда он вернулся, я грубовато сострил: "Вы, Саша, можете и вторично приложиться к властным рукам!"

Потом был брифинг, где я кое-что залепил о своем неисполнившемся желании видеть, среди других на этом Салоне, Бондарева и Распутина. Потом интервью с Костей Эккертом для Би-Би-Си. Потом я снова уехал на выставку, где встретился с Алешкиным и его семнадцатью молодцами, выступил в "Апокрифе" у В.Ерофеева и всласть поговорил с приехавшим Леней Колпаковым. Леня показал мне газету с моей статьей. Встретил Надежду Ефимовну Петрову, она приехала с Андреем Павловичем, но как эксперт Русского музея. Обрадовался ей, как сумасшедший. Она прекрасно выглядит и, как обычно, брызжет доброжелательностью.

19 марта, суббота. Писал ли я, что в Париже весна, днем температура поднимается иногда до 20 градусов, кое-где цветут сливы. По городу я, собственно, еще один не ходил, он проносится в окнах машины, в скучных, но удобных подробностях метро. Собираю слухи. Шофер Сережа, возящий иногда нас с Граниным на выставку, с преувеличениями, как бы оправдывающими его эмигрантскую сущность, рассказывает, что это социалистический рай, государство строго следит за каждым: нет нищенствующих стариков и нет бездомных собак. Впечатления мои пока все столпились на узком пространстве нашей русской экспозиции, где не стоит ни одной моей книги, на воспоминаниях о вчерашнем приеме в Елисейском дворце. Может быть, написать рассказ "Прием"? Что, интересно, возникло в душе у В.П.Аксенова, члена комитета "Выборы 2008", когда "тоталитарист" Путин жал ему руку? Какое честолюбие владеет Вознесенским, когда он для рукопожатия прибывает на прием, не будучи даже в состоянии стоять? На приеме в министерстве культуры ему поставили стул, а когда он чуть не упал в Елисейском дворце, я прочел ужас на лице Зои Богуславской. Разве отшлифуют подобные посещения и рукопожатия двух президентов качество ее собственной якобы прозы?

Якобы проза — царица Салона. Поверив экспертам и количеству книжных названий, Ширак сказал о некоем буме в русской литературе. Льстивые у него эксперты! Это бум не котлет, а гарнира. Ни одного знакового и крупного произведения большого стиля. Всё детективы, эссе, сказки, рассказы о войне, старая игра с уже дохлой советской властью, разоблачения, работа, как говаривал Булгаков, скетчистов. На пресс-конференции, которую собирается проводить Юрий Поляков, я,

наверное, скажу, что нельзя путать литераторов с телеведущими. Может быть, делать отдельную выставку телевизионных звезд, главных редакторов и критиков?

Утром за завтраком Д.А. рассказал, как после его объятий с президентом, вполне понятных любому непредвзятому человеку, два писателя подошли к нему с гневным вопросом: почему это его обняли, таким образом выделив, а их нет? Сколько бы я дал за то, чтобы узнать имена этих энтузиастов, не взявших, видно, в толк, что имя Гранина, ветерана и популярного писателя, в известной мере прикрывает весь остальной середняк на выставке.

С 8 до 9 вечера "Творческая встреча с Сергеем Есиным и Михаилом Шишкиным" в магазине "ИМКА-пресс".

20 марта, воскресенье. Утром сразу же после завтрака. Утром

21 марта, понедельник. Добрался вечером до телевидения, до наших российских новостей. И сам смотрел гигантский телевизор, который у меня в номере, и что-то слышал в машине от коллег. Путин на следующий же день после рукопожатий с нами улетел через Киев в Москву. В Киеве встречался с Юлией Тимошенко. Я понимаю, что его фраза "Деньги не имеют стыда" — от его частых вынужденных встреч с ворами, не менее явными, чем премьер Украины Тимошенко, но она, судя по заявлениям нашей прокуратуры, — самый патентованный. Я разглядывал Путина, пока в Елисейском дворце он стоял со мною рядом — бледная, чуть пигментированная кожа на шее, хорошие розовые ногти; когда он поднимал руку, от него исходило постоянное напряжение, как от трансформатора. Теперь всё это внимательно фиксировала Тимошенко, в обиходе обаятельная и милая женщина.

В Киргизии, как показали в ночных новостях, огромные митинги оппозиции, недовольной выборами в парламент и требующей отставки Акаева. Это всё в Оше и Джелалабаде. А в бывшем Фрунзе по поводу тех же выборов прут гуляния. Во время выборов, конечно, как и везде на российском и постсоветском пространстве, были и подтасовки, и подлоги. Выборы сегодня — вещь приблизительная. Акаев не самый обаятельный президент, слишком много честолюбия и жажды власти стоит за этим ученым. Как и везде, здесь клан и деньги. Если власть не от Бога, а от политтехнолога, почему бы ее не отнять. В Киргизии, как и на Украине, готовятся варианты и будущих российских политических схваток. Многое еще ожидает нашу страну, но не стабильность. Какое отчаяние, какая тоска наступает, когда видишь эту нечестность, коррупцию везде: во власти, в литературе, в политике!

Утром, как и планировал, уехал на экскурсию, которая звучит громко: по замкам Луары. Тем не менее видел все-таки много: Шамбор и Шенонсо. По мере того как много видишь, мир сужается и приобретает характер универсальности: детали соединяются, цепи отчетливо "прозваниваются", и возникает ощущение полной предсказуемости жизни каждого человека. Зачем же описывать Шамбор, уже столько раз виденный в кино и так похожий на какой-нибудь задник к спектаклям по сказкам Пушкина "О царе Салтане" или "О золотом петушке", но вот через окно машины промелькнул Амбуаз, шпиль церкви, где был похоронен Леонардо да Винчи. И сразу память услужливо подбросила контур низкого здания монастыря в Милане, куда я так и не попал, но где, знаю, его знаменитая фреска, мерцающее в вечности лицо Джоконды в Лувре, выставку макетов и бумаг Леонардо в Политехническом, его замечательная, двойным винтом через весь замок, парадная лестница, — бывают же в мире мозги, которые, предлагая всегда "красивое" решение, делают его еще и новаторским. Леонардо теперь долго еще будет преследовать меня — сознание работает, как компьютер, классифицируя по своим периметрам произошедшее за жизнь. А сколько ожило и налились соком лиц королей и деятелей той эпохи. Длинноносое лицо Франциска I, совсем по-другому вдруг увиделась и Екатерина Медичи: четверо принцев-наследников, четверо королей, и — пресеклась династия. Не верьте писателям, они видят жизнь, повинуясь законам своего, часто мстительного, сердца. Протестант Генрих Манн, защищая своих, столько понаписал про "чужих", про католиков. У Екатерины Медичи, католички, оставался лишь один шанс, чтобы свое потомство отправить в вечность, — дочь Маргарита, но она оказалась бесплодной. Эти замки держат много тайн и много загадок для психотерапевта. Чего стоит только роман Франциска II с Дианой де Пуатье. Какие истории! Вполне взрослая, по тем временам, женщина, по некоторым сведениям любовница отца короля, Франциска I, везет мальчика в Испанию, в некую "обменную" ссылку, а, став королем, мальчик вспоминает о своей "воспитательнице", и начинается самый невероятный в жизни роман. Ну, как же жизнь похожа на литературу и как литература, в свою очередь, похожа на жизнь!

Что-то случилось с моим дневником: другой стиль, другой подход к жизни. Какая тоска по молодым годам, по невозможности реализоваться, по невозможности до смерти расковаться и стать самим собой! Может, так действует на меня книжка Анатолия А…. "Призрак", которую я читаю на ночь? Скандал, вызванный этой книгой блестящего русскоязычного

молодого писателя, связан не только с ее свободным письмом и узнаваемостью в персонажах некоторых французских славистов, но и, преимущественно, с появлением там некоего Когана с семейством. О наших — ни гу-гу, потому что ты плох изначала, если не наш.

"Пьеса и положение телеведущих". Можно удивляться, почему на выставке нет еще телеведущей и сценаристки Смирновой, Дуни-тонкопряхи.

Чего не узнаешь в туристском автобусе! Летом в Париж на отдых с семьей — жена и двое детей — на две недели приезжал Пинчук, зять Кучмы. Турфирма, которая возила нас по Луаре за 180 евро, с него хапнула 200 тысяч евро. За книгу о замках отдал 9 евриков.

22 марта, вторник. Снова завтракал с Д.А.Граниным. Он рассказал эпизод из воспоминаний Бунина о Толстом, я их не помню. Бунин решил сходить в Хамовники, навестить Толстого. По дороге видит: старый мужик везет на саночках ведро воды. Оказалось, это Толстой. Пока они шли к дому, у Бунина промелькнуло три эшелона мыслей: выпендривается, простоту из себя корчит, второе — нет, это полезные физические упражнения, третье — да ни о чем подобном он и не думает, просто взял ведро и поехал за водой. Так для меня и Гранин. Все мои предубеждения по отношению к нему ушли. Он — единственное, что мне здесь, в Париже, по-настоящему интересно. И это не сопоставление того, что мне рассказывали и что я знал умозрительно, это уже мое отношение. И только мое.

Вчера Д.А. был в церкви Сен-Женевьев, на могиле Бунина и Декарта. Поговорили о том, почему я люблю кладбища. Здесь яснее всего выражено торжество несправедливости. Именно места, физически самым непосредственным образом связанные с конечным, находятся в небрежении: великие могилы или в забросе, или, если они в моде, их тревожит постоянный гул сапог, они предмет торговли.

Утром же уехал на Салон. По дороге в машине разговаривал с Николаем Филипповичем……, директором организации, создающей подобные выставки. Это моя обычная пытка светским разговором, в котором я, прикидываясь, что знаю всё и обо всём, выпытываю массу подробностей. Но, дай Бог злости и злобы, я об этом позже публично расскажу.

А на Салоне тем временем настал час группы 17-ти. По слухам, им не очень охотно дали время, к тому же самое утреннее. Основной их тезис: здесь представлен очень узкий слой писателей, так сказать, выборка нерепрезентативна. Так ли одинаково хороши эти писатели, но мысль, что в этой другой

литературе всё про насилие, про поедание экскрементов, про отношения нетрадиционной ориентации (это всё говорил М.Замшев), мысль справедливая. Сюда можно еще добавить о нескольких авторах, пишущих на специфически настроенную тему собственного народа, выклинившего себе место среди русских. Вообще, складывается впечатление, что писатель в России какой-то странный: он всё время говорит, как всё и тотально у нас плохо, отвратительно, поэтому-де он, повинуясь долгу, только об этом и может писать.

Многое на встрече говорилось остро и без обиняков. Я, пожалуй, не соглашусь, что только этих писателей и будут читать в школах. Этого никто не знает. Естественно, очень по-боевому выступил Петя Алешкин. После ликующего этого выступления мы сидели с ним, и он, уже в который раз, попросил у меня семинар. И уже в который раз я ему объяснил: он чуть перетягивает по общей культуре, чуть недобирает по внутренней терпимости.

Потом, скорее дружески — выступал В.З.Демьянков, — нежели из интереса, пошел на круглый стол "Роль книгоиздания в развитии международных и научных и культурных связей". И вот тут меня ждал некий сюрприз. Хоть в чем-то у нас оказался примечательный прорыв: "За последние десять лет мы, собственно, открыли горизонты нашей общественной мысли" (членкор Владислав Лекторский, главный редактор "Вопросов философии"). Здесь академик в первую очередь имеет в виду "вспоминание" и "раскрытие" ряда имен русских философов. "Чтобы чужое было понятно для своих, мы хотели бы понимать друг друга лучше и лучше" — это уже профессор В.З.Демьянков, который приводит много примеров выпуска книг по литературоведению и лингвистике. "Едва ли не единственная организация, которая противостоит деинтеллектуализации страны, — Российский гуманитарный научный фонд, где директором Андрей Юрасов", крупнейший в мире институт, поддерживающий издание книг социальных наук.

Во второй половине дня гулял с В.З.Демьянковым по Парижу. Единственная сложность — я по-прежнему в московских зимних сапогах. В церкви Сен-Женевьев де Пре нашел памятные доски Декарта и Буало. Не очень-то я представляю, что останки этих людей упокоены под этими могильными плитами, но слава их деяний и мифы о них завораживают. Огромный тусклый собор, давно не мытые — а может быть и никогда — витражи, скульптуры, брошен жребий бессмертия. Возможно ли оно, ограждает ли что-либо память о минувшем? Нет могилы Цезаря, Александра Македонского, Марии Антуанетты. В павильоне или приделе собора плита с тактичной надписью: возможно, именно

здесь то самое место, где был похоронен св. Ж…… первый епископ Парижа.

Весь вечер протопал по Парижу. Путаясь в линиях метро, к часу приехал в гостиницу.

23 марта, среда. Как всегда, лучшие часы пребывания во Франции образуются, когда в моей жизни появляется Ирэна Ивановна Сокологорская. В десять утра она вытащила меня из гостиницы и на своей машине повезла к себе на дачу. К счастью, сама она после многих месяцев мучительной болезни вроде бы уже выздоровела. Но теперь заболел Клод Фриу, её муж, у него что-то с суставами, он ходит, опираясь на две палки, у него плохо со зрением.

Дача Клода Фриу и Ирэны Сокологорской в 80 километрах от дома в столице до одноэтажной бывшей фермы под Фонтенбло. Все та же дорога, которую я видел несколько раз раньше, всё меняется, когда подъезжаем ближе к любимому замку Франциска I. Изумительные холмы, иногда, уже после поворота у Фонтенбло, изумрудные поля, цветут какие-то, похожие на иву, кусты. Солнечный день, повезло. Потом, уже в соседствующем знаменитом Барбизоне, я увижу целые поляны нарциссов. По обеим сторонам дороги лес, для меня неожиданный — дерево от дерева довольно далеко, лес как бы разгружен от подлеска. Потом рассказали, что до XIV века здесь была пустыня и сушь. Лес специально насажен для охоты короля. Скачи через такой лес, все видно, ни олень, ни красный кафтан егеря не окажется незамеченным. Иногда в лесу появляется олень с крестом между рогами, это предвещает изменения в королевстве. В память об этом олене Бенвенуто Челлини выбил или отлил из меди или бронзы свой знаменитый барельеф, который сейчас висит в Лувре. Возле него стоят столики кафе, где пять лет назад (!) мы с С.П. пили кофе. Кто же так пожирает время?

Встретился с Клодом, мне показалось, что он не постарел, но похудел, ходит, опираясь на две палки. Читать он тоже почти не может. У него в комнате специальный прибор, который во много раз увеличивает шрифт в книге. Опять вспомнил В.С., у которой, среди прочих, есть такое же несчастье. И он, старый Клод, соскучился по разговорам о литературе, и я за неделю салонной злости и раздражения тоже затосковал об этих импровизациях, когда пропускаются целые фразы, но оба собеседника сразу, наслаждаясь процессом, идут к выводам, — в общем, заговорили, затоковали, засвистели. Пока можешь читать — жизнь еще идет. Я, кстати, как приехал, положил глазные капли в холодильник, да так ими и не пользовался. В.С. за этим следила.

Говорили о Грине, над которым Клод сейчас работает. Мне

понравилось точное наблюдение Клода, что не надо представлять Грина певцом флибустьеров и дюков, скорее он писатель женского образа, писатель молодых страстей, девушка у него всегда удерживает и поддерживает мужчину. Ну, разве опишешь всю сладость и мёд подобных разговоров двух литераторов, вцепившихся друг в друга!

Поговорили, я осмотрел сад, большой и старый, и дом, бывшую ферму, с массой старинной мебели, залежами книг, с висящими по стенам картинами, плакатами, гравюрами, удобными креслами, двумя кошками, одна родила котят, которых держит под диваном, с собакой Норкой, моей старой знакомой, с удобствами — теплой водой, отоплением, действующем на русском газе, уборной в доме, — с хорошей посудой, с камином, с уютом, который создается десятилетиями и наживается поколениями.

Попили чаю, заговорили о Барбизоне, который, на машинном ходу, здесь близко, поехали в Барбизон. За рулем опять неутомимая Ирэна Ивановна. У нас несколько часов времени, к 6-7-и приедет Рене, тоже бывший ректор Парижа VIII, он повезет меня обратно.

В жизни всегда можно поражаться тому, как нити, разложенные в юности, стягиваются под самый конец. Длинноватый худой мальчик, с испуганными глазами, уже в пятнадцать лет самостоятельно ходил в Музей изобразительных искусств на Волхонке. И удивительно, что он уже что-то прочел о барбизонцах, знал имена и пристально разглядывал картинки Руссо и Милле и так любимого им Коро.

Вообще, все эти таинственные места вне разума и вне фантазий, они в то время и по ту сторону луны. Что-то вроде нашего Кратова или Малеевки, только здесь роскошью не кичатся, все скромные. Раньше это была совсем крошечная деревушка, сейчас побольше, кроме старой сердцевины, еще и новый район с дорогими отутюженными и облизанными дачами. Здесь было дешево и живописно. Художники селились в небольшой харчевне-гостинице. Добирались из Парижа до Фонтенбло поездом с шестью вагонами — столько на фотографии, — а потом на империале, прообразе современного двухъярусного автобуса. Спали часто в общей спальне, на полу. Иногда хулиганили, расписывая стены, иногда расплачивались разрисовкой шкафов и сервантов. Теперь это музейные экспонаты. Вот так рождалось новое направление, возникали предимпрессионисты, новый взгляд на природу, на ее жизнь. Почему одним, несмотря ни на что, дано, а другим нет?

После музея и студии жившего здесь постоянно Милле

поехали снова на дачу к Ирэне Ивановне. Там будет ужин с приехавшим повидать Клода и меня бывшим ректором Рено. До этого зашли в крошечное кафе. Там подавали коронное блюдо: гречневые блины с разнообразной по вкусу начинкой. Меню, в том числе, было и по-русски. Вот свидетельство победы русского, первоначально сворованного бизнеса.

Рено навез всякой всячины — полуфабрикаты, парная, нарезанная просвечивающими кусками ветчина, салаты, грибы, пирог. С Рено говорили по-английски. Не так чтобы я все понимал, но понимал. Он же на роскошной машине отвез меня в Париж.

Много думаю о новых замыслах и о Марке Авербухе — он поехал в Шартр и Комбре, по моим следам.

Днем в разговорах о том, о сем выяснилась пикантная и прелестная подробность. Я-то думал, что без меня в Литинституте ничего не происходит! Ан, нет! Оказывается, герой нашего времени А.И.Приставкин вывез в Париж группу наших студентов, — деньги давал фонд Филатова. Отбор, рекомендации и прочее — это его просвещенная воля. Ну, и сам всех их представлял. Приехали: Галина, Вайнгер, Дьякова и Миронова. Дома проведу либеральное расследование.

Но это — между прочим, как неглавное, значительно важнее, что с Ирэной Ивановной мы вроде бы договорились провести осенью нормальную презентацию Литинститута в Доме дружбы в Париже. Посмотрим! Решили также церемонию, связанную со званием Сокологорской, перенести на начало лета. Я обратно везу и мантию, и грамоту, и даже майки и сумки, которые взял в институте. Ни я, ни моя литература, ни Литинститут никого в Париже не заинтересовали. Я представляю, с каким внутренним злорадством посматривают на меня некоторые коллеги…

В 17.30, практически впритык к закрытию выставки, началась пресс-конференция "Литгазеты". Я пришел на Салон довольно рано, кого-то послушал, волновался. Как и всегда, понимал, что мне, обычно дистанцирующемуся от постоянных разборок, совсем не выгодно лезть в эту кашу, но и Полякова не мог оставить, и чувство гнева и справедливости гнало меня вперед. Положение сложное, потому что придется априори доказывать, ты-де не хуже всех, и как здесь обоснуешь известную долголетнюю связку наших журналов, их недоброжелательность к писателям спокойного русского патриотического толка, независимо от качества литературных текстов. Надо, конечно, еще обязательно подчеркнуть, что далеко не все писатели другого лагеря — писатели низшего класса. Что бы там ни говорили мои друзья, но никогда не смогу отнести ко второму сорту ни Т.Толстую, ни

О.Павлова, ни Дмитриева, ни даже Пригова, он тоже в своем роде создал и свой стиль, и свое направление. Речь должна пойти о том, что здесь слишком много гарнира, удобных деятелей и деятельниц, милых людей, которые в свою очередь должны были поддержать всю команду. Я думаю, что особую роль в этом играли Архангельский, Быков — их известность базируется почти исключительно на их телевизионном мелькании. У меня возникло также ощущение, что ряд участников — Барметова, Иванова, Ольга Славникова — просто был слоббирован "экспертами", то есть людьми не прямых специальностей: Сколько бы С.А.Филатов ни говорил, что, дескать, все присутствующие были "заказаны" французской стороной, просочились слухи, что список французов занимал лишь одну пятую, остальное добавляли мы, иногда даже расширяя общую квоту, чтобы включить, например, Славникову, вот так возникла цифра в 43 человека.

Об этом и многом другом я размышлял, пока собирался народ в зал. Но тут я подумал: а чего терять время, пойду-ка я послушаю, что там говорят писатели на другой встрече…

Зал был полон, шел синхрон, и в это время к микрофону подошла русская женщина, сказала, что фамилия ее Медведева, что она актриса и уже давно живет во Франции, всю жизнь читала Пушкина, Лермонтова и Тютчева и вот уже два дня сидит здесь, на Салоне, приезжая с другой стороны Парижа, и просто ничего не понимает — о чем здесь говорят писатели. Я-то давно знаю пустоутробие многих, их тягу к саморекламе и желание понравиться. Потом она резко высказалась о литературе Сорокина. Тут-то меня и осенило: с ее выступления я и начну.

Дневник тоже пишется по законам прозы. Вот так пишешь, пишешь — и вдруг чувствуешь — всё закончилось, пар ушел. Отмечу только основное в этой пресс-конференции. Очень четкую, без каких-либо компромиссов речь Полякова, мое некоторое метание, тем более что в зале сидела Татьяна Никитична Толстая, потом был доклад, фрагменты из книги доктора Большаковой, выступление Равиля Бухараева, определенное и точное, Лиды Григорьевой. Силы и векторы определены, я думаю, всё это в ближайшее время появится в "Литгазете". Умолкаю.

Кажется, не успел своевременно записать, что однажды утром встретился с Ольгой Михайловной Герасимовой, она из института восточных языков. Знакомство наше началось лет семь назад. Эта женщина по несчастью оказалась во Франции, ей всё достаточно ясно, но обратного пути ни в Россию, ни на Украину (она, кажется, оттуда) у нее нет — уже офранцуженные дети,

привычный уклад. Снабдила меня комплексом той литературы, за которой она жадно следит, а я, естественно, нет, так как почти не читаю литературы региональной. Но ведь — это парадокс! — правда-то возникает как раз в региональных изданиях, в разговорах, в замечаниях за столом. Среди данных мне материалов очень интересная статья о том, как "исследователи" писали о голоде 30-х годов на Украине, иногда чуть ли не по наводке еще Гитлера, год за годом увеличивая число жертв, а потом (уже с другими заказчиками) начали преувеличивать число жертв сталинских репрессий. Очень хорошо приводится там методика этих своеобразных подсчетов. В тонкости не вхожу, но демократические институты постепенно вызывают у меня все меньше и меньше уважения. В свое время ведь и та, греческая демократия, те знаменитые собрания на агоре проходили лишь в том случае, когда каждому избирателю давали обол. Всё, господа, платно, и с тех пор мало что изменилось. Идеалистов, оказывается, на земле мало. Еще была статейка об эстонском поэте, покончившем самоубийством: он понял, что эта самая пресловутая интеграция с Европой означает конец нации (материнской).

Но самое поразительное — это обмолвка, связанная с именем Б.Н.Тарасова. Оказывается, Б.Н. изловил как-то Ольгу Михайловну еще в Москве и сказал ей, что в Литинституте не так уж и хорошо, все довольно болотисто. Известно, что за любыми лирическими посылкам идут посылки материальные, и вот Б.Н. познакомил Ольгу Михайловну со своим сыном Андреем, который работал, а может быть и сейчас работает, в РГГУ. Сколько людей сгорело на семейной сцепке, и сколько еще погорит! И главные персонажи жизни, разбивающие репутации, — это дети. Так вот, вроде бы Б.Н. сказал: "Зачем отправлять студентов из института восточных языков в Литинститут, их лучше слать в РГГУ", где курировать этот обмен будет его сын, и такая хорошая установится челночная жизнь: Москва — Париж. С грустью записываю все это в дневник, не сомневаюсь, что история невыдуманная, хотя, может быть, и обостренная. С другой стороны, это будущий сюжет.

24 марта, четверг. Никогда еще с такой вожделенной страстью не уезжал из Парижа. Поздно вечером собрался, заталкивая всё в чемодан, — какое было искушение повыбрасывать все эти книги, но решил, что, даже если будет перевес, все равно увезу. Увез брошюры, планы, все бутылки вина, подаренные мне здесь, увез и десять маек, которые купил для наших работяг. Отчетливо понимаю, что профессура найдется, а слесарь — никогда, слесарей надо удерживать. Последний раз

утром за шведским столом съел фруктовый салат и корнфлекс с горячим молоком, кусок сыру, выпил кофе. И хотя был абсолютно уверен, что автобус с нашими писателями за мной не заедет, ждал лишних 20 минут, потом сел в такси и отдал 40 евро до аэропорта Шарля де Голля. Писатели уже были там, они размягчились, настроенные на московскую жизнь, Татьяна Никитична Толстая мне даже улыбнулась. Тут же выяснилось, что Дмитрий Александрович Пригов забыл в гостинице куртку и шапку. Мне это очень знакомо, сам такой. Рассказали, что Вознесенский еще на несколько дней остается в Париже: упал в ванной, разбил голову. Вообще странно, зачем Богуславская его сюда притащила — на моих глазах он практически два раза уже терял сознание, один раз на приеме в министерстве культуры, второй раз на приеме у президента. Вдобавок ко всему Зоя почему-то решила жить в отдельном от него номере, так что, думаю, он с разбитой головой лежал один какое-то время в этой чертовой французской ванне… Чье честолюбие руководит поступками этого человека? Его собственное или это воля "пославшей его жены"? Старость и уход со сцены такая тяжелая вещь, за этим надо внимательно присматривать.

Купил в беспошлинном магазине "Дьюти фри", в аэропорту, флакон самых модных духов для Валентины Сергеевны, ко дню ее рождения; духи называются "Кензо".

В самолете работал с дневником, читал английский — четыре часа пролетели как сон. Чуть позже подойду к главному событию дня, к эпизодам в Бишкеке. А пока должен сказать одно: теперь-то я уж точно различаю Рубинштейна, придумавшего жанр "стихов на карточках", и нашего самого знаменитого модерниста Пригова. Я взялся довезти Дмитрия Александровича домой, еще на вокзале открыл свой чемодан, достал ему теплую куртку, джемпер, а потом Толик, благо он живет неподалеку — завез его в Беляево. Был интересный разговор относительно судьбы всех молодых, вернее когда-то молодых поэтов с громкими теперь именами. Куда подевался Парщиков — а, оказывается, он живет в Германии, по своей еврейской линии; для меня это было неожиданностью; почти растворился Степанцов, забился в складках жизни Ерёменко… Чтобы остаться на поверхности, чтобы создать свою школу, нужны огромные усилия, а наши писатели часто думают, что все возникает само собой. В ответ на эти размышления я могу привести один из апокрифов, связанных с Пастернаком — кто-то из старых литераторов утверждал, что этот великий поэт говорил так: "Надо себя навязать эпохе". Итак, прощайте писатели, которые так талантливо себя навязывали и эпохе, и Франции, об этом мы еще будем говорить, гнев так

крепко держится в душе, что, думаю, долго еще будет руководить мною.

По телевизору показали жуткие кадры из Киргизии. В Бишкеке погромы, страна как бы уже захвачена желтой ползучей революцией, господин президент Акаев тайными тропами покинул дворец и где-то скрывается, то ли в Казахстане, то ли отсиживается в какой-то землянке. Интересные люди! Когда своих двоих детей сажают в качестве депутатов в парламент страны, они думают, это сойдет им даром? Это же стыдоба и цинизм по отношению к народу. И вот чистенькая "консервная банка" — Киргизия — взорвалась! Доигрался ученый физик Акаев, зря расположив две военные базы, американскую и русскую, почти рядом, — никто не помогает. Путин сейчас в Армении. Россия становится все более и более одинокой.

25 марта, пятница. Утром говорил на работе с Левой, он точно собирается уходить. Это связано с его диабетом. Он даже не хочет оставлять за собой какие-либо часы на кафедре. Я не могу сказать, что это хорошо, теперь если уйду я, то в институте все окажется не так гладко. Все это связано не только с болезнью. Лева признался, что его раздражает дикий эгоизм, иногда коварство, предельное себялюбие и желание известности у нашего "костяка". В этом разрезе мой рассказ о Б.Н. его совершенно не удивил. Если Лева уйдет, то может возникнуть новая расстановка сил, где придет молодая, даже не пятидесятилетняя смена.

Из рабочих дел: разбирался с платными студентами, которых пришлось исключить, но они теперь нашли причины просить снисхождения; штрафом из-за несбитых сосулек; пропавшей из гардероба курткой студентки Алеевой; со счетами и почтой, которая скопилась за неделю.

Наконец, добрался до газет. Много статей посвящено кинофестивалю в Гатчине. На этот раз довольно занятно написала Светлана Хохрякова и, кстати, попала в точку:

"Что за затмение нашло на жюри — непонятно. Никто без смеха накануне и не воспринял бы то, что "Анна" получит "Гранатовый браслет". Но так бывает, когда вдруг в силу разных причин начинают кого-то из потенциальных лидеров задвигать на задний план. Слышала, что С.Есин хотел отдать главный приз "Русскому" Велединского, хотя бы из-за любви к Лимонову. Ну, и надо было это сделать. По большому счету, из игровых проектов на фестивале "Русское" и "Долгое прощание" достойны были главных наград. И в их присутствии выдача "Браслета" "Анне" воспринимается как странный казус. Надо сказать, что за десять лет, что возглавлял жюри С.Есин, у него таких проколов не было.

Выбор мог быть спорным, но недоумения он никогда не вызывал. Напротив, этот человек умел уловить талантливое еще в зачатке. Именно в Гатчине были замечены начинающие Ирина Евтеева, Александр Велединский и даже Алексей Балабанов со своим "Замком" по Кафке. Один из членов жюри горой стоял за то, чтобы Лимонов (заметьте, не Велединский) не получил главной награды, пока он, член жюри, жив. Из идеологических, так сказать, соображений".

Прочел также очень забавную и крепко написанную статью В.В.Сорокина о конфликте в МСПС. Кое-что просто художественно, особенно первая сцена с помощницей С.В.Михалкова. Странновато, конечно, что возникла ирония по отношению к человеку, к которому мы все относились с неким, я бы даже сказал, подобострастием. Цитата.

Ну и последнее: дошло, наконец, мое коротенькое интервью "Независимой газете", которое брал Саша Вознесенский. Он задал два вопроса, их характер и смысл явственен из ответов:

1. Мои ожидания оправдались. Я встретил в разных павильонах многое из того, чего не умею делать, встретил много того, что вызывает восхищение, увидел очень объемный мир того, что мы раньше называли книгой, а сейчас называем знанием. Я им восхищен!

2. Что касается русского павильона, то он, конечно, сделан лучше, чем был, например, во Франкфурте, — компактнее! И мои впечатления и ожидания от нашего павильона тоже оправдались. В том смысле, что это оказалось еще более ангажированно, чем я думал. Я вообще боюсь, что в нашем павильоне, мне кажется, мы дурачим не только французскую общественность, но и мировую — в плане имен, специфики отбора книг и авторов. Я ведь отчетливо понимаю, что большинство статей заказаны и проплачены еще из Москвы. Хотелось бы знать, почему здесь присутствуют только эти писатели, а не другие. И я возмущен тем, например, что, являясь официальным гостем этой выставки, я не видел на нашем стенде ни одной своей книги!

Был С.П., рассказал о конференции в Германии, о разговорах. К сожалению, мы так и не сумели перевести наши книжки по теории. Это потому, что С.П. ушел со своей должности: тогда он был упорен, как дуб, если касалось дела.

Уже почти под вечер зашел Самид Агаев. Я полагаю, что молодежь начала часто ко мне забредать, проверяя мои намерения. Сколько же людей хотят стать ректором! Говорили о сложном положении Путина с олигархами. Мне, кстати, не близка его идея во чтобы то ни стало сохранить результаты приватизации: на встрече с бизнес-элитой он высказался против

многократного сокращения сроков давности для разбора подобных дел. Узаконивает жуликов. Кстати, на той встрече сплошь были люди, каждый из которых в состоянии купить "Челси". Высказывали также предположение: некий чукча кинул дедушку, ушедшего на пенсию, а теперь хозяин не может чукчу тронуть, потому что тот знает про дедушку то, что не позволит хозяину выполнить договор о неприкосновенности. Новая для меня идейка. Самид вспомнил также, как создал состояние бывший комсомольский работник, ныне сиделец Лефортова. Пропадали, падая в цене, огромные деньги, лежащие на счетах комсомола. Руководители раздали эти деньги на кооперативы, возможно, чтобы они, молодые революционеры, потом эти деньги вернули в организацию.

В Киргизии отменили итоги выборов, Акаев улетел за границу, в Бишкеке идут грабежи магазинов. Скучно.

26 марта, суббота. Умерла Клара Степановна Лучко. Это актриса, которую я не только любил, но еще и очень хорошо знал по фестивалю в Гатчине. Когда-то из-за "Кубанских казаков" я прогуливал школу — в день премьеры этого фильма я смотрел его раза четыре. Я лет на десять ее моложе, наверное, так никогда и не почувствую себя свободным, не связанным никакими обязательствами. Клара Степановна так волновалась за своего мужа Дмитрия Федоровича Мамлеева, за его здоровье, а вот он еще, к счастью, жив.

Много думал о своей дальнейшей жизни вне института. Боюсь ли я этой жизни?

Читал статью Ларионова в "Патриоте" N 11. Это довольно грозная статья со всеми обстоятельствами битвы за МСПС. Есть вещи, которым, пожалуй, стоит верить. Зачем Михалкову эта организация? Организация не нужна никому, нужны здания. Ларионов утверждает, что план у Михалкова-старшего возник заранее, но "интриги" не срабатывали, мешал собственный зам., наблюдавший за имуществом:

"А время шло, съезд неумолимо приближался. Тогда была сделана последняя и решающая попытка убрать Ларионова. Черный лживый пиар разыграл сам председатель Сергей Владимирович Михалков на страницах "Литературной газеты" (N6, 2005 г. — "Все смешалось в Доме Ростовых"). Диву даешься, как можно печатать такое лишь со слов одного глубоко больного человека, да еще в таком преклонном возрасте, когда общественные интересы его так далеки от существа жизни.

Чего только стоит наглое, беззастенчивое вранье этого вроде бы благочестивого интеллигента об украденных мною 900 тысячах долларов! Но если верить предварительному

расследованию, то, возможно, украли их Михалков с Пулатовым. А вот как поделили — пусть сами и расскажут".

Корреспондент подбирается к основному вопросу, который часто задается в писательском сообществе:

"— И куда, в конце концов, ушла писательская собственность?

— В руки тех, кто называет себя благочестивыми. Возьмите любимый когда-то писателями Дом творчества "Малеевка". Куда он уплыл и по какой цене? А малеевская земля с лесными массивами в 70 гектаров?! Кто продал ее и по какой цене? Но главное — на что пошли деньги, взятые Литфондом России за эту продажу?! Почему уплыл Дом творчества "Голицыно"? В чьи карманы опять же попали денежки? А баснословно проданные нефтедержателям гектары внуковской земли? А где доля Союза писателей СССР в полиграфкомбинате на Цветном бульваре?.. Всего и не перечислишь! А ворье процветает. Ганичеву, Кузнецову, Переверзину все мало. Теперь они, сговорившись, хотят торгануть Домом Ростовых".

Почти в конце интервью вопрос о собственности возникает снова, но здесь речь идет уже о другом доме — щедрая была советская власть, столько материальных ценностей передала своим писателям:

"Михалков-старший привел к власти Пулатова, рассчитывая на долгое его служение. Но Пулатов служил недолго. Продал дом 10, стр. 1, 2 по улице Поварской, тогда он, возможно, поделился с Михалковым-старшим. 900 тысяч долларов, которые через адвоката Кучерену они пытаются списать на меня, скорее всего, были украдены ими и поделены за полтора года до моего вступления в должность первого заместителя, как свидетельствуют документы".

Читал также работы учеников, сначала "Странника" Аэлиты Эвко. Ребята все пытаются извлечь нечто сокровенное только из себя, литературные примеры с классиками задурили им голову, а в себе нового довольно мало. В Аэлите, конечно, чувствуется какая-то сила, но такая дремучая, с таким обилием общих мест, что я не понял многое в завязке, где она пишет от лица мужчины. Ксения Туманова мастеровитее. Она написала подчеркнуто сухую вещь "Диван", но за несколькими страницами — не одна судьба. Чего я от нее хочу, что делать, как вести следующий семинар?

27 марта, воскресенье. Замечательный день, спал до десяти, солнце, все светится. Утром по телевидению в "Школе злословия" терзали Николая Петрова. Он мне, конечно, очень близок по общему представлению о жизни, но в его видении есть, к сожалению, "свои" и "наши", в этом случае обычное нравственное вдохновение его оставляет. Больше всего, с одной стороны,

боится советской власти, а с другой — считает, что и в КГБ были очень редкие порядочные люди, которые защищали национальные интересы. Невольно начинаешь думать: а не изысканный ли здесь полупоклон в сторону В.В.Путина? Но ведь и советская власть, по логике, замечательная власть, только при ней разводилось огромное количество уродов. Уродов при власти не меньше и сейчас. Эта тотальная нелюбовь к советской власти, судя по всему, выпестовалась на основе того, что молодого еще Петрова не пускали куда-то за границу. Петров, кстати, купил квартиру Андропова, из которой, оказывается, есть выход в метро. Зачем купил место, где, признается, ни разу не ночевал?

28 марта, понедельник. Полный рабочий день выдерживаю уже с трудом. Может быть, это связано с тем, что уже 12 лет по-настоящему, как положено, как рассчитано для человека, ведущего преподавательскую деятельность (56 дней), не отдыхаю. А может быть, и возраст постепенно накрывает своим серым крылом…

Утром была коллегия министерства. Разбиралось практически два вопроса: состояние библиотечного дела и, уже в который раз, архивы. После реорганизации сократили огромное количество архивных учреждений, до 120, и, по существующим правилам, если нет правопреемника, их материалы поступают на централизованное хранение. С этим мы и разбирались.

Что же касается библиотек — положение здесь еще тяжелее. Я, как всегда, вел довольно подробный конспект речей выступавших. Героем дня был, конечно, Евгений Иванович Кузьмин, возглавляющий наш библиотечный департамент. Это один из тех очень немногих увлеченных своей деятельностью людей, кто знает всё в своей области. Отрасль огромная: 130 тысяч библиотек, 300 тысяч там работающих. Естественно, последнее время ситуация в отрасли не очень хорошая, так как разрушено всё, что так долго создавалось в прежние годы. Связано это еще и с полным идиотизмом отдельных представителей власти. Приводились такие примеры. В Твери избрали мэра, который сразу же решил закрыть 70 библиотек. Аргументация была такова (кроме того, что содержать библиотеки тяжело для бюджета): "Я книг не читал, а вот стал мэром"… Много говорилось о некой технической возможности создания модульных библиотек — компьютерных и т. д. и.т.п. Общее положение было сформулировано следующим образом: состояние библиотечного дела в России крайне пестрое. В обществе сосуществуют очень бедные и очень богатые. В библиотечном деле нет абсолютно богатых библиотек, наши маленькие библиотеки "донашивают" то, что ими было

приобретено раньше. Многие библиотеки совершенно нищие, и они-то обслуживают основной костяк населения. Самое катастрофическое в этой ситуации — необновляемость фондов, следовательно человек может из старых фондов многое для себя уяснить очень своеобразно — о Ленине, о Сталине, о сегодняшнем дне и прочее, и прочее. В качестве примера приводилось лишь одно сравнение с американцами: стоимость вузовского образования в знаменитом Принстонском университете для студента обходится в 33 тысячи долларов, из них 8 тысяч долларов (то есть четверть!) идет на обслуживание библиотеки. Был затронут вопрос относительно библиотек так называемых коммерческих вузов. Номинально они существуют, но платные студенты, в основном, сидят и занимаются в библиотеках городских, то есть частник, как всегда, пытается что-то урвать у государства, его библиотека существует только на бумаге.

Естественно, много говорилось и о мизерной зарплате. Практически все выступавшие приводили один и тот же пример: молодой человек, закончивший вуз и владеющий компьютером, приходит в библиотеку или в архив, довольно быстро чему-то подучивается, осваивает какую-то специальность, а затем уходит работать в банк, на 800–900 долларов зарплаты. Были вещи и смешные. "Не очень корректно валить всё на советскую власть", — сказала отважная девушка, по-моему, директор Некрасовской библиотеки, которая говорила о 51 тысяче единиц хранения документов, связанных с культурой предыдущего периода. Дескать, мало сохранили, но ведь и нынешнего — уже 10 тысяч единиц хранения! Не надо забывать, что сейчас за культуру выдаются и мелкие ансамбли, и другие нелепости, вплоть до Петросяна и Степаненко, и, наверное, после них тоже останется какой-нибудь деловой архив… Советская культура такого "инкубаторного размножения" себе не позволяла. Екатерина Юрьевна Гениева, у которой в Библиотеке иностранной литературы поразительный контингент специалистов, знающих по 4–6 иностранных языков, говорила о том, что от ухода в коммерческие фирмы, куда их постоянно приглашают, этих людей удерживает только энтузиазм. Генева говорила в том числе, как о неприютных, и о библиотеках тюремных. Она также обмолвилась о блестящем успехе русских писателей на Салоне в Париже, но назвала только одну фамилию — Людмилы Улицкой. Дамы — подруги?

Я выступал, наверное, последним и говорил достаточно резко, но я не был связан внутренним знанием. В теории все гладко, а что получает в результате наших речей и инструкций

непосредственный пользователь? В школе, в селе, в провинции библиотека работает интенсивнее всего, когда человек молод, здесь закладываются основы, здесь доступ должен быть легче. Моя мысль была о детской библиотеке, где человек получает первые свои знания, о библиотеке школьной, которая формирует человека. Я, конечно, понимаю, что всего сделать нельзя, но и в наше время надо все-таки думать о старте, а не о похоронном венке. Главное сейчас, донести до местных властей, не всегда это понимающих, всю важность библиотечного дела, ведь культура — первооснова всего государственного строительства. Вопрос с архивами достаточно ясен. Сложность здесь только в том, что наше государство по-прежнему охотнее дает деньги на строительство новых резиденций для президента и других властей, нежели на строительство архивов. Огромное архивное хранилище в Воронове, под Москвой, строится уже лет 15, и если так пойдет дальше, то пройдет лет 10, прежде чем что-либо получится. Надо подчеркнуть (и так обстоит дело и в мировой практике), что самое надежное хранение — бумажное, мы еще не можем точно оценить временных возможностей цифрового хранения: лет 80 или сколько?..

В институте, если раньше после сессии всех неуспевающих выгоняли, теперь, основательно таких напугав, оставляем. Приезжал англичанин, с ним говорили, кормили обедом. Он хорошо отзывался о наших студентах.

Альберт Дмитриевич составил бумагу, проект на организацию пункта питания в общежитии. Жизнь продолжается.

Я уже совсем перестал думать об истории в МСПС, но она не кончается. Пришло письмо от 25 марта, с которым Бондарев обращается к Михалкову. Драка стариков — вещь для наблюдателя тяжелая.

С.В.МИХАЛКОВУ

ПИСЬМО СТАРОМУ СОТОВАРИЩУ!

Не могу назвать поведение твое, Сергей Владимирович, последних февральско-мартовских недель уважительным ко мне и особенно к русским писателям, к национальным российским писателям и писателям стран СНГ, которым ты всегда публично и громогласно выражал самые якобы высокие чувства. Из твоих нынешних речей дыхнуло чем-то затхлым, давним и совсем дремучим…

Как это тебе в голову пришло? Ворваться 2 марта 2005 года с сотней автоматчиков в кабинет Дома Ростовых, где когда-то много лет мы работали с тобой вместе. Где начиналась советская

литература — Горький и Фадеев, Шолохов и Твардовский, Тихонов и Сурков, Федин и Марков, — все мы были вместе. И теперь ты врываешься ко мне, новому председателю Исполкома МСПС, твоему старому литературному сотоварищу, победившему тебя в международном демократическом собрании литераторов, и приходишь с боевыми автоматами для утверждения своего поражения. Это ведь не позор, а что-то совсем другое, клиническое. Такого еще у нас не бывало, хотя все бывало.

Что ты думаешь об этом?

Зная тебя более тридцати лет в ежедневной работе, зная твое жгуче-ревностное чувство к товарищам по советской, особенно по детской, литературе, зная твою близоруко-укороченную влюбленность в детскость, я всегда думал, как уберечь тебя и твою хрупкую детскую песнь.

Думаю, что в братской литературной дружбе ты все же проиграл. Считая себя долгое время главой русских, российских и многонациональных писателей, ты всегда славил лишь себя, свое имя.

Дети наши, читая "Степу", становились невестами и мужьями, отцами и дедами. Но все помнили радостного дядю Степу из самого счастливого начала советской жизни. Нравственно еще полвека назад ты забыл его, дядю Степу.

И вот как криминальный финал своей долгой милицейской жизни ты приводишь в Дом Ростовых, Дом Союза писателей СССР, "любимую" тобой милицию, приводишь с автоматами, явно для насилия. Над кем? Над писателями, над советской литературой?

Боже, Сережа-милый, как все переменилось в жизни и душе твоей. А может, никогда и не менялось?..

Ты остался самим собой — самовлюбленным, тщеславным, любящим власть до умопомрачения.

А по-Божески, по-христиански, по-отцовски, тебе бы надо смиренно отступить!

С добрыми пожеланиями тебе и твоей семье,

ЮРИЙ БОНДАРЕВ,
председатель Исполкома МСПС,
избранный V всеписательским съездом
Международного Сообщества
Писательских Союзов

29 марта, вторник. Семинар.

30 марта, среда. Анатолий Ливри прислал мне из Парижа свой новый рассказ, называется "Минута молчания". Мне всегда

бывает обидно, когда кто-то находит или делает то, что, наверное, мог бы сделать и я. Но это особенность творчества, если кого-то читаешь и вдруг кричишь: "Это мое!" — значит, автор попал в точку. Анатолий на этот раз сделал темой своего рассказа двоедушие интеллигенции. Привычная для него академическая среда, с которой он воюет, что-то похожее на вечеринку у нас на втором этаже: салаты, выпивка, тонкие бутерброды, какой-нибудь день рождения… Но здесь почти официальное действие — минута молчания по поводу гибели двух знаменитых башен на Гудзоне. Здесь министр, знаменитые слависты. Сокровенный повод практически уходит, пасует перед жратвой и выпивкой, становится ритуалом. Не то что бы это было написано злобно, но в высшей степени выразительно. С такой непрощающей иронией. И просто фантастично, что автор такого словесного волшебства, хотя и родился у нас, с малолетства живет где-то за рубежом.

В институте утром, для разминки и чтобы студенты не забывались, постоял в дверях. Долго разговаривал с В.Е. по поводу его невероятно сложных, но, в принципе, необходимых работ: лифт, крыши, оборудование — все это нужно ремонтировать и перестраивать. Ощущаю, что снова придется брать хозяйствование, в частности деньги и расходы, в свои руки, планировать, расставлять приоритеты, не то что бы везде беспорядок, но уж слишком много передоверил.

Около 12 часов дня состоялся авторский совет, слетелись почти все. Все прошло благополучно, у нас растут доходы, растут сборы. Казенин и Слободкин с воодушевлением говорили о фестивалях: один — о симфонической музыке, другой — о джазовой. Я только немного побаиваюсь, как бы мы не пересаливали в поддержке Союзу композиторов, мы ведь не компенсаторы бюджетных недостач, у нас совершенно другие задачи. Проблема авторских прав, конечно, еще и проблема воровства, в сфере нашего внимания и устроители левых концертов, и сами авторы, любящие такие представления, леность и зависимость персонала. Говорили о том, что контрафактная продукция изготовляется порой или в местах заключения, или на оборонных предприятиях, куда вход даже милиции и прокуратуре, как говорят соответствующие организации, закрыт.

Воровство по линии ущемления авторских прав очень сильно на Украине и в Казахстане, где огромное количество русскоговорящих людей и русскопоющего искусства, русской современной музыки. Мне казалось, что главное здесь — открыть, так же как и в Белоруссии, агентства и филиалы нашего заведения. Пусть хотя бы пока присматриваются и собирают

информацию. Но, говорят, денег нет. Я сказал на это, что год назад организовали курсы корректоров в институте, и первый выпуск был убыточен, так как было набрано только три человека, а необходимы для коммерческой рентабельности минимум пятеро. Теперь в наши аудитории сядет уже 20 человек набранных. Все подобное возникает медленно и зависит, в первую очередь, от репутации учреждения.

В Думе традиционно подрался со своими оппонентами из фракции "Родина" Жириновский. Драки и буянство — это, мне кажется, часть его избирательной кампании и основной вид деятельности. Имитировать, имитировать, имитировать заботу о народе.

31 марта, четверг. По моему звонку в институт приезжал Анатолий Васильевич Королев. После длительных размышлений я остановился на нем, в этом году он будет набирать первый курс. Его романы я читал, здесь бесспорный талант и эрудиция, мирный характер, что в нашем деле важно. Что же касается Слоповского, то это, видимо, следующий кандидат. Так же, как и Алешкин, у которого совсем другое письмо и совсем другие взгляды. Но тем не менее у Алешкина, конечно, есть то, чего нет у многих других: ясная спаянность с сегодняшней жизнью народа, да и вообще знание полукрестьянского бытия, из которого он вышел.

В три часа состоялся ученый совет. Ничего сложного не было. Толкачев, Гусев и Жданова отчитывались о поездке на конгресс в Лейпциг. Вроде бы это конгресс людей, занимающихся преподаванием творческих дисциплин. Это было интересно. Для меня знаково то, что мы — единственный вуз, единственное учебное заведение, у которого есть своя наработанная метода. Как же все хотят учить других искусствам!

Говорили также о вступительных экзаменах. Министерство требует во что бы то ни стало единого экзамена. У нас это будет русский язык. Для творческого вуза любой формальный экзамен — горе, в творческом вузе главное — внутренняя духовная профессиональная пригодность. Установим для этого экзамена самый низкий балл, проверять будем совсем с другой стороны.

Говорили о библиотеке. Я как раз подумал о том, что в отличие от всех коммерческих вузов, пользующихся библиотеками городскими, наши студенты имеют огромные, долго и мучительно накопляемые фонды. Мы покупали книги даже в самое тяжелое перестроечное время. Библиотека перегружена в три раза. Возникла и проблема несданных книг студентами, причем в большинстве уже отчисленными и проч.

Выбрали на совете М.В. Иванову и З.М. Кочеткову деканами

очного и заочного отделений. Соблюли форму.

Последний четверг месяца обычно трудный для меня день. Кроме учёного совета, здесь еще и заседание объединения прозы. Сразу после совета поехал на Скарятинский переулок в Союз писателей. Максима Замшева на этот раз не было, вся команда — Замшев, Бояринов и другие — воюет в Доме Ростовых, там то одна охрана берет верх, то другая. Туманное место в этой ситуации — армянские рестораны и вопрос: не греет ли кто-то на этом руки? Если греет, то теперь греть хочет следующая команда. Организационно я стараюсь от этого отгородиться, твердо взяв курс после Парижской выставки на откровенность. Достаточно подробно на объединении, хотя, конечно, субъективно, со своей точки зрения, описал наш писательский "монолит" на Парижской выставке, смешные ситуации с телевизионщиками и Александром Кушнером на приёме у Ширака.

Затем поехал еще на одно заседание, ведь каждый последний четверг месяца заседает Клуб Рыжкова, я стараюсь никогда не пропускать. Здесь информация из первых рук. На этот раз выступал Алексей Васильевич Гордеев, министр сельского хозяйства России. Русский ум — это особый ум, в коем иногда возникают такие озарения, такие своеобразные мысли, такой анализ! А потом, этот ум и этот анализ взращены в наших обстоятельствах, мы привыкли на Россию смотреть изнутри. По своей привычке я конспектировал речи выступавших. Уже после заседания, во время ужина я обмолвился, что военное детство провел в Рязани. Гордеев, оказывается, тоже рязанский, но в отличие от меня, сасовского, он касимовский. До того как я начну излагать всю ситуацию, необходимо сказать, что заседание происходило в Институте……..

В фойе была развернута выставка, связанная с ремонтом или модернизацией сельскохозяйственного оборудования. Я с огромным интересом осмотрел приборы для наращения выработанного слоя металла, "накачивания" этого слоя углеродом, хотя сейчас эти экономные методы, как мне кажется, ушли в прошлое, и никто ими не пользуется. Не буду говорить, с кем переговаривался за столом, "чтоб не смущать риторикой потомков", но разговор был интересный. Вот выбрали тему: о банкире Смоленском, который всех "кинул", считая, что только, мол, дураки могли держать деньги в его банке. Думать, кролики, надо! Но сейчас получилось так, что его практически не пускают в общество, и при всех условиях никогда не примут в наш деловой клуб, хотя ему и казалось, что деньги могут решить всё. Ан, нет! Это, пожалуй, интересный для меня поворот в нравственной оценке ситуации. Наконец-то до нее вызрели!

Второе, что произвело впечатление — откровенное заявление Гордеева, что правительство не монолит, и даже не консенсус, не команда, а различные силы, действующие внутри этого образования. Вообще, рассуждения министра о власти и ситуации были любопытны. Этот человек мне очень понравился, он умудрялся сходить с места министра и превращаться в ученого, гражданина, рассуждающего социолога, политика. Например, его мысль, что в России не нужен премьер-министр, правильна. Кабинет министров должен действовать при президенте, так как сегодняшнее правительство — это организация, возникшая как бы из воздуха. Думу выбирают избиратели, президента — также, а кабинет министров с огромной властью возникает как бы сам по себе; практически ни перед кем не ответственный, он не транслирует ни волю народа, ни волю какой-нибудь партии.

Показалась парадоксальной мысль, что дефолт реально спас сельское хозяйство России: за счет девальвации рубля оно получило возможность конкуренции. Гордеев уже шесть лет министр, и за это время объемы сельскохозяйственного производства не сократились, более того, сельское хозяйство стало прибыльным, его рентабельность 10 процентов. Картинка как бы перевернулась наоборот. Гордеев перечислил пункты, по которым ему удалось достигнуть прогресса: создание кредитной системы, создание лизинговых компаний, самое главное — ввели квоты на импортную продукцию.

Говорили о продовольственной безопасности. Птицеводство за три года выросло на 45 процентов, и практически, говорит Гордеев, западные инвесторы с ним ничего сделать не смогут. Мы резко сократили объем импорта, в том числе и из Америки, куриного мяса. Гордеев говорил также о финансовом оздоровлении сельского хозяйства. Если бы это всё было действительно так… Мне так бы этого хотелось!

От вопросов льгот, роста задолженностей невольно вышли на общие вопросы: об энергоносителях, о стоимости газа, электроэнергии. Были, как нынче говорят, озвучены поразительные цифры: при советской власти в себестоимость зерна горючее входило тремя процентами. Теперь горючее входит в себестоимость зерна 20-ю процентами. Мы постепенно создаем сельскохозяйственный рынок. Но вот как выглядит прогноз министерства экономики на ближайшие годы: доходы вырастут на 40 процентов, экономика — на 24, а импорт — на 77. Чем мы, собственно говоря, будем торговать?

В селе у нас живет 2/3 всего населения, 80 процентов наших призывников — сельские мальчишки. В городах ребят не меньше, но там взятки, отмашки, хлипкое здоровье, раннее пиво. Село

куда-то исчезает и растворяется. Но на пустом месте всегда появляются другие люди, пока же село держит две трети территории под своим контролем. Сельское хозяйство — сложный многофункциональный объект. В Китае, например, 700 млн. людей занимались сельским хозяйством, там технологическое развитие сельского хозяйства, похоже, даже притормаживается. Теперь представим себе, что мгновенно вводится другая технология, всё американизируется — и высвобождается 500 млн. человек. Куда их деть, чем кормить, как обеспечить работой?..

Я уже давно отбросил запись речи Гордеева, скорее фантазирую на этой основе. Нам кажется, что рушится сельское хозяйство, а рушится базовый, фундаментальный уклад жизни России. Повторяю то, что знаю давно: современное государство дотирует сельское хозяйство. Я много об этом думал, когда несколько лет назад был в Дании. Но вот несопоставимые числа — мы дотируем в размере 9 долларов на гектар, а, как говорится, "там, у них" — это 400 долларов. И считается, ленимся, плохо обрабатываем, запускаем землю! Недостающие от этой финансовой операции 390 долларов через нефтяную трубу уходят в карманы очень богатых людей. Даже в Азербайджане, где понимают, что надо как-то помогать населению, на поддержку сельского хозяйства тратится четверть бюджета, у нас — 0,9 процента. Чего мы тогда хотим?..

У нас, конечно, странное государство, а может быть, странное правительство, которое помешано на рынке, как на общей какой-то панацее. Раньше так же думали о роли партии, теперь бывшие коммунисты и безбожники говорят о божественном провидении. А либералы по-прежнему считают: рынок все рассудит. Недавно от анонимного доброхота, очевидно знакомого с предыдущими публикациями моих дневников, я получил ксерокопированную страницу из какой-то книги, посвященной философским проблемам современных наук. Ни автора, ни названия в краткой сопроводиловке нет. Просто: "Посмотрите, С.Н., может вам пригодится в Ваших размышлениях о нынешней российской экономике". Выписываю два кусочка:

"Для того чтобы проиллюстрировать возможности альтернативного подхода, обратимся к фигурам мирового значения в экономической науке: Дж. Тобину и М.Фридмену, лауреатам Нобелевской премии. Тобин — неокейнсианец, сторонник государственного регулирования экономики. Фридмен — автор концепции свободного (со сведенным до минимума государственным вмешательством) экономического развития. Буквально по всем вопросам они имеют противоположное мнение. Так, Фридмен считает социальные программы

общественными наркотиками. Тобин приветствует их. Для Фридмена крушение социализма — очевидное свидетельство преимуществ свободной рыночной экономики, для Тобина — аргумент об относительно плохом государственном регулировании. Обе концепции находятся на службе различных политических программ. Но никто в Америке не провозглашает: "Долой Фридмена!" или "Долой Тобина!". Хотя экономические теории играют в Америке свою роль (М.Фридмен был советником Р.Рейгана, Дж. Тобин — Дж. Картера), Америка не живет "по теории", развитые страны не живут согласно какой-то одной доктрине. Но мы жили "по Марксу", а потом… "по Фридмену", ибо свободная, безо всякого вмешательства государства экономика — это теория Фридмена (но не американская реальность даже в эпоху рейганомики. Мы жили так, несмотря на предостережения самого М. Фридмена никогда не применять его теорий в России в связи с иным состоянием сознания масс" (выделено мною).

Между этой и второй философской цитатой не могу не сделать прокладкой горестный вздох одного из обитателей Кошачьего города: "Если бы мы подражали правильно, то давно стали бы вровень с другими государствами, но мы даже подражать не умеем как следует. Собственное не развили, чужому не научились…"

Теперь далее: "Случай с Фридменом и Тобином говорит не о всеядности американцев. Повышение экономической эффективности лучше описывается теорией Фридмена, тогда как другие аспекты (уменьшение социальной несправедливости, социального расслоения) — теорией Тобина. Две политические партии США, имея консенсус по поводу базовых интересов своего общества, балансируют, решая то одну, то другую задачу, ибо акцент на социальной защите и помощи ослабляет экономический рост, а поддержка последнего ведет к усилению экономического и социального неравенства. Одновременно решить обе эти проблемы невозможно. Именно это, т. е. различные аспекты реальной политической и экономической деятельности, делает каждую концепцию истинной по отношению к определенному типу задач. По мнению известного экономиста В.Леонтьева, плюралистический характер какого-либо подхода заключается не в одновременном применении существенно различных типов анализа, а в готовности переходить от одного типа интерпретации к другому. Объяснение такому методологическому подходу состоит в том, что любой тип объяснения обладает определенной ограниченностью".

Сельское хозяйство очень похоже на нашу культуру, но наше государство совершенно не похоже на другие страны. Чего мы

ждем от наших просторов, чего ожидаем также от нашей литературы, как она будет развиваться? Был рассказан довольно занятный анекдот. Идет какое-то совещание в правительстве, обсуждается вопрос об образовании, высказываются министры. На плече у Грефа сидит бес. Решают сократить количество государственных вузов. Но тут Греф говорит: "А зачем они нам, эти вузы, давайте переведем их все на коммерческую основу". И тут бес не выдерживает: "Греф! Побойся Бога!"

Приехал домой поздно вечером и еще посмотрел стычку у Соловьева Митрофанова с Горячевой — по поводу драки в Думе. Я не думаю, что Соловьев так был рад фантастической разнице в голосах: с одной стороны 10 тысяч, с другой, у Горячевой, 40 тысяч союзников. Ему очень хотелось достать того депутата из "Родины", который в ответ на плевок "престарелого, 60-летнего Жириновского", звезданул ему кулаком. Депутат, оказывается, подписал какое-то письмо по национальному вопросу. А связан ли национальный вопрос с развитием и стимулированием нашего сельского хозяйства или нашей системы образования? И чего было больше у Соловьева — любви к Жириновскому или нелюбви к депутату от "Родины"?..

1 апреля, пятница. Ехал из театра на машине. По радио объявили о новом призыве в армию. Всего должны набрать 157 тысяч человек, в Москве по плану будет призываться 5 тысяч молодых людей, это просто смешно! Я мысленно прикинул, сколько денег заплатят родители военкомам, врачам, клеркам в погонах из военкоматов.

5 апреля, вторник. Вечером, после дачи, еще раз довольно долго сидел над статьей для "Литературной газеты" о Парижском салоне. Где-то смягчал, где-то уточнял, проверял фамилии. С возрастом наступает прекрасное время свободы, перестаешь на всё оглядываться, бояться потерять связи, выйти из каких-то кланов. По идее, этого не надо бояться и в юности. Но в юности я был совершенно другим человеком. Где-то Аннинский написал обо мне, что я из той породы людей, которые сами сделали себя. Это справедливо.

В статье много инвектив, довольно точных. Мне нравится, что я достаточно резко написал и о Радзинском, и о Вите Ерофееве, а главное — сумел сформулировать кое-что о так называемых писателях-телеведущих. Зла у меня ни на кого нет, я понимаю узость нашей литературной тусовки, но почему надо все время молчать и сносить всяческие подлости? Даже подлость группового умолчания. Еще раз вспомнил заметочку о моих дневниках в "Знамени".

Несколько дней назад говорил с Н.В.Барановой относительно

семинара С.И.Чупринина. Пока была жива Татьяна Бек, я их не трогал: сложившийся коллектив, Бек много занималась ребятами, Чупринин вроде бы их печатал, но после смерти Татьяны все как-то распалось. Во вторник, например, и студенты не пришли, и самого Чупринина не было в институте, Бек его страховала в такие занятые минуты, а сейчас её нет, и студенты явно выказывают, что у них есть своя точка зрения в связи с трагической кончиной Татьяны. Кстати, если говорить об этом, в "Московском комсомольце" вышла статья Дардыкиной, где она пытается в какой-то мере разъединить смерть Бек и любовь к Туркмен-баши со стороны Рейна, Синельникова, Шкляревского и Чупринина. Я, в общем, тоже не сторонник всё так уж тесно увязывать, но в статье Дардыкиной есть умильно-убедительные ноты — дескать, художники, что с них возьмешь… А с них и не надо ничего брать, надо просто сказать, что, оказывается, и в нашем мире деньги не пахнут, что писатель может как угодно хвалить любого сорта власть. Вспомнился почему-то один из персонажей феллиниевского "Амаркорда" — проститутка под кличкой "Лисичка", которую предложили некоему сиятельному лицу, приехавшему в город. Не зная, как начать диалог, она, войдя в покои, сказала, имея в виду себя: "Угощайтесь".

Ну, продолжу мысль, связанную с С.И. Надежда Васильевна с ним говорила, вернее на его вопрос о том, что будет в следующем году, сказала, что, скорее всего, не будет продлевать контракт, почасовикам этого и не нужно. Нет семинара, значит человека просто не вписывают в приказ. Но С.И. не такой человек, чтобы так просто сдаваться. В интернете он уже поднимает кампанию: "После 18 лет работы приходится уходить из Литературного института". А ко мне тем не менее не зашел. Он приблизительно догадывается, что я могу ему сказать и о чем могу спросить.

Семинар с обсуждением работы Светланы Коноваловой прошел успешно. В преддверии возможной поездки в Китай, куда ехать мне смертельно не хочется, единственное утешение — может быть, чуть отдохну, — так вот, в преддверии этого решил проводить семинары и в четверг, а перед самой поездкой обязательно хочу взять отпуск на 10 дней за свой счет (таких моих заявлений в отделе кадров накопилось уже немерено).

Еще раз убедился в том, что при всем опыте к семинару необходимо очень серьезно готовиться. И сколько тут зависит от нашего физического здоровья, вернее от чувства усталости! С вечера еще раз прочел рассказ Светланы Коноваловой "Бабочка" и просмотрел в своей книжке "Власть слова" раздел о сюжете! Сколько же в ней разбросано разных мыслей и довольно точных наблюдений. Решил, что теперь обязательно буду читать моим

студентам каждый раз по главе или по отрывку…Я все-таки довольно странно в этот "призыв" работаю: каждый раз иду как бы поверх студенческого текста, стремлюсь разбудить в ребятах особое мировосприятие, заставляю взглянуть на собственную работу по-другому, уже с моей точки зрения. Для любой переделки ребята должны вызреть сами.

Рассказ Светланы Коноваловой очень удачный, это так любимый мною реализм и судьба, взятая в брызгах времени и сопутствующих историй. Чем-то эта неудачная жизнь главного героя, инженера из НИИ, которого перевели в техники, напоминает рассказы Чехова, брак без любви, деньги, сын, природная русская робость героя, грусть и безысходность. Неудачная поездка в Крым, на юг, встреча с женщиной, которую когда-то любил. До изумления знакомо, как типические моменты русской никчемной жизни, но все это в наших сегодняшних, выпирающих из текста, реалиях. Есть кое-какие огрехи в стиле, рука еще дрожит. Здесь вообще для моих студентов-детей есть проблема материала, это пока рассказы и повести по воспоминаниям родителей. И тем не менее у Светланы есть стремление через покровы приблизиться к плоти жизни. Здорово.

Рассказ воспринят студентами не очень адекватно, мнения были разные. Я рассказывал еще о вечере Архиповой, о своих размышлениях в театре Васильева.

Вечером читал разные материалы, связанные с МСПС в газете "Патриот", которую мне кто-то присылает.

Переговаривались с Андреем Мальгиным. Он прочел книгу В.С. и очень ее хвалил. Я все-таки надеюсь, что ее книга когда-нибудь всплывет в театре или в кинематографе.

6 апреля, среда. Первое заседание нового совета в министерстве культуры, куда пригласили и меня. Это так называемый межведомственный совет по присуждению премий правительства Российской Федерации в области культуры. Лица все знакомые — вообще, у государства, видимо, довольно мало компетентных людей в этой области, на объективность которых оно может положиться. И дело не в том, что большинство из них занимают достаточно серьезные должности — Соломин, художественный руководитель Малого театра; Валентин Сидоров, председатель Союза художников; Дандурей, главный редактор "Искусства кино", и некоторые другие. Полагаю, что и стали они начальниками и до сих пор тянут свою лямку потому, что, в первую очередь, интересуются не только собой. Совет был организационный, может быть не очень интересный, формальный, но в самом конце заседания грандиозно ведущий подобные совещания Леонид Николаевич Надиров, всегда укладывающийся

в таких случаях за час, начал говорить о списке грантов, которое министерство посылает на утверждение в правительство. И тут я понял, что теряться не надо, если есть в списке Щепкинское и Щукинское училища (которые, правда, принадлежат минкультуре, а не минобразованию, как мы), то почему бы и нам в этот список не втиснуться? Завтра утром напишу письмо и отправлю, как мы и договорились, Леониду Николаевичу. Мысль об институте работает у меня на уровне инстинкта.

Из министерства сразу поехал домой, так как сегодня должна приехать Валина сестра Лена. Кролика я потушил еще накануне. Валя купила какие-то, по сто граммов, корейские закуски в магазине.

Вечером, уже поздно, принялся читать рассказ Вани Аксенова, я ведь уже написал, что в преддверии своей поездки в Китай хочу провести 1–2 дополнительных семинара. Прочитал рассказ и даже оторопел: абсолютно сложившийся мастер, с таким удивительным умом, почти без погрешностей стиля. Рассказ этот написан так, что даже и не позавидуешь: здесь письмо нового поколения, хотя и не Денежкина, не современная стёбовая молодежная проза, а вполне реалистическое повествование, рассказывающее о том, как молодой человек, с явной целью переночевать у девушки, идет на назначенное вполне определенное свидание, по пути участвует в какой-то драке, затем показана постельная сцена — формально типичная молодежная жизнь. Но за этой жизнью встает нечто действительно сегодняшнее, совсем не суетное, а что-то русское и настоящее. Вот и слава Богу — один на этом курсе у меня грандиозный парень появился, а то я не люблю, когда курс кончается, а всё идет серо и условно. С этим ощущением радости я и заснул.

7 апреля, четверг. Отчетливо сознаю, что пишу свой дневник отчасти еще и на публику. Это мой собственный роман, роман моей жизни, который я сам строю. Если этот роман-дневник и не имеет художественных подробностей, то зато несет в себе подробности этнографические, временные, подробности сегодняшней жизни, и это тоже важные свидетельства. Я вообще не очень хорошо понимаю, из чего складывается писатель. Ведь далеко не только из его произведений, но и из его жизни, из того, что захватывает он в своем "гребке".

Утром, в 8 часов, был в нашей поликлинике у уролога с обычной своей, часто, кстати, пропускаемой, диспансеризацией. Совершенно замечательная — кажется, моя ровесница — врач рассказала, что ее дядя, Раевский Осип Моисеевич, входил в руководство МХАТа. Видимо, это боевая еврейская семья, в

которой, как она говорит, еще один дядя — генерал, какой-то родственник — тоже генерал и ее муж — генерал. Наверное, очень смелые люди: один — герой Советского Союза, другой — дважды герой Советского Союза. За подробности не ручаюсь. Живет она в Переделкино. У переделкинских свой счет, и на бытовом уровне мы с ней здесь сошлись: она к Фадееву относится лучше, чем к Пастернаку. От этого двадцатиминутного разговора (перед моим осмотром) возникло такое счастье общения! Как я люблю этот перебор книг и знакомых цитат, ощущение такое, будто погружаешься в банку с медом… После не совсем эстетической процедуры осмотра она сказала, что дела мои даже лучше, чем можно было ожидать в моем возрасте. Тем не менее послала на анализ.

Теперь о неприятном. Утром мне стало известно, что вчера вечером, в 11-м часу, на заочном отделении, в зале, была устроена пьянка. Кто-то взломал дверь, чтобы проникнуть туда. Молодец охранник, который побоялся идти туда на голоса, вызвал милицию. Персонажи опять все знакомые: Ковнацкий, которого я недолюбливаю за его высокомерие и неприкрытое ощущение своей гениальности после публикации в "Знамени"; мой Никитин, который вообще не ходит в институт, подозреваю, что и приличных текстов у него не имеется, одни разговоры; Дохов, поступивший во второй раз, парень приличный, но с тягой к богемности. Кажется, был еще молодой Василевский, сын А.В., и Юра Глазов, уже якобы писатель. Милиция приезжала с автоматами. В пятницу следователь вызывает их всех к себе. Для острастки придется поступить жёстко, другой бы на моем месте их выгнал, а я не решаюсь: вдруг раскроется человек, вдруг выгоню гения…

Написал письмо заместителю министра культуры Л.Н. Надирову:

Глубокоуважаемый Леонид Николаевич!

Как известно, неимущий просит у всех. Отчетливо понимаю, что под крылом Минкульта такие театральные корифеи, как Щепкинское и Щукинское училища, Консерватория, живут значительно лучше, чем море институтов и университетов Минобраза. Поэтому осмеливаюсь просить: а не включит ли Минкульт в свой список на государственные гранты и Литературный институт имени А.М. Горького? Помимо Пелевина и Дашковой, тоже наших бывших студентов, у нас еще учились Бондарев и Бакланов, Трифонов и Розов, Ахмадулина и Евтушенко, Мориц и Ваншенкин, Айтматов и многие-многие другие.

Очень надеюсь, что государственная помощь будет способствовать воспитанию и творчеству новых писателей — прозаиков, поэтов, драматургов, тех, кто составит славу России.

Об Акаеве.

8 апреля, пятница. История с пьянкой наших ребят в зале заочки и разломанной входной дверью развивается довольно скверно. В связи с тем что охранник вызвал милицию, мы попали в какие-то сводки, здание в центре, значит приехали ребята из ФСБ. Построили наших молодцов и мотали им душу. Теперь везде ищут террористов, наши попали под эту кампанию. Центр! Выяснилось, правда, что дверь сломали не наши студенты. Оказывается, к Лёше Козлову пришел приятель, который — полагаю, после выпитого в недрах издательского отдела — направился в туалет. Тут его прихватило, и молодой человек не стал ждать, а ударил ногой по двери и вышел на волю. Так что были некие параллельные действия: наверху пьют пиво поэты и прозаики, а внизу ломает дверь издательский гость… Думаю, что историю с разбитой дверью пытались замять, но тут, к счастью, признался во всем Леша Козлов. Я даже вздохнул с облегчением: теперь никого не придется выгонять.

9 апреля, суббота. На дачу поеду в лучшем случае только вечером, а может быть и завтра. В институте сегодня соберется правление садового кооператива: новые налоги, новые расценки на электричество, новое качество жизни, все это требует немедленного решения.

Утром ходил гулять с собакой, день замечательный, снег дотаивает. На некоторых подъездах висят маленькие компьютерные плакатики, кое-что я записал. "Путяру — на нары". Или более обобщенно: "Народ молчит. Как хорошо. Отнимем что-нибудь еще!"

В институте собрались наши обнинские кооператоры, восемь человек. Все о том же, а главное — о прессе, который государство теперь оказывает на мелких, а по сути, нищих собственников. Около 40 человек у нас не платят ни за электричество, ни годовые взносы. Одни потому, что считают себя инвалидами и пенсионерами — значит "нам положено", другие потому, что привыкли жить при советской — вот здесь я и не побоюсь употребить это слово — "халяве". Правда, психология нашего кооператива, где всегда работали всевластные журналисты-радийщики и телевизионщики, тоже своеобразная!

Начал читать "Чужую маску" Марининой. Захватывающе.

10 апреля, воскресенье. Весь снег уже стаял. По объему работ, которые я произвожу весной за один присест, можно определить,

как быстро уходят силы и теряются возможности. В теплице посеял (может быть, и рано) петрушку, укроп и салат, накрыл всё полиэтиленом. Покрасил рейки для другой теплицы. Вот и всё! А устал-то, аж задохнулся…

С каким-то поразительным всплеском внимания читаю Маринину. Я отчетливо понимаю, что все коллизии, которые она описывает, не войдут в мое сознание как мои собственные, потому что сюжеты "избранны", криминальные ситуации специфичны, да и люди, связанные с этой жизнью, — не мое, не мой народ, не люди моего сочувствия. Очевидно, что сюжет Маринина конструирует очень ловко, здесь многоголосица историй, которые писательница сумела переплести. Я полагаю, что читателя "забирают" скорее истории, сами факты, но характер её ума таков, что при помощи бытовых ходов она интересно умеет соединять одно с другим. Тем не менее как высоко информационное поле! Разные люди, разные подробности! Мне кажется, она очень точный психолог. И если мы говорим о литературе высокого класса, то дело тут в языке. Этот язык вообще-то достаточно тяжело попадает в подсознание, потому что сознание не сопротивляется всему, о чем рассказывает писательница. Информация, которую она дает — очень умная, несущая и бытовые ощущения, и если ее читает такая бездна народа, значит дело обстоит не так, как пытаются представить завидующие ей писатели. Если не можешь писать "для вечности", как исследователь, это не значит, что можешь писать, как Маринина: для этого тоже нужен талант недюжинный.

Вечером возникли новые страсти по поводу президента Акаева. Киргизский парламент уже не удовлетворен тем заявлением, которое написал ему бывший президент. Во что бы то ни стало парламент теперь хочет импичмента, он лишил Акаева статуса первого президента, лишил его семью неприкосновенности, теперь он хочет лишить неприкосновенности и самого бывшего президента. В известной степени это справедливо: всё время прорываются мотивы о растаскивании собственности преимущественно членами его клана. Ах, ах — вежливый, интеллигентный академик-физик! Любопытно, что, выражая попутно боязнь, как бы такое не повторилось с первым президентом у нас (а у нас это может повториться по тем же самым причинам: слишком много власти "семья" захватила для себя, уже достаточно нам было представлено фактов мародёрства на разрухе), звучит мысль: или бунт, или давайте парламентским путем организовывать жизнь, достойную не только для нескольких избранных.

11 апреля, понедельник. От коллегии министерства

культуры, посвященной государственной поддержке музеев-заповедников, осталось ощущение недоговоренности. Были любопытные выступления, приводились цифры, и все это продолжалось почти часа два, но все-таки чего-то не досказали. Правда, министр Соколов дал поручение министерству культуры Московской области на правительстве сделать представление по отрицательной части доклада о том, что происходит вокруг Абрамцева и Муранова. Дескать, положительную часть я представлю сам. Проблема здесь, как я себе уяснил, одна: захват территорий, принадлежащих музеям-заповедникам, захват охранных зон. Связано это со многими обстоятельствами, в первую очередь, со слабостью власти и отсутствием статуса музейных заповедников, с нежеланием власти, особенно на местном уровне, бороться с захватчиками, тем более что за всем этим стоят взятки, как у нас в Подмосковье. Меняются ландшафты, которые в ряде случаев являются самым главным в заповеднике, например, ландшафт Поленова. Если говорить о цифрах, то в России 103 музея-заповедника и 103 музея-усадьбы. Это 6 процентов от двух тысяч музеев России (причем больше всего подобных учреждений находится в Татарстане). 26 музеев-заповедников — в государственном ведении, а Михайловское и Бородино всегда имели особый статус. В музеях 14 700 рабочих мест. Кстати, Гатчина — первая территория, получившая особый статус у нового правительства.

Приблизительно с 1996 года правительство как бы перестало законодательно интересоваться музеями и определять музейные границы и музейный статус. Думаю, это неслучайно. То, что я пишу, наверное, изобилует ошибками, я не силен в такой терминологии, а речи чиновников безумно трудно переводить на нормальный язык, — но все это напоминает раковую опухоль, которая затягивается какой-то соединительной тканью, разрастающейся и поглощающей жизнь.

Вставали вопросы: как в музеях осуществляется хозяйственная деятельность, в каких отношениях они находятся с инвесторами? На последний очень категорично ответила директор Поленовского музея Н.Н.Громолина: "Берегитесь инвестора!". По сути, это правильно. Кстати, с музеем Поленова ситуация такая: территория принадлежит одной области, пейзажи — другой. Вот тут и двигайся или в направлении "Золотой осени", или в направлении "Похолодало". Всем, конечно, видится музей как некий остров иной, достойной и честной, жизни. В Поленовском музее, например, и школа и церковь построены именно художником. Достаточно прохладно относившийся к религии, он говорил: "Лучше одна церковь, чем два кабака".

Какой все-таки видится выход сейчас, в момент яростного растаскивания земельной собственности? Мораторий. Недаром министр культуры в самом начале выступления говорил о том, что музейщики считают пока своей заслугой, что еще не появился закон о музеях. До чего же мы боимся власти! Была еще масса довольно юрких выступлений. В частности, так выступал глава муниципального образования г. Малоярославца Геннадий Семенович Крючков (а я живу в этих краях, я все это знаю). О какой защите культуры можно говорить, когда они столько нагородили вокруг Спасо-Сторожевского монастыря и вокруг городского собора! Мне показалась интересной произнесенная кем-то как упрек такая фраза: дескать, бюджет на культуру нам отпускает три миллиона, а мы тратим десять. Всё это создает ощущение, что власть недопонимает, что культура, может быть, главное, чем надо заниматься, чтобы спасти жизнь.

Решение коллегии мне показалось достаточно формальным. Поэтому и осталось ощущение поразительной недоговорённости.

12 апреля, вторник. Совершенно не выспался: до четырех часов дочитывал книгу Марининой "Чужая маска". Кого бы еще я смог читать до утра? Много самых разных и очень непростых размышлений. У нас слишком обширна и размашиста литература. Где-нибудь в Польше или во Франции из Марининой соорудили бы классика, в Англии обозвали бы Агатой Кристи, у нас это всего лишь Маринина, бывший милиционер, произносится это имя вкупе с рядом других женских имен.

Все утро провел в разных кафедральных разговорах: Е.Ю.Сидоров, С.И.Чупринин, А.А.Михайлов, И.Л.Вишневская, которая умоляла забыть о ее юбилее, последним зашел А.М.Ревич. А.М. принес мне книгу Агриппы д'Обинъе, о которой мы с ним говорили несколько дней назад по телефону, я сослался на нее в статье в "Литературку". Оказывается, во время одного из круглых столов в Париже уже был задан вопрос: почему на выставке нет крупнейшего переводчика французской поэзии А.Ревича. Сам Ревич сказал мне: "Не позвали, не очень-то и хотелось. Говорить французам о распаде в наше время французской литературы как-то не хочется".

Чупринину я подтвердил, что после третьего курса, скорее всего весною, его немногочисленный семинар расформируют. Были повторены и слова о 18 годах, здесь им "проведенных". У меня нет никакого ощущения внутреннего торжества, потому что его просто нет. Без Татьяны Бек, практика, присутствие на семинаре одного только теоретика становится совершенно ненужным.

В 12 часов в зале состоялась встреча с Марининой. Зал был

полон, был даже Л.И., он Маринину не любит, но пришел с Таней, которая, видимо, Марининой зачитывается. Все получилось, была масса вопросов. Интересный, острый и глубокий человек. О романах ее я уже писал. У нас много совпадений: по импульсу, по любви к быту, я просто менее удачлив. Может быть, не столько в литературе, сколько в деньгах?

Семинар по началу повести Романа Подлесских прошел вяло. Обсуждать, по сути, нечего. Ребята пишут очень мало. Его новая "предповесть" значительно хуже того, с чем он поступал. Я говорил о стиле. Потом читал отрывки из "Власти слова".

Еще вчера после просмотра В.К.Луковым пришла моя диссертация. Владимир Андреевич говорит, что она получилась. Ну, дай Бог! Теперь попрошу посмотреть еще Льва Ивановича.

13 апреля, среда. В три часа состоялась защита кандидатской диссертации Эдика Полякова. Я достаточно редко хожу на защиты и никогда не хожу на положенный по этому случаю банкетец. Но на этот раз отсидел всю официальную церемонию и, чтобы сказать несколько слов об Эдуарде, пошел на маленький выпивон. Эдик один из самых первых моих студентов, из рабочей среды, из многодетной и довольно темной семьи. И поступал-то он к нам чуть ли не через десять лет после школы. Как же он не вписывался в привычный ряд учившихся у нас! В эту среду чистеньких девочек из апартаментов Аэропортовской улицы. Он работал у нас дворником, слесарем, делал бетонную стяжку под туалеты в общежитии. Я не давал его исключить, так же как и Авдеева, как и Николая….! Ребята буквально за волосы вытащили себя к другой жизни. И диссертация у Эдуарда оказалась очень хорошая, и речь внятная и умная. И помнит он своих учителей: вспомнил Евгения Ароновича Долматовского, который написал на его "приемные" стихи положительную рецензию, вспомнил и Александра Ивановича Горшкова, который сделал из него ученого. Господи, как я всему этому рад! Жизнь обретает смысл, вот они, не мои, но родные дети! Кстати, уже и без этой кандидатской Эдуард какой-то довольно значительный чиновник в одном из московских округов. Это уже заслуга института. И последнее — четверо детей! Как же он все успел и смог, вот оно воистину русское упорство! Диссертация называется так: "Субъективизация авторского повествования в прозе Валентина Распутина".

В "Литературной газете" вышла моя статья о Парижском салоне. Сдается, будет нелишним включить ее в дневник, чтобы напомнить о проблемах, еще требующих разрешения.

Парижские тайны

Картинки с выставки: на балу среди стволов.

Конечно, соблазнительно обозвать эти обрезанные берёзки, которые определяли выгородку русского участка парижского Салона книги, пеньками, но соблюдём корректность — деревья, стволы. О неудаче оформления нашей "делянки" уже писалось. Да простит меня государственный флаг, которым было обмотано каждое навершие, но как только эти злополучные берёзки с именными рубцами из фамилий писателей не называли: и лесоповалом, и сникерсами. Скажем просто: за идеи и эскизы оформления заплачено дорого, а по существу было неудобно, попробуй потаскай берёзовую колоду, которая заменяла сиденье в центральном лектории! Но тем не менее на этом Салоне, а по-русски — выставке — немало было хорошего. На меня произвёл впечатление урок, который преподнесли французы русским: взяли да пригласили русских писателей в Елисейский дворец, на встречу с двумя президентами. Службы безопасности протестовали: дескать, надо, как обычно, пять-шесть. Вот это да, это размах! Французы не требовали, чтобы у входа во дворец сдавались телефоны, да и на отсутствие галстука внимания не обращали. Я так вообще во дворец попал в чужом пиджаке. Предупредили всего за полчаса. Не вижу здесь чьих-либо козней — просто какая-то русская неразбериха. Скажем, Татьяна Толстая, по собственным соображениям, решила во дворец не ехать, вот и освободилось место, на которое поставили ректора Литературного института. А тот на выставке — в рубашечке и джемперочке. Но ректор не растерялся — окинув взглядом публику, выхватил своего бывшего ученика: "Ну-ка, Максим, снимай пиджак и галстук, я еду в Елисейский дворец". Мне потом, увидев на телеэкране, говорили: "Чего это вы, Сергей Николаевич, так пристально разглядывали на потолке?" Но ведь не каждый же раз попадаешь в подобные дворцы, это не туристский Версаль, вход не по билетам. Я и обоих президентов очень внимательно рассматривал, даже немного поговорил… Президенты, вежливые и культурные люди, по очереди подходили к каждому из расставленных полукругом писателей. Но только начнёшь что-то сокровенное объяснять, как откуда-то, то ли из-за спины, то ли из-под руки, лезут другие ерофеевы, которые перед этим с властью не договорили, чувствуют себя недоласканными, достают откуда-то подарочные книги, фотоаппараты, самые обаятельные улыбки. Я-то во время их бесед к ним не лез! Писатели народ вольный, самоуверенный — властители дум! Независимо и чуть в сторонке стоял В.Маканин: "Это траве надо шуршать — деревья молчат".

Всё организовано было, как уже говорилось, очень торжественно — писатели наподобие дипломатов в фильме расставлены были некоей дугой. Президенты шли по дуге справа налево. Первым стоял Даниил Александрович Гранин. Мне вполне понятно — петербуржец, известный писатель, фронтовик, наверняка В.В. и в юности, и в зрелом возрасте читал его книги, встречался на ленинградских собраниях. Путин приобнял старого человека, годящегося ему в отцы. Разрешим президенту человеческий поступок? Так что же вы думаете? Говорят, потом два неких писателя стали у единственного здесь воевавшего на последней, Отечественной, войне писателя допытываться: за что же вас, дорогой Даниил Александрович, а не нас так отметили? У меня аж слёзы брызнули, когда я это услышал. Да что за народ эти высоколобые! Но что с писателя возьмёшь? Властители собственных дум.

Говорят, трудная была позиционная борьба у коллектива экспертов, производивших писательскую селекцию. Вроде бы французы действительно 20 человек "заказали", 20 предложили мы, согласовав с французами. "Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку, Ну как не порадеть родному человечку!" "Литгазета" писала уже, что в юбилейный год Победы в списке не оказалось ни одного фронтовика. Один "ВАГРИУС"! Но, молодцы, поправились — срочно вызвали из Ленинграда фронтовика Д.А.Гранина. Это, безусловно, человек достойный и по-настоящему действующий писатель, но и он у нас не один! К счастью, ещё работает кумир семидесятых писатель Ю.Бондарев, в прекрасной форме К.Ваншенкин и другие. Отнесём это к организационным огрехам.

Итак, скромно и, как мне кажется, независимо стою я в длинном полукружии, жду своей очереди, наблюдаю. Президенты — один повыше, другой пониже — возле каждого персонально писателя остановятся, каждый, как говорится, тянет одеяло на себя. То Радзинский, то Ерофеев, а впереди ещё Д. Быков… Думаю: а куда делся ещё один телевизионный писатель из "списка", Архангельский? Недаром я одну из своих повестей начинал так: "Писатели, как известно, это граждане, которые в основном выступают по телевидению". Как медленно движется эта живая очередь! Вот уже прошли Вознесенского с женой Зоей, главным организатором премии "Триумф", миновали ещё одну жену — фотографа. Всё ближе! Стою рядом с отставным полковником Российской армии писателем Сергеем Тютюнником, а возле мой приятель Слава Пьецух. И тут же невысокого росточку, но, как говорится, "с небольшой, но ухватистой силою" один ленинградский поэт, "ахматовская сирота". Боже мой, какие,

наверное, мысли возникали в голове у поэта, какие строились будущие рассказы об этой встрече! Но и тревоги наличествовали: а вдруг что-нибудь случится эдакое непредвиденное, — и оба президента внезапно уедут, не охватив всех, а тогда до него, до сироты, дело и не дойдёт… И вот наш поэт тихой и плавной поступью, изумляя одетых во фраки и перчатки церемониймейстеров, рассекает зал, как говорили раньше — тырится без очереди, я за него переживаю, но сирота уже жмёт обе державные длани и опять возвращается к нам. Я с присущей мне добросердечностью, улыбчиво говорю: "А теперь, дорогой Саша, вы можете ещё раз приложиться к руке…"

А выставка кипела. Если заглянуть в её каталог, то всем нашлось место, по крайней мере в нашей российской выгородке. Выступили даже писатели группы "17-ти", о которых писал в своей статье в "Литгазете" Леонид Колпаков. Это те самые писатели, простые и без затей в своём письме, провинциалы, и те, кого можно обозвать нынче бранным словом "реалисты". И ведь какие упорные ребята! Когда российские отборщики сказали им "нет", рожей и стилем не вышли для калашного ряда, нынче, мол, постмодерн и эксперимент в моде, они написали письмо лично президенту Шираку и — попали в экспоненты. Ай да инициатор этой кутерьмы Петя Алёшкин, ай да молодец! Возможно, группа переборщила: не только их "будут изучать в школе", но для этой интеллектуальной демонстрации приехали за свой счёт! В списках не значились! Организовала самостоятельно круглый стол и "Литературная газета".

По поводу этого круглого стола потом, в Москве, прочёл такое печатное мнение — Ю.Полякову не удалось устроить скандал! Отчего же? Впервые разговор о разделённом и коррумпированном положении в отечественной литературе прозвучал не в кулуарах, не в Скарятинском переулке или на Комсомольском проспекте, а, так сказать, на чужой площадке.

Перед тем как идти на круглый стол "ЛГ", я отчаянно волновался, рефлектировал: а справедлив ли замах? Какое-то беспокойство занесло меня в соседний зал, где шла одна из "русских" дискуссий. Вообще-то, голову бы снёсти этим нашим дамочкам, которые придумывают темы для обсуждения! За столом в классически расслабленных позах расположились писатели Владимир Сорокин, Михаил Веллер, Леонид Гершович, Александр Кабаков. Тема дискуссии была определена так: "литература чрезмерности". Я всегда завидую людям, которые заковыристо, длинно или умно говорят. Я даже полагаю, что моего интеллекта всегда не хватает, чтобы до конца понять именитого оратора. Но вдруг, но вдруг — какое литературное событие происходит без магического "вдруг"! Поднимается в рядах некая дама, подходит к микрофону, и тут начинается странный разговор. Она, выпуская инвективу и в адрес устроителей, и в адрес интеллектуалов-писателей, позволяет себе поднять забрало, называя своё имя. Просто Орлеанская дева! По въевшейся журналистской привычке я кое-что записал: "Меня зовут Елена Медведева. Я уже девять лет живу во Франции. Я актриса и всю жизнь имела дело с такими именами русской литературы, как Пушкин, Тургенев, Толстой, Бунин. Уже два дня я езжу с другого конца Парижа, чтобы послушать, о чём говорят русские писатели, и ничего не могу понять. О чём вы говорите? Что вы нам предлагаете?" Дальше эта энергичная дама занялась Владимиром Сорокиным, пообещав никогда не брать в руки его книжек. Это я к определённой обоснованности постановки вопросов газетой, хотя стоит ли вообще доверять "народу", "читателям", да здравствуют эксперты!

В Париже я дал крошечное интервью для "Независимой газеты" своему студенту Саше Вознесенскому. Там два тезиса. А не дурачим ли мы, говоря о сегодняшнем состоянии русской литературы, и французскую и мировую общественность? Сколько гарнира, но где котлеты? И второе: лично я был возмущён, что, приехав в качестве гостя, видимо, по русской, а не по коммерческой квоте на парижский Салон, я не увидел на витринах ни одной своей книги. Дело здесь не только в тщеславии. Позиция моя, конечно, уязвима. Скажут: писать надо лучше, тогда и книжки будут лежать, и переводить начнут. Но ведь положить книжку на прилавок и означает стимулировать к ней интерес. Я понимаю, существуют старые наработанные связи с переводчиками и живущими во Франции славистами-провайдерами, и не всегда по качеству литературы, а и по старым диссидентским связям, по общим прежним кухням, по близости политических взглядов, по… — гадайте дальше сами. У хорошей

собаки не только верхнее, но ещё и нижнее чутьё.

А что касается качества письма — задам простенький, как гамма, вопрос: любите ли вы Шолохова? А любите ли Солженицына? И что с того, что книга Распутина "Дочь Ивана, мать Ивана" признана лучшей иностранной книгой в Китае. А замечательный русский прозаик Михаил Тарковский совсем не уступает блистательному стилисту Асару Эппелю. Если бы, фантазирую я, организационную кашу варил не только победительный вкус Ирины Барметовой ("Октябрь"), Натальи Ивановой ("Знамя") и некоего издательства, принадлежащего на паях крупному чиновнику агентства по массовым коммуникациям и печати, если бы в качестве помощников повара на этой экспертной кухне допустили кого-нибудь из "Нашего современника", имеющего, кстати, журнальную подписку большую, чем либералы, демократы и прогрессисты, то, смотришь, имели бы в уравнении другие цифры. Но всё это лишь литературные мечтания!

"Литературная газета" писала уже в статье, подписанной неувядающим со времён Чаковского псевдонимом "Литератор", о большом количестве в официальном списке русской делегации писателей, живущих за рубежом. Ну, в конце концов и Тургенев жил "там", а печатался "здесь". Правда, ездил туда и обратно не за счёт казны. Родина у нас, конечно, широка и обильна, но стоило бы больше заботиться о наших, ещё неустроенных. Но здесь, повторяю, нужна другая оптика. С переменой оптики открываются иные аспекты.

Как, оказывается, важно правильно и точно называть учреждения. Только образовали агентство по массовым коммуникациям и печати, как тут же наступила путаница. Литература, как монеты в кружке нищего, перемешалась с телевидением. Кто писатель, кто телеведущий? Но зато какие возможности для саморекламы, взаимного, как и при секретарской литературе, опыления и продвижения близких, родных и товарищей по лагерю. Один из экспонентов этой выставки, член делегации и замечательный писатель-романист, мне жаловался: я со всеми этими телеведущими в прекрасных отношениях, но разве кто-нибудь из них позовёт меня в свою передачу? А теперь вопрос на засыпку: чем критик и телеведущий А.Архангельский отличается от критика А.Немзера? А автор эротического романа "Русская красавица", изданного в 36 странах, отличается от Виктора Пронина, по роману которого снят "Ворошиловский стрелок"? А Карамзин, Соловьёв и Ключевский нашего времени, хороший в прошлом драматург Эдвард Радзинский! Петросян в истории! Но кто заикается об

антиисторизме? Зато как же когда-то правили тоже по-своему ангажированных исторических писателей В.Пикуля и Дм. Балашова. О Татьяне Толстой не говорю, как писательницу я её люблю, у нее социальное чутьё и русская речь, которой могут позавидовать и правые, и левые!

Но хватит сеять раздражение неудачника. На этой выставке было много и хорошего. Посетители не только не понимали, о чём говорили и писали писатели. Есть большая, достаточно победная статистика. Мне тоже в этом победительном ряду нашлось местечко. Нашлись и для меня аудитория и магазин ИМКА-Пресс, где я разделил хлеб-соль с Мих. Шишкиным, интересным и талантливым писателем, замечательным собеседником, живущим в Швейцарии. Он хорошо рассказал о планах относительно нового своего романа. Писатель ведь всегда пишет о том, чем живёт, — я всегда пишу про Литинститут, а Миша Шишкин, работающий в какой-то конторе по эмиграции, рассказал историю о двух мальчишках, решивших остаться жить в прекрасной горной западной стране Швейцарии, поскольку в России одного из них насиловал то ли отец, то ли отчим, другого пытались забить в Чечне. Но выяснилось, что всё это они придумали, а сами из не зависимой от России Прибалтики. Каждый пишет, что видит, каждый пишет, как он дышит.

Я внимательно обошёл стенды нашего русского пространства выставки. Ну, конечно, есть определённая узость взгляда. Но много хорошей беллетристики и литературы. Д.Быков, Л.Улицкая, В.Попов, А.Королёв, А.Маринина (кстати, очень достойная, спокойно себя ведущая, не суетящаяся женщина и, главное, ни на что не претендующая, а вы попробуйте-ка написать так, как она!). Тут и наши замечательные модернисты Пригов и Рубинштейн, который вообще впервые в мировой практике стал писать "стихи на карточках". Жалею, что нет ни одной книжки покойного Юрия Кузнецова, поэта Божией милостью. И почему не я? Вот оно — малодушие!

Конечно, всегда сорвёшь сочувствие, если поёшь о прошлом режиме, о сталинских зверствах, о коллективизации, о тоталитаризме. Ещё Стендаль заметил — кажется, в "Истории живописи в Италии", — что в музеях посетители скорее рассматривают на картинах мучения грешников в аду, нежели изящное. Простор огромный — от Чечни до смертной казни. Но порой и о России говорили хорошо и уважительно. Да и вообще приятно, что, несмотря на все издержки, публика и газеты заговорили о русской книге, а не о "Юкосе" и Грозном. Но здесь я сосредоточусь не на писателях. Замечательно прошло представление изданий Русской православной церкви.

Рассматривал наших прекрасных художников-иллюстраторов. Больше всего люблю Бориса Алимова — художники расположены на стенке, в тесноте, но зато теснота не позволяет что-нибудь украсть, как на Франкфуртской выставке украден был оригинал другого нашего прекрасного графика, брата Бориса — Сергея Алимова. От начала до конца отсидел я и представление книжных премьер Российским гуманитарным фондом. Вот несколько строк из моего дневника.

"Скорее дружески, — выступал В.З.Демьянков, — нежели из-за внутреннего интереса, пошел слушать круглый стол "Роль книгоиздания в развитии международных и научных и культурных связей", и вот тут для меня возник некий сюрприз. Хоть в чём-то у нас оказался прорыв. "За последние 10 лет мы, собственно, открыли горизонты нашей общественной мысли" (членкор Владислав Лекторский, главред "Вопросов философии"). Здесь академик в первую очередь имеет в виду "вспоминание" и "раскрытие" ряда имён русских философов. "Чтобы чужое было понятно для своих, мы хотели бы понимать друг друга лучше и лучше". Это уже профессор В.З. Демьянков, который приводит много примеров по выпуску книг по литературоведению и лингвистике. "Едва ли не единственная организация в стране — Андрей Юрасов, директор Российского гуманитарного научного фонда, — которая противостоит деинтеллектуализации страны", крупнейший в мире институт, поддерживающий "издание книг социальных наук".

Как приклеенный, час просидел я на берёзовом пне и во время представления Русского музея — одного из самых величественных российских учреждений. Именно на этом представлении, кои сейчас совсем не по-русски называются презентациями, пришла в голову мне тихая мысль. Мы всё думаем, чем удивить Европу и чем поразить! А теперь представим себе, что наряду с Русским музеем, отмечающим свой юбилей, "презентуем" и наш Литературный институт, которому только что стукнуло семьдесят. Какой иной институт мог бы продемонстрировать столь плотный отряд вышедших из него классиков! Да и переводчиков с французского хотя бы показали, потому что это единственное в России учебное заведение, которое готовит переводчиков французской художественной литературы на русский язык. Могли бы тут познакомить и с двумя легендарными преподавателями, работающими с нашими "французами", — Александром Ревичем, фронтовиком, переведшим "Героические поэмы" Агриппы д'Обинье (Госпремия 1998 г.), и Кириллой Романовной Фальк, внучкой Константина Станиславского и дочерью легендарного художника.

Такого уникального учебного заведения нет ни во Франции, ни в Германии, нет, пожалуй, и во всей Европе! А ведь каких авторов оно выпустило: и Е.Евтушенко, и Б.Ахмадулину, и Н.Коржавина, и Ф.Искандера, и Ю.Трифонова, и Ю.Бондарева, и даже кумир современной молодёжи — Пелевин — и то три курса проучился здесь у знаменитого критика-патриота М.П.Лобанова. Одно только смущает: некоторые экспоненты русского отряда на парижском Салоне защитить своего диплома в Литературном институте, да ещё при таком взыскательном председателе Государственной комиссии, как Андрей Михайлович Турков, не смогли бы.

Сергей ЕСИН

14 апреля, четверг. Вчера и сегодня занимался несколько поседевшим Гришей Петуховым, который хочет теперь, закончив Литинститут, учиться в Берлинском университете, а для этого ему необходим аттестат зрелости об окончании средней школы. Но вот имеем ли мы право, в соответствии с новыми правилами, его вернуть, как бывало раньше? Пытался дозвониться до министерства образования. Когда нашему студенту что-нибудь нужно, мир может перевернуться, но ты должен это подать на тарелочке.

К трем часам поехал на вручение Игорю Петровичу Золотусскому премии Солженицына. Все тот же Дом зарубежных соотечественников возле Таганской площади. День теплый и ясный, настоящая весна. С балкона открывается вид на церковь, на любимовский театр, старые домики на площади. До чего же хороша была старая Москва!

Самого Александра Исаевича не было, как и в прошлый раз, когда премию здесь вручали Евгению Миронову. Вела всю церемонию с присущим ей безукоризненным тактом Наталья Дмитриевна. Она рассказала о фонде Солженицына. Он существует на деньги от всемирных прав на "Архипелаг ГУЛАГ". Сейчас у фонда около трех тысяч пенсионеров и библиотеки, которые он снабжает литературой. Н.Д. объявляет формулу премирования Золотусского и читает прекрасную приветственную речь А.И. После этой речи, скорее даже эссе, я подумал, как важно людям жить в подобной возвышенной атмосфере. Потом свои "расшифровки" формулы читали и Сараскина, и Небольсин, и Басинский, но текст самого Солженицына надо всем этим парил. Видимо, А.И. прочел все, что Игорь Петрович написал. Кое-что интересное мне я записал, это, как правило, цитаты из самого Золотусского, они, естественно, неточны и неполны. Вот

обжигающее мнение о Трифонове: "Повести его сиюминутны, мысль его холодна". Я снова вспомнил слова покойной М.Л.Озеровой, почти то же самое!

Сараскина говорила о Золотусском, как об исследователе творчества Гоголя. Именно Гоголь, по ее мнению, заставил его писать по-писательски. Басинский говорил об И.П… как о редакторе, потом Небольсин. Ответное слово Золотусского меня и восхитило, и огорчило: слишком много в нем было непрощенной мстительности. Он говорил о власти, которая всегда шла против его народа. И тем не менее вдруг выплыла тема двоедушия интеллигенции. Здесь, конечно, естественная, объективная и простительная тайная нелюбовь к интеллигенции. Когда арестовали его отца, Петра Ароновича, а потом и мать, ему говорили, что родители уехали в командировку. Мои собственные воспоминания очень похожи. Я тоже тогда вышел во двор и сказал, что мой папа уехал в командировку, но всезнающие сверстники сразу меня поправили: "Твоего папу арестовали" В этой речи Золотусского вообще много биографии, как будто только благодаря этим мучениям в юности человек и становится человеком. Он дважды встречался с родителями, когда они сидели. Это тоже напоминает мою биографию и мою поездку к отцу вместе с мамой в лагерь, в город Щербаков, ныне Рыбинск, и пересадку на станции Лихоборы. Понял, что надо жить, выучиться и постараться сделать нашу фамилию знаменитой. Есть два вида сопротивления: декабристский мятеж и стоическая жизнь — это Пушкин. Тютчев, Гоголь. Русская литература сопротивляется самим фактом своего существования. Внутренняя жизнь человека как бы противостоит тому, о чем нельзя говорить.

Прочел письмо от Марка Авербуха из Бостона, оно теплое и удивительно возвышенное. Есть в нем несколько слов и об уже прочитанной моей статье:

"В Париже Вы выглядели прекрасно и замечательно, какие-то секреты долголетия определенно Вам известны, дай Бог, чтобы они подольше Вам служили. Только что прочел Вашу статью в "Литературке", абсолютно согласен с основным ее пафосом — да, однобоким был подбор (я, например, отказываюсь понять, почему русскую литературу негоже представлять Валентину Курбатову), — с объективностью и умеренностью стиля и суждений и с блистательной идеей представить Литинститут на будущих книжных форумах. Что разительно контрастирует с публицистикой Замшева. Если бы Максиму дали "максим", он просто всех бы кокнул, "кроме Маканина, Есина, Павлова, но и им тяжело что-то противопоставить беспределу чиновников, находясь внутри этой смрадной клоаки" (это из его заметок).

Небольшая оплошность в статью все же вкрапилась: А.С.Кушнер — "сирота" от Л.Гинзбург, а не от А.Ахматовой (раз в статье речь шла не об Анатолии Наймане)"

Кстати, довольно много народа на церемонии вручения премии Золотусскому подходили ко мне с разговорами по поводу моей статьи. В том числе говорил и с Зоей Богуславской. В принципе и ей статья понравилась, несмотря на некоторую иронию, она приняла мой комплимент об "известном прозаике". Кстати, еще раньше она говорила Вишневской, что на приеме в Елисейском дворце я единственный из писателей вещал не о себе любимом, а о деле, о переводчиках с французского языка. Но у нее тем не менее есть некоторые замечания. А у кого их нет?

15 апреля, пятница. Читаю диплом Фомина.

Анатолий Игнатьевич Приставкин приготовил ответный удар. Вечером звонил Андрей Мальгин, сказал, что вроде бы жена Приставкина написала повесть, в которой под прозрачными псевдонимами выведены и я, и Мальгин. Это и понятно, и ожидаемо, именно из моей с Мальгиным переписки, опубликованной в газете "День литературы", и начался конфликт, который послужил Мальгину импульсом к его повести "Советник президента". К опусу жены Приставкин даже написал предисловие, Андрей его читал. Ну, это вообще смешно, если только не А.И. здесь в двух лицах. Я сказал Андрею, что понимаю ситуацию: "Но ведь и Присядкину было нехорошо, когда ты написал повесть. Он выдержал удар, значит и нам удар надо держать". А что касается того, что, дескать, мы с Мальгиным, как пишет автор предисловия, паримся вместе в бане и даже занимаемся там чуть ли не содомским грехом, так об этом всегда пишут в том случае, когда человека не могут "достать" нормальным путем. О ком подобное не писали? О Жириновском, о депутатах, даже о…. Обычный прием плохих журналистов, а Присядкин до писателя и не дорос.

Вообще-то, я всегда боюсь окончательно судить о людях. "Не судите, да не судимы будете". На памяти нашего поколения досадная неточность в фадеевской "Молодой гвардии", где предателем был назван не тот, как впоследствии выяснилось, член этой организации. Вот опасность использования в художественном произведении подлинных фамилий! Можно предъявить в этом смысле претензии даже Пушкину с его отравителем-Сальери и "царем-иродом" Годуновым: в нашей изголодавшейся по тотальной гласности околоисторической научной прессе замелькали сейчас версии о том, что Борис Первый был не братом, а сыном царицы Ирины и, таким образом, — законным правителем, а два лже-Дмитрия

представляют одного, но настоящего младшего сына Грозного, укрытого и воспитанного Романовыми, в их многоходовом подступе к захвату власти, и уничтоженного в результате смуты. Кстати, об Иване Грозном. В одном еженедельнике, близком к Православной церкви, я прочитал недавно о выводах знаменитого антрополога М.М.Герасимова, восстановившего по черепу облик царя, и итогах исследования учеными-химиками в те же 60-е годы костей Ивана IV и его сына Ивана, якобы убитого отцом в гневе (все помнят репинскую картину!). Так вот, наличие травмы от удара отцовского посоха на голове сына подтвердить не удалось, но в костях и того и другого Ивана были обнаружены следы ртути и мышьяка, многократно превышающие обычный фон. Что говорило, по мнению ученых, о долговременном и регулярном отравлении обоих. А кому это было выгодно и кто виновник великой Смуты, в первый раз перевернувшей Россию в западничество, решайте сами. Хотя истина не в догадках, а в точном знании…

Но я увлекся, возвращаюсь к теме. Не пора ли, наконец, обнародовать свидетельство однокашницы Присядкина по курсу, жены Роберта Рождественского, что из всех отвратных типов, которые попадались ей во время учебы в Литинституте, самым отвратным и подлым был именно он? Присядкин, когда учился в институте, изнасиловал вместе с напарником-националом студентку; этим занималось партбюро, но, наверное, стучал, поэтому покрыли, не выгнали. А ведь где-то в партархивах лежит его дело. Надо бы обнаружить и, по душевной склонности к либерализму… помиловать нашего героя. Впрочем, стоит ли из-за всей этой чепухи так долго рассусоливать? Повесть печатается в каком-то толстом журнале? А скольких главных редакторов таких журналов я уже поймал на "липе", сколькие из них ко мне поэтому относятся плохо. И у каждого есть оправдание.

16 апреля, суббота. Так и не почитан "Сон в Красном тереме", а я снова еду в Китай. Маршрут известен, для меня не очень интересный, но втайне я все же жду перевода "Имитатора". Все дела в институте я привел в относительный порядок, даже на две недели вперед провел свои семинары. Тем не менее снова пришлось в субботу ехать на работу. Во-первых, жду разговора с Дьяченко. Дежурил мой племянник Валера, сказал, что Дьяченко здесь, он, кажется, тут и ночевал. Я попросил его позвонить нашему театралу и сообщить, что ректор на месте. Валерий так и сделал, но, видно, Дьяченко меня боится, и за какими-то разъяснениями не пришел. Все плохие о нем слухи, видимо, оправдываются. Вторая причина: еще утром мне звонит Петрович. Нужно срочно сделать документы на защиту, в частности список

работ. Вот теперь еду собирать старые журналы. Заодно два часа разбираю архив, постепенно понимаю, что написал значительно больше, чем надо для диссертации.

17 апреля, воскресенье. Витя еще в субботу уехал на дачу. Я занимаюсь сборами в поездку в Китай. Почему они у меня всегда носят панический характер? Книги, подарки, работа, английский, одежда, лекарства. Попутно еще и убирался в квартире.

В аэропорту встретил Лену Полянскую, с которой мы ездили в Китай прошлый раз, и Геннадия Геннадиевича Завеев. Оказывается, летим бизнес-классом. Но как бы я ни летал, никогда не знаю даже того, что мне полагается. Прошлый раз я наконец-то узнал и даже воспользовался вместе со всеми отдельным залом для бизнес-класса, но в Шереметьеве обнаружилось два подобных зала, о чем я не подозревал, и один как раз находится почти рядом. Бесплатная еда. Смотрим программу. Г.Г. вспоминает Париж и туфли. Меню самолета и распоясавшиеся люди. Путешествия перестали что-то стоить

18 апреля, понедельник. Утром на подлете проснулся с дикой головной болью. Особенно отвратительно чувствую себя оттого, что не чищены зубы. Скоро, наверное, наступит период, когда никуда летать не буду.

Как всегда в Пекине, подивился, по контрасту с только что промелькнувшей в Шереметьево нашей жизнью, пустынности аэропорта, быстроте регистрации, четкости работы таможни и практически немедленной выдаче багажа. Перевел свои часы на пять часов вперед.

Встретил нас все тот же неутомимый Хуанбо из Китайского авторского общества. Лена Полянская везет ему сметану, которую он очень любит. В этом году мы гости не министерства, а Общества, поэтому встреча пожиже и автобус поменьше. Долго едем по улицам. Цветет сирень и какие-то весенние, желтые цветы на деревьях. Я все время думаю о том, что в большом городе молодому человеку или девушке встретить себе пару, наверное, труднее, чем в деревне. Так же давно уже размышляю, чем отличается грандиозный своими масштабами Пекин от других страниц мира и, в частности, от Москвы. Он почти на всем протяжении держит масштаб и облик центра, не допуская вовнутрь нищету и убожество окраин.

Гостиница тоже не такая роскошная, как прошлый раз, но очень удобная, цивилизованная. У меня почти двухкомнатный, с глубоким альковом, номер, тут же ванная комната со встроенной в нее душевой кабиной, очень удобно. В номере миниатюрный прибор, питаемый горячей и холодной водой. Вода поступает из специального резервуара, наподобие тех пластмассовых бутылей

с питьевой водой, которые продаются у нас. Зря я тащил свой кипятильник!

К пяти поехали в Авторское общество. Тот же зал, та же выставка по стенам из книг, тот же шкаф с переведенными и ждущими своего перевода книгами. Опять трое от руководства обществом и уже не четверо, как прошлый раз, а трое нас. Лица знакомые, я переписал имена, которые на карточках стояли перед каждым. Еще раньше я понял, что китайцы сейчас переводят только политическую, детективную и в лучшем случае познавательную литературу. У Лены были узкофункциональные интересы — договора, которые она привезла. Здесь — Горбачев, Жорес Медведев, Лужков, который отдает свою книжку без гонорара… А чего мне терять? Несколько подзаведенный Парижской выставкой, я стал гнуть свою линию. Скорее даже потому, что иначе висело бы молчание. Начал с вопроса: почему современную китайскую литературу почти не переводят в Москве, почему она значительно менее известна, чем, скажем, японская? Разговор не был особенно долгим, у меня, собственно, уже появился ответ на эту мысль. Он "стоял" у меня за спиной, на стенде: Людмила Улицкая, Марк Харитонов, Михаил Шишкин со своим "Взятием Измаила" — три книжки русских писателей, вышедшие ничтожным для Китая тиражом по 7 тысяч экземпляров и до сих пор не распроданные. Но на что тогда ориентировались издатели? Только на звание букеровского лауреата? Или опять на какие-то советы из Москвы? С другой стороны, книги молодых китайских писателей выходят тиражами до миллиона экземпляров и раскупаются! А разве мы видим эти книги, разве они у нас переводятся? Все это отдано на откуп или организациям, где в "советчиках" старое руководство, или прежним переводчикам, которые не хотят видеть непривычное. А что, например, могли бы китайцам посоветовать перевести В.Н.Ганичев или Ф.Ф.Кузнецов? Да они и не читают ничего. Всю ответственность за это положение надо возлагать на оба, китайское и наше, посольства, на руководство культурой в обеих странах. Но, с другой стороны, я отчетливо представляю, что и в Пекине, и в Москве могло бы работать по самостоятельному и окупающемуся издательству, если только они будут руководствоваться не вкусами дедушек и бабушек.

Говорил с Хуанбо о книге Мальгина, он о ней уже слышал. Кажется, скоро Андрюшу можно будет поздравить с успехом в Китае. Хотел позвонить ему прямо из Пекина, но телефон у меня не берет!

Вечером — в ресторане с сианьской кухней. Всего в китайской кухне восемь направлений. Это одно из них. У меня

все-таки сложилось впечатление, что в этом ресторане я был в прошлом году, и именно здесь, в кабинете возле круглого стола, выгибалась танцовщица и работал акробат. Вечер прошел хорошо, я отчего-то не нервничал. Продолжили немножко разговор о литературе, вернее, я узнал, что уже есть предварительное решение жюри премии на лучшую зарубежную книгу: ее получит Улицкая за своего "Сашку". Я-то ведь не против! Но в чем здесь дело: давление переводчиков, каждый из которых хочет победу своей книжки? Влияние Европы: хотим быть европейцами, а там это модно? Влияние московского начальства на пекинское, что при наличии имеющегося начальства похоже? Возможно, какие-то иные векторы играют здесь роль.

В основном, шли куртуазно-застольные разговоры, пили водку высшего китайского качества, похожую на "Маотай", но, кажется, дороже, и вино. Но какая еда! Я, правда в интерпретации Хуанбо, записал меню:

1. Утка, вернее лишь жареная кожица от утки, кусочки которой, предварительно смазанные соусом, кладутся на блинчик из рисовой муки вместе с долькой огурца и стебельком зеленого лука и заворачивается в пирожок!

2. Мелко наструганные, в соусе, корни какого-то растения, похожего и на редьку, и на морковку.

3. Куриное мясо с диким чесноком.

4. Говядина, нарезанная тонкими, как сыр, ломтиками.

5. На большой чугунной сковородке горячее блюдо из мелко нарубленного рубца или кишок и массы мелкого горького стручкового перца в соусе. В сковородке, чтобы она не остывала — это придает и пикантность, — мелкие раскаленные камешки.

6. Салат с капустой, редькой и травой.

7. Соевый творог, вкуса баклажанов, с петрушкой и каким-то соусом.

8. Лесные грибы в соусе с вареной курицей, которая не похожа на курицу.

9. Морковь с кожицей утиных ножек. (В русской интерпретации я от этого блюда содрогнулся!)

10. Салат из фруктов в майонезе.

11. Какое-то зеленое вареное растение, похожее на шпинат.

12. Суп с плодами лотоса и каким-то мясом, то ли куриным, то ли говяжьим.

13. Блюдо с рыбой, живущей в верхнем течении реки Янцзы; вся засыпанная зеленью, она очень вкусна.

14. Баранина, тушеная в кожуре мандарина. Мандаринка с мясом!

15. Свежая семга, нарезанная ломтиками, на блюде со льдом.

16. Уйгурская дыня, внутри которой из ее же искромсанной мякоти был приготовлен холодный шербет. Неплохо.

17. Тоненькие блинчики с медом или патокой.

18. Фрукты: резаные дольками бананы, яблоко и немножко арбуза!

Ура! Наконец-то, после всего этого мы поехали в гостиницу.

Мне кажется, так любить свою кухню может лишь нация, религия которой не обещает загробной жизни…

В девять часов вечера у меня были Вэн Чже Сянь — Нина — из издательства "Народная литература" и Лю Сянь Пин — Саша — завотдела из Союза писателей. Саша переводчик "Имитатора", а Нина — редактор. Сидели около часа, Нина была с ребенком, четырехлетней девочкой, прелестной как херувим. Обменялись подарками, Саша преподнес мне в коробочке дивную свинку из бронзы на хрустальном постаменте, где выбиты, по 12-летним периодам восточного календаря, годы рождения людей, которым это животное покровительствует. Естественно, есть и мой, 1935-й. Годам сопутствует какая-то надпись иероглифами. Саша мне перевел, это панегирик свинье: "она бескорыстна, она реалистка, смела, вдумчива, остроумна, охотно помогает другим, признает свои промахи, всегда прощает ошибки, совершенные другими, искренне относится к окружающим. На нее можно положиться, даже так: чрезмерно надежна. Ей же следует выбирать в друзья только тех, кто ее хорошо понимает".

Довольно долго сидели, разбирая текст романа, у Саши в особой тетради до девяноста "трудных мест", которые требовали уточнений. Многое из лексики он не мог найти в словарях. Поначалу, увидев длинный список его "преткновений", я опрометчиво предположил, что он отнесся к переводу поверхностно. Он знает и любит русский язык, но текст по культурным и языковым реалиям действительно неимоверно затруднен. Сейчас бы я подобным образом не написал, не смог. Саша сказал, что он только что сдал переведенную им книгу Довлатова, "Имитатор" как объект для перевода намного труднее. Роман может выйти с предисловием Левы Аннинского.

Позвонил по телефону в Москву: умер Слава Дегтев. Я так на него надеялся в литературе! Умирают ученики — как все на этом свете зыбко…

19 апреля, вторник. Утром поехали в знаменитый парк — Летний дворец императора. Пока ехали по городу, обратил внимание: окна жилых домов на первых этажах, как и в Москве, обрели решетки. Летний дворец для меня не менее интересен, чем Запретный город. Судя по всему, Бертолуччи сюда не добрался, иначе мы обязательно увидели бы многое в его

знаменитой картине. Писать мне сейчас трудно, не улеглось. Здесь иной размах, нежели в Запретном городе, иная конструкция видения — простора хоть отбавляй. Это опять система павильонов и дворов, но не запрятанных, как Гугун, в прямоугольник в центре Пекина, а свободно рассыпанных по берегу огромного озера. С одной стороны все ограничивается горами, а с другой — озеро, за которым узкая, в серой дымке, полоска зелени. Все сливается, переливается. Краски переходят одна в другую. Наш Хуанбо, который, по его признанию, в этих парках был "очень много раз", никогда всей территории обойти не смог. О чем писать? Здесь все дробно, как в хорошей картинной галерее, где по стенам висят одни шедевры. Набережная, тянущаяся вдоль озера на несколько километров, каменные плиты, ряд деревьев, каждое пронумеровано. Я шел в районе, где деревья с номерами девять тысяч сто… сорок, пятьдесят, семьдесят, семьдесят один… Парапет на набережной набран из резного камня, каменные с шишкой наверху столбы, между ними каменная балюстрада, и так километр за километром. А я-то удивлялся королевскому дворцу во Франции… Параллельно набережной идет еще крытая галерея, опять километр за километром, все потолки и верхние блоки разрисованы пейзажами и сюжетами. Ничего не повторяется, все написано изысканной и неторопливой рукой. Из того, что я не представлял никогда, — огромный театральный павильон. Трехэтажная сцена — отдельная постройка, где действие могло разворачиваться, как и в жизни, на трех уровнях: на небе, на земле и в преисподней. Напротив павильона одноэтажная постройка, "партер", где императрица Циси (это ее время) могла, лежа, наслаждаться спектаклем через огромные открытые двери. В "гримировальном" павильоне стоят сейчас императорские носилки, двухколесные экипажи, которые возили евнухи, и первый в Китае нетягловый экипаж — автомобиль! Такой старый, такой невероятно интересный! Здесь можно увидеть еще многое из того, что касается императорского быта. В садах и садиках, с цветущими сейчас фиолетовым цветом, уродливыми от обрезки, но немыслимо элегантными деревьями, всюду гигантских размеров камни, работа моря и времени, которые свозятся с огромным трудом со всей поднебесной.

Самое невероятное — здесь, как и везде в Китае, масса людей, но никто никому не мешает. Это, видимо, экскурсанты со всей страны, иностранцев мало. Мы тоже так раньше ездили по всем республикам, те, кто откладывал все на завтра, теперь никогда этого не увидят: возможность удовлетворить и охоту к перемене мест, и любознательность мы потеряли, у китайцев она

пока осталась. Все зависит от того, насколько они справятся с коррупцией и воровством, насколько серьезно надавит на них капитализм, не имеющий ни сострадания, ни жалости. Китайцы, вопреки мнению юбилейного нынче Андерсена, все очень разные. Разные типы, разные характеры, все удивительно самостоятельные. Очень много высоких молодых людей и прелестных девушек. Как-то я к ним начал прилепляться. Нравится мне наш гид-переводчик Хуанбо, имя которого на самом деле произносится несколько по-другому; главное его свойство — он мягок, необидчив и добр. Рука зудит написать его портрет.

Днем состоялся прием у заместителя министра печати и информации….. Тот же зал и то же здание, что и год назад, визит вежливости. Мы так же будем принимать их, в какой-то мере это чиновничий туризм, но и во время него дела все-таки делаются. Заместитель человек новый, времени у него, чувствуется, мало, но рассуждает очень здраво, по крайней мере в вопросах культуры, информации и авторского права. Говорит о необходимости приоритета культуры и при рыночных отношениях. Но потом спохватывается и говорит возвышенно и о рынке. Все то же привычное чинопочитание.

Присутствовало на беседе человек шесть, кто-то из женщин стенографировал, хотя стенографировать буквально нечего. Для всех поставлены обычные китайские, с крышечками, чашки горячего чаю. Для начальника, единственного, чашка побольше и поизящнее.

Из нового: Китай больше ввозит авторских прав, чем вывозит. В прошлом году они купили две тысячи названий из всех стран мира. Мы бы на такое никогда не пошли: во-первых, мы стараемся за такую безделку, как течение мысли, ничего не платить, мы и сами всех умнее, во-вторых, с деньгами "на ветер" русский капиталист проститься не может! Замминистра говорил о вечном товаре китайских интеллектуалов — их традиционных ценностях, надо их, дескать, вывозить. Это целая философия, старое искусство, лишь мы долго считали, что вывозить надо только матрешек и водку.

Поговорили о жалких китайских книгах, которые мы выпустили в прошлом году, — все беспроигрышное и привычное. Во время этого разговора я решил, что начну как вице-президент нашего Авторского общества, наконец-то, действовать. Теперь я знаю, чем мы занимаемся и кто книгами у нас в Обществе занимается. Для начала надо возобновить бюллетень. Я знаю принцип, по которому я это сделаю.

После министерства у нас был час свободного времени. В том

же магазине, что и в прошлом году, мы все крепко затоварились чаем. А потом нас еще с разными сладостями чаем и напоили. Чудные девушки, чудный магазин, расположенный в центре. Я даже на будущее записал адрес: район Дунчен, улица Дуноыдацзе, 73.

Пришлось еще пройти через очередной банкет. Вот меню, как я его записал со слов Хуанбо. Сначала 12 сортов закусок, стоящих на стеклянном кругу подноса. Их почти никто не ел, закуски носили как бы декоративный характер. Бульон из свинины и желудка (?) акулы с луком-шалот и грибами. 2. Жареные креветки. 3. Резанная соломкой морковь и перец и что-то еще, похожее на тот же самый "желудок акулы". 4.Половинка жареного голубя (к блюду подали по паре прозрачных пластмассовых перчаток). 5. Суп из курицы с грибами. 6. Свинина, нарезанная кусочкам, с картошкой и грибами. 7. Рыба речная, похожая мордой на сома. 8. Молодая стручковая фасоль с грибами. 9. Пельмени в бульоне. 10. Маленькие плюшечки с мясом. 11. Арбуз, нарезанный ломтиками с апельсинами. Пили: чай, прекрасную водку, с основанного в 1573 году производства, напиток из сока арбуза.

Вчера так и не смог включить свет у постели, полночи проспал на маленьком диване в гостиной. Сегодня, наконец-то, сообразил, какую нажать кнопку, и включил. Дочитываю с наслаждением Лао Шэ. Надо обязательно попросить Борю Тихоненко, чтобы он при редактуре дневников разнес цитаты по тексту, сославшись, что это позднейшие вставки, может быть даже в подходящие места московских уже эпизодов.

20 апреля, среда. Спал очень плохо, а тут еще С.П. позвонил в полночь, чтобы сказать, что нашел мне оппонента. Вот уж человек, который выручит всегда! От усталости я даже про диссертацию забыл, а теперь все раскрутилось, и сквозь сон я начал мерцательно думать о будущей защите.

Утром чуть помрачнело, задул ветер. Погода вполне пекинская, на мне это сказалось лишь плохим самочувствием. Голова еще работает прилично, а организм постепенно начал отказывать. Вот бы написать книгу о технологии и привычках старого человека, о том, как он со старостью начинает сживаться, а потом находит приемы, чтобы прятать ее от окружающих.

Были в издательстве "Народная литература". Как и в прошлый раз, мне здесь интересно, потому что живое дело и живой, следовательно, разговор. Почти та же команда присутствовала на переговорах: это президент компании — высокий, уже не молодой, но подвижный и живой; Нина, молодая китаянка, приезжавшая к нам в этом году в институт; главный специалист,

который вместе с Ниной, может быть, приедет к нам на конференцию по Шолохову, довольно пухлый человек лет сорока, стесняющийся, что он почти забыл русский устный, но прекрасно все понимающий. Тут же, как и было прежде обещано, заключили договор на публикацию "Имитатора". Сейчас же выдали и гонорар, который назвали авансом, но я думаю, больше не заплатят, да это и справедливо. Говорили о современной русской литературе, и я понял, что ее, пожалуй, никто в издательстве не знает. Рассказал все, что помнил, сделав акцент на молодежи. Спросили о сегодняшнем положении писателя в России. Я вспомнил фразу Стейнбека, поместившего в свое время писателя между пингвином и собакой. Все посмеялись. Позже тема имела неожиданное продолжение.

После традиционного обеда, прошедшего в профессиональных разговорах и разных шуточках, мы все втроем поехали в парк Бэйхай. Опять масса народу, порядок, когда, хотя и много людей, но никто никому не мешает, не истоптаны газоны, запоминается лишь то, где у тебя проснулось собственное душевное движение. Воображение опять закурилось, и начал представлять, как же люди жили, как царствовали, как им прислуживали. Я, видимо, из породы прислужников. Китайская особенность этого поразительного на островах и озерах парка — за каждую часть экскурсии надо платить отдельно. Чтобы подняться в середине острова на вершину горы к Белой башне, где буддийская ступа, пушки, таинственность, крутые лестницы, старые деревья. Чтобы взойти на Круглый город, видимо, когда-то крутой холм, из которого сделали земляную башню, облицевав ее стеной. Наверху павильон с роскошной нефритовой чашей диаметром в 1,5 метра на резном же постаменте со знаком огня и благоденствия — свастикой. Здесь же несколько реликтовых деревьев, которым по 700–800 лет, как об этом гласят объявления. Поразили и деревья, и чаша. Последняя принадлежала хану Хубилаю. Имя, говорящее и для русской истории. Здесь же, в храме, белая скульптура Будды, излучающая мистическое сияние. Мне кажется, что благородный камень иногда впитывает свет тысячелетий, а потом начинает его отдавать. Деревья, как старики, подперты металлическими стояками, скреплены в местах возможных сломов ветвей металлическими стяжками, закованы в стальные корсеты. Отношение к старости или отношение к реликтам? Вчера, например, в парке Летнего дворца я видел, как уже немолодой человек тянул по дорожке самодельную, на четырех мебельных колесиках, коляску с креслицем, в котором сидела старушка Что уж она видела, я не знаю, но она была среди людей, менялась

обстановка, воздух был свеж, она жила.

Прогулялись вдоль острова, к сожалению, я не заглянул в путеводитель, поэтому пропустил садик и павильон, где после своего отречения император Пу-и писал мемуары. Мне это интересно. Всю жизнь брожу среди теней и литературных призраков.

Заехали на тридцать минут в гостиницу и отправились в издательство политической литературы. Это совершенно новые для меня люди, меньше точек соприкосновения, хотя издательство работает при Академии общественных наук Китая. Я ведь тоже заканчивал подобную академию в Москве. Может быть, и китайская, как и московская, рассадник свободолюбия. Издают они много, есть "направление" — то из политики, что читают, мемуары "царей", диссидентов. Выходил Горбачев, сейчас вышел Путин, но хотели бы "разоблачительные" биографии про новых русских, прогнозов по России, оппозицию. Однако никогда, судя по всему, не печатали Лимонова, а он бы среди китайской молодежи пошел. Не слышали имен Валентина Варенникова, Александра Ципко. Сейчас в производстве вторая книга Роя Медведева.

Потом обедали, одарили хозяев маленькими подарками. Кстати, в "Народной литературе" мне поднесли банку хорошего и свежего зеленого чая. Выпью его сам, никому дарить не стану.

В дороге, пока ехали на автобусе по городу, слушал английский и дремал, это у меня совмещается. Геннадий Геннадиевич Завеев замечательный мужик, много знает, читает наизусть стихи Брюсова и Блока, помнит имена буддийского пантеона, когда я разбираю на английском объяснения на памятниках, помогает мне, транскрибирует слова. Языком не хвастает, но, чувствуется, письменный знает хорошо. От него я вообще узнаю много интересного. Так вот, он что-то карябал на листке бумаги и вдруг… прочел оду, посвященную мне, плод его дорожных трудов. Ода, как помечено на листке, "пасквильная":

Есть полемист завзятый, забияка,
С противником он — кошкою с собакой.
Смирен он паче гордости, однако
Себя между пингвином и собакой
Он поместил, сказав, что вывод знаков.
Да, вице-президент и академик,
Но все это, ребята, мимо денег:
Невольник слова, записной оратор.
Что благо — он творец, не имитатор.

Теперь о свежих и острых мыслях из "Кошачьего города" Лао Шэ. Вот что интересно: мой старый, случайно найденный в свое время прием, не срабатывает. Цитаты, которые, казалось бы, могли освещать каким-то образом мое видение сегодняшнего Китая, светят совсем в другую сторону. Но, видно, так уж мне суждено: все время веду какую-то борьбу у себя на родине.

Завтра утром выезжаем из гостинцы.

21 апреля, четверг. Пишу уже в шанхайском отеле. Это даже не отель, а какие-то апартаменты для моряков океанского плавания. На двадцать втором этаже открывается два вида: из окна — сверкающий огнями, невероятной современной красоты город, тройные дорожные развязки, реклама, непрекращающееся гудение, выдающее напряженную мощь мегаполиса. Впрочем, об этом я писал два года назад, но тогда я еще не был в Америке. Ночной Шанхай, когда мы ехали от аэропорта, производит большее впечатление, чем Нью-Йорк. Здесь преобладает естественная сила, как в человеке сильном от природы по сравнению с накаченным спортсменом. Вид от окна — гостиная, направо спальня с роскошной белой кроватью, налево кухня с газовой плитой, мойкой, холодильником. В гостиную выходит и дверь в ванную комнату. Отапливается все газом, на кухне современная нагревательная колонка и газовый счетчик. Ванная комната быстро прогревается огромной теплоты лампами накаливания. Деньги вкладывают в дорогостоящее оборудование, чтобы потом экономить и получать прибыль.

Утром, в девять часов, уехали из пекинской гостиницы уже с чемоданами. План такой: сначала Великая китайская стена, потом обед, минские могилы и в аэропорт — все в одном направлении. Но и все знакомо. На стену Лена ходила вместе с Геннадием Геннадиевичем, я остался с шофером Сон-фу в машине. Шофер, молодой мальчишка с замысловатой, вроде рассыпанного снопа, прической играл сам с собой в какую-то карточную игру, я дочитывал Лао Шэ. В общем полтора часа провел с большой пользой. Все время вспоминаю Володю Крупина с высказанной им не очень оригинальной мыслью, но меня, по совпадению, в тот момент поразившей, что "пора отказываться". Мир, конечно, разнообразен, но освоить и понять можно лишь то, что понятно и возможно понять. Здесь мезин-форте не примешь.

Описывать все нет смысла, вернее боюсь себе же наскучить. Опять обед в каком-то загородном ресторане, много разной еды, медленное насыщение, поражаешься разнообразию оттенков вкуса и сравнительно низким — это если по московским меркам — ценам.

В самом "подземном дворце", на глубине, я купил за 50 юаней

довольно большой альбом: здесь история, план долины, отдельные экспонаты музея — все поражает своей роскошью и широким дыханием. Это не менее значительно, чем в Египте, а сама долина Шисаньлин, запертая среди гор, конечно, производит более величественное впечатление, чем Долина царей. Тринадцать гробниц — 16 императоров династии. Здесь огромная площадь земли была запретной зоной, эти могилы, надгробные павильоны и мемориальные парки никто особенно не стерег. Лучше всего сокровища и мавзолеи хранил страх перед императором. Оторопь берет, когда представляешь эту тишину, в которой лежали, вперив глаза в непроглядную тьму могил, императоры и императрицы.

Собственно, отреставрированы и готовы к посещению гробницы двух императоров. Мы были только в одной, в усыпальнице Динлин, где покоится прах императора Ваньли. Меня все увиденное так потрясло — я не хочу больше никуда. Впечатления отличаются не их количеством, а глубиной и качеством. Три огромных зала, мраморные ворота на мраморных же шарнирах, трон императора, подножие для гробов и красные ящики, в которых должна лежать заупокойная утварь. Здесь все потрясает размерами и холодной рассудочной гармонией. Таких высоких залов египтяне не копали, императору не нужна была живопись, о его делах небо знало. Кстати, императоры были полными мужчинами, в музее хранятся пояса этих мужей — вот оно свойство китайской кухни.

Отдельно надо говорить об организации показа, о специально прорытой шахте, куда ты по гранитным ступеням спускаешься и спускаешься… Двадцать первый век это век китайских культурных ценностей.

Закончил читать "Кошачий город".

Теперь о Шанхае. Апартаменты на 22-м этаже встретили меня объявлением на английском. Сижу перевожу.

"Дружеская подсказка от полиции: 1. Храните свои ценности в вашем сейфе в отеле. 2. Не оставляйте без присмотра кино- и фотокамеры, когда занимаетесь покупками или гуляете. 3. Держите в поле зрения свои ценности, когда едите в ресторане. 4. Если посторонний человек приглашает вас пойти куда-нибудь развлечься или в бар выпить, будьте бдительны. 5. Если у вас серьезное волнение или произошел тревожный инцидент, наберите 110 и позвоните в полицию или обратитесь за помощью к патрульному".

Так что же, оставлять в номере компьютер, когда уйду завтра, и что делать с плейером? Ну, украдут компьютер, Бог с ним, но там записи за последние два месяца. Их будет жалко. Может быть,

это всего лишь обычная предупредительность хозяев, стремящихся уберечь гостя от нежелательных эксцессов. Или неужели тут, наконец-то, уместно вспомнить о строках из "Кошачьего города": "В этом мрачном обществе люди звереют, едва родившись на свет. Они рыщут повсюду за лакомым куском, за любой ничтожной выгодой и всегда готовы пустить в ход и зубы, и когти"? Нет-нет, не Китай, другая страна встает перед моим внутренним взором за этими строчками, та, которой Лао Шэ посвящает следующий удивительный диалог (я немного его сокращаю) землянина, длительное время, из-за аварии с космическим кораблем, задержавшегося на чужой планете среди людей-кошек и выучившего их язык, с туземным слугой:

"— Чем зарабатывают на жизнь горожане?..

— …Ничем.

— Как так?!.

— Достаточно одному служить чиновником, чтобы многие были обеспечены… Остальные ждут, пока у них появится свой чиновник.

— Видимо, чиновников очень много?

— Да, все, кроме безработных, считаются чиновниками. Я тоже чиновник…

— А чиновники получают жалованье?

— Конечно, от Его Величества.

— Откуда же у императора деньги, если столько народу бездельничает и ничего не производит?

— От продажи драгоценностей, земель… Ведь вы, иностранцы, любите покупать их! Пока они есть, о деньгах нечего беспокоиться.

— Музеи и библиотеки вам неплохо помогают… Но неужели ты сам не чувствуешь, что лишаться книг и древностей нехорошо?

— Какое это имеет значение! Были бы деньги!

— Выходит, у вас нет никаких экономических затруднений?..

— Раньше были, а теперь уже нет.

— Что значит раньше? Когда вы работали?

— Точно. Сейчас деревни почти опустели, в городах торгуют иностранцы, нам незачем работать, поэтому люди и отдыхают.

— Откуда же тогда чиновники? Ведь не могут они все время бездельничать!..

— …Быть чиновником совсем нетрудно: больше привилегий, чем работы. И хотел бы делать что-нибудь. Да нечего.

…А учреждений мне встретилось много: министерство проституции, институт дурманных листьев, управление кошачьими эмигрантами, министерство борьбы с иностранными товарами, палата мяса и овощей, комитет общественной торговли

сиротами… Это только самые понятные названия — многих просто не понял. Чтобы обеспечить всех чиновников службой, или бездельем, требовалось как можно больше учреждений. Мне показалось, что их многовато, но людям-кошкам, по-видимому, было недостаточно".

Все время перезваниваюсь с С.П. относительно моих диссертационных дел. Какой он молодец, нашел всех оппонентов!

22 апреля, пятница. Я всегда говорил молодым людям, впервые отправлявшимся в советское время за границу: оторвите глаза от витрин, смотрите на стены, вокруг. В Шанхае другой совет: голову надо держать высоко и смотреть вверх, именно там, на головокружительной высоте, начинается дерзкое соревнований шпилей, наверший, крыш всех фасонов, причудливых башенок и переплетений антенн. Это высоко, так заоблачно и недосягаемо пониманию и известным тебе законам, что начинаешь думать о величии жизни или о человеческой гордыне. Какой повод найдет человечество, чтобы рухнули его вавилонские башни? Высота, конечно, неоднородна. Возле нашего отеля квартал домиков "нормальных" размеров, в пять-шесть этажей. А из окна виден другой высотник, пониже нашего двадцатипятиэтажного: там, на крыше травка, маленький садик на последнем этаже, два пластмассовых кресла и пластмассовый же, как у меня на даче, стол.

Как хорошо, что в издательство иностранной литературы мы добирались пешком. Внизу-то идет нормальная, не парадная, иногда даже очень небогатая жизнь. Велосипеды… На каждом перекрестке толпу, готовую сорваться, или стадо автотранспорта сдерживает человек, похожий на постового с милицейским свистком. На светофоре табло отсчитывает секунды, которые еще остались до того, как загорится другой свет. Крошечные лавочки и магазинчики вдоль улицы, здесь надо торговаться, но зато все на виду. Верхние этажи и гладкая верхняя жизнь за бронированным стеклом у меня не идет из памяти. Я представляю, как осыпаются тонны стекла, если не дай Бог, что-нибудь толкнет землю. Если проснется подземный Левиафан!

Издательство находится на одном из этажей типичного небоскреба. Внизу, у входа в дом, идет телесъемка: дети лет по семь-восемь рассказывают о полюбившихся им литературных героях. Ухоженные дети, девочка-ведущая, две телекамеры. В здании книжные магазины и ряд издательств. Все обычно: лифт, коридор с картинами на стенах, комната для переговоров, чай на столе, современная мебель, за спиной книжные шкафы с парадной литературой издательства. Но ни у одного издательства в мире нет такой панорамы за окном: будто военный корабль

землян повис над марсианским городом, пейзаж совершенно фантастический.

Люди здесь работают замечательные, но, к сожалению, кроме молодого Ву Хонга (Wu Hong), заместителя главного редактора, все остальные Чжу Чжи-шунь (Жуков), У Цзянь-лин (Лида) и,,,, люди уже немолодые, один уходит на пенсию через три месяца, другой через полтора года, останется одна Лида. А какой удивительной квалификации это люди, сколько знают, как преданы делу своей жизни, русской литературе! Показали шкафы, в которых собрана, по сути, вся русская классическая литература. Мне подарили, вернее я выпросил для музея в Нижнем Новгороде, три тома Горького из его автобиографической трилогии. Книги, кстати, чудесно и современно оформлены.

Обменялись подарками, обедали. Я, по своему обыкновению, записал меню. Не для себя пишу, а для народа. Закуска: папоротник, сушеная медуза, ростки бамбука, ростки дикого чеснока, жареный гусь кусочками, две морские рыбки, пророщенная фасоль. Далее: утка по-пекински с блинами, луком, огурцом и соевым соусом, грибы "растущие на чайном дереве", креветки чищеные, мясо жаренное на деревянных палочках, морской гребешок с дольками луковицы лотоса, туфу — соевая лапша, рыба речная с горьким перцем, еще два или три супа в пиалах, что-то похожее на печеный хворост, сахарный тростник с ананасом и кусочками дыни, много чая, все пили вино, я открытый мною здесь, в Китае, какой-то молочный коктейль.

После обеда надо было ехать на встречу в Союзе писателей Шанхая, которую возглавляет Chu Shui-ao, у него в визитке написано "генеральный секретарь Ассоциации писателей Шанхая, председатель общества поэзии", говорят, умный и волевой мужичок. Мне не очень хотелось, думаю, что и моим спутникам тоже, но так уж составлена программа, и, конечно, нашему Хуанбо виднее. Любопытная деталь, фамилия нынешнего председателя, как ни странно, на китайском тоже произносится, как Есин. Для меня это стало единственным импульсом: хорошо бы получить фотографию двух Есиных вместе.

И так всегда бывает: не хочется, не хочется, а потом все окажется интересным. Во-первых, это замечательный особняк, построенный в начале прошлого века в стиле модерн с примесями итальянского барокко. Парк, фонтан, нагая девушка из мрамора в окружении плюющих водой лягушек. Потом нам показали и второй этаж, где расположен созданный одним из писателей книжный магазин. Продаются преимущественно книги членов союза. Писатели не дремлют. Но это одновременно, кажется, и библиотека, и, возможно, читальня. Там потом был накрыт стол,

и нас прекрасно накормили. Кухня была совершенно изумительная — китайская, с чуть заметным европейским акцентом, по крайней мере сервировка была европейская, с ножами и вилками, и никаких общих блюд, всем подавали очередное блюдо на индивидуальных тарелках. Особенно хорош был салат из манго и рыба, кажется, нототения, запеченная с луком в фольге.

Во время беседы до обеда и за обедом разговор шел о положении писателей в Китае и в России. Председателя на встрече не было, и моя задумка с фотографией не осуществилась. Мне дали книгу с его портретом. Я в ответ подарил три своих и на одной написал: "Есину Большому от Есина Маленького". Хуанбо тут же сделал перевод.

Мне пригодились мои журналистские навыки, и я, как пес, вгрызался в каждый информационный закоулочек. В Шанхае лишь два писателя живут на средства от своих книг. Один из них Е Юнь-лей, историк, другой, работающий сейчас в Институте драматургии — если Хуанбо не ошибся и не напутал чего-нибудь при переводе, — это Юй Чун-юй. Положение почти такое же, как и в России при прежнем режиме. С одной стороны, довольно нищая писательская публика в количестве 1100 человек (на более чем 13 миллионов жителей Шанхая), работающая в разных местах, живущая на какие-то крохи, с другой — 10 больших писательских стипендий. Одну из них получает уже названный мною историк, который мог бы прокормиться и сам на свои "исторические биографии", но здесь же и некий парень 22-х лет, который тоже в финансовом смысле благополучен, потому что все три его романа имели успех. Эта десятка в месяц получает не менее 600 долларов. Что касается юноши — у него и псевдоним-то Софань — парень, — он в списке, мне кажется, стоит для отмазки, если спросят, почему все остальные места заняли старейшие и мудрейшие. Сейчас — как и у нас, здесь сплошная реформа — реформируется система стипендий: новая будет по 1500 долларов, но писатель должен будет заключить договор с союзом на написание за год определенного количества романов или повестей. Я задал вопрос, на который уже знал ответ: входит ли в число стипендиатов кто-нибудь из писателей моложе 35 лет? Естественно, все тот же Софань. Все, как и у нас, раньше: могут дать квартиру, закрепить место в доме творчества.

После довольно длинного парадного обеда меня два часа мучил 34-летний дружок Хуанбо Чжан Ин из "Южного воскресенья". Его вопросов хватило бы на диссертацию, посмотрим, что он сотворит. Во время этого интервью я выработал несколько новых идей и примеров. Если бы можно

было точно перевести, получилось бы здорово, но, наверняка, полутона исчезнут.

Чтобы не забыть или хотя бы иметь в виду: здесь создана и работает газета "Шанхайские поэты", выходит раз в два месяца, тираж 2 тысячи экземпляров. Вот как бы нам такая газета пригодилась. Но газета выходит на деньги Союза писателей, то есть на государственные. И если у нас станет газетой руководить какой-нибудь старый мудак или амбициозный левый мудила помоложе, ее лучше не выпускать. Нужен молодой и со своей программой поэт… Что-то я плохо настроен против стариков, хотя и сам уже из них. Наверное, потому, что вижу, как гибнет творческая молодежь. Ее протест, и у нас и у китайцев, выражается холодной брезгливостью: она не хочет иметь дело со старшим поколением. Вот еще одна "китайская" новость, взятая мною из все тех же бесед в Союзе писателей. Так у меня в записной книжке и помечено: "Есть писатели, которые не хотят вступать в союз. Обычно им лет 20, и они пишут и пишут свои романы".

23 апреля, суббота. Наученный горьким опытом, теперь во что бы то ни стало, стараюсь дневник заполнять в день событий. Сейчас половина одиннадцатого вечера по местному времени. Только что вернулись из большой поездки. Крайняя точка ее — город Шаосинь, в ста километрах от Ханчжоу, родины Лу Синя. Я попал в свою среду, литературу, и, естественно, счастлив.

Сначала два часа ехали на такси до Хончжоу, места и город мне знакомы еще с прошлых разов. Вдоль шоссе Китай совершенно другой, нежели по телевизору или в городах. Бесконечные, нарезанные, как торт, поля, солидные, не нищенского вида, особнячки в два-три этажа, машины возле гаражей, терраски с сохнущим бельем, зелень на грядках, и бесконечные молодые посадки у дороги.

Опять подумал, как же за последние пять лет все переменилось, каким же при таких темпах будет Китай через десять или двадцать лет. Отличительная черта местной географии: здесь не очень, особенно если это вечером, определишь, по Пекину ты едешь или по провинциальной столице, или даже по уездному городу. Районы, казалось бы, разных городов, а по виду совершенно одинаковые, с огромными небоскребами и развязками. Везде поражает плотная масса народа, но люди привыкли к многолюдству и знают, как опасно превратиться в толпу. Все очереди, все массовые выходы и входы на транспорте происходят шумно, все громко разговаривают, перекликаются, но, наученные, видимо, опытом, никто не дергается, не прорывается вперед. В частности, именно так,

живым монолитом, густой, но дисциплинированной массой — не поворачивается язык сказать: толпой — мы поднимались на обратном пути, после окончания нашей экскурсии, по огромному металлическому трапу через железнодорожные пути — идет какая-то реконструкция шанхайского вокзала: мы возвращались на поезде, это тоже целая поэма.

Почему мы так отстали в быте? Почти такой же комфорт на железных дорогах, такие же поезда, часто двухэтажные, как на Западе, где-нибудь в Германии, китайцам уже доступны, а мы только что-то собираемся строить и вводить. Я все больше и больше начинаю думать, что причиной плохое, просто скверное управление.

Утром мы пытались уехать в Ханчжоу на поезде, купили билеты, но приходилось довольно долго ждать, и тут Хуанбо заговорил с каким-то китайцем, который взял эти билеты, чтобы сдать их в кассу без потерь, вызвал по мобильнику "левака", частную машину, и мы уехали на ней. Операция, видимо, отлажена: и в кассе обязательно нужен свой человек, и посредник получает какую-то плату. На дороге тоже был занятный, похожий по психологии на русский, инцидент. Китай и здесь цивилизовался быстрее, чем это делаем мы. Уже много не очень загруженных платных дорог. Шофер в начале пути получает карточку и, в зависимости от расстояния, на конченом пропускном пункте, на съезде, расплачивается за свое быстрое движение. Но наш левак поступил так же, как поступил бы русский водила: перед самым Ханчжоу он нырнул в щель в ограждении, проехал через какую-то деревню, каким-то проселком, миновал контроль и выехал на трассу уже почти в городе.

Перед самым въездом в Ханчжоу мы состыковались с машиной одного из вице-директоров чжецзянской издательской группы, и он пересадил нас в свою большую машину. Лена его знает, в прошлом году он был в Москве, потом ездил с нею, организовывал и открывал выставку книг о живописи и архитектуре в ленинградской Публичке. Сравнительно молодой парень, знает английский, литературу. Вот его фамилия — Kong Zewu, пора привыкать к точным китайским фамилиям и именам. Весь день мы были на его попечении. Московский и санкт-петербургский долги, без сомнения, оказались красны платежом. Два раза он хорошо нас кормил, катал по каналу на лодке, где лодочник греб рукой одним веслом, а другим — разутой ногой, водил в музей Лу Синя.

Мы попали в знаменитый, потому что опять здесь вмешалась литература, сад. Это даже не дом-музей, предусмотрительные и

точные китайцы оставили в неприкосновенности или аккуратно достроили целую улицу прошлого века. Я уже не говорю о доме самого классика, о доме его деда и прадеда, о школе, в которой он учился. Все цело, улица превращена в обычную торгующую улицу тех, уже нынче былинных, времен. Торгуют сувенирами, снедью, веерами, которые тут же и расписывают. Выныриваешь из дома его помещиков-предков — диссиденты почти всегда дети богатых родителей — и оказываешься на улице того времени, которая жива до сих пор. Жили в то время родители и прародители писателя, по нашим дачным меркам, очень неплохо. Зал церемоний и поклонения предков, детские, кабинеты, музыкальная комната, библиотека, комната для вышивания, и тут же кладовки, кухня, комната-ломбард, где крестьянин мог заложить что-то из своего скарба до следующего урожая. Было где наблюдать жизнь и, главное, было место и время, чтобы подумать, а потом и пописать. И опять китайская широта показа — здесь не только быт мальчика, который стал потом классиком литературы, но и достаточно подробный музей помещичьего быта. А напротив еще школа, не для бедных детей. С бедными детьми будущий мальчик-писатель играл в доме бабушки, в знаменитом саду. Школа, судя по мебели, на пять-шесть помещичьих детей. Да, да, не обошлось, как и у Пруста в Комбре, без бабушки, ее сада, ее теплоты. Вспомним и бабушку Горького, не эти ли бабушки, как и няни, создавали литературу? И все это китайцы у себя сберегли! На память тут же пришел домик деда Каширина в Нижнем Новгороде. Прямо напротив него стоит блочный, хрущевский новострой, какая там мемориальная улица, кто там будет организовывать торговлю, какие там сувениры! Все время думаю о своих собственных уже ушедших родителях, и так грустно. Зовут?

Итак, канал, приходится нагибать голову, каналы здесь как улицы, раньше по ним возили грузы. Называют ли Шаосинь китайской Венецией? "На лодочника" тоже надо брать билеты. И тоже, когда выходишь, билеты проверяют, как с поезда. Как там у нас определяли социализм? Контроль…Если нет контроля — процветает воровство!

Саду возраст — с 1151 года. Только так и можно построить эти изысканные пейзажи, мостики, пруды, павильоны. Они не строились, а вырастали, становились живыми, жили. Их не торопились реконструировать, реформировать, перестраивать на новый вкус. Я-то помню, как собственными руками разрубил и разобрал "славянский шкаф". Не дачу он мог бы нынче украсить, а московскую квартиру. Но что возьмешь с меня, безотцовщины! У китайцев недаром жив культ предков, значит культ не только

собственной семьи, но и истории.

Но вернемся в сад, где, вдобавок ко всему, разворачивалась история самого знаменитого китайского поэта — Ду Ю. Полагаю, его тень еще бродит по этим дорожкам. Цитата.

Сам Ханчжоу, я уже говорил, как-то изменился: прекрасные озера и острова, с пологими у воды берегами, сейчас затеснены бетонными громадами. А что будет дальше? На "шелковом рынке", который я помню еще с того времени, когда купил там с подачи Т.И.Пулатова для В.С. зеленый шелковый костюм, как-то все поблекло — товары для бедных. Тем не менее купил в подарок нашим женщинам носовые платки и какие-то трусики в коробочках, разных размеров. И не утерпел, еще один костюм купил для В.С. В середине мая она едет в Матвеевское, это будет одна из небольших доступных ей радостей — хоть как-то выглядеть.

Ночью долго читал Пу Сен-лина, по совету Вити Широкова. Книгу мою он хотя и не вычитал, но эрудиции и знания литературы у него не отнимешь. Витя абсолютно прав, Пелевин крепко поживился на этом китайском авторе. Впрочем, чему здесь удивляться: такого обворовывания покойников, как в литературе, нет нигде. И Пелевин делает это тоже не в первый раз. Впрочем, у известного писателя это называется влиянием.

24 апреля, воскресенье. Утром из окна долго смотрел, как где-то внизу, над кварталом сравнительно невысоких домов — от трех до пяти этажей, — летала стая голубей. Они долго кружили, будто в ущелье, не решаясь подняться кверху. Среди удивительных, просто фантастических по форме небоскребов расположены островками жилые кварталы. Иногда видно, что здесь, в отличие от офисов, жизнь довольно трудная: почти на каждом окне висит белье, живут, по всем приметам, скученно и довольно скудно. Это даже не контрасты капитализма, а контрасты жизни. То попадется старик, разбирающий выброшенные в мусорную камеру из отеля мешки с мусором. Сортирует он эти мешки или выбирает оттуда что-то для себя ценное? То другой старик продает, стоя на одном месте весь день, со своей тележки обувные стельки. Здесь, кстати, свои реформы, и уж точно крестьянам в смысле медицинского обслуживания тоже лучше не будет.

Первую половину дня ходили по магазинам. Универмаг, где я обычно покупал хлопчатобумажные трусики и майки, ремонтируют, что-то на этажах красят, отдельные секции сворачивают, в других распродажа. Никто не хочет платить высокую аренду и работать мимо покупателя, который не очень любит ходить по пыльным интерьерам. Именно в силу этого на

одной из срочных распродаж купил себе костюм. Сходу, с налета, почти не меряя.

Перед отъездом в Пекин обедали с молодыми предпринимателями, которые или организовали свое книжное дело, или только организовывают. Их интересует искусство, автобиографии художников. Они говорили о старшем поколении, которое ориентировано на советское искусство. Молодая женщина, у нее еще не было визитной карточки, работает в этой новой фирме главным редактором, по крайней мере интеллектуальным заводилой, ее родители учились режиссуре в Москве. Эти 30-35-летние люди признались, что многое они взяли у своих родителей, и им хотелось бы, чтобы для следующих поколений это не пропало. И говорили хорошо, и обед, который они организовали, был превосходный. Был, кстати, и корреспондент Чжан Ин, который два дня назад брал у меня интервью. Вот уж кто пробьется, такая в нем истовая заинтересованность в деле и в культуре, в результатах. Он взял у меня коротенькое обращение к читателям газеты. Я написал, что литература и искусство для человека и его жизни важны так же, как хлеб.

Потом толстый и румяный парень, имени его, к сожалению, не знаю, наверное какой-то финансовый организатор, на своей машине показывал нам город. Как ни описывай, все равно не поверят: в Москве ничего подобного нет. Такая тьма дерзости и какого-то обоснованного архитектурного озорства, что просто диву даешься. И кино здесь не поможет, и описания пролетят — надо вдыхать воздух, видеть в физических материальных параметрах чередование головокружительных зон градостроительства и зеленых скверов с необъятными цветниками. Какой-то свой, роевой размах. На скверах, у памятников, у реки полно народа, и дети и взрослые запускают змеев. Как бы хотелось ощутить в руках натянутую и гудящую бичеву. О чем думает в этот момент пускатель змей? Все очень красочно, чисто до безобразия.

Проехали мост над рекой, с него, как в свое время с телебашни, я увидел раскинувшиеся в обе стороны по течению и по обоим берегам реки бесконечные причалы. Вот тут другая работа, чем в конторах и офисах. Мост немыслимо высок, это сделано для того, чтобы под ним могли проходить океанские пароходы. Такой высокий, что съезд с него сделан серпантином, машины на очень высокой эстакаде кружатся, делая два оборота, пока снова не покатят по улице.

Во время перелета из Шанхая в Пекин оставил в самолете библиотечный томик…….. В это время Хуанбо для какой-то

газеты переводил интервью разных наших писателей перед выставкой в Париже и отвлекал мое внимание тем, что цитировал места, где все они, напирая на то, что едут в приятной компании, при любой возможности ругали писателей-патриотов. Соревнование классиков!

Может быть, мне пора написать здесь портрет Хуанбо?

25 апреля, понедельник. Вчера вечером начал и все утро читал "Мазариков" Ольги Заровнятых. Мне надо решить, кого все же из наших выпускников представлять Марку Авербуху. Читается с большим интересом. Девочки будто соревнуются, кто больше вспомнит крутых подробностей из своей юности. Я понимаю, что молодому человеку неоткуда взять материал для прозы, как не из своего небольшого опыта. Но здесь проявилась дурная тенденция доказать: у меня-де юность гаже и антураж ее трагичнее. Это какой-то внутренний садизм без ощущения возможности дальнейшего полета. Юность закончилась, нужны иные "ужасы" для литературы, а ужасы без невинности вызывают лишь чувство сожаления. Как всегда, точна наша профессура: в своей рецензии Володя Орлов очень точно показал и формальные недостатки повести. Они видны и в некой манерности автобиографии автора. Писатель всегда где-нибудь да выдаст себя. Но тем не менее, хотя я твердо решил остановиться на Саше Фролове — он, безусловно, лучший! — обязательно Заровнятых дочитаю, есть определенное волшебство в ее нескромных признаниях.

День был трудный: сначала экскурсия в "туристскую деревню", потом две интересные встречи: в Ассоциации издателей Китая, а потом ужинали в Союзе писателей, там было много знакомых, по крайней мере я с двоими обедал зимой в институте. Мне даже обидно: впечатления стираются, и о каждом эпизоде разговору хватило бы надолго. А сейчас уже одиннадцать вечера.

Честно говоря, когда Хуанбо повез нас в деревню неподалеку от Пекина, я заранее предположил, что это будет какая-нибудь показуха, эдакий колхоз имени Ленина. Так оно отчасти и было. Жарко, похоже на Узбекистан, такие же чистенькие парадные улицы, свежеполитые цветы в бетонных вазонах, почти полное отсутствие прохожих, две большие гостиницы для туристов, в общем — выстроенная по линейке показательная деревня. Идея была такова: на месте каждого старого дома обычной деревушки Hancunhe построить новые, вернее даже виллы, площадью от 270 до 350 квадратных метров. Всего таким образом "реконструировано" свыше пятисот усадеб. Построено так же, как и раньше, довольно тесно. Но дома прекрасные — роскошные спальни, кухни с привозным газом, несколько ванн в каждом доме. Подчеркивалось, что это первая подобная деревня.

Акцентировался даже ее музейный, выставочный характер. Перед въездом стоит павильончик, где продаются билеты на посещение. Экскурсантов развозит небольшой, как на бывшей ВДНХ в Москве, вагончик, работающий на аккумуляторах. В огромном музее, производящем чисто узбекское впечатление своим размахом, фотографиями вождей, собраниями вымпелов, почетных грамот и знамен, тем не менее один из залов очень понравился: на фотографиях довольные и искренние люди, более пятисот семей, были сняты возле своих новых домов; рядом помещены фото домов старых.

Мы побывали в одном из показательных домов. Встретила хозяйка, в доме чисто и прибрано, работает огромный телевизор. Как выяснилось, кроме работы в поле, крестьяне еще прирабатывают своеобразным сельским туризмом. Любой горожанин и даже иностранный турист может взять в специальном агентстве путевку и на два-три дня остановиться в этой деревне. Ему предоставят благоустроенную комнату за 60 юаней в день, это 7 долларов. Сельская еда обойдется в 2 доллара за обед или ужин. В деревне есть некоторые развлечения: концертный зал, детский парк, близка горная местность — это возможность прогулок. Обычно гости сюда приезжают на своих машинах или на автобусе. В магазине при тепличном хозяйстве — оно большое и очень по технологии современное — они могут купить овощи по ценам значительно ниже, чем городские. Есть еще аспекты: кроме занятых на полях крестьян, в деревне существуют мастерские и предприятия некой строительной группы, которая ведет тут стройку и поставляет кое-то даже для Пекина. Это решение проблем деревенской занятности и доходов, дефицита городских промплощадей и перенаселения столицы: здесь, всего в сорока километрах от Пекина, строятся дома, где горожанин, нуждающийся в расширении жилплощади, может купить квартиру по очень низкой цене — где-то от 1800 юаней за кв. метр, это 230–250 долларов, цена, согласитесь, божеская. Есть и другие, я полагаю, соображения, которые возникали у организаторов проекта. Будут такие деревни в Китае или Hancunhe останется единственным образцом — прочерчен вектор. Сказано: а почему крестьянин должен жить в бытовом плане много хуже горожан?

После обеда встречались с председателем Ассоциации издателей страны. Yu Youxian старый знакомый Лены, несколько лет назад он был министром печати. В Китае должностных лиц такого ранга не бросают без внимания после оставления ими поста в связи с пенсионным возрастом. Это очень энергичный человек. На встрече присутствовал и Г……., замечательный

русист. Я его видел еще в прошлом году, он стоял у основания Китайского авторского общества. Именно он в свое время подготовил себе на смену Хуанбо. Когда в процессе разговора возникла идея о возможности перевода моего романа "Смерть титана", именно Г…. выразил готовность перевести, был бы издатель. "Ну, издателя-то я найду", — сказал Yu Youxian. Я подумал — имея в виду, конечно, и себя, — как несправедливо отправлять на пенсию людей, еще практически полных сил. Сколько же наработано у меня сейчас связей, ну уйду я со своего поста, институту лучше от этого не будет. На встрече был также профессор Chen Weijiang исполнительный директор Ассоциации.

Самой интересной была, конечно, встреча в Союзе писателей. Обычный китайский обед, правда, дают его здесь с определенной изысканностью. У меня осталось две карточки: одна моего старого знакомого Бай Мяо, проректора Института имени Лу Синя. Худощавый живой мужик, прозаик, был в той же самой полосатой рубашке, что и в Москве. Он подарил мне "соломенную картину". Она так хорошо была запакована, что посмотреть ее я решился уже в Москве. Бао Мяо рассказал мне уже слышанную историю об открытии института имени Лу Синя (в прописании проректора Сюня) во время визита Го Можо и……. Кстати, в разговоре промелькнули два анекдота о Сталине. Первый — у постели умирающего Ленина. Ленин: "Некоторые товарищи не хотят с вами, Иосиф Виссарионович, работать". Сталин: "Значит, пойдут, Владимир Ильич, по вашему пути". Второй уже не помню.

Интересным, просто фантастическим собеседником оказался вице-президент Всекитайского союза писателей поэт Jidi Majia. Начну с конца. Когда мы уже уходили из ресторана, я спросил Хуанбо о поэте: откуда он родом? И совершенно неожиданно тот бросил: из нацменьшинств. "А какая у него национальность?" И услышал поразительный ответ: "Из народности "И"". У меня в памяти все всколыхнулось: я вспомнил знаменитое стихотворение Семена Липкина и ту политическую возню, которая была поднята вокруг. В своеобразное время мы жили.

Тем не менее говорили за столом о русской поэзии. Майджи сначала спросил меня, кого из трех русских поэтов — Пастернака, Цветаеву или Ахматову — я считаю лучшим. Трудный вопрос и очень китайский. Все хороши, но знаю я лучше Пастернака, поэтому и люблю больше. Он сам же потом разграничил свойства троицы: философичность Пастернака, истовость Цветаевой и естественная органичность Ахматовой. Или его сравнение Маяковского и Неруды — поэты революций! А? Описать подобный разговор литераторов почти невозможно, аргументы заменяются цитатами, знаковые имена говорят больше, чем целые

доклады. Потом разговор перепорхнул на Есенина и Бродского, я признался, что люблю обоих. У нас оказались сходные интересы и взгляды. Если Сергей Есенин еще не так любим в Китае, как Бродский, значит в Китае еще не появился хороший переводчик его поэзии. Сергея Есина — привел я нескромный пример — на китайский тоже переводить значительно сложнее, чем, скажем, Сергея Довлатова. Саша, который только что сдал в издательство перевод Довлатова, закивал. Говорили о советской литературе, о союзах писателей, наконец о премиях. Я расспрашивал о порядке их присуждения, похож ли он на наш, когда группа писателей награждает друг друга. Сказал, что, видимо, поняв эту ситуацию, президент реформировал госпремию. В ответ китайцы рассказали о двух своих знаменитых премиях: имени Лу Синя, здесь много номинаций: рассказ, стихи, драматургия, проза большая и малая и пр., и "Маодун", которая дается только за роман. Так вот, обе ли эти премии, или какая-то одна, мне не очень осталось ясным, определяются жюри, которое в свою очередь выбирается жеребьевкой из среды профессоров, представителей вузов, академий, других организаций. Причем, ни один секретарь Союза писателей не может выставить свое произведение на конкурс.

Заговорили о неуловимом Е-сине из Шанхая. По словам Jidi Majia шанхайский Есин писатель хороший. Я пошутил, что только и ехал туда, чтобы обогатить свою новую книжку дневников фотографией двух Есиных на фоне шанхайского городского громоздья.

Потом разговор перешел на китайскую литературу. Я говорил о том, что мы, к сожалению, знаем ее значительно хуже, чем китайцы русскую. Опять пошли имена, которые свидетельствовали о замечательной подготовке Jidi Majia. Он, конечно, филолог. Так оно, кстати, и оказалось — филфак Пекинского университета. Говорили о переводе, в частности я вспомнил переводы Ду Фу и Ли Бо. В другой стране поэты — повторяюсь — всплывают, лишь когда появляются переводчики. Кстати, Саша (……) в этот время переводил точно, быстро и с наслаждением, недаром в юности год стажировался в Москве. Саша ведь тоже филолог и очень хорошо, как переводчик "Имитатора", представляет себе, кто я такой. Я говорил, что все мы в юности были ориентированы на западную литературу и несколько пренебрежительно относились к литературе, которую нам, казалось, навязывали. Я говорил, что только перечел Лао Шэ, который, если бы прочел его раньше, наверняка повлиял бы на мою работу. Когда заговорили о Пу Сен-лине, Майджи вдруг высказал ослепительное предположение, что именно Пу Сен-лин родоначальник магического реализма, а вовсе не Маркес. И,

наверное, это правильно.

Заканчивали мы обед и разговор вопросом, обращенным ко мне. Я ведь был в Китае много раз. Что меня больше всего удивило во время этого посещения? И тут я произнес монолог. Я начал с первой фразы удивительной сказки Андерсена, чей юбилей будет праздноваться в этом году: "В Китае, как известно, живут китайцы". Что же меня удивило? Я перебирал в памяти виденное: минские могилы, сады Пекина, Пекинская опера, куда я опять и на этот раз не попал… И тут я вспомнил один из залов в туристической деревне. Тот самый, где вдоль всей стены, сверху донизу, были портреты ее жителей, на фоне их новых домов. А рядом прикреплена и цветная фотография их старого жилища. Воистину только человеческое лицо обладает магической силой без конца держать на себе внимание. Как оно разнообразно, сколько на нем можно прочесть. Отвечая на вопрос поэта из племени "И", я старался быть предельно искренним. Я сказал, что долго представлял себе Китай, как кладовую истории, литературы, как страну, создавшую Запретный город и Минские усыпальницы, как страну Пекинской оперы и рисунков Цы Бай-ши. Для меня все китайцы, как наверное русские для китайцев, долгое время были на одно лицо. И вдруг я почувствовал, что отличаю их одного от другого не только по одежде и по возрасту, что мне интересно каждое лицо, и молодых и старых, они уже не статисты спектакля "многовековый и великий Китай", а мои братья и товарищи. Мне дороги теперь Саша и Нина не только как мой переводчик и мой редактор, они стали частью моего прошлого и моего будущего, и, обнимая каждого из них во время прощанья, я буду трепетать, что может сложиться так, что я не увижу их больше…

26 апреля, вторник. Промахнулся и утром встал на час раньше. Сегодня у меня назначена встреча с русистами в Институте иностранной литературы Академии общественных наук Китая. Я догадываюсь, что это такое, недаром я сам заканчивал подобное учебное учреждение и отчетливо понимаю уровень и всей системы, и славистов. Как всегда, когда волнуюсь, я плохо сплю. Голова болит, но и обрадовался, что до завтрака есть еще полчасика. Опять принялся разглядывать "Масариков" Ольги Заровнятых. Дева она определенно талантливая, лишь бы та чернуха, которая принесет ей успех на дипломе, не заморочила голову: писать-де надо только в этом ключе.

Собрались на одиннадцатом этаже роскошного дома академии. Собрали, видимо, всех аспирантов. Что они там разобрали в моей довольно негладкой речи? Понимали меня, конечно, не все и не полно, но и мне было интересно, и минимум

трем присутствующим тоже. Описываю только их. Во-первых, сидящая напротив меня молодая женщина, доцент, Хоу Вэй-хун — для русских она привычно называет себя Люсей, — пишущая сейчас докторскую диссертацию на тему "Новейший русский реализм", задавала мне вопросы о реализме и модернизме. Спрашивала обстоятельно, дотошно, приводила имена и фамилии, которые я и подзабыл. Вспомнила даже статью Володи Бондаренко о новейшем реализме, где он упоминал Алексея Варламова, Олега Павлова и Юрия Козлова. Я сослался на главу в своей книге "Власть слова", выкручивался, как мог, но сложилось впечатление, что китайцы знают о российском литературном процессе, причем конкретно, со знанием текстов, лучше, чем я.

Второй человек, которого я обязательно хотел бы отметить, это очень пожилой профессор Чжан Цзе. Я уже не говорю о его почти безоговорочно полном русском языке — за столько-то лет язык можно и выучить, — но русскую литературу он, безусловно, знает и любит, а, чтобы так ее запомнить, читать нужно эмоционально. Выяснилось, что профессор помнит написанное мною значительно лучше меня: оказалось, переводили меня в Китае до перестройки больше, чем я предполагал. Вчера на ужине в Союзе писателей Саша подарил мне перевод "Стоящей в дверях". Сегодня, уже после встречи в академии, пришла ко мне в гостиницу Нина, принесла, глупышка, из "Народной литературы" чайный набор и, сообщив, что наткнулась недавно в журнале на "Производственный конфликт", удивленно спросила: "Ваша, что ли, Сергей Николаевич, повесть?"

Но вернусь в академию, здесь меня ждал еще сюрприз. Профессор Чжан Цзе знает и "Временителя", и "Соглядатая", но не читал "Казус". Здесь я, конечно, прокололся на наивной вере в то, что "Московский вестник" выходил в начале перестройки именно в том количестве экземпляров, которое было обозначено в выходных данных. Однако здесь же и сила инерции иностранцев, считающих, что только в "Новом мире" и "Знамени", как "прогрессистских" журналах, может быть напечатано самое интересное в литературе. В этом смысле, рассорившись как раз в период написания "Гувернера" и "Затмения Марса" с демократами, я крепко проиграл в общении с широким читателем. Такая нежность поднялась у меня в душе к этому старому профессору! Еще в юности взлетевший в область духа, он так до сих пор и не спустился на землю. Это тип ученого, который все читал, все знает по своей специальности — новейшей русской литературе. Что там я ему отвечал, не помню. Когда мы прощались, то обнялись, и впервые у меня мелькнула мысль, что оба мы уже в таком возрасте, что загадывать ничего нельзя.

И, наконец, заведующий кафедрой русской литературы профессор Ши Нань- чжэн. Худощавый, сдержанный, привычный для меня тип ученого-администратора. Он занимается литературой 80-х годов прошлого века, моими годами. Допрашивал меня о сорокалетних, к которым, по его мнению, я принадлежу. Я говорил о Маканине, как о лидере, о Саше Проханове.

На встрече, кажется, я был интересен, возникло несколько любопытных мыслей, буду надеяться, что кто-нибудь это записал. Со мной был Геннадий Геннадьевич, хорошо, что он был. О чем же я говорил? Да обо всем, о литературе, о Литинституте, о том, что мы плохо знаем современную китайскую литературу…

Вечером, я уже упомянул, была Нина, поговорили с ней о тайваньских студентах, которые интересуются русской литературой. С грустью простился и с нею.

И последнее: все время по телефону получаю грустные сведения. Умер писатель Аркадий Ваксберг. Помню, как в Париже он всем помогал, был доброжелателен, но, сославшись на расстройство желудка, не приехал на круглый стол "Литгазеты", в которой все же работал. Я понял, как понимал всегда, что "свои"-то ему были с другой стороны! Правда, на следующий день он уже снова светился на выставке и о чем-то, почти обнявшись, разговаривал с Сергеем Филатовым. Значит, было о чем поговорить. Я тогда еще подумал, что если он не заболел, а просто схоронился, то в этом возрасте шутить с приметами и мистическими силами нельзя. Несколькими днями раньше — писал ли я об этом? — умер внезапно Слава Дёгтев. Как хорошо я его помню, какие подавал надежды, какой замечательный был рассказчик! Наконец, как мне хотелось взять его работать в институт. Вчера по телефону Леня Колпаков сообщил, что умерла Майя Ганина. Месяц назад я договорился с Юрой Сбитневым, ее мужем, что летом к ним приеду. Еще раз подтвердилось, что ничего нельзя откладывать на завтра. Часто у меня так получается с тех пор, как не попрощался с Визбором…

27 апреля, среда. Все переживаю, что в самолете из Шанхая в Пекин забыл томик Пу Сен-линя, и сам томик библиотечный жаль, и, главное, своих в нем пометок. Проснулся немыслимо рано с ломотой в плечах. Вспомнил, как был удручен своим невероятно тяжелым чемоданом. Кстати, открыв его, уже в Москве, обнаружил, что, собственно, моих-то вещей там и нет. Книга В.В.Огиносова "Литература русского зарубежья" — полтора килограмма, три тома горьковской трилогии для нижегородского музея — полтора килограмма, горьковский однотомник — еще килограмм. Тяжеленный монумент (подарок для РАО) — три

килограмма. А дальше подарочная же (в будущем) мелочевка: чай в неисчислимом количестве, галстуки, выставочные пакетики с трусиками, носовые платки и уже только потом что-то мое.

Писал ли я, что ухватил дешевый, за 70 долларов, себе костюм. Воистину, Китай меня одевает. Купил и особое приспособление для чистки овощей.

Перелет прошел хорошо. В Пекинском аэропорту все тот же аэрофлотчик с глазами разбойника, но ситуация резко изменилась: нет "челноков" с необъятными мешками, поле для взяток и махинаций сузилось. Летели вместе с нами трое красоток-полячек, с обнаженными пупками, такие они раскованные, так рисовались, уж такие западные, что даже смешно. Лететь в бизнес-классе не то что лететь в эконом-классе, и вообще, хорошо лететь днем. Всю дорогу читал "Стилиста" Марининой. Она, конечно, и задачки ставит довольно любопытные, но, самое главное, в ней есть очень ясное жизненное и социальное наполнение — точен быт, хороши подробности, и она человек с сочувствующим сердцем. Когда я говорю, что люблю Бродского, на меня нападают одни писатели, теперь, когда скажу, что люблю Маринину, будут нападать все: Боже, ректор Литературного института читает эдакое!

Из аэропорта поехал сразу в институт: во-первых, меня волновало, как там обошлись с московским слетом молодых писателей, во-вторых — в этот день должен был состояться Клуб Рыжкова. На клубе посидел с 7 до 8. Я уже стал привыкать к этим людям, а собирают здесь всегда очень знающих. Первым выступал (имя рек) Филиппович Бобков, тот самый, знаменитый генерал армии. Он очень точно говорил о значении Победы как факторе, спасшем целый ряд народов Европы, в том числе прибалтов и поляков, от полного уничтожения, а русских — от запланированного рабства.

Со своим огромным чемоданом ввалился в квартиру около девяти вечера. На пороге, конечно, сидела собака, у которой традиционный ритуал встречи: сначала сунется мне в колени, потом вспомнит, что она обижена — ведь я уехал слишком надолго. Уйдет в комнату, посидит минут пять, пока я раздеваюсь, и выбежит, и тут уж у нас с ней начинаются взаимные ласки.

"Литературка" напечатала статью В.С. под названием "В дамском полку прибыло". В.С. начинает составлять мне на полосах этой газеты упорную конкуренцию. Впрочем, мы всегда с нею конкурировали. На этот раз всё, что я привез, ей понравилось и оказалось кстати.

28 апреля, четверг. Утром вместе с Сергеем Петровичем

ездили сдаваться ученому секретарю Педагогического университета. Уж я наслышан об этой решительной женщине. Зовут ее Людмила Васильевна, она милая, хорошо знающая свое дело, готовая пойти навстречу, но непреклонная, и это мне нравится. Я даже догадался теперь, откуда у Миши Стояновского такое четкое знание академической процедуры: всё отсюда, из Педагогического университета. В общем, день у меня оказался тяжелым. Прямо из педуниверситета — на Скарятинский переулок, где шло очередное заседание молодежного съезда.

Мне показалось, что многое тут идет как и в прошлом году, однако какие-то другие лица, возникают другие ощущения. Немного поговорили с ребятами. Хорошо выступал Гусев — но он всегда хорошо выступает, хотя это всегда экспромт, пронизанный информационными узлами. Да я всегда с удовольствием слушаю любого оратора — мне это интересно. Договорились, что свой семинар я проведу у нас в институте в пять часов. Особенно я не нервничал, так как накануне получил от С.П. рукописи с наказом: обязательно прочитать утром, что я и сделал, тем более что их всего три.

В три — ученый совет. На повестке дня один вопрос — А.В.Дъяченко и его театр, который на недостаточно законных основаниях, но тем не менее прижился в институте. Собственно, поводов, по которым я начал этот разговор, было два: прекратилась та общая интеллектуальная работа, которая раньше проводилась вокруг театра, а во-вторых, возник сам Толя с просьбой прибавить зарплату (забыв, что помещение — театр и две комнаты, где он, по сути, живет, часто ночуя — им не оплачивается). Прибавку мы ему дать не смогли. Еще меня смущает его семинар, на который он не любит пускать неприглашенных. Перед ученым советом позвонили из Московского комитета искусств — готовы, по моей просьбе, дать деньги на студенческий фестиваль. Но нет текстов, а о них мы договаривались с Толей раньше… Прошло заседание не то чтобы бурно, но, даже, я бы сказал, где-то смешно. Анатолий Владимирович говорил о том неописуемом вкладе, какой он внес в теорию театра, вещи банальные и общеизвестные, которые в этой аудитории говорить бы не следовало. Но я не торопился его прерывать — у меня было желание понаблюдать его самораскрытие, ведь здесь не научный диспут, а заседание ученого совета, которому достаточно собственного мнения, чтобы что-то решить. В общем, решение было для Толи неинтересное: отделить его преподавательские услуги от всех других и самое главное — отделить услуги от театра. И время поменялось, и те формы, в которых мы работали 5–8 лет тому назад, тоже

достаточно изменились. Интересно это мнение Е.Я., с которой я говорил позже. Ведь для меня ученый совет — это только 10 лет, а для нее — более 30-ти.

Кстати, о ней — вернее, о втором, дополненном, издании ее "Записок стенографистки", подредактированных привязанным к Литинституту Борей Тихоненко — мы с Колпаковым говорили недавно. Дай Бог, чтобы наши писатели так писали — ясно, спокойно, умели держать факт, не выходя за его художественные берега. Горький был абсолютно прав — в принципе, каждый может написать книгу о своей жизни, но здесь нужно еще одно: умение думать о своей жизни так, чтобы сочетать ее с другими, умение не громоздить ее на вершину всех обстоятельств, иначе получится неинтересно, а умудриться вписать все обстоятельства в свое повествование, ведь часто важно не то, чего ты стоишь сам, а то, что происходит вокруг. Пройдет лет 20–30, все станет спокойно, будет и литература и литературоведение, книжка Е.Я. станет библиографической редкостью, и абсолютно уверен, что цитировать и ссылаться на нее будут значительно больше, чем на Наташу Иванову.

В пять часов пришли трое молодых писателей, с которыми мы долго и хорошо поговорили. Самый профессиональный из них Дима Сахранов. Когда я начал его рукопись, то подумал, что это, наверное, типичная графомания — какие-то индейцы, Центральная Америка, а я хорошо ее знаю — и по литературе, и бывал там неоднократно. Но оказалось, что это свой взгляд и свой интерес — как Вальтер Скотт интересовался средними веками, так и этот парень интересуется индейцами, мексиканскими божествами, историей испанского завоевания. Это своеобразный взгляд, своеобразная литература. Другой — из Волгограда, пишет о войне. Это ведь феномен! Я сам тоже брался за военную тему, но все-таки я был ближе к войне по времени, когда написал свою первую повесть — "Живем только два раза". Был потом у меня еще и студент из Риги, написавший о "похоронной команде". Трудно сказать, почему молодые парни пишут о войне, но вот представляют то время, те отношения и пишут. Это интересно. Второго в Союз я пока не рекомендовал, оставил до следующего года. И третий перенек — Андрей Слизков из Нарофоминска. Он юрист, пишет какие-то прозаические поэмы. Здесь логическое выше образного, но иногда, среди назывных предложений, среди слов "Любовь" и "Надежда" (с большой буквы) вдруг возникают зрелые и точные абзацы. Я ему сказал: "Начни-ка, милок, с Монтеня, ибо, как в жизни незнание законов не освобождает от ответственности, так и в литературе нечтение иногда делает ее наивной и мелкой".

Поразительно, что мне понравились его стихи, вкрапленные внутри прозы, — обычно к этому приему я отношусь достаточно настороженно.

В семь приехал ленинградец Игорь Савкин, издатель знаменитой "Алатеи", привез целый список книг издательства. Внимательно всё просмотрю. Хорошо поговорили, поужинали в нашем кафе. Вспомнили Толю Ливри, кое-что Игорь мне о нем рассказал. До обратного поезда, который у него около полуночи, он еще куда-то после нашей встречи подался. Энергия у этого человека фантастическая.

В 10 приехал домой и, немедленно, как заметила В.С., заснул под грохот телевизора.

29 апреля, пятница. По почте получил странную переписку по поводу МСПС. За подписью Бондарева, председателя исполкома Арсения Ларионова и моей, пока я был в Китае, пришла такая телеграмма:

"Исполком МСПС поздравляет с юбилеем великой Победы. Будьте здоровы и счастливы. Извещаем Вас, что постоянно и настойчиво распространяемые группой Михалкова-Кузнецова-Бояринова-Ганичева утверждения об их принадлежности к руководству МСПС являются очередной беспрецедентной ложью. Образованная ими 23 февраля 2005 г. Ассоциация российских писательских союзов и организаций членом Международного сообщества писательских союзов не является. С искренним уважением — и проч. и проч."

Но тут же лежит еще один конверт, с кипой газетных публикаций и небольшим письмом Михалкова:

"Уважаемый Сергей Николаевич! Направляю газету "Российский писатель", в которой опубликованы материалы, раскрывающие суть происходящего в МСПС для ознакомления. С уважением, Сергей Михалков".

Читать все это я, естественно, не стал, суть обвинений ими друг друга мне неясна. Но есть еще один небольшой материальчик, с которым я, пожалуй, солидарен больше всего. В "Московском литераторе" напечатано маленькое заявление Гусева:

"Я считаю, что все, что мог, сделал для примирения С.В.Михалкова и Ю.В.Бондарева, живых классиков современной русской литературы. Всю эту борьбу считаю тяжелой и тяжким ударом по организации писателей. Что касается всяческих голосований, то я чаще всего был не ЗА и не ПРОТИВ и не ВОЗДЕРЖАЛСЯ, а просто не участвовал в голосовании. Прошу мою фамилию в будущем не склонять в связи со всеми этими неприличными разборками. В. Гусев. Апрель 2005 г."

Как было бы замечательно, если бы под этим стояла еще одна подпись: "С. Есин". Все происходит из-за того, что кто-то мечтает о кабинетах, о доходах, об аренде, кто-то долго будет воевать, а потом это продолжат другие люди, сидящие в этих кабинетах, а их сытые и умытые дети будут пользоваться уворованным у писателей. Еще не остыв от чтения "Кошачьего города", позволю напомнить себе кусочек разговора любознательного землянина с побывавшим за границей неглупым сыном туземного чиновника:

"— Это ваш собственный дом? — спросил я.

— Нет, одно из культурных учреждений; мы просто заняли его. Высокопоставленные люди могут захватывать учреждения. Не уверен, что этот обычай хорош, но мы по крайней мере содержим комнату в чистоте, иначе от культуры и следа бы не осталось. В общем, приспосабливаемся, как ты однажды сказал".

Да, вот так раньше были приспособленинцами, теперь приспособленцы-буржуа.

На закрытии молодежного съезда я рекомендовал принять Диму Сахранова в союз. Мы опять говорили о стихах того самого парня из Нарофоминска, Слизкова, которого я уже отметил именно за стихи в прозе.

Приехал домой в шесть и совершенно спонтанно, созвонившись с С.П., уехал с Долли в Ракитки, к нему на дачу, благо близко, минут сорок всего от Москвы. Вот она, другая жизнь вольного профессора: он все свое отчитал, кажется, еще в среду. Так чего же я горюю, у меня будет лишь один институтский день — во вторник! Чего я боюсь? Ну, денег станет меньше, ну возникнет некая пауза. Но ведь я ее сумею заполнить! У С.П. в его крошечном сарае ели грибной суп, потом по телевизору смотрели какой-то американский фильм. Все подобные фильмы у меня в сознании сливаются, создавая фон и мелкие импульсы для моих собственных мыслей. С.П. уступил мне свой диван, а сам спал на раскладушке. Обстановка напоминала время строительства моей дачи, когда тоже была теснота и одновременно молодость! Какое счастливое было время! Долли весело носится по весенней траве. На ночь она, естественно, не захотела лечь на какой-то подстилке на полу и переместилась ко мне на диван.

30 апреля, суббота — 2 мая, понедельник. Утром — в институт не ехать, потому что начались праздники — обошли весь массив участков. Некоторые владельцы умудрились на жалких шести сотках выстроить целые дворцы. Это все представления — по американскому кино — нашей молодой и некультурной буржуазии, как им следует жить. На самом деле все это, включая автоматически открывающиеся ворота,

монументальные ограды и замысловатые шпили, производит жалкое впечатление.

Все те же беспокойства у меня в душе: будущее, написанный роман, новая работа, которая задумана и не отступает, дневник, теперь еще диссертация, которая неотвратимо подвигается, а, кроме С.П., нет помощников. Он-то всегда по этому поводу молчал, а те, кто много говорили о своей помощи: "Да мы тебе по языку целую главу напишем", — потихонечку отошли в сторону. Я еду по старой железнодорожной колее в старом вагоне, и пейзажи по сторонам всё запущеннее и тревожнее.

Уже совершенно точно уходит Л.И. У него тоже понимание, что с новым ректором или на новом этапе жизнь его может усложниться. Возможно, это связано и с ощущением некоего рабочего плана, говорит, что хотел бы еще сочинить какой-нибудь словарь. Но, с другой стороны, только сидя на этом месте, где нет особых рабочих волнений — об этом, пожалуй, в форме косвенной благодарности он мне говорил, — смог он составить свой огромный лексикон. Я полагаю, что этому сопутствуют, как и творческой работе Александра Ивановича Горшкова по написанию учебников, еще и значительные деньги. Я их за двенадцать лет ректорства не заработал. У меня другие интересы и другой, более направленный на внешнее действие, характер. Одна, полагаю, из причин ухода Л.И. - нравственная. Он знает, что я сам, из гордости, и пальцем не двину, чтобы остаться, сделать что-либо для себя, а в этой ситуации все заинтересованные люди, вернее, те, которые хотели бы, чтобы я остался, ожидают, что именно он, мой старейший друг и влиятельнейший в науке человек, вместе с Гусевым и Александром Ивановичем, а быть может еще с М.В., которая, в свою очередь, может быть, тоже в тайне хотела бы стать ректором, пойдут хотя бы разведать ситуацию, к министру или к директору федерального агентства. Вот такие дела.

У меня есть, конечно, некоторое беспокойство за дальнейшую судьбу института, но уже не раз бывало, что он оставался без ректора. Со своими огромными связями и трудолюбием, В.К.Егоров внезапно ушел из института помощником президента. С огромными связями и четким, в отличие от меня, пониманием расстановки политических и литературных сил, ушел, также внезапно, Е.Ю.Сидоров в министры культуры, я уже не говорю о влиятельнейшем В.Ф.Пименове, который тоже внезапно ушел. И тем не менее институт, как некая субмарина с большим запасом плавучести, все же держится на поверхности и ныне. С особой очевидностью на собственном примере вижу, как несправедлива эта дискриминация по возрасту. Интуицией, раскладом жизни,

который мне сопутствует, знаю, что я, даст Бог, не пропаду, хуже будет институту. Прекратит действовать импульс, который я ему придал, и окажутся неосуществленными многие планы, которые теперь уже вряд ли реализуются. Надо будет ожидать естественного хода событий: разрушения усадьбы, затухания всего дела. Самое главное, закончится поступательная инерция дел.

Все эти майские праздники был еще и под давлением того, что мне делать с Володей Никитиным. Писал ли я о том, что заочник Конвацкий лежит, как человек с суицидальной тенденцией, в Склифе, в том знаменитом подвале, который мне знаком? Он довольно серьезно порезал руки, дай Бог, чтобы всё обошлось, и не оказался бы затронутым нерв. Конвацкий человек очень честолюбивый, с претензиями, которые, на мой взгляд, превышают его возможности. У нас подобных ребят много, но они постепенно адаптируются к своему положению. Неделю назад или чуть больше — я писал — Конвацкий оказался замешанным в пьянке на заочке. И пьянство, кстати, именно отсюда же, от собственной недостаточности. В обоих случаях ассистировал Конвацкому мой студент Володя Никитин. Это тот же, по сути, тип: претензии, ложное избранничество, стремление жить богемной жизнью. Володя еще "крутун". Каким-то образом он всё время избегает обсуждаться с написанным. Мысль его ясна: хочет всех удивить, сделать сразу "шедевр", но шедевра и удивления не получается.

Еще в пятницу или в четверг я прочел его сочинение "Соляной столб". Меня ребята предупредили, что читается довольно трудно. На первой странице — хотя и манерной, но понятной, представляющей нити завязки — мне показалось, что текст все же состоялся. Тем не менее кто главный герой, конфликт, расстановка сил — всё смутно, все как бы за зеленым бутылочным стеклом. За праздники перечитывал два раза: ясности не наступило. Мне бы характер А.К.Рекемчука, и тогда Володя Никитин уже после второго курса искал бы себе новый институт. Я все на что-то надеюсь. Порочность нашей институтской системы, действующей в соответствии с законом, в том, что мы берем школьников без опыта. Пройти бы Володе дедовщину, курс молодого бойца или стройбат — сразу бы писать начал без реминисценций от Достоевского и Набокова. И про сержанта, а не про тонкие отношения между матерью, сыном, врачом-психиатром, и любовником матери.

Всю субботу, вернувшись довольно рано из Ракиток, занимался библиографией своей диссертации, дело это муторное требует внимания, а у меня, естественно, почти ничего нет из

того, что я опубликовал по теме. В субботу, пока я возился с компьютером, Витя доблестно получил номер на мотоцикл и совершил другой подвиг — приехал на нем в Обнинск. В.С. пока сюда не ездит, но понимает, что дачу надо "запускать", приводить в порядок. Пока она собирается 14 мая поехать на две недели в Матвеевское. Это все, что она может себе позволить.

В воскресенье посадил свеклу, морковь и снова лук, петрушку, укроп. Семена которые я высадил еще до Китая, не взошли.

Наконец-то выспался. В московской квартире, когда с четырех сторон тебя окружают телевизоры, холодильники, музыкальные центры, а за окном еще рыдают, кичась своей противоугонной сигнализацией, автомашины, спать совершенно невозможно. Долго делал гимнастику, так же долго занимался английским. Читал ли я что-нибудь?

В понедельник утром уже было холодно. Витя стоически доделывает теплицу, решили, что из-за мелкого дождя он в Москву на мотоцикле не поедет. Сделал зарядку, опять занимался английским.

В Москве, как всегда, телевизор.

3 мая, вторник. Приехал на работу рано: нужно кое-что уточнить по диссертации, и знаю, что снова найду кучу текущих дел. Хотел еще надиктовать Екатерине Яковлевне, но тут узнал, что на зарубежной кафедре до семинара отмечают Пасху и день рождения Инны Люциановны. О ее возрасте я умалчиваю, но ее бодрость и энергия внушают желание надеяться и действовать. Компания была, кроме С.П., исключительно женская, но мне крайне приятная. И.Л., Е.Я., Л.М. и Маша Зоркая с Надеждой Васильевной и Светланой Кочериной. От последней я узнал через Н.В. о некоторых странностях в отношениях студентов с Толей Дьяченко. Видимо, неблаговидные слухи о нем оправдываются. Это не самый любимый мною тип богемы: жестокий, себялюбивый, злоязыкий, все время живущий по принципу пофигизма: "сгодится, сойдет!" Ну да ладно, это для института отжито, и дело только в том, как скоро мы с ним окончательно расстанемся.

Посидели с малым вином — я, по обыкновению, не пил — очень славно. Из совсем забытой гастрономии была пасха (В.Я.) и печеночный паштет (Н.В.). Забытый вкус детства. Я подарил И.Л. бронзовую сову — это символ ее долголетия и мудрости, которой у нее не отнимешь.

Потом состоялся семинар с обсуждением неясной, претенциозной и непроработанной повести Володи Никитина. Всё шло довольно медленно, хотя Володя и привел с собой значительную группу поддержки, но явно колеблющуюся. Поддержали его лишь Никита Жильцов, которому надо было наладить со мною отношения, и Юра Глазов — такой же холодный, графоманистый и конструирующий автор. Семинар же отнесся к работе со скрытой враждебностью. "Устного" Володю любили за эрудицию, за легкое пьянство, за обаяние. Все готовы были хвалить его за детали, за; отдельные эпизоды, но никто не смог разобраться во взаимоотношениях героев повести. Точнее всех высказался сначала Игорь Каверин, сославшись на аналогию послойной записи современной джазовой музыки, — нет драйва, а потом и Майя Новик, студентка-заочница из Иркутска, — об отсутствии силы, мужской мощи в этом заковыристом письме.

Володя, которому я бы симпатизировал, если бы не его неимоверные амбиции, довольно типичный случай в литературе, когда рациональное понимание секретов и особенностей прозы не подкреплено настоящим духовным началом. Всем этим умненьким мальчикам кажется, что стать писателем это так близко и так доступно! Мне думается, что следующий подобный тип — это Шадаева, хотя она и написала очень неплохой этюд.

На выставочной доске прессы у нас все время появляются статьи М.Чудаковой — она насмерть бьется со Сталиным. Пишет ли она о чем-либо еще?

"В преддверии Дня Победы в центре общественного внимания оказалась проблема возрождения культа личности Сталина и установки памятника ему во многих городах Российской Федерации. Характерно, что происходит это именно накануне праздника 9 мая". Это, так сказать, зачин статьи в "Московских новостях", из которого становится ясно, что явление не единичное, что общественное мнение полагает возведение этого памятника, в силу своего понимания исторической справедливости и, возможно, в силу своего протестного видения сегодняшнего дня, необходимым. По крайней мере желательным.

В следующем абзаце М.О.Чудакова утверждает: "Советская сталинская система требовала не жалеть солдат — недаром до сих пор спорят 7–8 или 11–12 наших убитых приходится на одного убитого в армии противника. Так что есть что изучать — вместо того чтобы обсуждать вопрос о памятниках Сталину". Первую половину этого утверждения, особенно словечко "требовала", я целиком оставляю на совести автора. Я-то помню, как снимали военачальников за вот эти необдуманные решения. Как в советское время, когда я служил, разжаловали командиров и отдавали под трибунал за гибель даже одного человека. Но существовала историческая необходимость, особенно когда шла речь о противоборстве с противником, технически во много раз превосходящим наши возможности, которого снабжала в начале войны практически вся Европа. Речь шла о сохранении жизни нации, в том числе той же М.О. В конце концов слабый Давид вышел же против Голиафа. Давайте теперь попросим извинение за партизанскую войну, за бутылки с горючей смесью, давайте забудем о гибели на виселице Зои Космодедмьянской, о наших молодогвардейцах, сброшенных живыми в шахту. Есть ситуации, когда народ даже без оружия должен идти против врага. Сталин был главным нашим в то время оружием. Это было не время 37-го года, это было время войны. Есть минуты, когда нация умеет многое забывать во имя своего спасения. Сумела ли бы в то время объединить нас и повести к победе М.О. или писатель Войнович, или А.Смирнов, чей отец написал "Брестскую крепость"?

Дальше в статье идет пассаж, совершенно фантастический для человека, как будто бы преданного идее демократии, то есть правоты решения большинства. "Этот вопрос мы просто обязаны сделать необсуждаемым. Большинством голосов такие вопросы не решаются". Какие? "За последние дни мне несколько раз пришлось говорить о том, что, на мой взгляд, должно быть в

нашем обществе минимальным условием решения любых властей о памятниках крупным деятелям. Повторяю это условие: памятник не должен быть навязан тем, кто иначе относится к данному историческому лицу, чем его почитатели". А мне может быть навязана мемориальная доска Сахарова, человека, с чьей помощью у нас в стране был запущен атомный конвейер! Спросил ли кто-нибудь меня об этом? И почему мне навязали доску Анатолия Рыбакова в то время, когда нет доски Долматовского?

Одни либералы идут в ногу. "Увы, президент этого не понимает или не чувствует. В первых же фразах его послания Федеральному собранию — ключ ко многому из происходящего сегодня: "Прежде всего следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века"". Естественно, у автора статьи другая точка зрения: мол, геополитической катастрофой были Советы. Я-то думаю, что и тогда была катастрофа, и теперь катастрофа, но без прошлой катастрофы многое в России никогда бы не произошло. Ни космоса, ни Сахарова, ни Эмиля Гилельса, ни Леонида Когана.

Вечером по телевидению рассказали о новой бюрократической сенсации: в Швейцарии, по требованию американских властей, задержали бывшего министра нашей атомной промышленности, Евгения Адамова. Я помню этого амбициозного человека еще с того времени, когда он проколачивал ввоз мировых радиоактивных отходов на территорию России. Теперь американцы обвиняют его в том, что 9 или 10 миллионов долларов, выделенных ими на совершенствование системы безопасности в нашей атомной промышленности, ушли по адресам зарубежных фирм, которые курировал этот министр. Всё началось с проверки счетов его дочери, проживающей в Берне. Воистину, вера у меня только в американское правосудие, ибо понимаю, что наше все постарается спустить на тормозах, чтобы не позорить отечество, как это имело место в случае с Бородиным. Но мы-то чувствовали всегда, что он за человек. Уже вчера по телевидению говорили о швейцарских ошибках, в частности некий Михась, бывший в свое время также героем телевизионных передач, которому швейцарское правительство выплатило в качестве компенсации полмиллиона долларов, теперь уже не может выехать за границу, ему не дают визы. Также и Кобзон никуда не выезжает, думаю, что и Адамов никуда не сможет теперь поехать. Видимо, и в других государствах на бюрократических небесах действует та же система: по закону-то вы, голубчик, вроде бы не виноваты, как адвокаты доказали, но мы-то знаем, что и почему, и потому визу в нашу страну, где и своих жуликов хватает, все-таки не дадим. И

на фоне этих событий заявление Путина о нецелесообразности снижения сроков давности по незаконной приватизации, то есть стремление во что бы то ни стало узаконить её, не вполне корректно по отношению к беднейшей части населения России.

Телевидение много говорит о праздновании 60-летия Победы, просто завалили этими разговорами. В то же время так мало осталось у нас ветеранов, а мы даем им… по тысяче рублей. Академик Николаев рассказывал, что ему выделили от Литфонда тысячу рублей, и я себе представил, как надо проехать за ней через всю Москву, а потом еще высидеть в ветеранской очереди, чтобы эти деньги получить. Свистнул бы мне Литфонд прислать человек 30 студентов, дать бы им каждому в зубы по конверту с деньгами — и вези на дом ветеранам. Мы открываем памятники, строим на этом государственную идею, чествуем ветеранов, а через две недели после празднования всё будет позабыто. Такова наша обычная жизнь.

Вечером отвозил диссертацию Петру Алексеевичу Николаеву, он договорился на кафедре, может быть, даже составит сам отзыв. По своей обычной привычке не дремать я, слушая его, подумал: был бы молодым, обязательно сделал книжку с его рассказами, ведь он, наверное, один из лучших устных рассказчиков, у него память, которой я не обладаю, и бесконечное желание всем поделиться. Я даже выделил три куска, которые считаю необходимым записать.

Первое. О той речи на заседании Академии, которую он подготовил, но не произнес, так как ослабел, лежал недавно в больнице, еле выкарабкался, домашние его (в частности Алла, милая молодая женщина, ухаживающая за ним) его отговорили, и слава Богу. Началось с того, что он вспомнил один из вопросов, адресованных Винокурову на пресс-конференции в Брюсселе. Почему, дескать, поэт не владеет английским языком? (Я, конечно, в этот момент сделал стойку.) И Винокуров под аплодисменты ответил, что это особая и счастливая привилегия поэта — многого не знать. Собственно, на этом не знать Николаев и предполагал построить свою речь. Необязательно знать те разговоры между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, которые недавно опубликованы, где Сталин сказал, что русским народом довольно легко управлять и господам не надо преувеличивать его личной роли в победе. Не надо знать и иных сложностей нашей истории, в том числе некоторых жестких поворотов ее. Николаев очень хорошо и убедительно говорил об этом. Я не посчитал необходимым все это записывать — не стенограф же я, в конце концов. Вот об этом — не знать, по крайней мере кое-что не доносить до аудитории — Николаев хотел поговорить даже с

историками, обратиться к ним с таким предложением. Я понимаю, что это довольно смело. А что по этому поводу сказали бы наши демократы?

Вторая история связана с Солженицыным и Залыгиным. Николаев рассказал, как Залыгин кричал на Горбачева, когда тот отказался дать разрешение на публикацию произведений Солженицына: дескать, мы доведем до сведения мировой общественности вашу точку зрения! Как отметил ироник Лао Шэ, "на свете нет ничего противнее ответственности", и хитроумный Горбачев делегировал решение вопроса секретариату Союза писателей СССР. Риск был ничтожен, поскольку генсек хорошо знал этих рыцарей сиятельной кормушки. Но первым на секретариате встал С.В.Михалков и, привычно заикаясь, сказал: "Я единственный из пээприсутствующих, кто голосовал тогда за исключение Солженицына из Союза пээписателей, а сейчас я за то, чтобы пээпечатать его пээпроизведения".

И третий эпизод. Он тоже каким-то образом связан с войной и немцами, и Николаев рассказывает его, видимо, со слов С.П.Залыгина. Когда началась Первая мировая война, Николай II собрал 40 или 50 тысяч немцев и сделал из них несколько дивизий, которые послал на фронт. Воевали они хорошо. Во время Второй мировой войны Сталин тоже собрал немцев и… вывез их в Сибирь. Залыгин рассказывал, как на Иртыше топили баржи с этими несчастными людьми.

Домой приехал около 11, вероятно буду плохо спать, после разговоров с Петром Алексеевичем у меня всегда бессонная ночь.

Вечером звонила Наталья Дмитриевна Дементьева, вечный ходатай за всех. Я чрезвычайно люблю ее за эту черту. Умерла вдова Даниила Андреева, сына писателя Леонида Андреева и автора книги "Роза мира", не изданной при его жизни, но захватившей внимание многих с 90-х годов прошлого века. Она уже давно ослепла, но тем не менее подписывала письма в инстанции, хлопоча поставить на здании Литинститута мемориальную доску своему мужу, окончившему здесь в 20-х годах первые Высшие гослитКурсы. Боря Тихоненко, подготовивший к изданию Справочник выпускников, считает эти Гослитkурсы, как и предшествующий им Высший литературно-художественный институт, созданный в 1921 году Валерием Брюсовым, предтечами нашего института. Это удлинило бы его родословную более чем на десятилетие, и в 2006-м мы могли бы отметить уже 85 лет от начала воспитания литературных кадров в Доме Герцена.

5 мая, четверг. Последние дни писал письма — Гале Ахматовой, которая пишет мне значительно чаще, чем я ей, а я

скорее отписываюсь; Т.В.Дорониной, по поводу передачи радио "Маяк", слышанной мною в машине. У современных средств массовой информации с их интерактивными опросами и обратной связью порой бывают промашки: критики восхваляют одно, а слушателям нравится другое. Так и тут. Слышал восторженный отзыв радиослушательницы по поводу спектакля во МХАТе, игры самой Дорониной — и написал ей об этом. Написал также письмо в Китай, подготовил книжки для отсылки, но наша бюрократическая машина, включая и институтскую, прокручивается так медленно, работа воспринимается не как заканчиваемый в какой-то срок творческий акт, а как некая лента скучных дел, которые длятся бесконечно. Написал также поздравление в Гатчину — у кинотеатра юбилей, который почти совпадает с Днем Победы, разница лет в пять. Написал письмо в Китай, в издательство "Народная литература", шолоховские дни надвигаются, и мы, наверное, их пригласить и всё организовать не успеем.

Потом вместе с Максимом поехали на Новодевичье кладбище на похороны Аллы Александровны Андреевой. У нас со стороны двора висит мемориальная доска, посвященная памяти Даниила Андреева. Я помню, как я, не соглашавшийся на разные мемориальные доски, сразу же сдался, увидев эту замечательной интеллигентности женщину, физически, при полной почти слепоте, беспомощную, с кучей петиций в подрагивающей руке. Если интеллигентность — аристократия бедных, то я такую интеллигентность принимаю. Смерть А.А.Андреевой была трагической — в квартире что-то замкнуло, загорелось, она пыталась подползти к двери, чтобы уйти от пожара… И представить себе невероятно ужас старого слепого человека!

Итак, повод очень грустный, но приехали немножко рано. За 15–20 минут мы с Максимом обошли большую часть нового отсека Новодевичьего. Здесь лежат люди, хорошо мне знакомые, их жизни составляют часть моего духовного существования. В юности здесь все было для меня легендой — Гоголь, Станиславский, Собинов, Аллилуева… Теперь лежат хорошие знакомые: Ладынина, Лучко, другие. Вот она, наша подлинная история. Поразило большое количество не по чину монументальных, огромных памятников — в этом есть даже какая-то нескромность, казалось, даже со стороны самих покойников, их родни и той группы людей, которые эти памятники воздвигали. Огромный бронзовый памятник, например, поставлен Борису Брунову — ничего подобного нет ни у Маяковского, ни у Москвина, ни у Чехова. Мы попали на кладбище в дни, когда только что прошли какие-то юбилейные

передачи об Улановой. Как хорошо сделан ей памятник, хотя и крупный, но такой живой! Могила, куда захоронили А.А.Андрееву, в самом конце кладбища, у стены. Здесь кладбищенская тишина, но в этой специфической тишине раздаются чирканье троллейбусных дуг по проводам — это уже из той жизни. Я заглянул в могилу (а это делать опасно) и увидел глубокое, просторное, тянущее к себе пространство.

Наконец, появилась процессия во главе с батюшкой, здесь же, у могилы, отпели усопшую. Было человек сто, лица все смутно знакомые, определенно знакомый только Андрей Битов. Отпевание каким-то образом на меня подействовало. Все очень тяжело, видимо, переживал Максим, он поклонник "Розы мира". Когда служба закончилась, он положил на могилу две розы, красную и белую. У покойной, оказывается, была книга воспоминаний. Я уже давно примериваюсь написать о писательских женах — может быть, прочту книгу Андреевой и напишу обо всех известных мне женах писателей.

6 мая, пятница. Довольно долго говорил с Левой о китайской литературе, а потом, как ни странно, разговор соскользнул на преподавание нашей. У меня уже давно возникла мысль, что наша школьная, да и университетская программа, с ее поверхностным обучением вроде бы всему, это профанация и самого прекрасного, выраженного в слове, и основ педагогики, главная задача которой снабдить определенными навыками молодого человека, соединить его с сегодняшним днем. Мы же, позволяя нашим честолюбивым преподавателям говорить о чем угодно, снабжаем учащихся лишь кучей литературных анекдотов. И в жизнь им идти не с чем. Я считаю, что надо заканчивать эти "разговоры обо всем". Из огромного корпуса русской литературы надо выделить шесть-десять главных произведений и внимательнейшим образом их изучать, медленно с отрывками наизусть, со знанием текста и персонажей. Я готов обозначить этих основных авторов. Бесспорны здесь "Слово о полку Игореве", Ломоносов, наш многосторонний гений, Пушкин, проза Лермонтова, из которой родилась вся русская проза, Достоевский, Толстой, Некрасов, Шолохов. Серебряный век, обэриуты, модернизм, жвачка сегодняшней литературы — все это пусть ищут, если имеют к этому склонность, и изучают сами. Подобный список литературы способен интегрировать и сплотить нацию. Молодой человек будет вооружен не только общей духовной концепцией, которая всегда была у интеллигенции, но и целым рядом речений, образов, моделей поведения. Опять прибегаю к помощи остроглазого Лао Шэ, который будто бы цитирует туземца Кошачьего города:

"…чем вызван крах нашей системы образования? Думаю, что утратой нравственного начала. Едва новые науки появились у нас, как их стали использовать только для наживы, для создания всяких ценных безделушек, а не для познания истин, которые можно передать потомкам. Это подорвало главнейшую основу воспитания — обязанность наставников формировать личность, развивать способность к самостоятельному мышлению… Принципиальности не было ни у императора, ни у политиков, ни у народа — естественно, что страна обеднела, а в стране, где даже едят не досыта, люди еще больше теряют человеческий облик. Но это не оправдывает воспитателей. Они должны были понимать, что страну можно спасти только знаниями и высокой нравственностью… Возможно, я предъявляю к ним чрезмерные требования. Все люди боятся голодной смерти — от проститутки до преподавателя; я, пожалуй, не имею права упрекать их. Однако есть ведь женщины, которые готовы умереть, но не торговать собой. Так почему же мои соотечественники, занимающиеся воспитанием, не могли стиснуть зубы и сохранить в себе хоть каплю человеческого достоинства?"

Кстати, если взять опыт нынешнего Китая, то там школьники читают четыре романа, каждый из которых объемом с "Тихий Дон". А не написать ли мне об этом статью?

Начал перечитывать статью Марселя Пруста "Против Сент-Бёва". Опять река, немыслимая свобода, опять воспоминания о кладбище, где он похоронен, и те же мысли: как такой огромный мир поместился под небольшой могильной плитой? Цитаты.

Вечером по телевидению сообщили еще одну новость о бывшем министре Адамове. В свое время он, оказывается, организовал в Америке, в Питсбурге, некую фирму, которая должна была закупать оборудование для института, коим Адамов тогда руководил. Все очень знакомо, кажется, и бывший министр путей сообщения с сыном тоже образовывали нечто подобное, покупая вроде бы в Японии рельсы. Жаль, что они эту фирму создали не в Америке, тогда, смотришь, и до них бы добрались. Так вот, министр Адамов попутно приобрел в Питсбурге дом за 200 тысяч долларов. Талантливо, что здесь скажешь!

7 мая, суббота. Еще в пятницу посылал Толика купить рассаду: 25 кустов помидоров и 15 — огурцов. Утром же с трудолюбивым и упорным, как муравей, Витей все посадили, полили, теперь ждем урожая. Ездил через шоссе за водой на родник, есть проект возить чистую воду в Москву. От былой уверенности в чистоте и качестве продуктов не осталась и следа, теперь приходится все проверять и следить самому. Большое удовольствие получил, помогая Вите менять чехлы на цепь у

мотоцикла. Это мне напомнило мою полудетскую возню с велосипедом сразу после войны. Был один постыдный эпизод: я отрезал от хлебного пайка немножко больше, чем наказывала мама, и продавал это у хлебного ларька на Спиридоновке — копил деньги на велосипедную шину. Какое интересное было время, какие были ожидания, жизнь была впереди!

Полдня просидел, еще раз вычитывая реферат. Неужели все это осуществится? В том, что нового, а может быть, и новейшего материала я набрал и на кандидатскую диссертацию, и на докторскую, у меня не вызывает сомнения, материала даже слишком много, заковыка может возникнуть только из-за более чем раскованного, по сравнению с академическим, стиля. Но здесь меня должен спасти все тот же Пруст и его претендующая на общепринятую научность работа против Сент-Бёва.

8 мая, воскресенье. Дочитывал М.Пруста. Впечатление совершенно новое, автор бесконечен, и с каждым годом я нахожу здесь новые тона. Здесь уже не приходится говорить, насколько это моя литература и мой взгляд на литературу, но как это агрессивно по отношению к сегодняшней постной российской литературе. Естественно, опять отчеркнул много цитат. Самое здесь главное, конечно, борьба с мертвящим, с тем, чем отмечена и сегодняшняя критика и сегодняшняя псевдо-литература, являющаяся на самом деле всего лишь маскирующейся журналистикой. Тем не менее есть в статье места, буквально вызывающие слезы. А не похож ли здесь я сам со своими учениками и хозяйственной деятельностью на Сент-Бёва?

"В течение десяти лет все, что могло быть припасено для друзей, для самого себя, для долго вынашиваемого произведения, которое он, конечно, никогда бы не написал, облекалось в слова и бесперебойно фонтанировало из него. Те кладовые, где мы храним драгоценнейшие мысли: и ту, из которой должен выкристаллизоваться роман, и другую, которую можно развернуть в поэтический образ, и третью, чью красоту однажды ощутил, — раскрывались им при чтении книги, по поводу которой нужно было высказаться, и он лихо раздаривал самое прекрасное — жертвовал лучшим".

Вечером — дача воистину счастливая зона вне проклинаемого писателем телевидения — прекрасно провели время в бане. Натопили ее до 90 градусов. Как хорошо, что хоть в какой-то области быт отлажен. Бойлер с горячей водой поставили в середине прошлого лета, и оставалось только подключить его к холодной воде. То же и с насосом, который также был куплен раньше. Я с тоской думаю о том, что всего этого изобилия бытовой техники, которая так облегчает жизнь, могло бы и не

быть, если бы не поменялось время. Ребята из ЦК заботились, может быть, о главном: о шести сотках, о низкой цене на молоко и на жилплощадь, — но о видеомагнитофоне, ультракоротковолновой печке для подогрева пищи, бойлере для бани они, жившие в окружении среднего мещанского достатка, и не ведали. Я вспомнил крошечную деревянную дачку одного из бывших членов политбюро, затерявшуюся среди огромных дворцов современных воротил жизни, которую видел, когда ездил в гости и на экскурсию в новую жизнь на Рублевское шоссе к Александру Потемкину.

К бане купили за 50 рублей эвкалиптовый веник на обнинском рынке. Ездили туда утром. Другие лица, другой, чем в Москве, темп речи, наконец другие, более низкие, цены. Кстати, решил каждый раз, когда придется ездить сюда на рынок, то в соседнем магазинчике, где продаются электротовары, буду покупать электрическую лампочку повышенного электросберегающего свойства. Пока купил три в прихожую. Электроэнергия — слава Чубайсу! — так стремительно дорожает, что надо экономить везде, чтобы по утрам пользоваться теплой водой.

9 мая, понедельник. Уже в девять часов уткнулся в телевизор. В Москве накрапывает дождь. Путин вместе с супругой — как я не люблю этого отвратительного официально-мещанского лицемерия, когда жен называют супругами, может быть современных демократических деятелей это приближает к осознанию себя владетельными особами? — итак, Путин и его жена Людмила под зонтом, который магически убирался, когда дождичек делал паузы, принимали высоких гостей, президентов и премьер-министров, у 14-го корпуса Кремля (кажется, это бывшее здание Сената, а может быть, то, что при Сталине построено на месте Чудова монастыря?). Гости подъезжали на лимузинах к началу корпуса, еще на площади, и по ковровой дорожке шли по направлению к Спасской башне, к нашему Вовану. Он и его жена — которая, помним, попала впросак со шляпкой на приеме у английской королевы — тут держались с большим достоинством. Я впервые понял, что не зря мы затеяли такое сверхдорогое мероприятие с Днем Победы. Все это немало способствует возвеличению нашей державы. Во всем этом был и другой смысл: показать, что страна как бы вынырнула из хаоса "перестройки". И, в целом, это удалось. Даже те, кто, казалось бы, не жаждали ехать в Москву, в силу обстоятельств были вынуждены это сделать. Зачем же давать дорогостоящий спектакль для малого числа зрителей?

Красная площадь декорирована в духе времени: орден

Победы на здании Исторического музея и декоративная стенка, закрывающая спереди Мавзолей В.И.Ленина. Он к этой победе никакого отношения не имеет. Так сказать, щадили деликатность гостей. Приехал, кстати, бывший король Румынии Михай, один из кавалеров ордена Победы. Впереди на синих креслах сидели Путин в центре, Ширак и Буш — по бокам. Так сказать, была представлена новая, как некоторым видится, Большая тройка. Боюсь, что это не совсем так. Вчера, когда показывали прибытие глав правительств и мировых лидеров в Москву, мельком сообщили, что глава Китая прибыл на таком большом авиалайнере, что во Внукове не нашлось подходящего трапа. Сопоставление, навеянное и моими последними поездками в Китай.

В своей речи Путин не упомянул ни имени Сталина, ни имени основателя нового государства Ленина. Между прочим, вопреки политическим соображениям В.В. и мнению М.О.Чудаковой, кажется, в Якутске — передавало вчера телевидение — установили памятник Сталину. У народа своя точка зрения и на жертвы, и на историю. Речь свою Путин произнес, вернее прочитал очень хорошо, он самый лучший из всех лидеров последнего периода в смысле ясного и выразительного чтения речей.

Воистину, кроме гуманитарной причины был повод собирать народ: парад прошел идеально, я бы даже сказал, как при Сталине. Я бы даже сказал, что подобной воинской выправке мог бы позавидовать и сам Фридрих Прусский.

И у ветеранов, которые ехали в автомобилях, и у ветеранов, которые сидели на трибунах, на глазах стояли слезы. Это понятно: им вспоминалось не только величие свершенного, но и их молодость в то время. В детстве я завидовал не столько тому, что они воевали, сколько тому, что прошагали через такие замечательные иноземные страны. Путешествовать было уделом Молотова и Литвинова, сам Сталин сидел сиднем в Кремле. Мог ли я тогда предположить, что увижу и Берлин, и Париж, и Нью-Йорк? Ветераны плакали, я думаю, что те, кого провезли по Красной площади на довоенных полуторках, не считали, что их использовали как статистов. Ведь не каждому довелось по главной, притом пешеходной, площади страны не пройти, а проехать. Но почему одни на трибунах, а другие — на машинах? Одни зрители, другие по-прежнему гладиаторы. Упомянули все-таки имя генерала Варенникова, знаменосца Победы в 45-м, но не показали его крупно. Вот и опять свидетельство, что не умеем мы или не хотим — зависть, боюсь, русская черта — создавать мифы о своих героях. Мельком, на трибуне, но крупно показали

Ельцина. Он выглядит радостным душевнобольным, которому пообещали конфетку. Иногда во время трансляции — вели ее двое молодых дикторов и Анна Шатилова и Игорь Кириллов, две советские легенды, которых в свое время поторопились убрать, дабы и своим видом не напоминали об ушедшей эпохе — рассказывали о судьбе того или иного ветерана, звучало это фантастично! В связи с этим вспомнились слова Новодворской: каждому бы воевавшему единовременно по пять тысяч долларов и ежемесячно — по пятьсот. По себе знаю, как трудно доживать, не зная, на какие деньги тебя похоронят

По случаю праздника мой сосед по даче Володя, преподаватель фарси в каком-то военном институте или университете, поднял над своим домиком военно-морской флаг. Он же, между прочим, рассказал, что сегодня включил телевизор с семи утра: поздравляли ветеранов и говорили ветераны. Отчего-то, заметил Володя, почти все ветераны были определенного качества. Ну, может быть, это связано с особой их активностью или живучестью? На это я ответил следующее: в силу ряда обстоятельств наши средства массовой информации почему-то яро доказывают нам совершенно известное: и об активном участии этого народа в войне, и об его исключительной храбрости, известной, впрочем, с библейских времен. Для меня это вне всяких сомнений. Шейлок — это уже обстоятельства жизни в ином времени, которые не отменяют, судя по восстанию в Варшавском гетто, природных качеств. Особенно телевидение проявляет картинную сверхлояльность, обратная сторона которой — ненужная реакция русских зрителей. Этим отличался и показ встречи в Художественном театре, и президента в Израиле, и каких-то вручений в Америке.

10 мая, вторник. Тороплюсь записать вчерашнее впечатление от замечательного концерта, состоявшегося на Красной площади. Это монументально, художественно заострено, невероятно трудно по исполнению. Думаю, что актеров было задействовано не меньше, чем зрителей. Среди актеров, певших песни военного времени, оказалась даже Патрисия Каас. Ее номер и как она покидала Красную площадь на военном джипе с флагом Франции — это художественный апофеоз спектакля. Почти не было наших исполнителей, скомпрометированных эстрадой. Вообще, вчера был странный день: многие из нас вдруг снова почувствовали себя гражданами великой державы, какой Россия уже вряд ли является. Какое родилось вдохновенье, какая гордость за страну и себя!

Довольно рано покинул дачу, потому что решил заехать в Ракитки и посадить там сливы, которые выкопали у соседа. По

дороге слушали, как всегда, радио. Это была так полюбившаяся мне передача Гриши Заславского "Культурный вопрос — культурный ответ". Возможно, я ошибся в знаке между двумя понятиями в названии передачи. Сначала шла беседа с неким молодым оперным режиссером, Александром Панкратовым (?). Он экспериментирует в этом искусстве, а мне понравились два его "консервативных" соображения. Первое: сто или сто пятьдесят лет назад все оперные композиторы были современными, а вот теперь пришло время во что бы то ни стало хранить традицию. Второе: современная опера — это современная опера, но зачем Некрошюсу, который эту оперу поставил (речь шла о "Детях Розенталя" в Большом театре), быть таким русофобом? Я просто ахнул от такого попадания в цель. Это основное, чем нынче занимается современное модернистское искусство.

После передачи пошли последние известия о триумфе Буша в Грузии. Некоторые демонстранты, собравшиеся на площади Свободы в Тбилиси, чтобы послушать американского президента, несли плакатики "Буш, помоги Грузии". Да что же это за гордая нация: то просят царя-батюшку взять их под свою опеку, то американского президента принять их в НАТО!

Когда "новости" кончились, Гриша Заславский начал интерактивный опрос слушателей о прошедшем Дне Победы. Большинству, как и мне, все понравилось. Возражала лишь дама, которая живет возле Поклонной горы, — участники тамошней манифестации устроили во дворе ее дома туалет и помойку. А потом в разговор вступила женщина, которая смотрела весь телеконцерт с Красной площади в большой компании, человек из двадцати. Им очень понравилось, но они не приняли появления Аллы Пугачевой в красном "балахоне" и: "слова-то, которые она произносит, непонятны", "она просто всем надоела".

Уже дома вперился в "Семнадцать мгновений весны", которые по НТВ идут серия за серией весь день подряд. Самое поразительное здесь — режиссер этого гениального сериала, Татьяна Лиознова. Как очень серьезный художник она, на первый взгляд, должна была бы отказаться от детективного материала. Сразу ли увидела она в сценарии легендарный фильм, или все получилось случайно? Впрочем, гениальный человек непредсказуем.

В Подмосковье сгорела еврейская синагога. Очень жаль, это уже почти памятник истории — ее построили, тайно, в тридцатые годы, в знаменитой Малаховке. Как всегда, спасали ее местные русские жители, как всегда евреи сказали, что ее подожгли антисемиты. И в Берлине открыли потрясающий памятник евреям, погибшим от холокоста. Лабиринт из бетонных кубов,

расположенный на площади, равной почти двум футбольным полям. В этой интерпретации и холокост выглядит по-другому, без какой-то исключительности в своей праведной горестности. Если бы что-нибудь подобное сделать и у нас, записав на глыбах имя каждого погибшего в Отечественной войне.

11 мая, среда. Из того, что не записал вчера. Резкое выступление Путина на пресс-конференции по поводу назойливого канюченья прибалтийских стран в ожидании русского покаяния. Конечно, у меня бытовая точка зрения, к тому же надо помнить, что огромное число наших соотечественников живет там, поэтому обострять нельзя. Но чего же они хотят: чтобы мы покаялись в том, что они не стали немецкой прислугой, а остались нацией, что большое количество эстонцев, латышей, литовцев выучились в Москве, что они через русский язык приобщились к мировой культуре? А если мы не покаемся, что "оккупировали" когда-то Прибалтику на основе пакта Молотова — Риббентропа (который стал ответом на мюнхенский сговор с Гитлером Англии и Франции, согласившихся на аннексию чешских Судетов), они что, откажутся от наших нефти, газа и электричества? В этом они видят смысл библейского мероприятия? Почему же они все так хорошо говорят по-русски? Мы ведь в школе эстонский, латышский и литовский языки не учим, не та, знаете ли, репутация и возможности. А они почему-то стараются, чтобы их дети знали не только английский, но и русский. Может быть, торговать удобней, удобней получать льготы? Путин правильно сказал: "Оставим навсегда эту тему". Так что, прощай, самостийная Прибалтика, живи с миром. По-моему, у Ивлина Во (я, кажется, об этом где-то писал) есть определение эстонцев или латышей как лучших кучеров. Разделяют ли они уверенность фонвизинского Митрофанушки, что везут свой экипаж всегда в нужном направлении?

Ночью мучила бессонница.

Утром заходил Е.Ю.Сидоров. Чувствуется, он обеспокоен слухами относительно моего ухода. Хорошо и по-товарищески с ним поговорили. И он тоже понимает, что многое с моим уходом может нарушиться, рассыпаться, а скорее всего очень быстро перестанет существовать и институт. Вспомнил всю ситуацию с В.Этушем, ректором Щукинского театрального училища, который сидел долго в качестве сначала ректора, потом почетного ректора; вспомнил, что вуз не традиционный, а художественный, то есть относящийся к той сфере, где возраст работает по-другому. В общем, выработали некий план, хотя самое главное — определиться мне самому: чего же я хочу? Я все время прислушиваюсь к себе и пытаюсь понять, но душа пока молчит.

Как только услышу четкий импульс и прочитаю его — так и поступлю.

В два часа поехал в министерство культуры на экспертный совет по присуждению званий и орденов. Я еще раз понял, что такое гласность и публичность. Возможно, планка на ордена и звания была сильно понижена: теперь не надо ни в партбюро рассматривать вопрос, ни подписывать документы у секретаря обкома. За целым рядом решений — лишь чиновничья воля. Но тут, когда Паша Слободкин долго допытывается, на чем, на каком инструменте играет этот выдающийся музыкант, потому что он точно знает, что альтовая группа в оркестре состоит из шести человек, а не из трех; когда Армен Медведев поименно знает всю кинематографию, а руководительница Хореографического училища Марина Кондратова осознает, что после сорока давать балерине, уходящей на пенсию, какое-либо звание просто бессмысленно, — тут возникает определенная ясность. На совете понизили и степень многих орденов, и многие Заслуженные артисты превратились в заслуженных работников культуры.

Уже поздно вечером в институт зашел Максим Замшев, он аккуратно вводит меня в курс всех дел МСПС. Впрочем, недавно это делал и В.Сорокин. Вот эта рядом лежащая собственность, созданная на наших глазах, эти несметные богатства постоянно искушают почти всех людей. Вообще-то мне, честно говоря, это неинтересно. Интересна была бы, конечно, какая-нибудь работа, но думаю, что в ближайшее время она не предвидится.

В "Московском литераторе" в тот же вечер прочитал очень занятную статью Владимира Бушина "В мире пламенных цидулек", по поводу писем Юрия Бондарева Михалкову. С большим блеском Бушин выковыривает все стилевые нелепицы срочных писем нашего классика. Обидно, когда человек перестает сам себя контролировать, ибо подобное ляпает лишь сознание собственного величия. Единственное, что я мог бы сказать по этому поводу: почему же люди, стоявшие к нему так близко, тот же самый Арсений Ларионов, не могли заметить и устранить эти, как говорил сами знаете кто, "загогулины"?

Иногда очень хорошо читать газеты оптом: у меня на стуле возле кровати лежит "Литературка" уже за несколько недель. Прочитал огромное письмо деятелей искусств по поводу статьи О.Кучкиной в "Комсомольской правде" — письмо подписали и Афиногенов, и Богин, и Исаков и многие другие. Это по поводу покойного Владимира Богомолова. Дорогая Оля разыскивает какие-то его тайны — еврейское происхождение, неточности в биографии, претендентов на соавторство, — как будто чьи-то письма или рассказы могут создавать произведения такого

уровня, какого достиг он. Это бесстыдная грязная возня, и в роли нечистоплотного журналиста выступает человек, всю жизнь претендовавший на звание драматурга! И в том жанре у нее были несомненные удачи. Но тут ее страсть к сценическому обострению сродни копаниям желтой прессы в подробностях биографий Чайковского, Вийона или Рембо. Угомонись, подруга! Великие люди — как Солнце, они не пострадают от лишнего пятнышка, обнаруженного бесцеремонным папарацци. А ведь какая красивая была в юности девушка! И умненькая. Чего на жизнь обижаться?

Тут же, вечером, прочитал в другом номере "Литературки" две полосы неоконченного романа "Форсирование Одера". Вот так, дорогие друзья! Казалось бы, из плохонького стиля, из канцеляризмов, приказов, случайных слов персонажей писатель сделал удивительно живую и увлекательную картину: неразбериха усилий, случайных обстоятельств, крови, военного подвига, молодости, усталой барственности. Абсолютно уверен, что ничего подобного по объему и слитности кинематографу не доступно. Я просто захолодел, когда прочитал это. И еще обрушилось мое построение относительно остро-стилевой литературы — вроде бы невысокий стиль, но какого высокого качества литература! Чего уж здесь говорить о национальности, о прошлом, о влияниях и прочих обломках пошлого дамско-ничтожного литературоведения.

Из "незафиксированного" вчера, но начатого обдумыванием раньше: каждый раз возвращаюсь и возвращаюсь к "Семнадцати мгновениям весны", и кажется, теперь понимаю почти всё. В предпоследней серии фильма есть провидческие кадры, когда гестаповец Мюллер говорит, что единственно живая идеология в будущем — это идеология нацизма, и когда кто-то поднимет руку со словом "Хайль!", чтобы прибавить к нему имя какого-нибудь вождя, — это значит, пришел нацизм, диктатура, милитаризм. Выходит, был не последний нацизм и не последний тоталитаризм. Продолжать мысль не буду.

Часов в десять уже спал. В три зашла В.С. и выключила у меня телевизор.

Кстати, ее прошлогодняя эскапада с Домом творчества кончилась довольно скверно: в этом году ей внезапно отказали, хотя согласие было ранее получено. Это, конечно, месть за статью. Вчера же я подключил к этому бывшего министра кинематографии, но Дом творчества, вернее его директор, держится. Дело привычное и расхожее — обычная административная месть.

12 мая, четверг. Я опять завален кучей литературы и

"объектов" на премию Москвы. Среди прочих все та же Ветрова. Ей уже надо давать премию просто за настойчивость, и на следующий год, если все будет в порядке, так, наверное, и сделаем, присоединив к ней еще пару ребят из поэзии. Премия Москвы постепенно становится неким легкодоступным источником. Привезли, например, три кассеты, связанные с Московским международным фестивалем им. Михоэлса. Здесь много всего, но в том числе "Еврейские мотивы в мировой культуре" ГАБТ России и гала-концерт "Да будет мир!", посвященный 55-летию государства Израиль… Я еще не смотрел, может быть, это материалы и стоящие сами по себе, но, конечно, они вторичны, скорее организаторская, чем творческая, деятельность. Восхищает позиция подателей, полная их уверенность в том, что именно это достойно, а ведь сколько разных других фестивалей было, и никто из устроителей такой инициативы не проявлял. На столе лежат и книги Романа Сефа, его стихи, многие из которых я читал, и это всё крепко, с мыслью и душой. Я также прочитал и книгу Борташевича, совсем не только собрание рецензий по Шекспиру. Какой наблюдатель, какое перо, какой журналист! И вообще, сколько всего интересного. Обязательно все это прочту. Обрадовало меня еще одно представление, но оно, кажется, идет по линии пропаганды, — газета "Экран и сцена", где выделены Авдеенко, Уварова и Дмитревский. Для меня бесспорно одно: без Саши Авдеенко все бы исчезло, а после падения читательского интереса к "Советской культуре", что произошло с приходом нового редактора, именно эта газета продолжает быть и оперативной, и читабельной.

Весь день занимался вопросами, связанными с учебным процессом, в частности удалось почти целиком собрать перевод на английский нашей кафедральной книги "Портрет несуществующей теории". Что-то перевели в Ирландии, наши переводчики свой кусок сделали сами.

Вечером — скорее отдавал долги, нежели из интереса — поехал на дискуссию, которую в Доме литераторов затеял Гусев. Были Жанна Голенко, Максим Замшев, Толкачев со своими заочниками, которые, конечно, крупнее, чем мои "семинаристы". Были даже участники слёта "Дети солнца". Думал, просто табельное мероприятие, но оказалось очень интересно. Сидел без блокнота, ничего не фиксировал, но постепенно в моем сознании стал даже не формироваться, а формулироваться этот самый срез — молодая проза, проблемы интернета, как бы литература для всех, проблемы небольших объединений со своими вождями, своей литературой, способами, как в нее пробиться. Это, конечно,

одна из главных проблем.

Приехал домой в 11, видимо зря наелся перед сном, через два часа проснулся и до пяти бодрствовал. Прочитал новый рассказ Юры Глазова. Все, казалось бы, у него по делу: есть история жизни, важные и интересные эпизоды, Юра всё перечел, все знает, стиль довольно чистый. Но это, в общем, не более чем умная беллетристика. К сожалению, большего ему не дано. Хотя, может быть, и выбьется…

В телевизоре шел американский фильм "Сани" — о мальчике, который обслуживает старых дам, и о его девочке, обслуживающей пожилых мужиков. Такая трагически усталая жизнь, где люди не могут выбраться из круга, определенного социальной средой.

13 мая, пятница. Вчера давала свои стихи Мамаенко, я их прочитал, показал их Максиму, и тот меня просветил. Конечно, это все не бесталанная вязь образов, но большая поэзия всегда должна быть жестко структурирована. Этого нет. Боюсь, что линия на классические русские образцы с уходом Кузнецова у нас теряется. Вся моя надежда теперь на Куняева, Кострова, из молодых — на Тиматкова. На это надо настраивать и Арутюнова. Максим, вообще, со мною много говорит о поэзии. В частности о русскости: например, Пушкин для него — поэт, ориентированный именно на Запад.

Утром звонил Юрий Иванович Бундин, продолжающий (не потому что он мой хороший знакомый, а потому что проникся этой идеей) лоббировать Литинститут. Мы ведь остаемся в самой невыгодной, среди творческих вузов, позиции: у нас нет ни готовых картин, ни этюдов, как у художников, ни возможности продемонстрировать владение инструментом, как у музыкантов; чтобы мы показали себя, нужно время. Он говорил о президентском гранте в Администрации. Договорились, что я напишу большую докладную записку относительно помощи литературе. У меня есть несколько мыслей, в первую очередь — прекратить кормить фонды и другие организации, а возвращаться к тем формам, которые продумала еще советская власть: консультационные пункты, не роскошные липкинские слеты с одними и теми же персонажами, а провинциальные семинары, недорогие семинары в Литинституте — и прочее, и прочее. Это уже показало свою результативность. Откуда вышел Распутин? Вот так-то.

14 мая, суббота. Хотел утром разобрать все бумаги, но вспомнил о статье для журнала "Российская Федерация". Румянцев, который так хорошо сделал интервью со мной в прошлый раз, в жанре статьи чего-то не дотянул, да и я, видимо,

не сосредоточился. Теперь глянул, там явно чего-то не хватает, и все утро сидел и добавлял, уточнял, ставил акценты. Уже к вечеру, после окончания семинара, когда набили текст на компьютере, и я еще раз его перечел, позвонил Румянцеву и попросил перенести встречу на утро понедельника.

В час тридцать начали семинар по первой главе романа А.Упатова. Эту главу, хорошо и сильно написанную и плотно населенную, прочли все. Здесь много внешне похожего на стилистику Достоевского, и к этому все привязались. Для меня, при всех недостатках работы, Леша — законченный писатель. Написать под Достоевского это одно, но думать интенсивно и объемно — а в этом Леша с классиком схож — это другое. Так в моем семинаре умеют не многие. Прием достаточно обнажен: два друга, Борис и Глеб — аллюзия с нашими святыми не прячется, — здесь же героиня, чем-то схожая с героинями Достоевского. Я давно уже заметил, что Леша не истерически, но глубоко и искренне религиозен. Это чувствуется и по роману. Уже в первой главе появляется и священник, и произносит проповедь. Вся эта линия довольно естественна, по крайней мере не менее органична, чем в последней повести В.Распутина. Все действие происходит то ли в маленьком подмосковном городе, то ли на столичной окраине, где жизнь отчуждена от центра. Публицистичности или политики впрямую нигде нет, но от этого вещь не становится несовременной. Я абсолютно уверен, что автор и защитится успешно, и большим писателем станет.

После семинара ходил на почту и отослал 37 экземпляров своего реферата. Восхитился замечательно и быстро работающей приемщицей. Сдав конверты, в ларьке напротив купил полкило клубники и отнес на почту.

Вечером долго сидел над статьей о культуре для парламентского журнала.

15 мая, воскресенье. Все же поехал утром на дачу и часа три возился с кустами черной смородины. Хотел было уезжать в Москву только в понедельник утром, но вспомнил, что дома ждут документы к коллегии министерства культуры. Как же здесь хорошо! Занимался тем, что окапывал кусты черной смородины и потом сыпал кругом навоз. Ел суп, который, как всегда в пятницу, приготовила для дачи В.С. Какая же она молодец, что успевает все это сделать! Собака лежала на траве, греясь на солнышке. Как и мои, силы ее убывают, она уже не бегает по участку, но, если надо, встанет и гавкнет.

Днем В.С. позвонила по сотовому телефону и, плача, сказала: умерла Гундарева, ей было всего 56 лет.

Вернулся в Москву только в десятом часу. По телевидению

рассказали, что состоялась большая демонстрация молодежного объединения "Наши". Естественно, студенчество. Свезли с разных сторон, наказали, как себя вести, раздали майки. Ух, как все сейчас дерутся за молодежь! Вчера А.Е.Рекемчук говорил о замысле журнала "Первокурсник", деньги на него вроде бы обещал Конгресс интеллигенции. Но продолжу о "Наших". Конечно, против них выступили лимоновцы, и полтора десятка агрессивных нацболов забрала милиция.

16 мая, понедельник. Иногда возникают такие события, которые, с одной стороны, можно определить двумя строками. Состоялась-де коллегия министерства культуры, на которой рассматривался вопрос художественного образования, вторым был вопрос развития телевизионных систем. По сути, верно. Но вот когда люди начинают что-то на эту тему говорить, понимаешь, как всё объемно и невероятно важно для всей страны и как опасно, не разобравшись в этом детально, принять решение. Тогда становится ясно, что тема, конечно, не укладывается и в абзац.

На коллегии присутствовал министр образования Андрей Александрович Фурсенко. По первому вопросу он говорил самым последним. Не помню кто перед его выступлением сказал: "Мы привыкли говорить среди единомышленников", — Фурсенко с места не без горечи сострил (имея в виду себя, свой образ в зеркале СМИ): "А этот, мерзавец, пришел…"

Коллегия началась выступлением М.Е.Швыдкого. Его ведомство, кстати, сделало очень хорошую справку. Швыдкого, в основном, беспокоило то, что исчезает непрерывность в художественном образовании. Если взять за основу поразительные успехи на мировых эстрадах наших артистов, а значит и преподавателей музыкальных, театральных и балетных училищ, то, по мысли Швыдкого, это объясняется тем, что люди были связаны со своей профессией с детства, особенно в музыке. Детская музыкальная школа, среднее музыкальное училище или музыкальная школа при консерватории, потом консерватория. Теперь же часть детских музыкальных школ практически рухнула. Есть закон, по которому государство отказывается финансировать этот этап образования, и он весь уходит или на самоокупаемость, или на обеспечение муниципальной власти. А муниципальная власть не всегда имеет деньги, чтобы содержать подобные школы. Сейчас платят родители, деньги небольшие — 100–200 рублей в месяц, но это немного для Москвы, для крупных городов, а для провинции это деньги иногда непосильные. Для того чтобы культура в её высших проявлениях функционировала, чтобы музыканты во фраках играли на сцене, а в зале их слушали

мужчины в строгих пиджаках и дамы в открытых платьях, нужны не просто музыканты, но музыканты редчайших специальностей. В Красноярске, по словам Швыдкого, один хороший кларнетист — на два городских оркестра, а выучить специалиста, когда такой инструмент, как фагот, стоит 15 тысяч долларов, очень трудно. Но на фаготе или флейте, как и на скрипке, надо обучать играть с юных лет. Музыкальные школы подчас лишены таких инструментов. За Уралом, например, хорошую флейту или кларнет найти довольно сложно. Тем не менее дети должны иметь равный доступ к образованию.

Швыдкой, как основной докладчик, коснулся главной проблемы: высших художественных заведений. Потребности в технике здесь удовлетворяются на 7–8 процентов, в лучшем случае на 10, то есть — по деньгам — сколько нужно на ремонты. В искусстве ведь важно не то, чтобы ты имел высшее образование, а чтобы ты умел, а высшее образование сейчас можно получить, зайдя утром в институт, а вечером из него выйдя с купленным дипломом. Рассказывали случай, когда к Сванидзе пришла девушка с дипломом телевизионного диктора и требовала для себя работы. Проблема уровня художественного образования — я знаю это по нашему институту — заключается в том, что платных студентов становится все больше и больше. Уже отмечено, что если таких людей со средними способностями на семинаре более четверти, общий уровень немедленно снижается. Собственно говоря, это и были основные тезисы, с которых началась дискуссия. Мне все время хотелось влезть в нее еще и с литературным направлением, но я чувствовал, что это неуместно. А в литературе происходит то же самое: исчезли консультационные пункты, исчезло рецензирование в журналах, огромному количеству любителей теперь не с кем посоветоваться.

Было несколько очень занятных выступлений. Николай Александрович Саянов, ректор Российской академии музыки, человек, видимо, очень наивный, стал объяснять министру образования, что такое искусство, хотя для нас, мол, это все прописи. Думаю, что министр сам по себе воспринять это не вполне мог, так как объяснение не укладывалось в его рациональную систему взглядов. В своем выступлении Андрей Александрович говорил о рынке, о заказе общества, о социальном заказе, о заказе рынка. Мне кажется, в его сознании полностью отсутствует мысль, что художник может сам создать себе такой заказ. Кто заказывал "В поисках утраченного времени" или "Улисса"? При этом мы услышали очень интересные сведения относительно обучения в военное время. Была произнесена и фраза, которая, как некоторые черномырдинские высказывания,

могла бы войти в сокровищницу русских речений: "Наибольшие доходы приносит эксплуатация пороков".

С любопытным соображением выступил проректор Академии русского балета имени А.Я.Вагановой Алексей Дмитриевич Фомкин, человек сравнительно молодой, лет 35–40. Здесь столкнулись два обстоятельства: с одной стороны, непрерывность образования (например, балетного, которое получают с 7–8 лет), с другой — формализованный результат, когда после окончания хореографического училища балетная танцовщица или танцовщик могут сами вести весь сложнейший репертуар, и такое бывало. Но они, являясь артистами высшей квалификации, образование тем не менее имеют среднее. Вот где нужно звание бакалавра! Не привожу многих цифр, многих, даже трагических, вещей, связанных с низкой зарплатой преподавателей, когда со студентами, особенно в центре, крупные мастера работают исключительно из собственного профессионального интереса.

Александр Семенович Герман, директор столичной музыкальной школы N8, привел поразительный факт, способный усовестить наших правительственных чиновников, если они все же сраму имут. В 41-м году эта самая школа, как и все музыкальные школы Москвы, была законсервирована, но неработающие преподаватели получали половину заработной платы. Зато к 44-му году все подобные школы уже действовали на полную мощность. Главная мысль Александра Сергеевича была, однако, не в этом: он утверждал, что надо не только развивать художественное образование, но и поднимать культуру слушателя: "Нам не нужно 300 тысяч пианистов, а нужно 200 миллионов образованных в музыке людей". Собственно говоря, в этом смысл художественного образования, не позволяющий отдавать все на откуп будущим пианистам.

А.М.Смелянский тоже говорил о рынке, но я в этот момент перешептывался с О.Б.Добродеевым, руководителем ВГТРК, и не все слышал. Впрочем, одну фразу уловил: у него в попечительском совете училища, видите ли, состоит Греф, и я с места бросил: "Грефов на каждое училище не напасешься".

А.А.Фурсенко начал-то свое выступление со слов восхищения демократизмом Соколова: дескать, сам он у себя на коллегиях разрешает говорить не более 7 минут. Я полагаю, что это и разные характеры, и разные подходы к предмету. Следующий тезис: все мы граждане России, и надо соотносить решения с интересами страны. Вот внутренний корректор реформ. Я-то готов это делать, и в войну народ именно с этим всё и соотносил, а вот сейчас с интересами Ходорковского и Фридмана я соотноситься не хочу. Дальше министр Фурсенко привел цифры

достаточности бюджета на образование: по крайней мере: с 2000 года он вырос в 4 раза. Мысль о необходимости следовать Болонским процессом министр подкрепил так: это, дескать, не требование Запада, а потребность мировой культуры. Он говорил об огромном числе студентов в стране, причем отметил, что 4 года подряд у нас школу заканчивает меньше людей, чем принимается затем в институт. Не за счет ли новых фирмачей, которые пинками гонят своих отпрысков в платное обучение? Лучше молодежь, пока в ней бродят гормоны, держать в школах и институтах, чем на улицах. Она ведь и взбунтоваться может! Мысль министра: сейчас этап всеобщего высшего образования, хотя оно может оказаться как бы в камере хранения, но пусть будет, воспользоваться им можно потом, когда возникнут условия. Из интересных фактов приведу один: в Краснодаре или в Ставрополе 75 кафедр преподают экономику, но во всем крае всего 25 докторов экономических наук. Кто же учит студентов? Теперь некоторые цифры: государство тратит на высшее образование 60 млрд. рублей, еще 60 млрд. на него идет внебюджетных средств, и еще не менее 60 млрд. — по чувствованию министра — высшее образование получает в виде взяток и доходов от репетиторства. Тут я подумал, что и в доходе от репетиторства, и во взятках наш институт обойден судьбой: кто, интересно, занимается у нас репетиторством?

Далее — удручающие цифры по телевидению: оборудование старое, оставшееся еще от советской власти, есть отдельные системы, которые могут рухнуть в одно мгновенье, об этом писалось в записке премьер-министру. Того и гляди может сойти с орбиты какой-то спутник, и если его срочно не заменить, то катастрофа может произойти в любую минуту. Я понимаю, что если спутник сойдет с орбиты, и мы не покажем какой-нибудь чемпионат по футболу, то это может быть чревато революцией. Народ дичает и возвращается к римским нормам: хлеба и зрелищ! Но всё это от меня далеко, значительно интереснее разговор с сидящим рядом О.Б.Добродеевым. Шепчемся. Его мысль: в наше время, при уровне нашего образования и культуры, при мало внятной для народа политике, единственное, что стягивает, как обруч, всю страну, — это телевидение, ничего другого нет. Если бы не телевидение, мы давно говорили бы на разных языках. Газет, властителей дум, ведь тоже практически нет. При всеобщей нехватке, начиная от солнечных дней до сытного у всех пропитания, даже показ зеленого поля, по которому бегают футболисты, — это уже средство от стресса, возможность не окончательно погрязнуть в пьянстве… Американские фильмы занимают лишь 10 процентов их прежнего эфирного времени,

сегодня все хотят видеть отечественные сериалы. Говорили о цифрах отката и дохода при реконструкции телевидения и подающих сетей; в этом случае, говорит О.Б., это 10-I5 процентов, а вот в строительстве она поднимается до 50. Я пытался защитить чиновничество, у меня были свои резоны, но, видимо, О.Б. долго размышлял об всем этом и привел такой пример: был знаменитый в России взяточник А.Меньшиков, но пропорция его государственного и личного интереса была, приблизительно, такая: 80 на 20. Теперь же чиновник, если не всецело сосредоточен на себе, то собственные интересы при решении любого делового вопроса составляют у него до 80 процентов.

Коллегия продолжалась четыре часа. Разошлись мы только в два часа дня. Даже выслушивать всё это было очень тяжело. Поехал в институт.

История с "Нашими" получила продолжение. У кремлевских чиновников, видимо, все разбито по разным департаментам: один департамент вербует буржуазную молодежь, другой занимается свободой слова… Сегодня по "Маяку-24" народ так определенно высказывался по поводу этой оголтелой акции, что можно было только удивляться его разумности.

17 мая, вторник. Каждый день что-то методически делаю, смотрю, поправляю, готовлю. Волнуют три нерешенные проблемы. Наверное, все же вместо докладной записки в администрацию президента о помощи нашим студентам и о положении в литературе напишу статью. Все никак не могу подступиться к вопросам о новом здании, боюсь, это мне не по силам, для противления нашей молодой бюрократии нужны такие же, как у нее, наглые молодые силы. Волнует меня и квартира Миши Стояновского. Все это — в подсознании.

На семинаре занимались рассказом Антона Соловьева…… Семинар прошел довольно быстро, рассказ у Антона превосходный, народный, ясный, из его, казалось бы описательной, аполитичности появляется тяжелая современная жизнь простых людей. Интересно, что все происходит как бы в туристской зоне: Беломорье, Карелия. Сталкиваюсь с тем, что хороший рассказ в передаче пропадает, а плохой становится лучше. Поражает у Антона еще и то, что из рассказа исчезла его детскость. Мне кажется, это лучше, чем Юрий Казаков, здесь меньше литературы, больше жизни.

Под конец дня вдруг внезапно появился Илья Кириллов и соблазнил сходить с ним в кино на немецкий фильм "Академия смерти". Это учебные заведения для молодежи при гитлеровском режиме, в которых готовили будущую командную элиту рейха. Сюжет довольно банальный: мальчик из рабочей семьи

встречается там с сыном гауляйтора, так сказать стихийным носителем гуманизма. Хорошие актеры, ясная режиссура, увлекательно. Главное, это точный быт и обстановка подобных заведений. В аннотации сказано, что вне поля искусства подобные заведения долгое время оставались потому, что многие воспитанники их до сих пор занимали ключевые позиции в современной жизни Германии.

18 мая, среда. На работе посмотрел фильм Гали Евтушенко "Двойной портрет" — это параллельный рассказ об Эйзенштейне и Мейерхольде. Естественно, на фоне эпохи. Откопано много интересных деталей, фотографий, сведений. Не случайно Галя сделала фильм из "эпизодов" и "двух постскриптумов". Для того чтобы сделать фильм более цельным, нужен другой, менее суетный, характер. В общем, фильм получился, хотя в освещении всей эпохи такая грубость и телевизионно-газетная прямолинейность, что не понимаешь: или это глупая голова, или сознательное и коварное невежество.

Вообще, последнее время, наслушавшись телевидения и зная подловатый характер нашей интеллигенции, все больше и больше убеждаюсь, что настоящую позицию Сталина мы не знаем. Была, наверное, у него какая-то внутренняя аргументация. Чего стоит, например, его фраза, что ошибка Грозного была в том, что тот не истребил все пять знаменитых боярских родов. Отродье всегда будет шипеть. Знал, должно быть, про нашу интеллигенцию, чего она и сейчас о себе не знает. В момент формирования империи, а особенно новой, социалистической формации, нация должна быть как монолит, а интеллигенция ведь всегда слишком разговаривала, слишком много сеяла, не собирая потом… Даже я мальчишкой помню, как зло и отчаянно мой собственный отец говорил о Сталине, называя его "кинто"… Какому режиму это понравится? Только вороватому, у которого брань на вороту не виснет. Моисей 40 лет выхаживал народ по пустыне, чтобы поколения сменились, Сталин добивался этой смены другим путем.

Обидно, что от кинематографа на комиссию не поступило ни одного серьезного большого художественного фильма. Большой стиль постепенно выветривается из нашего искусства.

Сегодня вышла статья о Володе Андрееве в "Литературной газете". Дали половину полосы. Вечером по этому поводу позвонил Артем Захарович Афиногенов. Вспомнил и другую мою статью, про Париж. Говорил о легкости и о том, что это, по его мнению, настоящая писательская статья со свободой и с языком. Я же, в свою очередь, вспомнил, как Артем Захарович отправлял меня во Владивосток в 91-м году на празднование юбилея

Фадеева. Замечательно поговорили, осудив и "наших" и "ихних".

В "Литературке" я еще увидел статью Ф.Ф.Кузнецова о Шолохове. Почему о самом знаменитом русском писателе XX века должен писать самый скучный и скомпрометировавший себя как лизоблюд и прихлебатель критик?

19 мая, четверг. Сегодня утром должны ставить в Ракитках дом для С.П., и я, предупредив всех, что беру творческий день, повез на своей машине нового домовладельца на место встречи с рабочими. Дом он взял себе необыкновенно дешевый и простенький. Предварительно, как и многим из наших до него, дали ему беспроцентную ссуду. Как он только будет расплачиваться, не знаю.

Ракитки расположены сразу же после роскошного, с буржуазным размахом, поста ГАИ. Сооружен он тут потому, что рядом въезд в анклав знаменитых правительственных дач, почти анонимно называемых Архангельское. Здесь, кажется, живет вице-спикер думы Л.К.Слиска и даже премьер Фрадков. Из-за этого-то, именно у Ракиток, разыгралась совершенно отвратительная сцена. Я бы, может быть, всего и не заметил, если бы ехал в потоке. Мы-то все думаем, что пробки на дорогах возникают мистическим образом. Но здесь все было очень прозаически и очень по-советски: кого-то ждали — милиционеры в лимонных жилетах торчали почти на каждом углу. Как раз напротив моей машины стоял один из них, постоянно переговариваясь с постом, и я находился как бы в эпицентре события. Неужто летом такое происходит здесь каждый день? Транспорт, несколько сотен машин, пассажиры которых торопились на работу, держали более получаса в ожидании, когда важные чиновники, чистые, выспавшиеся и благоухающие, не желая ни одной лишней минуты ехать по жаре, помчатся к Москве — в Думу, в совмин, в министерства — по освобожденной им угодливой милицией трассе. Но вот какая интересная деталь: и водители, и пассажиры уже стали не те. Какую же гудню подняли все водилы! Абсолютно не стесняясь и не боясь стоящего перед ними с жезлом распорядителя движения.

По совпадению, радио в этот момент рассказывало о водителях машин с правым рулем, которые в ответ на угрозу запретить регистрацию такого транспорта начали свои пикеты и сходки. Россия единственная в мире страна, где оба типа машин — с правосторонним и левосторонним управлением — разрешены. Радио относится к ним вполне лояльно, есть даже сочувствие, потому что, дескать, половина Дальнего Востока, а уж Приморский и Хабаровский края целиком, оснащены подобными машинами, вывезенными за четверть цены из Японии. На дорогах

они, конечно, представляют собой определенную опасность, но наше время отчетливо показало, что нахрапом, искусственно собранной массовостью можно добиться от власти и неправого решения. Тут же радио посетовало, как медленно судьи читают приговор Ходорковскому и Лебедеву: сторонникам олигарх уже наскучил, а недоброжелателей человека, недоплатившего в казну миллионы налогов, становится все больше. Радио также сетует на большое количество пострадавших во время бунта в Андижане. На активной массовости платных энтузиастов строятся все бархатные и оранжевые революции. Что бы там ни произошло, я хотел бы посмотреть на действия Буша, если бы толпа попыталась освободить какую-нибудь тюрьму или захватить какой-нибудь провинциальный американский "Белый дом".

Вечером прочел письмо Марка Авербуха. Это, пожалуй, единственная переписка, которую я сейчас регулярно веду. Меня поразил в этом письме замечательный абзац, являющийся ответом на мои стенания оставаться ли мне ректором, или нет.

"…Отвечая на "мысли" по поводу "бросить" институт, скажу следующее. Моя личная жизнь после ухода на пенсию стала неизмеримо насыщенней, интересней, раскрылись невидимые ранее перспективы и горизонты. Ведь наши пристрастия к книгам идеально подготовили нас к этой золотой поре бытия, нам не нужно теряться в догадках, чем бы занять себя.

Вам себе ничего уже "доказывать" не надо — ни на писательском, ни на преподавательском, мастерском — поприще. Я слежу за комментариями Ваших "семинаристов" по интернету и характеризовал бы чувства, высказанные в них, как "уважание" — смесь уважения и обожания. Ваш главный противник сейчас — текучка, рутина бюрократической мясорубки. Избавившись от этого бремени, Вы несоизмеримо обогатите качество жизни и в смысле времени, и в разнообразии творческих проектов, т. е. именно то, о чём Вы и пишете в своём письме.

Один из "авантюрных" замыслов — лекции за границей. Мне кажется, что у А.Битова есть серьёзные связи с американскими славистами, может он что-нибудь Вам подскажет, а уж я бы здесь расстарался Вам помочь, чем только могу".

20 мая, пятница. Вчера вернулся домой только в десятом часу вечера. Пока рабочие ставили дом, я сидел работал, что-то читал, потом готовил им еду. С.П. ездил принимать экзамены в аспирантуру, но уже к двум часам вернулся, опять с большой сумкой продуктов. Работяг с шофером шесть человек, все они, кажется, украинцы. Хотя домик довольно небольшой, но работы много: надо было вручную разгрузить машину, вынуть из нее цементные блоки, на которые, как на фундамент, стал дом, снять

панели, детали, жесть на крышу, уже готовое крылечко, одним словом все, включая стекло в отдельном ящике. Я еще раз убедился в сложности, даже дикости сегодняшней экономики. Тот, как мы считали, "звериный оскал капитализма", которым характеризуется американское общество, обернулся теперь своим несвежим личиком к нам. Он дышит смердящей пастью, в первую очередь идет жуткая эксплуатация рабочей силы. Дом стоит 65 тысяч, из которых пятеро рабочих, собиравшие его с девяти утра до часу ночи, получат 5 процентов, то есть 3 тысячи 250 рублей на всех. Нужно еще учесть, что их рабочий день был начат до рассвета, поскольку встреча у нас была назначена на 8.30, а им ехать из загородных Бронниц. А мы еще говорили об эксплуатации в Америке пуэрториканцев! Я прикинул стоимость дерева, досок, дешевой жести на крышу и прочее — вот она, сверхприбыль в строительстве! Это меня просто потрясло.

Ребята рассказывали — это в передаче моего шофера Анатолия, который оставался с ними до окончания работы, — что сплошь и рядом на сборке их не кормят, могут даже не позволить вскипятить чайник. Очень хорошо отзывались обо мне, который с ними возился и ублажал обедом, и совсем обалдели, когда узнали, что я писатель и руковожу институтом. С.П. через Анатолия дал им еще 1000 рублей. Если говорить об общем наблюдении — жизнь столичного трудового человека тоже ухудшается. Но все-таки москвичи живут в совершенно иных условиях.

Кстати, еще один пример. Это уже из рассказов С.П. В пятницу днем он поехал отвозить деньги за комплектующие. Одна из привлекательных сторон фирмы — предоплата не больше четырех тысяч и основные деньги вносятся лишь после окончания сборки. Так вот девушка, которая принимала эти деньги — у С.П., как и у меня, есть определенная страсть к журналистским расспросам, — рассказала, что она в этой фирме уже больше пяти лет, получает 10 тысяч рублей, но работает — это опять капитализм — без отпусков: уйдешь в отпуск, возьму новую, говорит хозяин.

На работе все, как обычно: ездил в общежитие, разговаривал с Альбертом Дмитриевичем про обустройство там точки общепита, звонил Вере Константиновне Харченко в Белгород, продиктовал Е.Я. письмо Марку Авербуху.

Дорогой Марк!

Получил Ваше большое письмо, но, каюсь, кажется, я видел и неотвеченное предыдущее, маленькое. У меня в ректорате уже появилась папка с нашей перепиской. Должен сказать, Вы здесь,

конечно, имеете пальму первенства. Я часто веду с Вами мысленные диалоги, но ведь я много пишу, поэтому на письменные высказывания времени остается меньше. Вообще, в сутках всё менее и менее видятся те окна светлого и незамутненного молодого сознания, из которого раньше состоял весь день, и в эти оставшиеся окна теперь и приходится что-то помещать. Много сил у меня отнимает Дневник, даже не физических — в конце концов, час-полтора, чтобы просидеть за компьютером, всегда найдутся. Но уже в продолжение долгого времени я каждый день строю как рассказ, а это отодвигает в сторону различные другие планы.

Внутренне готовясь к "свободе", я завел книжку с будущими сюжетами. Но будущие сюжеты, как правило, воплощаются лишь в мыслях. Пока у меня, можно сказать, идет покаянная серия, но здесь фактов меньше, чем хотелось бы, — это большое эссе о воровстве. Всё мое воровство закончилось в молодые годы, а дальше ничего, что накладывало бы черный отпечаток на душу, не находится, даже в литературе ничего не смог украсть, кроме одной фразы: "Дело рассматривалось в Сенате". Довольно рано я узнал, что Сенат в России был высшей судебной инстанцией, и мне это так понравилось, что я вставил эту фразу в свою повесть "Живем только два раза".

В Вашем письме я отложил для себя связь с дирекцией банка на бульваре Осман; доберусь и до Пробковой комнаты, доберусь и до номера, где скончался Оскар Уайльд. Но объясните мне, почему это нас так интересует? Почему мы хотим вдохнуть воздух этих апартаментов? Я вспомнил недавнее посещение кладбища, где похоронен наш с Вами любимый писатель Марсель Пруст. Под камнем, величиной с мой письменный стол, покоятся шесть человек его родственников и он сам. Ну, как они там поместились, если в моем сознании он уже занимает половину (а в сознании литературы этот человек занимает целый материк!)? Неужели мы все живем мифами?

В Вашем письме, дорогой Марк, мое внимание привлек эпизод с чтением газеты в Харькове. Жизнь вообще полна таких скрытых предостережений, намёков и совпадений. Вы "нарвались" на крошечный некролог "В Париже скончался русский писатель Иван Бунин". Верное соображение, что в наши годы было очень важно не то, что скончался он в Париже, а то, что скончался русский писатель. Это была, если хотите, форма гордости для России… Мне есть что представить Вам в ответ. Я хорошо помню зимний день со снегом в Москве, угол улицы Малая Никитская со Скарятинским переулком, там на стене одноэтажного дома, где помещалось, естественно без вывески, районное отделение

Комитета государственной безопасности, была вывешена "Литературная газета". И что, Вы думаете, я запомнил в ней тогда? Я запомнил огромное письмо, которое редакция "Нового мира" написала Борису Пастернаку по поводу его романа "Доктор Живаго". Что меня заставило, в то время, это письмо прочесть? Ответьте на другой вопрос: что меня заставило, в моем возрасте, написать роман о Пастернаке (не только, конечно, о нем, но и о нем)? Это было какое-то предопределение. Но между этими двумя точками находится еще один эпизод. Мне было лет 30, а может чуть больше, и я, работая в звуковом журнале "Кругозор", познакомился там с замечательным молодым художником, учеником Фаворского, Космыниным. Этот парень совершенно фантастически резал гравюры по линолеуму и по дереву, и у него был сделан прекрасный портрет Пастернака. Так вот, этот портрет в качестве подарка (не мне, а нашему общему приятелю) Космынин тиснул на этом самом, историческом, номере "Литературной газеты". Я сохранил копию.

Теперь последнее. Дорогой Марк! 30 июня у нас кончается учебный год. В четыре часа состоится Ученый совет, а после него, как бы в продолжение, будет проведена церемония вручения мантии и грамоты Почетного доктора литературы Ирэне Сокологорской, профессору Сорбонны. Если Вы будете так недалеко, в Карловых Варах… Вы поняли мою мысль? Если у Вас появится желание на два-три дня или на неделю посетить Москву (вместе с Соней, разумеется)… В общем, жилье — в гостинице нашей, если пожелаете — за мною, ну и, по возможности, культурная программа. Но ведь Вы еще и тот счастливый человек, которым не надо заниматься, — мы ведь с Вами, Марк, так хорошо понимаем друг друга!

Обнимаю Вас и шлю наилучшие пожелания Соне.

Ваш Сергей Есин

21 мая, суббота. Сюжет сегодняшнего дня — размышление во сне о смерти. Недавно в "Труде" — это меня так захватило, что может быть, я об этом уже и писал в дневнике — была статья об Афоне. В том числе был рассказ, в общем, о той же ситуации, которую я наблюдал на Синае, в монастыре Св. Екатерины: там очень мало места, мало земли и монахи хоронят своих сотоварищей на кладбище только на три года. Потом изымают останки и складывают их в реликварий — большое помещение, где отдельно лежат черепа и отдельно другие части скелета. Точно так же поступают и на Афоне. Меня восхитило только то, что здесь к черепу прикрепляется бирочка, кому он принадлежал.

И еще: в прошлое воскресенье в какой-то монографии наткнулся на фотографию места над морем, где был развеян пепел Энгельса. Почему я фиксирую эти вещи? Мама Максима Лаврентьева, которой он показал интервью со мною в Париже и которая, по семейному признанию, может определять, сколько кому отпущено, вроде сказала, что жить мне довольно долго. Недавно я опять вспоминал своего покойного брата Юрия и, проезжая мимо Донского, подумал, что надо бы взять Толика и Володю и поехать с ними обновить мемориальную плиту над его нишей. Впрочем, я не об этом, я часто пишу лишь затем, чтобы избавиться от каких-то собственных видений и комплексов. Дорогие мне люди следуют за мной и мертвыми.

Все утро с упоением занимался огородом и теплицей, поливал, подвязывал, рассадил салат, который дала мне соседка Ниночка. После обеда прочел рассказ иркутянина Володи Мешкова "В это самое время". Это любовная история, происходившая в момент августовского путча 1991 года. И написано очень чисто, и значений здесь много. По крайней мере ясно, как мало политика, к которой нас приучил телевизор, играет роли в глубинной жизни людей, отличаясь не конструктивностью, а нелепостями.

Во время бани поговорили с С.П. о вечере Литинститута в Доме литераторов. Оказывается, похвалив Анну Козлову и Сергея Шаргунова, я не приобрел популярности среди наших студентов, которые увидели себя противопоставленными более удачливым коллегам. Думаю, и более талантливым. Кстати, я называл еще и нашего Олега Зомбера, и Сережу Самсонова, и Дениса….. Но это не было замечено. По крайней мере Жанна Голенко, обмениваясь по поводу моих слов с С.П., отметила с каким-то своим пониманием, что Сергей — сын настоятеля храма, а Анна — внучка завотделом прозы в "Юности". Как же все они не знают меня, я всегда говорю только о текстах, которые помню, и никакие сопутствующие детали не имеют тут значения.

Вечером по сотовому звонил Марлен Мартынович Хуциев. Ему хотелось обсудить со мною шолоховский юбилей. Замыслы художника всегда непредсказуемы: что на этот раз хочет Хуциев? Хвалил очень статью Дмитрия Быкова о Шолохове в "Вечерней Москве". Дмитрий, при всем прочем, человек, конечно, не ординарный. Я ее обязательно прочту. Спросил Хуциева о его новом фильме, втайне я прицеливался уже на следующий фестиваль "Литература и кино". Фильма он не закончил и вряд ли закончит даже в будущем году. Его фраза: "Как бы ни ругали советскую власть, но работать при ней было можно". Дальше рассказал о своих двух очень продолжительных простоях. "Теперь

жулик на жулике". Я догадался, по поводу чего он это говорил.

22 мая, воскресенье. Прочел статью Димы Быкова "Сумасшедший Дон" в "Вечерке" за 19 мая. Вот две любопытные выписки оттуда:

"Почему же в таком случае "Тихий Дон" стал великой литературой? "Тихий Дон" получился случайно, автор его не был профессионалом, он писал себе про то, что видел (или пересказывал то, что прочитал, — в частности, когда речь идет о Первой мировой войне), его привлекал сам процесс описания чужой жизни, а куда это описание выведет — он понятия не имел. Так Дон течет себе — и не знает куда. Вопрос о смысле "Тихого Дона" есть, собственно, вопрос о смысле жизни, о нравственных итогах русского двадцатого века, потому что книга-то про жизнь, а не про "борьбу масс", как писала о ней вульгарная литературная критика. В "Тихом Доне" все как в жизни, книга принципиально алогична, как алогична всякая революция и всякая страсть. Этот роман написан очень неумелым и очень молодым автором — почему и получилось гениально".

"В "Тихом Доне" Шолохов поразительно наивен: на жесткий шампур простой и надежной фабулы нанизывается хаотическое, расползающееся, избыточное мясо жизни-как-она-есть, и читателя не покидает ощущение живой, на глазах происходящей трагедии. Лучший способ быть таким же великим и страшным, как жизнь, — ничего про нее не выдумывать. Писать, как есть, не заботясь о смысле и композиции. Выступать чистым посредником. И тогда литература задышит — что и произошло с гениальной ошибкой молодого писателя, знать не знавшего, что у него получилось".

23 мая, понедельник. Продолжаю крутить всё то же колесо. Оно медленно раскачивается, тем не менее, со скрипом, но мелет зерно. Много приходится проверять. Не скажу, что боюсь подлога или неточного решения, скорее стремлюсь к тому, чтобы в следующий раз всё оказалось сделано тщательно. Понимаю, что иногда в административной деятельности наступает момент, когда надо что-то подписывать, практически не читая. Но постоянная проверка дел и вникание в суть — и есть некая страховка на будущее.

У нас два вида дополнительных стипендий: первая — от Союза ректоров, то, что, кажется, дает Москва, вторая — так называемая стипендия АПОС. Не знаю, как это расшифровывается, но и ту и другую мы добавляем к обычной, и практически процентов семьдесят студентов у нас охвачено этими видами стипендии. Так что когда студенты жалуются, что у них стипендия 300 рублей, они лукавят, она у них вдвое больше. Но

дело не в этом, две дополнительные даются, в основном, людям неимущим, а для этого нужны документы, и вот вчера я, проверяя приказ, взял эту папку. Какая бездна у нас ребят, живущих без отца или без матери! Какая тьма детей-инвалидов, есть даже пострадавшие от Чернобыля. Как мало получают некоторые родители! Почему же в нашем институте нет ребят из богатых семей и неужели вся Россия живет в такой скудости? Для себя решил, что ругать, громить и вязаться к студентам буду меньше.

Хорошо, что мы их хоть кормим в нашей столовой бесплатно. В связи с этим возникла такая мысль: наши заочники любят "оторваться" — первые дни после приезда на сессию, когда еще есть деньги, гулянка в общежитии идет вовсю. Да она и потом не кончается, разве только чуть скромнее. Ах, эти возвышенные беседы под рюмку вина или бокал пива! Так что, если бы мы их каждый день не кормили, они порасчетливее бы и пили и гуляли, а сейчас знают, что с голоду не умрут.

Вчера пришло письмо из Франции от Толи Ливри. Он с какой-то удивительной последовательностью и вниманием наблюдает за мной. Я восхищаюсь его человеческим бесстрашным блеском и талантливейшей работоспособностью. Мне бы молодость, нормальное как у них всех образование и свободу! Толя, как говорят, не из беднейшей семьи, его дядя, в квартире которого он живет, чуть ли не генерал. Это не сплетня, а реалия сегодняшнего мира, где социально-экономическое удивительным образом переходит в творческое.

"Дорогой Сергей! Мне переслали из России (через моего питерского издателя) линки на Вас: про Вашу книгу о Ленине-титане; большое интервью, которые Вы давали после публикации (самой книги у меня, конечно, нет). Меня поразил артистический демарш — артист выбирает "собеседников" своего уровня. Если же этот усопший "титан" совершил "преступления", то артиста несомненно осудят. Хотя "рвотный рефлекс" вызывает всегда мещанин, а не "преступник", der Verbrecher.

Недавно написал рассказ о Муссолини; сколько на меня посыпалось, хе-хе! Даже ярлык приклеили (хоть я по-итальянски читаю, как д'Артаньян по-английски, а потому в соратники не гожусь); и главное — не опубликовать! И пойди объясни, что мне нужна именно титаническая империя, и даже не она сама, а её аура.

В Париже Вашей книги, конечно не достать. Но цитируемые отрывки у меня вызвали аппетит; попросил у друзей в Москве.

До встречи, Ваш Анатолий".

А мы все жалуемся, что эпистолярный жанр угасает, истончается. Просто писать некому, да и, наверное, не о чем,

достаточно что-то несвязное выкрикнуть в телефон. Я тут же Анатолию ответил:

"Дорогой Толя! Обычно я не веду с писателями переписку — как вы знаете и чувствуете, они скучны, завистливы и примитивны. Вы и мой читатель в Америке Марк Авербух единственные постоянные получатели моих писем.

Получил Ваше последнее письмо: спасибо!

Мне иногда кажется, что я сам себе пишу эти письма, радуюсь сделанному, восхищаюсь врагами и собой.

Есть дело: Вам, Толя, надо наладить связь с Вячеславом Огрызко, главным редактором еженедельника "Литературная Россия": litrossia@litrossia.ru, (8-095)200-23-24. Я послал ему ваш рассказ, и он готов его печатать. Сергей Есин".

Вечером допоздна читал мемуары Н.П.Михальской. Взялся за них с некоторым предубеждением: профессорские воспоминания очень немолодой женщины. А оказалось всё по-другому, и, в первую очередь, какая поразительная память, какой точный отбор деталей! Н.П. старше меня лет на десять с лишком. Описывает она прошлое, свое детство, это, оказывается тот же, что и у меня, район: Новинский бульвар, Арбат, площадь Восстания. Но эта разница в десять лет смыла бездну подробностей. Москва 30-х годов для меня всплывает как из небытия. Я бы никогда сам, казалось бы уже опытный писатель, не рискнул так подробно рассказывать, например, о своей родне, с такими деталями описывать обстановку, дворы, кухни, сорта мороженого, даже фантики от конфет. А всё вместе это очень интересно. Чтение продолжится еще дня четыре-пять, там 250 страниц, а я прочел пока 50. Но про себя решил: если буду писать настоящие мемуары, то сделаю их в том же духе: возобновлю, сконструирую, запечатлю — и в таком виде оставлю на всю жизнь. Подумал, что одно из лучших моих сочинений — "Мемуары сорокалетнего" — не надо, конечно, переписывать, но хорошо бы повторить еще раз, если, конечно, буду жив. Сколько я там выпустил нужного из-за стремления придать форме беллетристичность! Я, конечно, подозревал, что Нина Павловна — блестящий профессор, в разговорах поражался ее эрудиции, знал, что она пишет много учебников и вообще много пишет. Но учебники и проза — разные вещи, и в ее произведении я открыл для себя настоящего и мощного писателя. Посмотрим, что из этого будет дальше. По крайней мере, уже сейчас вырисовывается определенная линия уникальных мемуаров. Читая Н.П., я почему-то все время держал в памяти мемуары Е.Я.

24 мая, вторник. События вокруг премий Москвы разворачивались по совершенно новому сценарию. В известной

мере помощь пришла от Путина, реформировавшего Госпремию. Видимо (в схеме), мысль его была такова: хватит всё распределять между своей интеллигентской тусовкой, а если уж эта самая тусовка, подчиняясь не монаршей воле, а правилам псевдодемократизма, сама премии распределяет, то пусть и покрутится — не всем сестрам по серьгам (мы одну номинацию московской премии иногда делили чуть ли не на пять частей, чтобы никому не было обидно), а в каждой номинации отмечает одного, в крайнем случае двух творцов.

Пришли все: Вера Максимова, своей наивностью и чистосердечием похожая на В.С., мудрая, как черепаха, Инна Люциановна, Володя Андреев, Борис Покровский, у которого с Верой Максимовой вроде устанавливаются отношения, пришел и Андрей Порватов. На этот раз я изобрел для трудных случаев бюллетени с "да" и "нет" (голосующий отдает только половину листочка). Круг революционеров-интеллигентов очень узок: все готовы иногда проголосовать и по справедливости, как они её видят, рукой, но ведь тут же это разойдется в виде слухов, в каком бы закрытом бункере ни собирайся, поэтому решили иногда прибегать к тайному голосованию.

В Москве жарко, тем не менее, зная, что все придут с работы, наготовили бутербродов, из сейфа вынуты слабо початые бутылки водки и коньяка, купили кое-что из фруктов. Максим с Соней всё это хорошо и без восклицаний организовали. Максим — это особый разговор, мне нравится стоицизм его цели и поэзии (последнее вне обсуждения), но разберусь я в нем до конца еще не скоро.

Бесспорно, по факту самого письма, по сгущенной образности и поэтике, прошел Рома Сеф со своими двумя томами стихов: для взрослых и для детей. Еще раз выдвинута была Ветрова, надо бы уже премировать за настойчивость, но, возможно, она еще и художественно подрастет к следующему году, и я объединю ее с Арутюновым, Тиматковым и Лаврентьевым — парад молодежи!

В конечном итоге остались: в театре — Евгения Симонова и Сергей Голомазов — актриса и режиссер спектакля "Три высокие женщины" по Э.Олби. На этот раз ушла в сторону со своими концертными программами Алла Демидова. Мне кажется, многих она раздражает своим высокомерием и подчеркнутым, в манере всемирных звезд, поведением. Вспомнили ей во время обсуждения и чтение литературы А.Потемкина.

Проблемой в выборе лауреатов оказался и огромный раздел просветительской деятельности, и своеобразие раздела киноискусства. Если говорить о последнем, то совершенно не было "котлеты" — только "гарнир". Галя Евтушенко сделала

фильм "Горе уму, или Эйзенштейн и Мейерхольд: двойной портрет в интерьере эпохи". Уже по заголовку видно, как много здесь заемных образов. "Горе уму" — это Грибоедов и Пушкин, "портрет в интерьере" — Висконти, "в интерьере эпохи" — тоже, если мне не изменяет память, кому-то принадлежит. Но важно еще и другое — здесь Мейерхольд, а в следующем кинопроекте, Плахова и Слободкина, "Маэстро, покоривший мир" — о Леониде Когане. Но и это еще не все. В разделе искусствознания монография Владислава Иванова, из Института искусств, — "Русские сезоны театра "Габимы"". Да к этому еще "Международный фестиваль искусств имени Соломона Михоэлса". На фоне многонациональной Москвы с "габимой" есть некий перебор… В конечном итоге после довольно объективных обсуждений совсем сняли кино: будет большой художественный фильм (а фильма не было со времен Аллы Суриковой, это уже лет пять) — будет и премия за кино. В искусствознании оставили замечательную книгу Алексея Борташевича о Шекспире в театре XX века. Естественно, я заглянул в книгу — и умно, и современно, и эрудированно, а главное, написано так, будто все время ныряешь из одной эпохи в другую, вообще — написано писателем. В просветительской деятельности оставили "Габиму", книгу-альбом о театре Маяковского "80 лет спектаклю". Я не ожидал, что комиссия откажет Александру Авдеенко и в целом "Экрану и сцене". Помню, как возникала газета, но оказывается, она стала уже не такой объективной, да и выходит нерегулярно.

Утром был семинар с обсуждением рассказа Володи Мешкова "В это же самое время". Поставил всем студентам зачет — теперь придется всех дотягивать.

25 мая, среда. Опять остановился, опять ничего не пишу, опять занимаюсь внешней жизнью, скорее административной, и глохну как личность. Собственно, записать надо три события: экспертный совет "Открытая сцена" в министерстве культуры, Клуб Рыжкова и грандиозную катастрофу в Москве, связанную с отключением электроэнергии.

Сначала появились какие-то глухие слухи, что одна за другой останавливаются станции московского метро, потом выяснилось, что энергокризис затронул Тульскую и Калужскую области. Не смотрел телевизор, поэтому мог только догадываться по рассказам очевидцев, как чудовищно отразилось все это на столице. Даже представить себе трудно темные станции метро, старых людей, которых надо было выводить по неподвижным эскалаторам, а иногда и по шпалам в туннелях… Вставшие лифты, где находились люди. Вот и до нас добралось то, о чем мы читали раньше: язвы американского образа жизни. Вспомнилась

энергетическая катастрофа в Нью-Йорке, во время которой в лифтах погибло 143 человека, смутно всплыл в памяти кризис 70-х годов… Президент в это время находился на праздновании столетия Шолохова в Вёшках. Он выразил мнение, что виновато управление РАО ЕЭС во главе с Чубайсом, которое всё занимается "головным" (это слово вставил уже я) реформированием, а не занимается текущими работами. Но казачьи пляски продолжились. А казалось бы, президенту надо срочно приехать в Москву, собрать Совет министров, уволить и Фрадкова и Чубайса, и только тогда уехать обратно на Дон и продолжать плясать. (Какое-то замедленное зажигание, как и в реакции на катастрофу с атомным крейсером "Курск".) У меня особое беспокойство: я и подумать не могу, что В.С. может застрять в лифте. Кстати, у нас дома днем отключилось электричество, не работал телевизор, и она была в панике. Вообще, всё это заставляет думать, что можно ожидать и худшего, что это лишь первый сигнал. Чернобыль, сравнимый с библейским потопом, случился в самом начале "перестройки". Может быть, московский энергокризис скругляет время?

Экспертный совет прошел удачно, много говорили о театре Жеваноча, о его новом выпуске. Практически, со скандалом, закрыли только одну пьесу, на которую я писал рецензию, и не только я, а еще двое членов совета, — это пьеса Александра Крастошевского "Партия". Оказалось следующее: М.Ф.Шатров организовал некую школу драматического искусства, в которой работает сам, а также Ю.Эдлис и М.Рощин, по крайней мере эти имена числятся в программках, распространяющихся в Липках (это со слов). Школа, естественно, платная, и за два года мастера гарантируют мастерство своих подопечных. "Партия" написана воспитанником этой школы. Пьеса очень слабая, с полным набором штампов. Действие происходит в больнице, двое раковых больных, министр и инженер, играют в шахматы, там же некий 19-летний музыкант, тоже обреченный. Рефрен: жизнь продолжается. В общем, типичная бредятина 60-х годов. Самое увлекательное в этом проекте — огромная смета.

Вечером состоялся Клуб Рыжкова, где главным докладчиком был Богословский (?), директор моторостроительного завода в Запорожье. Он рассказал о ситуации на Украине, о пяти группах людей с разными интересами в правительстве, говорил о необходимости интеграции во что бы то ни стало. У меня возникли вопросы — при настоящем положении дел не все можно интегрировать (мы один раз уже все не очень удачно сынтегрировали в Советском Союзе).

На Клубе были Селезнев и Глазьев. Пили вместе пиво, и

Селезнев очень интересно рассказывал, как его лишили поста заместителя председателя межпарламентской группы — в одночасье, по телефонному звонку Грызлова, "мраморного" человека. А Рыжков говорил о том, как в Совете федерации зарубили квоты на импортное мясо — американское и бразильское. Я заметил: "Ну, ведь всё равно утвердите"… Разговор перешел на внутрипарламентские темы, много рассказывали о том, как выкручивали руки депутатам, тем, кто переходил из фракции во фракцию. Такое тут на меня накатило отчаяние! Захотелось именно в это место дневника вставить еще один коллаж из "Кошачьего города" пессимиста Лао Шэ:

"Последние триста лет были периодом разбоя, но это совсем не плохо, так как разбой свидетельствует о свободе личности, а свобода всегда была высшим идеалом людей-кошек… (Примечание: слово "свобода" в кошачьем языке не совпадает по значению с аналогичным китайским словом. Люди-кошки называют свободой эгоизм, насилие, произвол.)…другие страны действительно проводят реформы, развивают свои особенности, а мы развиваем свои. Особенность же наша в том, что, чем больше мы шумим, тем хуже у нас становится…начну со свар.

— Свар?!

— Это не наша штука… Собственно, это даже не штука, а организация, в которую объединяются люди с определенными политическими принципами и программой.

— …мы называем эти организации партиями.

— Ладно, пусть будут партии или как-нибудь еще, но у нас они называются сварами. С древности мы беспрекословно подчинялись императору, не смели даже пискнуть и считали высшей добродетелью так называемую моральную чистоту… Тем временем прошел слух, что император вовсе не нужен. Образовалась свара народного правления, поставившая себе целью изгнать императора. А он, проведав об этом, создал собственную свару, каждый член которой получал в месяц тысячу национальных престижей. (Примечание: "национальный престиж" — основная денежная единица в Кошачьем государстве.) У сторонников народного правления загорелись глаза, потекли слюнки. Они стали ластиться к императору, но он предложил им только по сто национальных престижей. Дело бы совсем расклеилось, если бы жалованье не было повышено до ста трех престижей. Однако на всех жалованья не хватило, и стали образовываться оппозиционные свары из десяти, двух и даже одного человека.

— …Были в этих организациях люди из народа?

— …Конечно, нет, потому что народ оставался

необразованным, темным и излишне доверчивым. Каждая свара твердила о народе, а потом принимала деньги, которые император с него содрал… Когда чужой национальный престиж забираешь в свои руки, это считается очень благородным поступком!.. Наши государственные деятели, студенты все время твердят об экономике, политике, разных "измах" и "ациях", но стоит тебе спросить, что это такое, или попытаться самому вникнуть в дело, как они возмущенно закатят глаза… Политика изменяется, но не улучшается. О демократии кричим, а народ по-прежнему беднеет. И молодежь становится все более поверхностной. Даже те, кто в самом деле хочет спасти страну, только попусту таращат глаза, когда захватывают власть, потому что для правильного ее использования у них нет ни способностей, ни знаний. Приходится звать стариков, которые тоже невежественны, но гораздо хитрее. По видимости правят революционеры, а по существу — старые лисы. Не удивительно, что все смотрят на политику как на взаимный обман: удачно обманул — значит, выиграл, неудачно — провалился…

Да, опасное это дело — революция в руках невежд!"

Во время ужина и речей я сидел и думал об одном товаре, уже сынтегрированном, о русском языке, на котором — тем не менее не делая его государственным — говорят все, от Саакашвили до Ющенко. Может быть, и на него выдать лицензию? В общем, речь подготовил, но не произнес. Это — дело будущего.

Домой приехал в 11.

26 мая, четверг. По телевидению продолжают обсуждать события, связанные с энергетическим кризисом. Время Чубайса. Показывают то фабрику, где погибло поголовье кур, то роддом, в котором умер недоношенный младенец. Выяснилось, что в эти дни в Москве практически остановилось уличное движение, так как не работали светофоры. Все говорят об огромных убытках. Нажились только таксисты, которые, в отсутствие электричек до аэропорта Домодедово, стали брать по 200 долларов за проезд. На телевидении появился Чубайс, без обычной своей хитрой ухмылки, извинился перед потребителями электричества за "краткие перебои" в снабжении, допущенные и по его, Чубайса, вине. Это заставило вспомнить строчку из парижского стиха Маяковского: "Изнасилуют и скажут: "Пардон, мадам!"" Его декоративно даже вызвали в прокуратуру, где он пробыл четыре часа. Он сказал, что РАО ЕЭС готово оплатить ущерб. Но если задуматься: а из чего это РАО сможет покрыть народные убытки? — станет ясно: из того, что вновь повысит тарифы,

многим откажет в справедливых исках, особенно бедным. Я, например, не буду жаловаться, что у меня потекли котлеты в отключенном холодильнике, но за гибель тысяч кур на птицефабрике придется заплатить все же и мне, в числе других мелких потребителей. Так что всё опять-таки получат с беднейшего слоя.

Вечером по телевидению схватка в соловьевской "дуэли". У барьера некто Васильев, заместитель по "Мосэнерго" знаменитого Евстафьева, и Андрей Исаев, в свое время изысканно и активно лоббировавший монетизацию льгот. Васильев защищал проигранное дело Чубайса, но ловкий Исаев вспомнил о Евстафьеве, том самом, который вынес из парламента коробку из-под ксерокса с долларами на избирательную кампанию Ельцина 1996 года и которого Чубайс в награду пропихнул потом на место энергетика Кучерявого, тогда же предупреждавшего о возможности подобных кризисов. Васильев, кстати, обнародовал зарплату Чубайса — 600 тысяч долларов, говорил о каких-то бонусах обновления (кличка новых ваучеров?). Митрофанов, выкормыш Жириновского, под одобрительный гул толпы заявил, что ихняя ЛДПР постарается, чтоб арестованного за неудачное покушение на Чубайса взрывника выпустили под подписку о невыезде (для очередной, что ли, попытки?). Ему оставалось только, следуя размашистым заявлениям своего босса, процитировать из Послания к евреям: "Ибо… пепел рыжей телицы освящает осквернённых…" (Евр 9:13). Правда, окрас телицы, для большей убедительности, пришлось бы позаимствовать из Ветхого Завета (Числ 19:2), на который, собственно, и ссылается новозаветное послание.

Все эти скандалы выявляют сущность власти. В качестве иллюстрации приведу и такой пример. Не успела Америка заговорить об экстрадиции Адамова, как русские также потребовали выдачи этого министра, которого до сих пор считали, очевидно, порядочным человеком. Думаю, тут боязнь не того, что, очутившись в США, он раскроет наши атомные, известные ему, секреты, а что назовет подельников. Какая грусть — сегодняшняя жизнь!

Вечером ходил на концерт Спивакова в рамках музыкального марафона, посвященного 60-летию Победы. Задумано здорово: Лондон-Париж-Рим, еще что-то, Тель-Авив например… Это как бы концерты наших русских звезд для ветеранов. Концерт хорош, но в силу того, что была очень популярная музыка, сам Спиваков показался несколько облегченным. Только иногда — когда играли Шостаковича и еще в двух-трех местах — оркестр выходил на ту степень пронзительного сгущения жизни, которая меня

интересует. Зато увидел наконец-то новый Дом музыки. Это впечатляет, мне показалось, что и акустика, вопреки слухам, ничего.

Что касается дня в целом, он опять прошел в какой-то пустоте, в бесконечных препирательствах. В три часа состоялся ученый совет. У нас в этом году довольно большой набор на первый курс. Решали также, что делать с Высшими литературными курсами. Я категорически за одногодичный коммерческий набор, но почему-то в последний момент Л.М. поменяла свое мнение, которое мы согласовали на ректорате, и выступила за двухгодичный: дескать, набрать и забыть на два года. Думаю, у нее — как и у Вал. Вас., который не знает, как набирать, как составлять учебный план, что делать со слушателями и т. д., - есть свои мысли, связанные с часами и балансом на кафедре.

Я почти физически ощущаю, что старость и инертность в нашем институте все больше грузят наш прогнивающий корабль. Слава Богу еще, что идут, по крайней мере мы их выпускаем, нормальные студенты. Отказал Жанне Голенко, которой я симпатизирую, в некоторых ее преподавательских претензиях. С теми же претензиями раньше приходил Петя Алешкин, тоже получивший пока отказ.

27 мая, пятница. Чем раньше приезжаешь на работу, тем меньше успеваешь что-либо сделать. Тем не менее подписал с утра доверенность Анатолию на машину, отправил реферат С.Небольсину, с помощью Ю.И.Минералова, наконец-то, определился в премии по эссе о Пушкине (грант Кати Лебедевой из Лондона).

Сегодня же для Формина пришел из Филадельфии диплом и письмо от Марка. Он сделал все это с большой любовью, а письмо написал тепло и одухотворенно. На дипломе портрет безвременно умершей сестры Сони, еще молодой и прелестной Анны Хавинсон. А ведь Анна была просто до изумления хорошим человеком, оказалось, что это невероятно много значит!

Под вечер буквально ворвалась ко мне в кабинет небезызвестная Анна Мамаенко с какой-то своей подружкой, такой же богемной, как и она сама. Вчера у них, по обыкновению, что-то произошло с охраной, и сегодня они пошли на упреждение. Но охрана, которой подружки надоели смертельно — личное дело Мамаенко полно разных объяснительных и докладных записок, я уже исключал ее, восстанавливал, переводил с очного отделения на заочное, отправлял за свой счет на родину и вот, наконец-то, дал возможность закончить институт, — но охрана, хотя утром я и видел начальника, ничего мне на этот раз не сказала. Девушке

скучно, ей нужно зрителей и потрясений. Но почему я должен заниматься с ней столько, сколько не занимаюсь ни с одним другим студентом? Не раз я видел ее "под шафе"… Поорал на нее, а потом написал индивидуальный приказ, решил выдать ей в понедельник диплом, а не позже вторника отправить, даже, если понадобится, за счет института, на родину, в Краснодар, пусть там гуляет! Я будто чувствовал нечто подобное и предлагал декану как можно скорее выдать всему курсу дипломы. Нет, все заняты, в три часа в институте уже никого нет, у С.В. муж лежит в больнице, декан едет на дачу. А в свое время — да всего лишь в прошлом году — Зоя Михайловна тихо-спокойно за два дня оформила чуть ли не шестьдесят документов!

Гена Красухин, с которым я когда-то работал в "Кругозоре", написал мемуары. Мне их принес Василий Николаевич из книжной лавки, сказав, что здесь есть что-то нелицеприятное обо мне. Все оказалось очень занятным. По Геннадию, я был раньше неплохим парнем, только почему-то неохотно давал ему на работе белый ТАСС. Он это "неохотно", бедняжка, ставит мне в строку! Зачем я вообще ему что-то давал? Ведь, по правилам, эти документы присылали только членам коллегии, а им был Борис Михайлович Хессин, он давал его, в свою очередь нарушая правило, своему заместителю по журналу Евгению Серафимовичу Велтистову, у Велтистова, особенно его не спрашивая, я втихаря, рискуя попасться, брал эту кипу бумаги, когда он уходил домой, благо сидел с ним в одной комнате, а тут еще клянчил любопытный Гена. Ну, недаром меня предупредили, когда его взяли на работу, что это самый большой литературный сплетник. Зачем только я ему вообще давал эти бумаги, которые ему не по соплям! Это все, что он с полным знанием дела мог мне предъявить. Но на то и сплетник, чтобы сплетничать. Дальше — все по слухам. Цитата.

Но и это не все. Видимо опять по слухам, Гена анализирует мой роман о Ленине. Ну, там-то что его особенно интересует? Ответ правильный: Гену интересует еврейский вопрос.

Вечером уехал в Обнинск. Стоит такая жара!

28 мая, суббота. Все, как обычно, — баня, целый день копаюсь в земле, поливал, пересаживал рассаду, удобрял, копал, устал, заболели ноги, ходил по участку в одних трусах. В перерывах читал поразительные мемуары Михальской. Здесь много и о времени, и о воспитании ребенка в семье, и удивительные сцены прошлой жизни. Если бы такие книги находили читателя! Мне надо будет написать предисловие, и я не знаю, с какого бока подходить, столько здесь всего. Как интересно протекает жизнь без телевизора.

29 мая, воскресенье. Как ни хотелось, но пришлось уехать из Обнинска почти в час дня. В шесть пошел в театр Покровского на премьеру оперы Николау "Виндзорские насмешницы". Отчетливо понимаю, что с годами желание узнать что-то новое всё истончается и истончается. Уже больше хочется посидеть, почитать, начинаешь думать, что лучше бы что-нибудь написать, но, кажется, Цветаева говорила, что талантливый человек должен успевать всё. Перед началом спектакля Виктор Вольский, который спектакль оформлял, он же меня и пригласил в театр, заговорил о Московской премии, о некотором пренебрежении жюри к работе театрального художника. По большому счету это понятно: надо быть обязательно театралом, чтобы знать, что никакие эскизы не дадут то уникальное впечатление, которое создает сам спектакль. Свет, цвет, декорации, костюмы, неповторимость человеческого голоса, человеческой пластики — художник должен это все сочетать, чтобы создать единое целое.

Как и всё, что я смотрю у Покровского, постановка поражает изначальностью видения. В XVII–XVIII веках опера не делилась на классическую и современную, она вся была современна. Сейчас в нашем представлении опера это что-то монументальное, связанное с Большим театром или с Метрополитен-опера. Покровский возвращает все к истокам — роскошный, живой, а главное, смешной спектакль. Чувствуется немецкая музыка, здесь изменены даже имена, чувствуется и предвестница венской оперетты. Хотел бы сказать, что здесь же, в непрерывности неаффектированных мелодий, я вижу и будущего Вагнера, но, наверное, тут у меня пересол. В общем, получил море удовольствия.

Обратно, с Дзержинки, решил пройтись пешком до "Библиотеки". Шел дождь. Еще раз подумал о том, как отвратительно выглядит Манеж со своими пряничными строениями, прошел мимо университетского двора, который, по сравнению с Манежем, опустился еще больше, вернее округа поднялась. Старые липы обновили памятники Герцену и Огареву. Совершенно по-другому увиделся мне Ломоносов, сидящий перед другим зданием: тяжелые башмаки, мощные икры ног…

В вагоне метро стоял рядом с парнем, который, оказалось, учится в Вышке, той самой, которая живет у нас в общежитии, платит, по-моему, 900 долларов в год. Я везде и всегда произвожу разведку. Я задал ему прямой вопрос: берут ли преподаватели взятки или нет? Вопрос парня не смутил. Не все, но берут, в основном, молодые преподаватели. Это признак особенности молодежной морали или стариковской боязни?..

Дома успел еще к Соловьеву. Не интересны ни Зюганов со

своими стонами по поводу проигранных выборов 96-го года, ни рассуждения о Ходорковском. Но обсуждали предложение Л.К.Слиски, которая считает, что петь "под фанеру", не объявляя об этом заранее, нельзя. Я размышлял на эту тему давно и хотел даже написать небольшую статью с призывом всем обманутым обращаться в Общество потребителей. Но главное, вопрос поднят. Таково наше время — все из подделок, все из имитаций.

30 мая, понедельник. Когда приехал из министерства культуры в институт, опять возник разговор о Мамаенко: когда ей выдавать диплом, стоит ли подводить девушку перед самым выпуском, портить ей лето и жизнь. Хулиганить, вернее вести себя, как у них в провинции "положено", вести себя как "художник" она не перестает. Рассказывал Лыгарев: когда он зашел к ней утром в комнату на четвертом этаже, девушка сидела на подоконнике, свесив ноги на улицу, и курила сигаретку. Я ведь отчетливо понимаю, что если что-нибудь случится, то неприятностей не оберешься. Скорее отправить в привычную обстановку, домой, где меньше "интеллигентских" соблазнов, начнет работать, смотришь, дурь и спадет! Но наши гуманные дамы девочку обижать не хотят, пусть получит свою долю веселья на выпускном вечере вместе со всеми. Поссорился за обедом с Л.М., сказав: ну, вот вас в пятницу никого нет, а я за всех отдувайся. Но все-таки настроение хорошее, потому что вижу свет в конце тоннеля: добить этот год, а дальше с интересом за всем наблюдать.

На коллегии министерства, которая состоялась утром, обсуждалось два вопроса, долго и, по сути, скучно. Справка, которую министерство сделало к докладу на правительстве о концепции культуры, страшна невероятно, какая-то плохая вымученная кандидатская диссертация, со школьными разъяснениями, что такое культура. Так приблизительно выражались желающие казаться культурными болгары на европейских конференциях по радиодраме во времена, когда я работал на радио. Культурный провинциализм. Речей большинства выступавших, с их изощренной терминологией младших научных сотрудников, я практически не понимал. Сам тоже готов был выступить, но перед этим сказал то же, о чем я думал, директор Института искусствознания Комич, начальник Инны Люциановны. Я все-таки думаю, что Соколов на правительстве будет говорить в другом тоне и по-другому, нежели предполагает справка. Настроение у него боевое. Говорить надо, сколько недодают культуре, что к ней относятся функционально, требуют от нее какой-то экономики, а она существует и сама по себе как высшее достижение человечества,

говорить надо требовательно: решите, мол, господа, и признайтесь, что культура вам абсолютно не нужна, или дайте ей столько, сколько принято давать в цивилизованном государстве.

Приблизительно так же, долго толчась на очевидном, говорили и о повышении зарплаты для работников культуры. Средняя цифра чудовищная — около 8 (?) тысяч. Причем федералы в худшем положении, нежели провинция и регионы. Когда Комич говорил, что средняя зарплата 90 его докторов и 120 кандидатов наук 3 тысячи рублей, я вступился за библиотекарей и архивистов: если еще профессор или доктор могут сбегать куда-нибудь и прочитать лекцию, то куда со своего места отойдет библиотекарь и что он в итоге принесет домой, к очагу?

Только в два часа попал в институт. Но здесь-то меня и встретила М.В. с массой "нельзя", которые я, естественно, предвидел. Послал шофера к А.М.Туркову подписывать диплом для Мамаенко, преодолевать одно из "нельзя", хотя раньше, по договоренности с А.М., диплом в исключительных случаях подписывал Лев Иванович. Всех достала эта не без способностей, но взбалмошная девка.

А вечером с В.С. пошел в Госкино смотреть новый фильм Балабанова "Жмурки". В первом ряду, как на параде, старейшие дамы и "умнейшие" дамы нашего кинематографа: Нея Зоркая, Стишова, Лындина. В.С. энергично протискивается по стенке и бредет вдоль первого ряда. Потом она то ли падает, то ли садится на пол. Я с замиранием сердца смотрю за ней от двери. Ее поднимают, и кто-то из молодняка уступает ей место. Потом я протискиваюсь к ней и устраиваюсь на ковролине. Перед дамами разворачивается панорама убийств и бурлят фонтаны крови. Фильм мне понятен, вернее понятна психология Рогожкина, поставившего "Брата-1" и "Брата-2", я хорошо чувствую — вроде бы это комедия, Никита Михалков в красном пиджаке 90-х годов, времени "первоначального накопления". Не такова ли моя "Хургада"? Но и "Хургада" не большая литература, и эти самые "Жмурки" не высокое кино. Художник лишь подделывается под серьезный стиль.

31 мая, вторник. Вечером у нас в гостях побывала Наташа Бастина из Риги. Она теперь работает в Рижском русском театре пресс-секретарем и главным администратором. Я приготовился, памятуя, и как она встречала В.С. в Риге, и как звала на спектакли, когда театр приезжал в Москву. У Альберта Дмитриевича взял изделия его кухни, было очень вкусно, четвертого, когда получу зарплату, рассчитаюсь, так мы с ним договорились. Главное, всегда отдавать долги, чтобы не оказаться в мелком буржуазном рабстве. В.С. за столом долго вспоминала и

о своих путешествиях по миру, и о своих визитах в Ригу.

Мне в данном случае было интереснее послушать Наташу. Из самого нового — это, во-первых, их избирательная система. Президента выбирает парламент, состоящий из 100 человек. Это делает многое понятным. Второе — это инертность наших соотечественников. Многие из них не хотят сдавать довольно легкий, с подсказками, экзамен по языку. А те, кто получил гражданство, инертно ходят на выборы. Это в русском характере. Напротив, старые, даже древние латыши, опираясь на свои палки, плетутся на избирательные участки, чтобы проголосовать. Из рассказов Наташи мне не совсем ясно, на что живет это государство. Ее собственный племянник осуществил мечту большинства латышей — уехал за границу. Устроил даже небольшое путешествие в Кельн и Париж своим теткам. Но работает этот стильный двадцатидевятилетний рижский красавец, учившийся на юриста, стюардом.

Итак, описаны пять месяцев 2005 года. Что называется, отмаялся. Эту часть дневника ждут в журнале. И я опять вспомнил о читателе. Возможно, кому-то захочется узнать, чем же завершились "Записки о Кошачьем городе". Судьба вымышленного инопланетного государства оказалась трагичной, впрочем, как и самого Лао Шэ: он погиб от рук хунвейбинов во время "культурной революции" (не путать с одноименным популярным теле-шоу М.Е.Швыдкого). Слово рассказчику-землянину, от имени которого ведется повествование:

"В древности люди-кошки воевали с иностранцами, а иногда даже побеждали, но за последние пятьсот лет в результате взаимной резни совершенно забыли об этом, обратили все усилия на внутренние раздоры и потому стали очень бояться иностранцев… Недаром в Кошачьем государстве существует поговорка: "Иностранец чихнет — сто солдат упадет"… Уважать можно только достойных людей, а люди-кошки утратили и честь и совесть — неудивительно, что иностранцы с ними не церемонятся".

"Бесцеремонность" иностранцев имела вид довольно жестокий: пристрастившие людей-кошек к дурманным листьям как единственной пище и сами охранявшие их плантации от разворовывания, они решили, наконец, уничтожить туземцев, утративших всякую способность и жить своим трудом, и защищать свой дом. Умненький сын, познакомившийся за границей с убийственным прагматизмом иноземцев, покончил с собой, поскольку не ждал от них пощады. Его высокопоставленный отец, напротив, был полон иллюзий: "Кто

первый подарит столицу врагу, тот получит в награду прибыльное местечко!" Он ошибался: люди-кошки погибли все, не сумев объединиться в противостоянии общей беде.

"Я вовсе не жаждал крови, а лишь желал людям-кошкам легкой смерти, от обычного дождя, — меланхолично замечает рассказчик. — Ради чего они живут? Я не мог этого понять, но чувствовал, что в их истории произошла какая-то нелепая ошибка, за которую они теперь вынуждены расплачиваться".

Нужно ли заключать эту часть дневника на минорной ноте? Вот еще один кусочек из ксероксной страницы, присланной мне внимательным анонимом:

"…Под напором внезапно обрушившейся жизни начался великий "отказ", великий пересмотр старых принципов, но чаще это пока воспринимается как просто "переворачивание" методологических подходов на противоположные, при которых воспроизводятся старые схемы познания и мышления с обратным знаком. Стремительно стала исчезать вера в единственность истины, сменяемая идеей плюрализма и даже утверждениями, что нет различия между истиной и неистиной, хорошим и плохим, добром и злом: рационализм начал вытесняться иррационалистическими, мистическими представлениями, наука — обскурантизмом, историзм — мнением, что любой новый процесс начинается с "чистого листа", объективность истины — релятивизмом. Хотя подобные формы осознания реальности действительно присущи постмодернистскому социально-культурному подходу, но на российской почве эстетический нигилизм, "черпание воли к культуре" в "воле к жизни" (термины Н.Бердяева) — посредством обращения к традициям андеграунда — нередко окрашиваются в карикатурные тона. Справедливая критика злоупотребления единством не должна вести к отрицанию единства. В отечественной культуре и теории познания, в методологии социального познания идея плюрализма подвергается определенному упрощению и утрированию".

Уже то, что наша научная общественность наконец-то начинает трезво осмысливать происходящее в стране, вселяет надежду: русские преодолеют и эту Смуту.

7 июля, четверг. Вчера в Сингапуре объявили город следующей Олимпиады — это Лондон, а сегодня в Лондоне жуткий теракт с несколькими взрывами на транспорте. Здесь невольно вспоминаешь ту поддержку, которую свободолюбивый Лондон оказывал диссидентам, в том числе и чеченским. Связь здесь просматривается. Но начнем с утра. Мы-то к терактам начали привыкать: в Дагестане взрывы не прекращаются.

Рано утром, совершенно измученный последними событиями, уехал на дачу. На этот раз, коли без собаки, решил ехать на электричке. Не ездил таким образом уже, наверное, года два. Для меня это еще и некая разведка: метро, вокзал, электричка, транспорт в Обнинске до Кончаловских гор, потом дорога через кладбище.

Сразу обратил внимание на непомерно выросшую цену на железнодорожные билеты. Нынче до Обнинска — свыше 180 рублей. Сумма очень высокая, теперь уже из провинции в Москву в театр, картинную галерею, на литературный вечер не поедешь, а раньше это было возможно каждому. Но одновременно выяснилось, что деньги можно было и не платить: в моей социальной карте москвича, оказывается, есть льгота — бесплатный проезд на электричке. Это для меня фантастически удобно: езда в электричке, когда я один и без собаки, это два часа чтения. Я до него еще дойду. В Обнинске купил молоко, хлеб, сырковую массу, легко, за семь рублей, добрался до Кончаловских гор.

На кладбище выросла церковь, а рядом с ней еще какой-то дом и, кажется, еще, ограда выделила целый участок, где, наверное, будет сад. Центральная аллея заросла, асфальт весь растрескался, в ямах. Возле памятника солдату, который я помню еще с начала "перестройки", и куда, видимо, родители приходили ежедневно, появилась еще одна, свежая, с неувядшими цветами, могила. На фотографическом портрете хорошее русское лицо — должно быть, отец.

Всю дорогу читал. Начал, еще когда ожидал поезда, роман Оксаны Робски "Сознав повседневное". Это роман из короткого списка "Национального бестселлера", который я решил обчитать. Конечно, очень здорово сделан, хотя его не назовешь интеллектуальным. Компания тридцатилетних молодых дам, живущих в собственных особняках в районе Рублевского шоссе. У героини убит муж, и дальше — коллизии лета, мужниного адюльтера, бизнеса. И всё это на фоне экзотической, этнографически точно описанной жизни так называемого высшего общества. Всё очень выразительно: интерьеры, рестораны, туалеты… В одном только смысле представленная жизнь скучна: ни русского психологизма, ни движения мысли и искусства — ничего этого нет. Невольно сравниваю с романом Шишкина. Что же мне больше нравится? Я ведь понимаю, что и как пишется. А здесь еще только что прочитанная статья П. Басинского:

"…каждый имел определенное право претендовать на звание лауреата "Национального бестселлера". Кроме одного человека — Михаила Шишкина. Ему премию и присудили.

Дело, разумеется, не в том, что он живет в Швейцарии. Хотя (это мое частное мнение) это тоже немаловажный факт. Нынче стало модно играть в эдакий псевдодевятнадцатый век. Русский писатель должен непременно либо жить в Европе (именно в Европе, Америка не капает), в Швейцарии, на юге Франции, в Англии — еще лучше, либо обретаться где-то "между" Россией и Европой. И не знаю, какое уж — они там или здесь "едят сало "но моему национальному чувству это почему-то неприятно (именно неприятно, не больше того). Ну, учредите премию под названием "Изгнанники", или "Пилигримы", или "Вечный жид, но при чем тут "национальный бестселлер"?

Но главное все же в том, что Шишкин — писатель хороший и скучный. Умный, талантливый, приятный во всех отношениях. Но скучный. Читая его, надо уговаривать себя, как мамы нас уговаривали в детстве: "Ну, скушай еще ложечку! Ну, за папу! Ну, за бабушку! "Отчего это так — даже доказывать не стоит. Таков состав его эстетического организма. Причем, не зная Шишкина лично, я готов предположить, что в жизни это веселый, искрометный человек. Забулдыга какой-нибудь. Фаина Раневская в штанах. Ну и что?"

Несколько раз звонил по мобильнику СП. В Педуниверситете возникли сложности. Объяснять всё сложно. Некто понимает, что не подписать мои документы невозможно, но по сталинской бюрократической привычке что-то его тянет. "Наш ректор — член президиума ВАК, и вдруг зайдет разговор, а он будет не в курсе". Позиция очень подлая. От меня требуют унизительного для меня "личного контакта, хотя бы по телефону". Пока этого контакта не состоится, этот обрубок древнего мира наказал дело в ВАК не отправлять. Мне так хочется на все плюнуть, пусть пропустят положенные сроки, а потом я накатаю на этого динозавра хорошую жалобу его же ректору. И все же завтра напишу письмо ректору В.Л. Матросову, а в понедельник ему позвоню.

В доме всё напоминает мою собаку: миска, её подстилка. Просыпаясь, бросаю взгляд на кресло, где она спала: как ты там, собака? Её нет, и слезы приливают к глазам: может быть, собака с мамой?

8 июля, пятница. Будто вернулась молодость: встал в 4.30, попил чаю, закрыл дачу и — через поселок, перелез через ворота, которые закрывают на ночь, через нашу рощицу, через кладбище, мимо солдата и его отца — "на всю оставшуюся жизнь нам хватит горя и печали", — вверх, на Кончаловские горы, мимо дачи художника и — лесом до станции. Лес невероятно грязный и засоренный, поваленные и гниющие деревья, истлевший валежник. Пока шел по лесу, думал о новом романе. В 5.30 я уже

сидел в электричке. В основном, мужики едут на работу. Сели, каждый приготовил по 20 рублей — на случай если пойдет контролер. Раньше контролеры брали 10, теперь 20.

В час был на "Народном радио". Довольно пустые радиоразговоры, критические звонки радиослушателей. Не было ни ощущения радости, ни ощущения подъема. Наконец-то подписали годовой приказ. Я уступил деканату Витю Гусева, но все же мои спортсменки, кроме одной, получат стипендию. Написал письмо В.Л. Матросову. Не еду, сначала долго вожусь с каким-то супом, похожим и на харчо, и на шурпу, вечером отправился в длинную, чтобы предотвратить надвигающуюся бессонницу, прогулку.

9 июля, суббота. Удалось прихватить с собою на дачу СП., замечательно ехали, все время болтая об институтских делах. Случилось маленькое происшествие. Только что вышел закон о пересечении непрерывной белой линии, санкции на этот счет серьезные, вплоть до изъятия водительских прав. Обгонял какой-то грузовик в заранее подготовленном милицией для ловли таких же идиотов, как я, месте, — милиция тут как тут. Усадили меня в машину и стали демонстративно меня стращать, сколько времени я потеряю, приехав к ним на разбор за своими правами. Полюбовная, которая заняла тридцать секунд, мне обошлась в 1000 рублей. Когда я уезжал с места происшествия, один из этой бандитской компании демонстративно стал против номера на своей милицейской машине, чтобы в зеркало заднего вида я не разглядел цифры. На даче все пошло по своему кругу, никакой интеллектуальности. Я поливал огород, красил решетки на окнах. Ездили в город, где купили пластмассовые кресла для дачи СП., смотрели ему двойные рамы на окна, но в результате я присмотрел рамы себе, вместо тех раздвижных, которые планировались для террасы. СП. читает мой роман. Потом была баня, и я рано уснул, только начав роман Димы Быкова "Эвакуатор". Здесь найдена прекрасная интонация и замечательный ход: инопланетянин, маскирующийся под нашего современника. У этого инопланетянина и землянки любовь, два этих образа заявлены прекрасно, полно, выпукло. Посмотрим, что будет дальше — я ведь читаю малый список "Нацбеста", — с моей точки зрения, это интереснее и глубже, чем роман Оксаны Робски, и значительно интереснее, чем роман Шишкина.

10 июля, воскресенье. Приехал в Москву, завтра уезжаю в Ленинград на съезд Книжного союза, нет сил даже собраться. Апатия. Вот замечательная цитата из романа Дмитрия Быкова. О любви. Я всегда полагал, что самое невероятное в романистике и самое искусственное — это любовь. Ведь запоминается лишь то, что либо синхронно твоим собственным ощущениям, либо диаметрально противоположно им — это рассуждение Виктора Петровича Астафьева, после того как он послушал сделанную на радио запись "Пастуха и Пастушки". Смысл его в том, что писать надо как бы по касательной. Не роскошные груди и розовые соски, а отблеск костра на плече… Похоже, я продолжаю свою работу над книжкой о мастерстве, дополняю книгу о творчестве.

"Особенность любви в том, что ее не вообразишь, как нельзя вообразить, скажем, горячую ванну. Есть вещи, которые словами не описываются, и они-то наиболее драгоценны. Как описать, что в комнате включили свет? Вошли, включили, все стало уютным и жилым, появилась возможность жить, надежда, гармония… Вот так и тут — включили свет, и началась жизнь, а когда ее не было, о ней и помыслить было нельзя. Все стало подсвечено, на все страхи и обиды нашлось универсальное "а зато", включился дополнительный двигатель — демпфекс, трансмутатор, кузельвуар. Никакое воображение, далее самое сильное, никакая память, даже крепчайшая, не заменит присутствия живого человека, любящего нас. Человек, любящий нас, поил нас чаем, раздевал нас, долго и с умилением смотрел на нас. Любовь и есть, в сущности, восторг и умиление при виде другого человека, но этого-то наиболее человеческого чувства мы почему-то давно не встречали не только на собственных путях, но и вокруг!".

В запасе большая цитата из Жане.

11 июля, понедельник. Отрывки дневника в записной книжке.

19 июля, вторник. Удивительный я установил сегодня факт, сдавая в библиотеку три номера "Знамени" с романом Михаила Шишкина. Я спросил, как читают у нас толстые журналы, которые мы выписываем в изрядном количестве. Вроде бы читают, но данных у библиотеки нет. Тогда сделали "следственный" эксперимент. Взяли первый номер за 2004 год журнала "Октябрь". В нем напечатан роман Аксенова "Вольтерьянцы и вольтерьянки", который нынче, через год после выхода в свет, получил "Букера". Неужели никому не интересно, за что? Неужели никому не интересен сам Василий Аксенов? Но дальше больше, в этом же номере, где начинался Аксенов, заканчивался роман Вацлава Михальского, который в том же году получил Госпремию. За что? Неужели неинтересно? Оказалось, неинтересно. За полтора с лишнем года, которые прошли и с выхода журнала, и с выхода

этих, безусловно, заметных романов, в институте нашлось только два человека, которые брали его на руки. Вот так-то!

Днем наконец-то устроил встречу Софии Ромы, которая снова оказалась в Москве, с Лешей Козловым и Сережей Арутюновым, переводчиком. Возможно, все уже заканчивается и в октябре книжка выйдет в свет. Соня была одета в очаровательную кофточку, милая и очень воздушная.

Все время приходят родители, или звонят знакомые, которые хотят некого эксклюзива для отдельных абитуриентов, чаще всего собственных детей. Сегодня позвонила Алла Смехова, она вдруг озаботилась младшим Лавровским, которого я прочел и которому покровительствую, потому что талантлив. Приходила Марина Кулакова, которая настаивала на исключительных способностях своего сына и требовала, чтобы мы допустили его до экзаменов без аттестата зрелости, аттестат будет только в следующем году. Вчера был мальчик из Израиля, но с русским гражданством, у которого вместо аттестата была лишь справка о том, что после сдачи экзаменов ему аттестат выдадут. У каждого свой случай, все требуют исключения из правил.

Сегодня же сделал список тем для экзамена "Творческий этюд". Выбирал из того, что представили мне мастера. Интереснее всего были предложения Лобанова, Сидорова и Королева и, как всегда, Орлова.

1. Вы думаете, что обладаете литературным дарованием? Попробуйте доказать это на одной-двух страницах текста. В любом жанре (Е.Сидоров).

2. Три дня из жизни грузового лифта (В. Орлов).

3. За кого бы сейчас был Григорий Мелихов?

(В. Гусев).

4. Разговор в канун Победы в доме фронтовика о "монетизации льгот" (М. Лобанов).

5. Почему действие первого романа Кафки происходит в Америке, где автор не бывал? (Р. Киреев).

6. Оскар Уайльд: "Если писатель кого-нибудь отравил, это не аргумент против качества его прозы" (А.Королев).

Приехал с дачи Витя. Он вчера упал с мотоцикла и сильно побился, болит спина и ссадины на лице. Возил его в травмопункт на Ленинском проспекте. Сделали укол против столбняка. Сунулся с деньгами к медсестре, которая его обрабатывала, но она отказалась брать.

20 июля, среда. Вчера вечером написал первые строчки нового романа "Писательница". Как и всегда, только ощущения и какие-то неясные блики переживаний и иронии. Как и всегда, первые странички — некий запев, идущий скорее от себя, нежели

от героя.

Утром вместе с Галиной Степановной Костровой ездил в "Олма-пресс", где вроде бы подписал договор на издание еще одного тома дневников. Познакомился с Людмилой Павловной Буряковой, с которой перезванивался по телефону. Милая оказалась женщина, из ее немногочисленных суждений одно оказалось очень интересным. Речь зашла о милом молодом редакторе Саше, которого я помню по предыдущим моим появлениям в издательстве, сейчас он праздновал свой день рождения. Саша еще и писатель, пишет фэнтэзи, выпустил уже три книги. Так вот, Людмила Павловна сказала, что теперь уже начинают говорить об авторах, которых специально не раскручивают и не толкают только после пятой книжки. Тут же обменялись мнениями о Коэльо и об Акунине. Это все подготовленные для рынка и вдвинутые проекты. Вот так и живем мы с навязанными кем-то книгами, с навязанными кем-то певцами.

Новости от нашей доблестной Марины Кулаковой. С присущей этому типу людей настырностью она, оказывается, побывала еще и в министерстве, где ей сказали то же самое, что и я: прежде чем ее очень, видимо, талантливого, как и все дети матерей такого типа, сына возьмут в институт, ему надо закончить среднюю школу и получить аттестат. Но недаром Марина с журналистской демагогией напирала на то, что у нас творческий вуз. Если Творчество, так, значит, для детей такого типа всегда есть поблажки и исключения. Она, оказывается, еще позвонила и набирающему курс Анатолию Королеву. Планы у Марины, наверное, были далеко идущие: как только бы мальчик поступил, стало бы ясно, что один он в общежитии жить не может, и к нему в комнату надо обязательно подселить маму.

Вечером звонил Миша Стояновский. По его сведениям, я попал в жернова между Педуниверситетом и ВАКом. В Педуниверситете считают, что ВАК обеспокоен просьбой специализированного совета разрешить мне повторную защиту. Но каким образом ВАК мог быть обеспокоен этим обстоятельством, еще не видя диссертации? Только под влиянием неких сил, естественно бабских и двуличных, нашего института или таких же сил Педуниверситета? Тут я вспомнил — проходило недавно по прессе, — что ВАК был действительно обеспокоен огромным количеством докторских диссертаций по педнаукам. Полагаю, что строгание подобных диссертаций не обошлось без педвузов, думаю, здесь много было блатного, а может быть, и купленного.

21 июля, четверг. Как по тревоге все… Девочка не

подтвердила медаль. Все в компьютере на работе.

21 июля, четверг. Сегодня абитуриенты в 11 часов пишут изложение, это сделано потому, что в 10 у другой группы начинается ЕГЭ, в 16 часов у меня консультация по этюду. Все как обычно, отметить можно только идеальную организацию всего процесса, это дело рук Оксаны. Все тихо, спокойно, везде указатели, места пронумерованы, бумаги розданы, на столах вода, в туалет — под "конвоем" ассистентов, апелляций по ЕГЭ нет. Родители толпятся за воротами. Институтская охрана непоколебима.

Витя, несмотря на вчерашнюю температуру 38,5, все же уехал к себе в Пермь. Значит, дома стало посвободнее. Делал утром зарядку, ковер все еще пахнет собакой, ее запах и в машине.

Вечером опять передали о взрывах в Лондоне.

Принялся читать "Код да Винчи", оторваться невозможно, но понимаю: все это облегченно, поверху, бросил бы, но много подробностей, которые я знал неточно или не знал вообще, захватывает дух любопытства.

22 июля, пятница. День начался опять с борьбы за новый ударный талант. Это скромный и тихий мальчик Паша по фамилии Фельдман. Он, естественно, самый талантливый, многообещающий, одним словом — лучший. В его семнадцать лет у него похвальные грамоты, школьные выступления, даже книга. Как говаривал Бунин, любой смуглый юноша — это уже русский писатель. Пишу так иронично потому, что предельно раздражен родителями, особенно отцом — металлургом. Это особые люди, они все рассказывают о себе. Сам Паша, милый мальчик, любит Бродского, но и я его люблю. Он, как и положено, подавал документы на очное отделение и на заочное. Олеся Николаева, которая набирает семинар, пишет: "В стихах Павла Фельдмана есть поэтическое чувство, есть попытка выстроить стихотворение, а главное — чувство любви к поэзии. Я бы допустила его до второго тура". Но, видимо, чуть поколебавшись, О.А. добавляет: "P.S. Все-таки — минус. Слишком много — все! — чужое". Тут же рецензия Оли Тузовой: "В стихах Павла Фельдмана меня больше всего смущает напыщенность — автор никак не может снять котурны. Название книжки "Для чего-то я нужен России" говорит о недостатках вкуса. Стихи же — обычные юношеские вирши. О перспективности автора говорить трудно: он так молод, что, может быть, его стихи — чисто возрастное явление. Я бы отказала". На всякий случай стихи юного гения мы передали Сереже Арутюнову, который набирает семинар на заочном отделении. У Сережи несколько другое видение судьбы и стихов этого мальчика, Сережа пишет всегда как читатель "Нового

литературного обозрения": "Юный ленинец, поражающий отнюдь не ленинизмом. Инкубационная реинкарнация советского (ультрасоветского) поэта шокирует пародийным звучанием в контексте произошедших со страной метаморфоз. Поэма "Небо над Берлином" выглядит совершенно по-иртенъевски, да еще с присовокуплением старинной песенки о сбитом Пауэрсе ("Мой "Фантом", как пуля быстрый…"). Ясно, что это плоды комвоспитания, замешанные на впечатлениях от патриотической компьютерной игры, симуляторы крайне популярные, экзотика! Газета "Завтра" была бы от Павла в крайнем возбуждении, и наперекор всем политиканам и дикарям мне слышится в абитуриенте классицизм, чистота помыслов, хрустальность, каковая обязана быть взятой на довольствие именно по причине острой конфликтности ее с миром… кажется, чистогана, если верно помню угрожающую кальку былых газет. Над пафосом Фельдмана будут смеяться, но каждый боец, пусть еще необстрелянный, имеет право на заводь, где его любят, и на светлые воспоминания лицейского толка. Голосую "за"".

Итак, на очном отделении Павел получил отказ, а вот с легкой руки Сережи Арутюнова мы все же решили допустить мальчика, золотого медалиста, до экзаменов на заочке. Но это решение до него вовремя не дошло, и уж коли нет, как посчитали первые рецензенты таланта, то мальчик стал устраиваться в другие вузы в Москве. Но на всякий случай заглянул и к нам в институт. Ах, талант есть! Почему такой разнобой, раз кто-то талант все же обнаружил? Вот тут папа и стал объяснять мне, что мальчик должен учится в другом вузе, а как в самодеятельную студию ходить в наш институт. Папа уже решил, что мальчик — великий русский поэт. Как же мне жаль этих дядей, которые портят судьбу своих детей! А в принципе, папа в понедельник позвонит, и я скажу ему: ну, пусть ваше чадо ходит вольнослушателем в какой-нибудь семинар. Если не поэт — сам отвалится!

В институте был Ваня Панкеев, много интересного рассказывал об авторском праве, которым он сейчас занимается.

Около шести вечера Н.М. Годенко, Т.А. Архипова и А.К. Михальская принесли проверенные изложения. Я оставался на работе, чтобы отбирать, сравнивая с конкурсными текстами, все, что более или менее талантливо. Но, как ни странно, двойка только одна. Даже более того — вот она диалектическая увязанность жизни, — ЕГЭ сыграл свою роль в некотором пересмотре наших критериев. Дело в том, что два первых раздела ЕГЭ являются некими тестами, которые проверяет компьютер, но последняя часть, похожая на изложение на заданную тему с

требованием определенного объема — не менее 150 слов, проверяется экспертами-специалистами. И вот здесь-то и были выработаны некоторые новые критерии. Раньше мы, в принципе, больше обращали внимание на грамотность, грамматика и синтаксис всегда превалировали над смыслом. Критерии же по ЕГЭ подразумевали большую гармонию. Общая максимальная оценка здесь 100 баллов. Из них идеальный абитуриент может за грамматику получить 40 баллов, а вот остальные 60: за "логичность и связанность" — 10 баллов, за "самостоятельность суждений" — 10 баллов, за "обоснованность суждений, наличие обобщающих выводов" — 10 баллов, "лексическое богатство" — 10 баллов, "синтаксическое разнообразие" — 10 баллов.

Вот так мы, кстати, прошлись по одному из самых сложных наших будущих студентов, очень талантливому и достаточно неграмотному Мише Лавровскому — он едва получил четверку. Боюсь, в этом случае повторилось то, что случилось со мною, когда я поступал в университет. Девочки-аспирантки, проверявшие мое сочинение, поставили мне положительную оценку за смысл и воплощение при удручающем количестве грамматических ошибок. А почему бы мне не разработать к понедельнику что-то похожее для оценки творческого этюда?

Посовещаюсь с СП. и в выходные сделаю. И здесь я должен отметить, что ЕГЭ дает студентам больше шансов, чем обычный письменный экзамен.

Рано лег, весь вечер читал книгу Дэна Брауна.

23 июля, суббота. Утром — благо, что близко — уехал к СП. На участок, где я люблю бывать, потому что там светло, нет зарослей, как у меня, и солнечно. Раздевшись до трусов, все утро красил дом и чувствовал, что отдыхаю. Около пяти уехал в Москву, дождался возвращения В.С. с гемодиализа, взял ее и Мамая, и поехали в Обнинск.

Боже мой, какая прохлада, умиротворение и свежесть. В.С. всю дорогу рассказывает Мамаю о своих молодых путешествиях.

24 июля, воскресенье. Проснулся утром, полный печали. Во сне видел мою дорогую собаку Долли, которая улыбалась мне. Будто бы мы с нею купались в чистой и прозрачной воде. Сон хорош, но печально. Вот так иногда, со слезами, я вижу во сне маму.

Утром со страстью и вожделением написал пару страничек в роман. Боюсь сглазить, но, кажется, пошло. Это все плоды моих переживаний за последние дни. Весь вечер занимался разработкой некоего методического указания, которым должны пользоваться наши преподаватели, проверяющие этюды. До десяти пунктов не дотянул, сделал только восемь, кое-что

подзаняв из методички по изложению. Пришлось за два пункта назначать по 20 баллов. Очень хорошо здесь мне подбросил СП. последний пункт, связанный с социальным началом у абитуриента.

Оценки на письменном экзамене

"Творческий этюд"
Работа оценивается из расчета 100 баллов
1. Тема, ее решение; полнота, адекватность —
до 10 баллов.
2. Фантазия, оригинальность видения — до 20.
3. Общий культурный уровень, эрудиция — до 10.
4. Умение создавать характеры — до 10.
5. Лексическое богатство — до 10.
6. Синтаксическое разнообразие — до 10.
7. Внутренняя логика — до 10.
8. Актуальность, связь с современными проблемами — до 20.

Шкала перевода баллов в традиционные оценки для всех экзаменов:
От 0 — до 31 балла- оценка "2"
32–50 баллов — оценка "3"
51 — 69 баллов — оценка "4"
70 — 100 баллов — оценка "5"

25 июля, понедельник. Утром абитуриенты писали этюды. Я выехал на работу в половине восьмого. Люблю наблюдать, как наш двор наполняется молодыми людьми. В этом году, как никогда раньше, больше ребят, чем девушек, и у всех очень хорошие лица. На улице жара, одна девица-поэтесса явилась на экзамены в до предела короткой юбочке. Если бы ставили пятерки за ноги, ей можно было бы этюд не писать. Тут же стали появляться "страдальцы". За кого кто болеет, я не знаю, но уже во дворе я "оговорил" Марию Валерьевну Зоркую. В общем, педагогов, не участвующих в экзаменах, было чуть больше, чем мне хотелось бы. Всех развели по аудиториям, но перед этим я довольно долго объяснял нашим предам, как надо проставлять оценки и как посчитать, пользуясь разработанным мною "стандартом".

К сожалению, а это не так уж хорошо говорит о них, большинство абитуриентов взялись писать "три дня из жизни грузового лифта". Я бы уже снижал оценку ребятам, поддавшимся этой массовой теме, писатель даже на экзамене должны быть

писателем и ставить перед собой более трудные задачи.

В половине третьего сидел на апелляционной комиссии, которую с ангельским терпением, тактом и очень уверенно вела Анна Константиновна. Есть девочки, очень бескомпромиссно борющиеся за свою судьбу. Была М.О. Чудакова, тепло и хорошо поговорили. Где-то она права и кое-каких страниц моих дневников мне стыдновато.

Ночью в "паузу бессонницы" минут тридцать читал "Код да Винчи" и, как только пришел с работы, тоже присосался к книге. Естественно, все время размышлял, чем она меня привлекает. Уж, во всяком случае, не детективным сюжетом. Конечно, как и любого полузнающего человека, в первую очередь меня волнуют исторические детали, скользкие мифы, иная, авантюрная жизнь. Но вечером я дошел до места, где начинается рассказ о новой религии и идет история Марии Магдалины, на которой вроде бы был женат Христос, и тут решил дальше не дочитывать. Какое-то нравственное чувство, если можно мне говорить о нравственности, остановило меня. Хорошо, что книжку я по своему обыкновению не купил, а взял на "прочит" в книжной лавке. Послезавтра верну ее Василию Николаевичу.

Пришло письмо от И.Д. Она все сражается с Б.Л и за свои деньги. Мне, наверное, не стоило называть сумму гонорара за редактуру, не будучи к этому уполномоченным. Борис сказал, что у нас, например, не всякий корректор пойдет на работу, где ему предложат двести рублей за печатный лист, — это почасовая ставка нью-йоркских уборщиц, как пометила в своем "невыдуманном" романе И.Д. Бедная, пока мы переписывались и она готовила свою звуковую книгу, ее 30-листный роман, заявленный как начало многотомной эпопеи "опыта жизни" автора, грозит оказаться никому не нужным: время меняется стремительно.

26 июля, вторник. Устроил себе выходной день. Среди прочего, после понедельника, с невероятной кучей расстройств, связанных в основном с эгоизмом наших преподавателей, которые просто безумеют, когда дело касается их детей и родственников, надо было взять некий тайм-аут, чтобы все это обдумать. Лучше всего это можно сделать в машине, когда проведешь часов шесть за рулем. Боже мой, какие разные мысли приходят в голову на дороге!

Вообще, почему я пишу этот дневник? Боязнь, что не ухвачусь за литературу, боязнь неизбежной паузы, которая возникает между сочинениями? А, собственно, почему такой огромный и подробный дневник написал Теляковский? Думаю, он понимал, что его служебное положение директора конторы императорских

театров, этот ярко освященный перекресток, через который не только проходят сотни, тысячи людей, включая знаменитостей от культуры и первых лиц государства, но в сценических событиях которого отпечатывается время, эпоха, есть особое место, где соединяются в обширные воды текущие обычно по отдельности ручьи и речки, и само это место призывает наблюдать и записывать. Впрочем — что здесь скромничать? — так же и я понимаю свое служебное положение.

Из прошедшего не записал поразительную схватку с тремя героями нашего времени, в которых это время отразилось с особой наглядностью. На 15 тысяч оштрафовали институт представители экологической милиции за то, что мы, по разрешению инстанций, вырубили несколько деревьев вдоль ограды, однако не закрыли — это наш живчик Владимир Ефимович! — порубочный билет. Но все крутилось еще и вокруг сломанного бурей в пятницу дерева. Мы, оказывается, обязаны были дождаться представителя каких-то органов, который должен был подписать акт! Я с удовольствием, мстительно вписываю имя некой Инны Сергеевны Булановой из департамента природопользования и охраны окружающей среды, которая тупо и корыстно — может быть, эти экологические ведомства так же, как и ГАИ, отчитываются суммами штрафов и цифрами правонарушений? — отстаивала интересы бюрократии и ничего больше, а также двух экологических милиционеров, Геннадия Владимировича Королева и Эдуарда Викторовича Савельева. Вам, ребятки — здоровым, сытым, внутренне наглым и не желающим ничего слышать, чтобы, не дай Бог, не допустить до собственной души человеческую суть происшедшего, — лучше бы гоняться за ворами и жуликами, застраивающими сельхозугодья и водоохранные зоны вредными промпредприятиями, в крайнем случае — за угонщиками автомашин. Ждать, чтобы подписать акт! А сломанное дерево в это время висит над тротуаром Тверского бульвара и того и гляди окончательно рухнет на троллейбусные провода! Из своего тихого, ничего не понимающего в жизни писательского далека я шлю вам свое фэ и недружественное пожелание чаще самим попадать в так свойственные нашему времени бюрократические мясорубки!

Но, кажется, я слишком увлекся часто бурлящим в душе возмущением разнообразными препонами нашей работе. Итак, сел в машину, уехал в Сопово. По дороге заезжал в Ногинск, повидать Вадима, который уже много лет работает там акушером-гениекологом. Вспомнили о покойном Ю.М., погоревали. Вадим говорит об огромном росте выявляемых у рожениц ВИЧ-инфекции и сифилиса.

А в Сопово все совершенно замечательно, так мне хотелось бы пожить здесь. Обнинск, как некая неизбежная предопределенность, мне уже надоел. Совсем другая атмосфера, воздух, знакомая мне с детства мебель, которую я туда свез и забыл, нет атмосферы общежития, просторно. Здравствуй, шкаф! В отличие от обнинского дома, который поднят почти на полтора метра, здесь все практически на земле. Осыпается красная смородина, кусты которой посадила еще Юля. Инструменты, так напоминающие мне о Юрии. Именно сюда надо бы возить В.С., ей уже тяжело подниматься по лестницам, но другая, переполненная Горьковская, дорога, на час дольше ехать. На обратном пути купил у старух на рокаде лисичек на 120 рублей. "Если бы была нормальная пенсия, разве бы я бегала весь день по лесу…"

Приехал, пришлось вызывать скорую — у В.С. 39.

Прочел фантастический рассказ Чудаковой из подаренной ею книжки. Может возникнуть претензии к некой стерильности языка, но как фантастический рассказ очень хорош. Во-первых, совершенно мужской и, во-вторых, с собственным, ярким и оригинальным содержанием. Длина жизни определяется не только временем, но и пространством.

27 июля, среда. Я, все еще под впечатлением слишком высокой оценки этюда одного из абитуриентов, залез в папку переводчиков и обнаружил, что попунктная расшифровка баллов отсутствует. Пришлось отсылать работы преподавателю и просить все доделать. Тут-то и возникла у меня мысль: насколько труднее при высоком балле маневрировать и аргументировать оценку. Здесь все легче проверить.

В седьмом часу стали собираться гости на клуб Рыжкова. Народа было много, потому что гостем стал министр культуры Александр Сергеевич Соколов. Была Доронина, Примаков, Абалкин, Бессмертных, Ганичев, ректор РГСУ Жуков, Тарануха, Шатров, Шебаршин. Сидел за столом рядом с Леонидом Ивановичем, разговорились, и я был поражен, как много он читает и знает. Не уверен, что столько читают современной литературы все наши профессора

Выступление Соколова, в моей записной книжке.

28 июля, четверг. После энергокризиса в Москве, естественно, пытаются отыграться на потребителе. В институт принесли новый договор со статьями, которые предусматривают в одностороннем порядке прекращение договора этим самым Мосэнерго и рассмотрение всех споров в "карманном" отраслевом суде. Мы задумались, как бы снизить потребление электричества. Возможно, придется переводить работу прачечной на дневные часы.

Сегодня же разбирались с некоторыми претензиями кафе "Пушкинское" проложить через нашу территорию газовую магистраль. Есть, конечно, и более сложные пути ее проведения, но и более дорогие. Сулят какие-то небольшие деньги, но испохабят, как я понимаю, весь двор. Буду противиться, как могу. Единственный вариант — оплата проектных работ нашей собственной линии электропередач. Нервов мне эта ситуация потреплет. Один из владельцев кафе, говорят, Эрнест. Но теперь на противоположной стороне Тверского бульвара строят еще целый комплекс, включающий и объекты питания, так будет дешевле варить, жарить и горячей водой мыть посуду.

В три начался и длился два с лишним часа экспертный совет по наградам. Лето, народа было мало, отсутствовал и Л. Надиров, который обычно это очень ловко ведет. Командовал совсем юный Алексей Сергеевич Локтионов и командовал тоже ловко, хотя, кажется, в искусстве как молодой работник министерства культуры не всегда крепок. Если уж телевизионные дикторы, с орфоэпическими словарями под рукой, путают ударения, то такие мелочи как реквИем, РАмзес, контральтО в устах директора правового департамента министерства культуры вряд ли стоят внимания. Все мы отнесли это скорее к оговоркам и крайней молодости, а парень, кажется, и не плохой, и энергичный, и веселый, и хочет сойти за своего в компании людей со знаменитыми лицами. Совет прошел без осложнений и достаточно справедливо. Накануне директор театра Ермоловой Гурвич (вписать бы имя-отчество) просил меня поддержать кандидатуру Владимира Андреева на орден "За заслуги перед отечеством" 3-й степени. Я, конечно, удивился, что такой известный и с действительными заслугами человек будет к своему 75-летию получать только третью степень. Вот она, неразворотливость русского таланта, уж какой-нибудь менее занятый и, естественно, талантливый "деятель" здесь бы уже получал вторую! На совете, конечно, Андреев не только не вызвал никаких нареканий, но и никаких обсуждений — здесь-то заслуги очевидны.

А вообще, повторяю, всё прошло спокойно, несколько дел отвергли, кое-где поменяли награды, в частности вместо медалей дали ордена почета трем пожилым артисткам МХАТ им. Горького. Здесь уже была моя инициатива. Кое-каких претендентов на заслуженного артиста перевели в заслуженные работники культуры. Как всегда — жалко у меня плохая память на имена и фамилии, — узнал много интересного из театральной и художественной жизни. А также из жизни высокой администрации. Например, выяснилось, что Хазанову, которому

предлагают к юбилею тот же орден той же третьей степени, что и Андрееву — хотя он лет на пятнадцать-двадцать моложе, но и его заслуги как артиста, когда-то талантливо внушившего зрителям симпатию к робкому выпускнику "кулинарного" техникума, известны, не говоря уж о других, общественных, нагрузках, — четвертую степень давали "закрытым постановлением". А я-то наивно думал, что "закрытые" постановления, тем более по подобным поводам, закончились вместе с советской властью. Почему же тогдашняя власть сокрыла от общественности награждение артиста? Потому, что, как справедливо отметила еще в середине 90-х в своих "Записках стенографистки" моя замечательная Е.Я., его "силовая словесная атака, настоянная на едкой, злой иронии, направлена не только и даже не столько на недостатки нашей жизни, сколько на те добрые традиции, которые еще остались, поддерживаются в народе", и этот народ мог счесть награждение неуместным? Но ведь чаще власть вела себя напоказ безоглядно. Да и сейчас, во время последнего кремлевского вручения, когда с избыточно-благодарной фальшью спела на одноногой трибуне куплет Надежда Бабкина, среди награжденных оказался и кутюрье Валентин Юдашкин, в прошлом стилист Славы Зайцева. Он получил-таки звание народного, в чем экспертный совет ему отказал, хотя бы потому, что такого звания еще нет у его бывшего мэтра. Но кто-то позвонил, кто-то попросил, кто-то подсказал и тому подобное. Вообще ощущаю, что вкус у нашей верхушки своеобразный, я бы сказал — мещанский.

Начал создавать некий "ценник" для ведения собеседования. Надо признаться, что ЕГЭ дал поразительный импульс к разработке четких параметров оценки абитуриента, очевидно, что преподавателю при этом манипулировать оценкой будет значительно труднее.

29 июля, пятница. Уехал с работы довольно рано, до этого чуть не наломав дров из-за излишней подозрительности: собрался было за десять минут до начала экзаменов переменить преподавателей, принимающих экзамены. Как я уже писал, меня особенно беспокоит все, что касается переводчиков, куда и наплыв большой, и нажим на преподавателей и на меня велик. Туда пошел сам с двумя пакетами билетов, сам их перетасовал и один пакет сам же и роздал. По двум другим рядам ходил Алексей Константинович Антонов. До начала экзаменов я с ним походил по скверику, настраивая его на объективную линию поведения. Парочка оценок по этюду меня волнует, но здесь, как в делах о взятках, доказать что-либо, даже конкретно подумать — сложно. Вот так и буду жить со своим волнением.

Утром СП. отвозил в ВАК мое дело и диссертацию. Как мы и предполагали, все закончилось пока мирно, хотя с предрешенным завершением могло тянуться еще пару недель. По какой-то, для меня стыдной, причине я не пишу всех событий, сопровождавших дело с защитой в последние дни. СП. несколько раз звонил в Педуниверситет и, наконец, пошел на прием к вышедшему из отпуска проректору. Беседа была довольно многозначительной. Все оказались в патовой ситуации, в которую себя по малодушию поставили. СП. подвернулся вовремя, и разговор — а Сергей Петрович всегда добивается своего довольно жестко — как бы естественным образом заканчивал историю. Практически ее и не было, лишь по техническим причинам Педуниверситет на восемь дней задержал отправку дела, это бывает. Правда, мне это стоило месяца ленивых волнений, да и в таком я уже возрасте, когда и месяц играет роль. Но я думаю, Лубков еще и заглянул в диссертацию, а может быть, и в книги, которые ясно говорят, что это не традиционная, из воздуха, диссертация педагога и начальника. Диссертацию еще кто-то изваять мог бы, но кто напишет "Власть слова", из которой на 90 процентов диссертация и состояла.

30 июля, суббота. Еще в четверг вечером Максим сходил через площадь в "Новый мир" и принес верстку "Марбурга". Начал читать в пятницу, а сегодня утром закончил первую часть в полной уверенности, что мною написан гениальны роман. Боюсь, что Марк Авербух, письмо которого я, кажется, так и не вставил в дневник, прав. Аи, да Пушкин, аи да сукин сын! Конечно, меня обнесут на всех конкурсах и премиях, где должны были бы отметить, во всех местах и на всех тусовках, потому что я между правыми и левыми, "между патриотами и либералами, но я-то знаю и, уверен, публика это поймет и полюбит. Конечно, не молодая. Я знаю, что с таким стилем, как у меня сейчас, такого писателя нет. Вспоминаю мысль Пастернака, что поэт должен навязать себя обществу и публике. Наверное, он прав, но для меня это все теория. Удовлетворюсь пока замечательным письмом из Филадельфии.

10.6.2005

Дорогой Сергей Николаевич!

Многообразие чувств владело мной при чтении Вашего великолепного романа. Уже на двадцатых страницах затаил обиду, что захватывающее, обогащающее душу чтение будет длиться не бесконечно, что ещё сто страничек и моему наслаждению придёт конец. Думал и о том, какой замечательный

литературный памятник изваян Вами и великим сынам России, и Валентине Сергеевне, и "братьям нашим меньшим".

Как щедра, богата, добра, талантлива, должна быть природа и мировосприятие их созидателя, чтобы задумать и с таким бесстрашием воплотить! Только зрелый человек, переплавивший в сердце своём "весь трепет жизни, всех веков и рас", обладающий энциклопедическим размахом знаний, способен воспроизвести, донести ярко и незабываемо этот мир до читателя.

Наконец — и это, конечно, далеко не всё, — как благодарен обязан быть Вам город Марбург за тысячи и тысячи новых туристов, которые по прочтении романа непременно сделают затесь в памяти своей об обязательности посещения его в ряду других культурных Мекк Германии: Веймара, Любека, Эрфурта.

В художественном отношении Ваш роман безупречен, воистину "Вдова Клико, брют. Год тысяча девятьсот шестнадцатый" (одна из эскапад Валентина Катаева в Париже). Сколько раз я восхищённо перечитывал слова, фразы, абзацы. До чего же они умелы, уместны, точны, незаменимы. Торжество художественного земледелия. Композиция романа — само совершенство. Как бесшумная бабочка, сюжет перемещается с одного героя, сцены, темы к другим, наращивая, расширяя художественную значительность и весомость, потом возвращается к ранее затронутым линиям без единого сбоя, нигде не упираясь в тупик. И когда все они в конце, не торопя читателя, подводят его к кульминации: лекции о двух гениях, со всеми едкими комментариями, внутренними монологами о природе мастерства лектора + интригующий аккорд с Серафимой, — то в моей, субъективной разумеется, оценке "Марбург" — эталонное произведение современной литературы. Очень жаль, что оно не было дано к моменту выпуска второго тома "Власти слова" (практика). В нём роман был бы очень уместен…"

Дальше цитировать не решаюсь, подожду вторую часть верстки, уже не 10-го, а 1 1-го номера с окончанием. Неужели я опять, через 20 лет, — в "Новом мире"!

Весь день с упоением занимался земледелием и хозяйством, потом топил баню, а в конце дня даже вставил стекло. Откуда у меня такая любовь к быту, огороду и строительству? В конце дня возникла новая мысль относительно газа. Не было счастья, так несчастье помогло, заодно мы переведем на газ и нашу столовую!

1 августа, понедельник. Накануне позвонил Максим: завтра в десять коллегия минкульта. Самым любопытным для меня было бы лицезреть за одним столом А.С. Соколова и М.Е. Швыдкого.

Несмотря на летнее время, народ был, в частности, из людей, которые меня интересовали — Зайцев и Комич. Зайцев каждый

раз ездит из Санкт-Петербурга, чтобы, кроме коллегии, как-то инициировать строительство второй очереди Национальной библиотеки. Он об этом сказал даже президенту, когда тот весной вручал ему орден. Как это похоже на всех нас. Во время этих вручений каждый что-то хотел бы оторвать для своего дела. Президент вроде бы сказал: "Будем работать". Михаил Ефимович тоже согласился и даже пообещал поставить этот объект в определенный федеральный список, но, по словам Зайцева, в последний момент из списка на федеральное финансирование в 2006 году этот объект вынул. Я ехидно заметил: Большой театр, театр Райкина! Может быть, это было и несправедливо.

Перешутился с сидящим напротив за столом директором института искусствознания Комичем. Это очень верный защитник Москвы от современного безумного строительства. Когда после коллегии я его подвозил к институту, то ехали по Кремлевской набережной. Сразу бросились в глаза два символа сегодняшней жизни: огромное колесо с пропеллером — реклама "Мерседеса" на Доме на набережной и крест на стоящем напротив храме Христа Спасителя. А еще раньше Комич напомнил мне мое собственное высказывание о состоянии архитектуры в Москве: "Чашки еще остались, но сервиза уже нет". Сразу добавил, что в своей новой работе он поименовал автора афоризма. Я подумал, как много людей последнее время рассказывают мне что-то обо мне самом или меня цитируют.

Но сначала о министре и руководителе федерального агентства. Сидели рядышком. А в интернете выставлено интервью Соколова: "Иск направлен в Таганский суд, — коротко сообщил г-н Соколов, через паузу добавив: — Мне в иске, по сути, предлагается воспроизвести опровержение сказанных мною в эфире ТВЦ слов, тем самым во всеуслышанье заявив, что отныне я тешу себя иллюзиями о полной непогрешимости чиновников федерального агентства по культуре; однако моя позиция всем известна, она не изменилась".

В повестке дня стоял вопрос о работе в Новосибирской области по реализации Закона N 131 от 6 октября 2003 г. Практически о том, что станет, в том числе и с культурой, после разрушения старой системы ее организации. Среди прочего это и подчинение ее местному самоуправлению, и финансирование на том же уровне. Говорили довольно много. Когда появлялся на трибуне кто-нибудь из молодых, мне хотелось получить синхронного переводчика, по крайне мере про себя я переводил их речи на русский язык. Особенно хорош был Александр Михайлович Лавров, директор департамента бюджетной политики Минфина. Я отчетливо понимал, как подобным новым

бюрократам-технарям люди старшего поколения мешают выстраивать их замечательные головные схемы. Что все это затеяно с целью сократить затраты на культуру, очевидно. В этом отношении почти все выступающие говорили не о том, как развиваться дальше, а о том, чтобы спасти хотя бы то, что было. И все это выдается за реформы!

Про себя я на всякий случай готовил свое выступление, которое не состоялось. У меня были такие тезисы. Объясните мне, если бы мне было шесть лет (это цитата), хорош ли 131-й закон. Потом я говорил бы о библиотеках, и о необходимости семинара — все хотели методических семинаров — в первую очередь для руководителей. Безграмотность, идущая от руководства, распространена и внизу. Ряд руководителей, которых заставили культуру финансировать, решили передать библиотеки и музыкальные школы в минобраз. Дело не в том, что, скажем, гатчинская библиотека пополняется в основном из того, что я отсылаю подаренные мне издания. Но и купить книгу в городе негде. Книжная торговля в город, где меньше 100 тысяч населения, не приходит. Прежнее же книгораспространение разрушено. Писать дальше скучно.

Вопрос о рассекречивании архивов. Тут сталкиваются разные интересы — государственные и частные. Много глупости и беззакония. Мне иногда кажется, что над архивами так трясутся, потому что боятся прецедента: слишком рано начнут рассекречивать архивы сегодняшнего действия.

В институте. Видел Ю.И. Минералова, который рассказал мне свою версию о пасквиле в интернете.

Гриша Назаров получил двойку по русской литературе. "Сергей Николаевич, что делать?" Я посмотрел в его стихи — это настоящее. Пришлось обращаться к испытанному для талантливых двоечников приему: апелляции. К счастью, Ю.И. Минералов и Леша Антонов смилостивились, поставили 32 балла. У Гриши 95 баллов за этюд, — может быть, и пройдет.

Опять был стычка с родителями 15-летнего мальчика, которому Толя Королев поставил лишь 32 балла за этюд — нечто о телевидении, — видимо, сочтя его домашней заготовкой. Родители принесли мне его уже отпечатанным на компьютере. Где взяли? По памяти мальчик продиктовал? Надо проверить, есть ли в деле черновик? Если нет, появление текста у родителей становится совсем странным. Это четвертый или пятый конфликт с родителями. По крайней мере — их недовольство и всё опять то же самое в дальнейшем. Понятно? Полный от болезни ли от перекорма папа в конце воскликнул: "Надо уезжать из этой страны!". Вообще-то мальчик не сдал и русский устный. Но папа

считает, что, хоть мальчику и пятнадцать лет, он уже драматург. Его пьесы шли в самодеятельности. Каждый пятнадцатилетний мальчик — русский писатель. Будьте уверены, если бы я или Королев любой текст этого мальчика нашли, как стихи Гриши Назарова, суперталантливыми, уж как-нибудь мы сумели бы что-то сделать с его двойкой. У нас есть испытанный прием: апелляция и ошибка преподавателя. К чести Гриши, после экзамена он пошел в библиотеку и прочел все, что о стихах Бунина раньше не знал.

Вечером приехал из Федоровского центра Саша Мамай. Ему пересадили роговицу за 20 тысяч рублей. Он проживет у нас еще неделю, будет заказывать контактные линзы на второй глаз. Мерку снимают в клинике в Сокольниках, а сами линзы готовят в США. Радоваться ли, что хоть что-то стало достижимым, или печалиться, что достижимым это стало лишь для богатых?

2 августа, вторник. Во-первых, пришли результаты письменного экзамена по английскому языку у переводчиков, они довольно безутешны. Под моим нажимом одной барышне поставили 32 балла, она наверняка не проходит, но девочка, по отзывам, очень хорошая. Двоек несколько, мне всех, естественно, жаль, но сделать ничего не могу.

Утром же меня взяли в осаду представители Краснопресненской управы и проектанты. Все они с поразительным упорством желают проложить газ для кафе "Пушкинское" через Литературный институт. Была представительница префекта Центрального округа, довольно милая женщина, которой я объяснил на местности, где они собираются работать с бульдозером и что мы — и город — при этом теряем. В том числе губим и несколько деревьев. Полное ощущение, что везде и крепко проплачено. Уж столько горячих заинтересованных лиц, так все готовы пойти на любые нарушения! После разговора у меня стало плохо с сердцем. Но разве кого-нибудь без затрат адреналина убедишь! Однако на этом не закончилось: завтра, совершенно измученный после собеседования, я поеду к пяти на совещание к префекту, вечером пришло по факсу приглашение. Я отчетливо понимаю, что дело мною будет проиграно, потому что, повторяю, полное ощущение немыслимых взяток, но важно не сдаться без боя!

Днем вместе с СП. подготовили "ценник" для собеседования.

Был Женя Рейн, отпрашивался на неделю в Нью-Йорк на публичные чтения в Национальной библиотеке. Ему за выступление дают 800 долларов и покупают билет. Мне так больно на него смотреть, он без денег, ждал открытия столовой, чтобы поесть. Один из крупнейших современных поэтов.

Рассказывал, что Кушнер почти оглох. Напомнил мне эпизод, описанный мною в "Литературной газете", и все же спросил: правда ли, что Саша в Париже… Я сказал, что правда. Женя подарил мне крошечную книжечку с двумя повестями Виктора Гроссмана — "Еврейская попадья" и "Почетный академик". Одна о Пушкине и другая — о Чехове. Много интересных, тактично вставленных в текст исторических подробностей, ожившая эпоха. Запомнилось, жалко, что я этого не читал ранее.

Утром Толик отвез В.С. в больницу. Ее кладут в связи с ее вечерними температурами. Она мне уже несколько раз звонила: где у нее в сумке лежит то, а где другое? — собирал ее, естественно, я, спрашивала, как найти.

Ничего не писал о статейке в "Литературной России". В.Огрызко, друг нашего Максима, ведет, конечно, странноватую линию, о публикации даже не предупредил, статейка подлая, я набросал что-то вроде ответа, но не знаю, решусь ли напечатать или из презрения следы оставлю лишь в дневнике.

3 августа, среда. Невероятно трудный день, практически вымотавший меня целиком. Набирали семинар прозы. Как я уже писал. Толя Королев подошел ко всему очень скрупулезно, сделал рецензии на все 150 рукописей, завел толстую тетрадь, но по неопытности стал из нее во время собеседования зачитывать и вести беседы с будущими семинаристами. При этом до экзамена было допущено 47 человек в расчете, что часть не явится, но явились почти все. А отсеивать надо было чуть больше половины, работа тяжелая. В общем, эти беседы затянули и так длинный экзамен, почти не оставив времени, чтобы задать необходимые для оценки вопросы. К тому же, как мне показалось, было мало ярких людей и слишком много молоденьких, без всякого опыта, девочек на "фэнтэзи", чем сейчас и так засорена наша литература. Но прозаики — это вещь в себе, они не могут, как поэты, блистать во фрагментах.

К пяти, еще даже не подведя итогов экзамена, в совершенно мокрой рубашке уехал вместе с Влад. Ефим, на Марксистскую улицу к префекту Центрального округа Сергею Львовичу Байдакову. Это все по вопросу, уродовать нам или нет наш двор во имя подключения газа к новому ресторанному комплексу на Тверском. Пока шел по префектуре, сияющей, как церковь в пасхальный день, обратил внимание, сколько же в здание, в интерьеры, в мебель, в места работы, в компьютеры, в кондиционеры, в магнитные индикаторы на входе угрохано денег. Какие по этим просторным коридорам ходят сытые и хорошо одетые люди. После этих интерьеров наш институт выглядит штольней угледобывающей шахты.

Сели — человек пятнадцать — в небольшой зал заседаний, мне показалось, что все напряжены моим присутствием. Кому-то я создаю трудности во взаимоотношениях с инвесторами, кому-то не позволяю начать проектировать, а значит, зарабатывать. Вошел префект, начал заседание, как бы на меня не обращая внимание. Я почти сразу же, в паузу, принялся говорить: институт, памятник, Булгаков, Мандельштам, Платонов, центр, знаменитая решетка… Потом Влад. Ефим, сказал, что я по привычке командовать сразу взял все в свои руки. Это не совсем так. Но префект ко мне повернулся, все слушали меня очень внимательно. Надо сказать, сам префект, похожий, как сейчас говорят, на шкаф, произвел на меня большое впечатление. Главным образом тем, как быстро во все врезается, как точно и мгновенно, будто хороший дирижер партитуру, читает чертежи. Кстати, он быстро определил, что зелень газона можно и не портить, а провести трубу по дороге и под воротами. Потом потихонечку мы с ним стали препираться по поводу моей несговорчивости. Как сейчас модно в литературе, я обнажил прием и прямо сказал, что это мой небольшой шантаж и я хотел бы за неудобства и сложности получить какую-нибудь компенсацию. Или, скажем, деньги на проектирование новою корпуса, или деньги на прокладку нового кабеля плюс газ для нашей столовой. На этом, собственно, почти мгновенно закончили. Приказ префекта: встретиться завтра со мною и обговорить условия. Ай, да Есин, ай да сутяга!

4 августа, четверг. До четырех шел экзамен "Собеседование". Набрали замечательный семинар для Олеси Александровны Николаевой. Вот "ценник" для этого семинара. Десять пунктов, от одного до десяти баллов за каждый. Знание современной поэзии; Знание современной литературы; Впечатление от стихотворения абитуриента; Общий культурный уровень; История; История литературы; В мире газет, журналов, книг, электронных СМИ; Культура речи абитуриента; Собственный круг чтения; Поэт как "оселок" ремесла; Оценка комиссией творческой личности абитуриента.

Такого семинара мы еще не набирали — очень хорошие парни и девушки. У меня сложилось ощущение, что пришло какое-то новое очень дерзкое и талантливое поколение. Также есть предчувствие, что именно этот семинар войдет в историю отечественной литературы, как знаменитые послевоенные семинары. Надо бы сюда вписать имена семинаристов: Анастасия Анищенкова, Михаил Башкиров, Александр Бутько, Александр Виноходов, Дана Галиева, Станислав Картузов, Валерия Кокорева, Валентин Митрохин, Алексей Мошков, Григорий Назаров, Елена

Никонорова, Мария Ржешевская, Ольга Ройтенберг, Сергей Тихонов, Валентин Хрупов, Дмитрий Шабанов.

Каждый особенный, каждый иной, каждый — краска, каждый думает о себе очень серьезно. Хуже было с набором на критику, по существу взяли только одного способного парня и еще одну девушку из "Независимой газеты", которую брать было нельзя, она уже проучилась где-то на филфаке, но, если — допустили, теперь пришлось зачислять. Знание не литературы, а тусовки, поверхностное видение и поверхностные знания. Это пример оборотистой провинциальной К-ой, у которой больше шустрой, рядящейся в интеллигентность хитрости, нежели ума.

В шесть часов встречался по "газовому" вопросу. Были. В течение часа я рассказывал об институте, подарил книги, договорились, что приблизительно во вторник я встречусь с главным деньгодателем проекта. Все было по первому приближению довольно благостно.

Вечером по ТВ объявили о крушении нашего военного батискафа возле берегов Камчатки. Мне кажется, в воздухе висит та же атмосфера, что и во времена "Курска". Батискаф на дне бухты в районе Камчатки запутался в рыболовецких сетях и гидроакустических антеннах. Больше всего меня смутило, что военные власти сказали: дескать, все будет в порядке, у моряков, погребенных под двухсотметровой толщей воды, воздуха на несколько дней. Кстати, в соответствии с советскими правилами, о катастрофе.

Показали также долгожданный процесс разрушения построенных непосредственно на берегу Истринского водохранилища так называемых дачных коттеджей. Поселок, кажется, носит имя Пятница. Желательно было бы, чтобы в поле зрения контроля были поселки более "важных" персонажей, которые во время разбоя и проклятой ельциновщины за мелкую взятку захватывали лакомые земли. Все это, естественно, по решению суда, через полтора года после того, как пираты-застройщики должны были освободить землю и разобрать свои дома. Жалости, в отличие от интеллигенции, у меня к этим людям нет. Операцию проводил ОМОН и судебные приставы под взглядом приглашенных, конечно ответчиками, телекамер. Тут же был и заместитель уполномоченного по правам человека. Ах, ах, дачников ущемляют! А они москвичей разве не ущемляют, когда оправляются в воду, которую те пьют? Истринское водохранилище — это один из основных источников воды, который питает столицу. Митволь, вся надежда теперь на тебя. Дачники готовятся перенести дело в Верховный суд. Ой, сколько возможностей даст этот прецедент, если возникнет. Великие

"перестройщики", которые между сеансами демагогии успевали урвать от пирога кусок пожирнее, теперь обеспокоены. Может быть, на их век и хватит, но детям кое-чего, может, и недостанет.

5 августа, пятница. С утра побушевал, когда узнал, что переводчики, так сказать, назначены на вторую смену, а сначала пойдут "дети" — детская литература, публицистика и драматургия. Это нарушило и мой внутренний настрой, а главное, я понял, что устану и к самому сложному пункту приема подойду менее внимательно. У меня особого и ясного впечатления, как во время вчерашнего дефиле поэтов, не было.

Вот снова "ценник", который я сделал на переводчиков. Знание страны изучаемого языка; Знание литературы изучаемого языка; Мотивы выбора автора и произведения для конкурсного перевода; Общий культурный уровень; История и литература; В мире газет, журналов, СМИ; Культура речи абитуриента; Круг чтения абитуриента; Переводчик как знаток ремесла; Оценка комиссией личности абитуриента.

Боюсь, что за моей спиной мои помощники произвели какую-то манипуляцию, и мы вдруг вместо намечаемых шести абитуриентов берем девять. Тем не менее, вроде бы, народ все неплохой……
……..

Но я, например, когда надо было устроить Сережу, моего внучатого племянника, просто заплатил за его первый семестр 11 тысяч, не запихивая его в наш вуз. Третий уже раз начинает сын Миши Рощина на публицистике и во второй раз — Грамматиков. Хитроумного Васильева, отучившегося на платном заочном первом курсе и снова поступавшего теперь уже на очный первый курс, мы взяли на второй.

С волнением читаю все, что связано с батискафом. Очень боюсь ситуации с "Курском". Оказывается, после трагедии на Балтике закуплены специальные водолазные костюмы для глубоководных погружений и есть у нас обученные специалисты, но вот специальное судно, с которого подобные аппараты спускали, уже продано за хрустящие доллары на металлолом, хотя не такое оно было старое. К счастью, наученные горьким опытом, мы на этот раз обратились за помощью к Америке и Японии.

Продолжаю читать "Танцы с жирными котами" Майкла Коровкина, вернее заканчиваю. На России зарабатывают, выковыривая язвы, все кому не лень, и свои, и чужие, и "получужие". Последние — особенно охотно, это основной их капитал для романистики, по-другому ни о чем у них и не получается. Правда, роман Коровкина как социальное явление

довольно занимателен, здесь много точных подробностей из психологии и мужчин, особенно пожилых, и женщин, в основном проституток, есть мысли, но ни одного художественного образа. В этом профессор социальной антропологии и коммуникаций в Римском филиале Европейской высшей экономической школы не силен. Естественно, русские немыты, дурно пахнут, не чистят зубы, не ходят к дантисту, женщины не бывают у гинеколога. Все курирует, включая проституток, КГБ. Роман, как вы понимаете, "о том" времени.

6 августа, суббота. Буквально на несколько часов съездил в Обнинск. Полил огород, привез два кабачка, килограмма полтора огурцов и пару килограммов помидоров. Возвращался рано в Москву, потому что приедет, удрав из больницы на субботу и воскресенье, В.С. и сегодня уезжает Саша. Проводил его на мурманский поезд в половине первого ночи. Поехал потому, что Саше после пересадки роговицы ничего нельзя поднимать. Волнуюсь и за него: дай Бог, чтобы не отторглось, а прижилось. Донес вещи прямо до вагона. На стоянке возле вокзала много машин, в которых сидят нарядные молоденьки девочки. Такое их обилие: открытые окна в автомобилях, покуривающие девицы, одна почти всегда, как живая реклама, возле автомобиля. Здесь же грозный "пестун", сутенер.

Около двух часов обшарил все телевизионные программы: нет ли где-нибудь вестей о батискафе?

7 августа, воскресенье. Проснулся, что со мною давно уже не бывало, не с мыслями о романе, а с мыслями, как там, на дне океана. Утром в воскресенье по телевидению все развлекаются, поют и танцуют. Но тут вышла из своей комнаты В.С., которая всегда утром досыпает, и объявила: "Я смотрю уже с семи часов. Вытащили". У меня на сердце отлегло.

Потом через час опять показали какие-то интервью, где почти ничего об участии американцев, англичан и японцев в процессе высвобождения. Показали молодую женщину, жену 25-летнего командира батискафа, когда она стала рассказывать, со слов мужа, как плохо они были подготовлены к этому походу, ее сразу же обрезали. Кажется, этот батискаф какое-то новое секретное наше достижение, или мы рассекретили гидроакустическую сеть возле Петропавловска? Но, Боже мой, стало ясно, если бы во время "Курска" чуть поторопились, чуть поубавили русского бюрократического сытого чванства, экипаж могли бы спасти. Тайну берегли, за тайну заплатили людьми.

Еще с вечера начал читать, а когда вернулся с вокзала, закончил одну из повестей "Дебюта" 2004 года. Открыл сборник, там мой Андрей Коротеев, его дипломная работа "Пришлые

люди", но начал читать повесть Адрианы Самаркандовой "Гепард и львенок", прельстившись заявлением Ольги Славниковой, что это как бы набоковская "Лолита", написанная от лица четырнадцатилетней героини. Действительно, юная нимфетка соблазняет тридцатидевятилетнего мужчину. Здесь же, в статье, сказано, что главное в повествовании — искренность и что из него изъяты наиболее откровенные сцены. Я уж не знаю, что здесь еще было, поскольку и оставшегося предостаточно: герой-любовник и в хвост, и в гриву (терминология автора) использует свои возможности — здесь и минет, и в "попочку", и во время менструации, и двух сестричек сразу. До уровня неизбывной физиологии расширяется знание читателя о предмете. Но если говорить о главном, то не технология соблазнения и соития тут главное, а образ супер-мужчины — спортсмена (йога, пловца) и… научного работника. Это открытие, тип в жизни существует давно, здесь же выписан с блеском. Но как хочется посмотреть на автора, писать в подобном стиле — не русский менталитет. Денежкина пишет иначе.

8 августа, понедельник. Не успел приехать в институт, состоялся разговор с писателем Ковалевым, который меня ждал. Он начал с того, что вот провинился его сын Дима — ну, действительно, мы даже, кажется, его исключали, отзывы нехороши, лоботряс, — а теперь дочь на дневное не добрала баллов. Может ли она сдавать с заочниками? Этого по закону сделать нельзя, но я разозлился, и кое-что высказал бывшему выпускнику. Мысль такая: зачем вы портите жизнь своим детям? Зачем вы толкаете их, еще не обретших своего призвания в Литинститут? Только потому, что знаете: сюда можно поступить без взятки! А потом получаются кислые дипломы, протухшие писатели, разочарованные люди. Зачем вы жмете и ищите знакомства, чтобы занять места, которые в будущем не принесут вашим детям ничего, кроме тягот?

Днем в институте был Вл. П., мы сели с ним и СП., еще раз вспомнили текст письма в интернете, разобрали ситуацию, образовавшуюся после моей защиты. И все внезапно стало ясно. Авторы, укрывшиеся за псевдонимом Мария Крапивина — это, конечно, один профессор Педа, который насмерть враждовал с моим научным руководителем, и какой-нибудь тихий, скромный и милый преподаватель нашего института. Это он, как говорил Маяковский, я узнаю его. Нет ни возмущения, ни стремления мстить, холодное равнодушное отстранение. Особенность русского характера, так точно подмеченная Достоевским у отдельных особей, — стремление к немотивированной подлости, просто удержаться не может. Хорошо, что все закончилось.

Конечно, это не Ю.И., двойное упоминание в материале его фамилии специально привлекает внимание, чтобы, породить подозрение ("Где лучше всего спрятать лист? — спрашивал честертоновский аббат-детектив и отвечал: — В лесу".), пустив тем самым исследователя по ложному следу. Но ведь мы, русские диалектики, мы подлость, как запах собственной конюшни, чуем издалека, даже под землей. Но почему тогда нет злости? Почему нет ненависти? Есть только презрение к трусам и завистникам и к безголовым бюрократам. Разобрали также вызов И. Г. к Л-у утром того дня. Ничего плохого, наверное, не было сказано, она меня как писателя знает и ценит, но писатель залез в то, на что она с мужем потратила всю жизнь. Здесь не надо никого винить, и можно было ничего не говорить. Я принимаю как вполне естественную реакцию даже чуть ироничную улыбку, даже незаметное недоуменное пожатие плечами. Но с этим со всем, с анализом и своей гнусной подозрительностью я покончил. Меня больше это не интересует. Лед прошел, а дом на берегу и береза так и остались на своем месте.

Из многочисленной возни и криков на телеэкране запомнил только объяснение министра обороны Иванова, что, дескать, и у нас есть аппаратура, аналогичная английскому "Скорпио", который спас наших моряков, но он, этот аппарат, на Северном флоте, его надо везти из Северодвинска по железной дороге до аэродрома… А зачем тогда такой аппарат? Это как в Осетии — только что рассказали по радио, — перед первым сентября проверяют все школы, будто снаряд обязательно ложится в прежнюю воронку. Вспоминают Беслан, идиоты. Проявляют бдительность, борются с терроризмом! Лучше бы вспомнили о тех на дорогах гаишниках, которые пропустили машины с вооруженными людьми. Из-за угрозы жизни или за мелкую взятку?

9 августа, вторник. Утром дома приводил в порядок дневник, написал страничку в роман, на работе выбрал темы этюдов для заочников, потом обедал, работал над статейкой-ответом, ориентировочно для "Литроссии", по поводу напечатанной там инвективы против института. Статья получилась обычной, но главную цель — поворошить в гнездах старых джентльменов — она выполняет. Во время написания заглянул в Закон о высшем образовании и вдруг выяснил, не только ректор ограничен возрастным цензом, но и проректоры могут быть в своей должности лишь до 65 лет, причем, если ректору дается некая отсрочка до 70-ти, то у проректоров ее нет. Вот еще почему ушел Лева! А что мне теперь делать с проректорами старше семидесяти? При всех условиях с этим надо теперь жить до

перевыборов. Все ходят вокруг довольно спокойные, предполагая, что как-то обойдется и ректором снова останусь я, а значит, все пойдет по-старому.

Днем заходила Мариэтта Омаровна, погуляли с ней по скверику. Каким пленительным был наш литературный разговор, пока мы крутились возле клумб и памятника Герцену. Сколько совпадений, сколько воспоминаний! В том числе вспомнили и покойного С.Г. Лапина, председателя Телерадиокомитета, звуковую книгу Николая Тихонова. Я ведь душитель всего светлого, никто и не знал, что именно я пробивал эту книгу в эфир. А первое упоминание за многие годы Гумилева в советской прессе! В разговоре возникло очень интересная точка зрения Ал. Павл. Чудакова на деталь у Чехова, ее естественность и порой жизненную случайность. Не так много у этого писателя спланированное! У меня тоже неоднократно возникала эта же мысль. Но мы все в плену осколка стекла, блеснувшего возле мельничного колеса. Проклятое ружье, которое обязательно выстрелит в пятом акте! Говорили и о власти, о показухе, о Путине, который у себя в кабинете отчитывает министров под дулом телекамеры!

Вечером дома читал прелестные, еще аспирантские, воспоминания З. Кирнозы и В. Пронина. Начал с них, а потом принялся читать все подряд в книжке "Времен связующая нить…" Страницы истории кафедры всемирной истории МГПИ. Невольно сравнил с нашими кафедрами, у нас никакой истории, все закончилось на таких легендарных именах, как Дынник и Еремин, дальше пошли персонажи, для которых Литинститут — одно из мест работы, но и там, где они пишут книги и реферируют статьи, тоже не будет никакой истории. В своем мелком творческом эгоизме эти люди призваны распылять историю…

Не забыл ли я записать слышанное по радио мнение главы службы по сбору налогов, высказаннее в беседе с Путиным? В этом году их собрали на 22 процента больше намеченного. Руководитель службы относит это, во-первых, за счет роста стоимости нефти и, во-вторых, за счет "феномена Ходорковского" — испугались олигархи!

10 августа, среда. Утром, впервые после смерти собаки, пошел гулять. Уже давно чувствую мышечную растренированность, понимаю, что надо бы больше двигаться, но я еще, кроме того что ежедневно хожу на работу, занимаюсь английским, пишу роман, пишу дневник, занимаюсь понемножку хозяйством, на все нет времени. Звонок прозвучал — суставы захрустели, уже слабеют колени. Походил по стадиону напротив дома минут двадцать, потом пошел за рисом и яйцами на рынок.

В.С. в больнице, звонит, уже немножко успокоилась. Как всегда бывает в наших учреждениях поправки здоровья, через какую-то паузу, которой на Западе, кстати, не существует, пациентом начинают заниматься.

Слышал по радио, что законодательное собрание во Владивостоке обеспокоено тем, что Путин не может быть избран на третий срок. Уже нашли какое-то разночтение в Конституции, которое, вроде бы, поможет обойти это досадное недоразумение.

11 августа, четверг. Еще с вечера оставил на столе у СП., для просмотра и расстановки знаков препинания, мою статейку, которую я планировал в "Литроссию". Я написал ее неплохо, но, главное, в ней был один планируемый мною момент: писательские союзы, не возлагайте всего на Литинститут! Статейка связана еще и с моей неприязнью к тому сорту старых джентльменов, которые с комсомольских лет привыкли надувать щеки и у которых эта маска заменяет дело. От СП. я ожидал даже некоторого комплимента, но, к моей неожиданности, он набросился на меня с упреками. Суть его претензий сводилась к отношению именно ко мне "Литературной России". И здесь он абсолютно прав, за всей постановкой вопроса в этой газете я всегда чувствовал ко мне личную неприязнь. Действовали они по испытанной и знакомой мне схеме: ругали и "критиковали" меня публично, а извинялись шепотом и келейно. И когда после крепкой ругани мы встретились вновь и уже спокойно поговорили, я решил: или в "Литературной газете" или нигде. Позвонил Лене Колпакову, к концу дня он прочел, я пообещал еще написать несколько слов с объяснением, почему пишу не в "Литроссию".

ПЛЮС ЛИТЕРАТУРИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ

Ответ анониму и другим анонимным товарищам

Только 1-го августа прочел я заметку "Последние волки Литинститута", снабженную рубрикой, подрубрикой, и еще черт знает чем — "На писательской кухне", "Наболело", "Из дневника слушателя ВЛК". Подписано все это неким, как следует из текста, бывшим слушателем, только что получившим диплом, Алексеем Вер-Ланским. Но ложь, на то она и ложь, чтобы была видна и в ближнем, и в дальнем кругу: никакого Алексея Вер-Ланского на ВЛК нет и не было. Писала, скорей всего, дама, потому что поинтересовалась и зеркалом в туалете, и партой, о которую была задета и спущена петелька на колготках. Да и вообще практически не писательская это статья, потому что писатель думает по-другому, для писателя важны другие ценности,

писатель пишет о мире, понимая и правых, и виноватых.

Опустим трудности с общежитием, они есть, трудности с гостевым режимом — то дифтерит, а значит карантин, то грипп, а значит карантин, то теракт, а значит только своим, — простим вахте, что она следит за порядком, иногда выволакивает и бывших слушателей и студентов из комнат, когда они курят в постели, а потом дым валит по всем коридорам, — пройдем мимо столовой, которая какая-никакая, а все-таки бесплатная. Остановимся на стипендии в 400 рублей в месяц, на которую "в Москве даже кошку не прокормишь". Совершенно справедливо, кошку на эту стипендию не прокормишь, но эта стипендия по размеру — государственная. И когда писалась статья слушателя ВЛК, была стипендией аспирантской. Но тонкость заключается в том, что ту государственную стипендию государство на слушателей ВЛК не переводило. Оно не переводило денег ни на оплату жилья слушателей ВЛК, ни на оплату педагогов, ни на оплату библиотеки — ни на что. Государство действовало в соответствии с Законом о высшем образовании. А когда у нас появился этот Закон? В 1996 году. До этого благодаря тонким административно-бюрократическим мероприятиям и доброжелательному отношению тогдашнего министра образования В. Г. Кинелева курсы как-то полулегально существовали. А потом они стали существовать за счет Литинститута. Помощь Союза писателей России Литературного фонда? Какой-либо иной общественной организации? Ни-ни, ну, в крайнем случае, паре слушателей дадут, как дополнительную, стипендию по 500 руб. А как? А почему? А потому что "гражданам Российской Федерации гарантируется получение на конкурсной основе бесплатного высшего и послевузовского профессионального образования в государственных высших учебных заведениях в пределах государственных образовательных стандартов, если образование данного уровня гражданин получает впервые". И не думайте, пожалуйста, что послевузовское образование это дополнительное. Это во всех случаях аспирантура, докторантура и ординатура. Ясно? Одно. Всё остальное — за свой, личный счет.

Вот то-то. А откуда должны были взяться эти деньги, чтобы обучать писателей, молодых и старых, которые приехали в Москву из разных краев России? А их должны были отыскать, заработать преподаватели, тот же самый ректор, который так не нравится слушателю под псевдонимом. В эту копилку вносили свой труд и умение все, кто работает в институте, даже уже очень немолодая знаменитая профессор Наталья Александровна Бонк, которая ведет при институте коммерческие курсы английского

языка. Я бы никогда не сказал: все вносили, а ВЛК лишь требовали. Большинство слушателей относились ко всему с пониманием. "Москва! Как много в этом звуке…" Жить в знаменитом городе, учиться у знаменитых преподавателей в центре столицы, ходить на занятия 4 раза в неделю, печататься в московских изданиях (кто умел, конечно, писать), искать связи в московских журналах и издательствах. В свое время, кажется, "Тополек мой в красной косынке" Айтматов писал именно в Литинституте, когда учился на ВЛК. Какие были люди! Ион Друце, Давид Кугультинов, Алим Кешоков, Новелла Матвеева, Владимир Личутын… Не то что нынешние волки. И не говорите мне, что письменные столы были другие и времена поменялись. Больше всего недоволен "автор дневника слушателя ВЛК", у которого "наболело на писательской кухне", дипломом, "… собственно, никаких дипломов мы сегодня и не получили. Так, красненькое "Свидетельство": мол, такой-то такой-то прослушал то-то и то-то… Корочка с вклеенной страничкой без малейшего намёка на водяные знаки. Такую липу в московском метро продают по рупь — ведро! Была даже идея — поинтересоваться, сколько это удовольствие стоит. Да позориться лишний раз не хотелось: вдруг и там про ВЛК никогда не слышали! К выданной корочке, правда, прилагались ещё вкладыши с оценками". Оказывается, мечтал Алексей Вер-Ланской о "водяных знаках". Вот ведь какой точный и правильный советский человек! Волчара! Ему главное, чтобы была "корочка", диплом, а вот показали ли кому-нибудь свою "корочку" Виктор Петрович Астафьев или Петр Проскурин, скажем мягко, не слабые писатели? Выпускники, как ни крути, ВЛК. А что там показывал Пелевин, который несколько лет проучился в Литинституте, тоже стал крупным писателем — без "корочки"? А сейчас, надо сказать, в ином смысле время другое: никто три года как "молодого специалиста" в газете, в журнале, в издательстве за "корочки" держать не станет. Нет занятий, нет способностей, нет усидчивости — пойди вон и с водяными знаками и без, и даже с блатным "красным дипломом".

За другим люди приходили в Литинститут и на ВЛК, и, видимо, по-другому слушали те же предметы у не менее известных и популярных, чем раньше, преподавателей.

А вот что касается "корочки" с водяными знаками, то ее получит следующее поколение выпускников ВЛК, когда эти знаменитые Высшие литературные курсы станут давать — в соответствии с законом — дополнительное образование. Высшее образование каждый гражданин России может, как уже говорилось, один раз получить бесплатно. Но вот дополнительно, когда у тебя есть, скажем, диплом инженера или фармацевта, а

еще хочется и диплом литературного работника, хочется попробовать стать профессиональным писателем, проверить свои силы, вот это, за плату, — пожалуйста. Но только при наличии определенных профессиональных способностей — так просто ни в Литиинститут, ни на ВЛК не попадешь. Спросите, а что делать с талантливыми "взрослыми самородками", которым — как шахтеру, а потом писателю Саше Плетневу — нужно какое-то специальное знание? А с этим очень просто: это как один чих, но только этим уже занимается не Литературный институт. Литинститут, он что? Он только готовит писателей, поэтов, драматургов для нашего замечательного общества. Но все эти прекрасные кадры куда от нас потом уйдут? В союзы писателей. Для них, образно говоря, куем кадры. Московское отделение Союза писателей России — около двух тысяч человек. Союз писателей России — чуть ли не семь тысяч. А есть и другие, альтернативные союзы: Союз писателей Москвы, возглавляемый Юрием Черныченко, Союз российских писателей, где властвует твердая, как Екатерина Вторая, Римма Казакова, — шесть их всего, союзов. Теперь представим себе заурядную, типичную для нашего общества картину: каждый из этих союзов или все вместе обращаются за соответствующим грантом в Министерство культуры либо в другие инстанции, где денег, видимо, много, потому что их щедро отстегивают и на слет птенцов от литературы в Липках, и на другие такие же проекты, где основной контингент состоит из давно "открытых" студентов Литинститута.

Дело в грантах. Не в том, чтобы помогать Литинституту содержать Высшие литературные курсы, а лишь в соответствии с велением времени оплачивать конкретную услугу. Кого там надо воспитать, кому дать образование, кого совершенствовать? Грантуем, ребята! И я уже вижу, как садится перед чистым листом бумаги с грифом наверху "Председатель Союза писателей России" Валерий Николаевич Ганичев, диктует своей стенографистке Римма Федоровна Казакова и на компьютере Юрий Дмитриевич Черниченко выстукивает соответствующие просьбы в вышестоящие государственные организации.

Ну, а что в это время делает Литинститут?

Литинститут освобождает комнаты для студентов в общежитии, меняет парты на ВЛК, вешает давно недостающее зеркало в дамском туалете и заказывает, как и положено, свидетельство о втором высшем, дополнительном, образовании. Полная литературизация страны! Это будет настоящий диплом — с гербовой печатью, номером и подписью ректора. Но за деньги, как положено по существующим сегодня законам.

Утром написал страницу в роман, посмотрел дневник, два дня не делаю зарядку.

На работе подписал приказ о приеме на первый курс дневного отделения, провел консультацию по этюду для студентов, кажется последнюю в своей жизни ректора, сделал это в 28-й раз и горжусь, что ни разу не повторился, читал вестник ассоциации книго-распространителей.

Вечером звонила В.С.: в субботу после диализа она приедет из больницы, возможно в понедельник или во вторник ее выпишут. Может быть, все и обойдется, дай Бог!

В последней "Литературной газете" большой очерк-портрет Сергея Казначеева "Прогнувшийся", сделанный, как понятно, по книгам и интервью Андрея Макаревича, который жаждал в советское время, чтобы "время прогнулось" под таких, как он. Сережу можно поздравить — он проснулся знаменитым. Портрет уничтожающий. Сделать и доказать все, что он написал, весь этот хоровод кудрявого барда с властью, было достаточно трудно: "либерал" — понятие ускользающее.

И еще, но это уже не из музыкальных, а из литературных нравов. В том же номере, в "колонке на троих", П.А. Николаев пишет, что продолжает работать над книгой воспоминаний, и перечисляет некоторых общественных деятелей и писателей, называя их учителями. Когда доходит до Константина Симонова, академик делает ремарку: "Помню, как Симонов публично критиковал Сталина — не мертвого, а живого. И теперь, когда В. Аксенов с телеэкрана представляет Симонова чуть ли не придворным лакеем, мне больно за моего учителя. Вспоминаю открытое письмо в "ЛГ" от декабря 1992 г., где писатели с тем же Аксеновым (Вознесенский, Войнович и др.), просили использовать их в качестве идеологических надсмотрщиков". Очень неплохо академик излагает, а главное, как вспоминает!

12 августа, пятница. Запустил экзамен по этюду у заочников. Все объяснил, роздал темы вместе с ценником.

Разобрался с уже довольно давно присланными мне от книгораспространителей материалами. Той самой газеткой, из-за которой Нина Сергеевна, правая рука одного из руководителей "Вагриуса", работающего еще и госчиновником, вызывала к себе "на ковер" начальство книгораспростронительной ассоциации, но оказалось, что это не только начальник, но еще и автор. Как трудно, оказывается, заставить всех, как этого хочет господин Григорьев, ходить строем с закрытыми глазами. Здесь целая подборка, сначала идут отзывы вполне благопристойные,

отмечающие те недостатки, которые и необходимо и, пожалуй, разрешено отметить:

А.Племник, исполнительный директор ассоциации региональных библиотечных консорциумов: "К сожалению, сам дизайн стенда оставил странное ощущение, да и желание выставить как можно больше экспонатов привело к скученности в торговых рядах". Неправда ли, это просто техника.

А вот техника, переходящая в идеологию.

Алевтина Звонова, директор издательства "Финансы и статистика": "Что касается оформления, то никто не понял, что российскую эспозицию украшали березы. Это было похоже на трубы, которые, виднелись издалека. А натуральные березки хорошо были представлены при входе в павильон Испании". Когда дело коснулось Испании, то это уже намек на наше неумение обращаться даже с собственными символами.

Но вот дальше, собственно, самое главное. Меня удивило, как точно иногда совпадают мысли никогда ранее не встречавшихся людей. Здесь я позволю себе цитирование подлиннее.

Анатолий Владимирович Горбунов, исполнительный директор Ассоциации книгораспространителей независимых государств: "К сожалению, далеко не все издательства привезли в Париж свои лучшие книги. Отдельные экспозиции выглядели совсем неярко. Пожалуй, лишь стенд правительства Москвы представлен достаточно убедительно и по количеству, и по качеству книг.

Специально к Парижскому книжному салону была выпущена Программа мероприятий, проводимых российскими участниками, с презентацией писателей, приехавших на ярмарку. Это В. Аксенов, С. Алексиевич, А. Битов, А. Вознесенский, Д. Гранин, В. Ерофеев, С. Есин и А. Мариинна. В. Сорокин и Т. Толстая. Говорят, что список готовила французская сторона. В нем 41 фамилия. Наверное, я плохой знаток отечественной литературы, но половину писателей, включенных в список, просто не знаю. Я назову только некоторых из них. Это С. Болмат и Л. Гиршович (лсивут в Германии), Д. Бортников и И. Журавлева (живут во Франции). Д.Маркиш (живет в Израиле) И. Муравьева (живет в США). А. Пойман. А Эппель,

М Шишкин (живет в Швейцарии). И опять, как и на Франкфуртской ярмарке, не нашлось места В. Распутину, В. Бондареву. В. Белову. Б. Ахмадулиной,

Р. Казаковой.

Французы охотно шли на встречи с писателями, оживленно участвовали в дискуссиях. Но могут, ли рассказать о России те, кто ее видит издалека, или те, кто хочет видеть в ней лишь

недостатки? Поэтому, говоря о желании французов узнать Россию поближе, известный славист, женевский профессор Жорж Нива сказал: "Интерес к Пелевину вызван желанием ответить на вопрос: что такое Россия сегодня? Это ведь интересно. Вот и ищут ответ у Пелевина, Сорокина, Кочергина. По-моему, это неверно, это примитивный подход — по литературе издевательства и святотатства судить о жизни России нельзя".

Тем не менее "Вагриус" и несколько французских издательств специально к Салону выпустили произведения: Виктора Ерофеева "Такой прекрасный Сталин", Ирины Денейкиион "Водка-кола", Владимира Сорокина "Путь Бро", Дмитрия Быкова "Оправдание", Юрия Мамлеева "Задумчивый киллер", Андрея Битова "Книга путешествий по империи".

Ну, а если к этому добавить визитную открытку магазина "Glob" (пожалуй, самого известного магазина русской книги за рубежом), можно констатировать, что мнение о России у парижан вряд ли существенно изменилось и после Салона. На этой открытке в виде четырех предупредительных дорожных знаков изображены снежинка, бутылка, медведь и книга. По-другому это можно воспринимать так: в России холодно, по улицам ходят медведи, люди пьют водку и иногда читают книги. Обидно, что и на Салоне нас кто-то захотел представить "пеньками".

Самое основное в этом довольно просторном, справедливом и энергичном высказывании, — конечно, мнение Жоржа Нивы, потому и выделяю его. Это не просто фраза к случаю, это точно сформулированная мысль, которая в просверках была у всех, но родилась у знаменитого и опытнейшего литературоведа-слависта. Браво!

13 августа, суббота. Вечером после диализа приехала из больницы В.С., и мы с ней поехали на дачу.

Днем занимался дневником, вспоминал о собаке, о маме, думал о том, как буду жить после декабря.

Ночью возникло какое-то озарение, и я увидел того, кто участвовал в составлении анонимки. Знаю точно, но не верю, что это все же сделано этим человеком. Как я теперь с ним буду разговаривать? В своем гнусном сознании я могу увидеть и придумать много мерзостей, в уме продумать все детали, но в жизни никогда ничего из этого гадкого не осуществлю. Молчание Л.И., которому я отдал два месяца назад текст, тоже кое о чем говорит. Он специалист по эвристике, он, наверное, уже определил, кто! Тем более в матерьяльчике есть фраза или мысль, которая принадлежит ему или идет от него. Но сам Лева, естественно, вне всякого подозрения. Обязательно на первом же ученом совете в закрытых конвертах распространю эту

замечательную информацию.

14 августа, воскресенье. Живем так: час, еще не вставая, поработал над романом, выпил чашку какао, подвязал помидоры, потом ходил в правление, заплатил за дачу — 3000 годовой взнос и 250 за землю, два или три раза полил совсем пересохшие помидоры и огурцы, собрал черную смородину, потом выдернул четыре свеклы, собрал огурцы и помидоры, срезал один кабачок, пообедали с В.С., готовила она, потом я мыл посуду, вырезал и вставил четыре стекла на террасе.

В этот момент по радио передали о падении самолета и гибели 123-х пассажиров и команды греческого самолета. Говорят о внезапной разгерметизации машины. Самолет с мертвым экипажем и мертвыми пассажирами на борту полчаса кружил над территорией Греции. Однако, какие быстрые греки, успели послать к этой машине-призраку два истребителя. Успели бы в подобных обстоятельствах сделать что-то похожее мы или продолжали бы согласовывать? А в Чечне на одно из сел налетели боевики, два часа в своем доме глава района отстреливался. А где же помощь, где вертолет, который немедленно должен был накрыть преступников? Когда только через два часа подъехала к селу на помощь группа военных, их обстреляли из гранатомета. Жертвы! Учимся мы чему-нибудь или нет?

В.С. поспала, я сложил вещи, набрал воду в бочки для будущего полива, выключил электричество, отключил газ, разморозил холодильник, перекрыл водопровод, открыл гараж, вывел машину, погрузил продукты и вещи, закрыл ворота. У Архангельского, уже на подъезде к Москве, прихватил СП. с его вещами — до метро.

С некоторым раздражением смотрел телевизионный вечер, посвященный 60-летию школы-студии МХАТ. Капустник становится эстетикой. Судя по всему, русский театр сначала впитал чуждые ему черты западного дурного юмора, вторичного восприятия жизни, поверхностность, а потом это стало его сутью. Способствовала этому и новая драматургия, отвечающая вкусу нового актера и специфического зрителя. Вот так был построен и этот вечер, была неадекватная реакция зрительного зала, готового подхихикивать по каждому поводу, особенно если кто-то нелояльно высказывался по отношению к прошлому. Это понятно, может быть артисты, народные, заслуженные и великие первыми предали, перебежав, прошлый строй. А разве не так было во время революций в 1917-м?

В общем, вечер меня раздражал до тех пор, пока не появилась "десятка" — обычно десятками абитуриенты вызывались на прослушивание. Но эта была "звездная" десятка: Табаков,

Невинный, Дмитриев, Крючкова, Броневой, Мягков, Казаков, Басилашвили, Толмачова, Доронина, которая вышла из зала позже. Смелянский заискивал. Одни рассказывали о том, как поступали в школу, рассказывали случаи из своей театральной жизни… Но как некоторые из них читали свои "вступительные" заготовки! Подобное, видимо так же как по тысячу раз отработанные па у балетных танцовщиков, не забывается никогда. Невероятно глубоко читали Маяковского Невинный (вселение работяги в новую квартиру) и Басилашвили (отношение к лошадям). Даже пафос восприятия той, вознесшей их жизни, не ушел, не забылся. Правда, Басилашвили сказал, что, дескать, ничего другого тогда не знали, дескать, выбор был навязан или что-то в этом роде. Тем не менее, какой роскошный и глубокий поэт, как неподделен его пафос! Табаков проникновенно читал Симонова. Совершенно неартистично выглядел ведущий эту сцену и так похожий на моего старого знакомого Эмиля Григорьевича Верника Анатолий Семенович Смелянский. Это даже было нескромно, когда он вызвал на сцену "абитуриентку давних лет" Таню Доронину. Народная артистка СССР, между прочим. Перед этим у некоторых выступавших прозвучала ирония по поводу разделения МХАТа… Вышла Татьяна Васильевна — она-то умеет держать удар и умеет глядеть в лицо недоброжелателю — и так здорово, так уместно прочла стихотворение. Земля обетованная не только ваша! Вот что называется настоящей народной. Прочла и в памяти зрителей осталась как главная фигура вечера. Вот что значит у женщины харизма!

15 августа, понедельник. Запустили на заочном отделении экзамен "Изложение". Анна Константиновна отобрала очень хороший и точный текст из Вас. Белова. В связи с этим возник разговор о всей системе наших институтских экзаменов, связанных с литературой и языком. Что мы, в конце концов, проверяем. Творческий потенциал? Но он проверяется на этюде, на конкурсной работе, на собеседовании. Грамматику? Тогда, может быть, проще давать диктант? Здесь у меня много раздумий и много колебаний. Так же как и по поводу всего комплекса: диалектология, сравнительная грамматика, старославянский язык. А почему у нас столько часов посвящено практической грамматике? Что-то надо менять. В начале девяностых, когда мы формировали этот учебный план, мы старались компенсировать огромные пробелы, которые давала школа. Но школа теперь немножко подсобралась. Зато растворился в воздухе такой предмет, как диалектология. Нет уже более диалектологических экспедиций, телевидение и сама жизнь вытеснили говоры, речь

сократилась. Уже даже преподаватели, прочитав отрывок из Белова, просят уточнить, что у писателя означает слово "батожок".

Когда ехал домой, по сотовому телефону раздался звонок через секретаря от Константина Эрнста, руководителя 1-го канала телевидения. Я ехал домой и подвозил заодно на Ленинский СП. Секретарю я сказал, что сейчас "причалю" к бордюру и можно будет соединять. И вот пока я проводил этот маневр, я успел сказать СП.: сначала будет какой-нибудь разговор о литературе и институте, а потом о прокладке газопровода. Точно так оно и случилось. Действительно, сначала поговорили о неких сценарных курсах при Литинституте. Сам разговор не привожу, потому что он был достаточно условный, хотя кризис и в кино, и на телевидении наметился. Правда, было очень ценное соображение руководителя первого канала, что все телевизионные сериалы сейчас совершенно оторваны от жизни. Тут же я вкатил о нашей парижской договоренности по "Имитатору", хотя про себя решил, что ничего, пока не решится с газопроводом, посылать не стану.

А потом зашел разговор и о газопроводе. Насколько я понял, пайщики новых ресторанов, обеспокоены взвинченной мною ценой компенсации. Я ничего не обещал, но сказал, что принципиально вопрос решен на совещании в префектуре. Замечательно, что все совещания у префекта ведутся под стенограмму.

Весь вечер читал собственную монографию, которая, наконец-то, пользуясь советами и редактурой Владимира Андреевича Лукова, собрана на компьютере из моих текстов. Мне даже интересно стало, как к ней отнесется наше научное сообщество.

16 августа, вторник. Уже под конец дня объявили о сенсации: Верховный суд отменил решение суда Москвы о признании партии национал-большевиков вне закона. Счастливое лицо Лимонова. Я, еще когда только партию закрыли, уже тогда своим ощущением правды и естественности правосудия понял, что это незаконно. И суду иногда, видимо, стыдно бывает за некоторых своих коллег. Прокуратура, конечно, объявила, что она опротестует это решение. Прокуратура и формально принадлежит государству, а суд формально, кроме нашего российского, который все время трясет от жажды денет, независим. Но уже ясно, что мечта начальства и правящей, безусловно поддерживающей капитал, верхушки закрыть партию как незаконную имеет разное толкование и среди судейского сословия, и среди общества. Я повторяю, единственно чего надо опасаться этой власти, это партии Лимонова, партии обездоленной молодежи.

День прошел довольно вяло, утром что-то, не торопясь, вписывал в свой новый роман, на работе продолжал писать письмо Марку в Филадельфию, которое обязательно вставлю в дневник. Планы моего романа все время меняются. Возможно, я не стану пользоваться прямым сюжетом. Так интересно задуматься: а о чем будет следующая глава? Объяснился с Вл. Ефим, относительно Толика, который ему неоправданно часто и резко грубит. Ребята вообще, чувствуя мою поддержку, немножко наглеют. Перед обедом на спортивной площадке, сняв рубаху, немного поиграл с ребятами в волейбол. Это замечательно напрягает и заставляет веселее работать весь организм.

И, конечно, главное событие дня — это опять разговор о газопроводе через нашу территорию. Опять пришел мой старый знакомый Андрей Васильевич и очень решительно, получив, видимо, от Эрнста, а может быть, и не напрямик, информацию о том, что все в порядке, развернул проект прокладки трассы. Но я к этому был готов, потому что понимал: дельцы с противоположной стороны Тверского бульвара никогда не дадут 250 тысяч долларов на наш проект. Я прямо спросил, а на какую сумму они все-таки рассчитывают. Оказывается, на 10 тысяч долларов. Как я понял по всем нюансам, эту сумму я мог бы получить непосредственно. Но честь и собственная свобода дороже. Я положил на стол протокол заседания у префекта, где черным по белому было написано о некоторой компенсации в пользу Литинститута. Как хорошо, что я создал тогда этот юридический повод. Теперь я к нему смог обратиться и придать своему шантажу видимость законности. Ка-пи-та-лизм, свя-щен-ное пра-во соб-ствен-ности! Я уже понял, что и с курсами сценаристов, и с возможной инсценировкой "Имитатора" Конст. Львович меня дурачит, и выстроил приоритеты: или электрический кабель в 120 метров — предписание на замену у нас уже есть, и даже повторное, — или пусть покупают для института новую "Волгу". Я даже бросил на стол главный козырь: ничего не могу решить без ученого совета, а ближайший ученый совет по плану у нас в конце сентября. Завтра будем созваниваться заново. В запасе к этому у меня есть еще дерево, которое надо посадить на месте канавы, и газ, которым надо будет снабдить столовую.

Филадельфиия

Дорогой Марк! Вот я и теряюсь, с чего начать: в Вашем письме много положений и мыслей, по поводу каждых хотелось бы порассуждать. Многое из того, что Вы сказали, хочется повторить, — мы часто любим рассказывать полюбившиеся сказки

и истории, которые слышали совсем недавно. Но ведь писатель на то и писатель, чтобы чуть добавить, сказать то же самое другими словами. Однако Вы иногда так мастерски и просто говорите, что это вызывает зависть. Теперь — по Вашему письму.

И я — никудышный кандидат в игру "Что? Где? Когда?". И сколько раз в снобистской литературной игре с цитатами ошибался я, но стоит ли об этом горевать или комплексовать. С огромным трудом я вспомнил обсказанный Вами "винный" эпизод, на который я не обратил внимания и который ничуть не поколебал моего высокого мнения о Вас, дорогой Марк. И что значит "лоскутность" познаний? Термин, конечно, хорош, у кого из нашего поколения образование иное. Еще Пушкин, ссылаясь на Онегина, писал: "мы все учились понемногу…". Но свойство нашего русского сознания — собраться! Я уже ценю и друзей, и студентов не за образованность, а за нечто другое, что выше и значительнее внешнего лоска учености, — за продуктивность сердца, за органику и искренность вязки слов. Вот так-то, и прекратите комплексовать. И чтобы покончить с этой стороной нашей переписки и отношений, скажу, вернее повторюсь: это сейчас единственная пространная и объемная переписка, которую я веду. И Вы, дорогой Марк, знаете меня: стал бы я её вести, при моей, главным образом, писательской загрузке: мне просто интересно, мне сердечно, я в этой жизни должен хоть кому-то также сказать несколько хороших слов и быть откровенным. Не мало значит и то, что я называю духовным резонансом. Рассказывая о Вас своим приятелям, я всегда говорю, что когда в Филадельфии я спустился в ваш "бункер", то обнаружил там мою собственную библиотеку.

О чём дальше? Письмо ваше замечательное, информационное, мне кажется, так писали в позапрошлом столетье, и я никогда не думал, что сам буду писать такие длинные письма. Я будто побывал и в Карловых Варах, о которых столько читал, но никогда там не бывал, и как бы из первых рук узнал, как там обстоят дела сейчас. Будто вижу и Вас, и Соню в этом богоспасаемом месте. Мне так нравится, и я с таким воодушевлением вижу, как чутко Соня следует за Вашими, Марк, интересами. И это совершенно не означает, что это и не её интересы. Большое это счастье — жить в семье в такой гармонии.

Что касается Ваших киноинтересов, то, безусловно уважая их, я для себя отметил сокуровское "Солнце", потому что Сокуров сейчас, может быть, единственный режиссер в мире, который держит ту высочайшую планку истинного раздумья и философского кино, которую держали раньше три мастера-итальянца: Антониони, Феллини и, главным образом, Висконти. К

сожалению, сейчас жив только Антониони. Для меня Ваше мнение много значит, обязательно доберусь я и до фильма Потемкина.

Что касается Букера Миши Шишкина, я, конечно, рад за него, потому что он милый и, кажется, добрый парень. По крайней мере, мне с ним во время встречи в Париже было комфортно. Я прочел его роман, он точно и с глубокой внутренней вспашкой написал, но — это мнение не только моё, но в первую очередь критика Павла Басинского — он, Миша, очень скучно, биологически скучно пишет. Это уже от природы, здесь ничего не поделаешь. Впрочем, если бы я сидел в жюри, то он, наверное, всё равно бы этот "нацбест" получил: я читал почти всё, что входило в "июрт-лист". Я рад, что Миша будет у Вас, передавайте ему привет и мою уверенность, что посещение Вашего дома будет одним из лучших "эпизодов" его путешествия в США.

Что делаю я? Как складывается моя жизнь? Главное: я под впечатлением Вашей фразы о расширении интеллектуальных возможностей жизни после ухода на пенсию. Я человек скромный в быту, живу по накрепко и органично усвоеннному принципу людей, которые "и новости, и неудобства несут, как господа". Поэтому я вожделенно жду свободы, хотя не столько мои собственные обстоятельства, но окружающие и их взгляды на их собственную жизнь и судьбу института противятся этому. Здесь скорее закон стоит на страже моих интересов, но Россия привыкла к тому, что его надо обходить.

Я, как ни странно, начал новый роман и даже написал страничек десять, запала у меня еще на несколько страниц. Но и "Марбург", который я начал со сцены в самолете, полтора года простоял именно в этом эпизоде, без всяких прибавок. Возможно, и новый роман будет очень близок мне, потому что он про некий институт. Пока мне нравится, но тем не менее скажу — жестоко непродуктивно.

Теперь — "о главном", где я говорю решительное "нет". Хорошо, чуть позлее, дайте я привыкну. Но сначала: я внимательно прочел весь список гранта имени Анны Хавинсон. Он меня вполне и полностью устраивает, потому что я вижу ясную и точную логику и в российской, и в зарубежной части. Олег Павлов — это очень крупный писатель, что касается Асара Эппеля, я несколько раз писал, что считаю его одним, если не основным, стилистом России. Я отказываю, а скорее колеблюсь, совершенно по другим причинам: именно потому, что дорожу дружбой с Вами и Соней, и, зная себя, свою рефлексию, неумение забыть никакую зависимость, переложу обязательно всё это на наши отношения, стану неестественным, то есть всё время буду

держать в уме и это благо, и этот поступок. А вот за таблетки для В.С. - спасибо. Как трогательно, что Вы, кажется, вычитали название препарата в романе и прислали их (поборов не было?) — вот тебе и связь литературы с жизнью.

О гранте имени Анны Хавинсон я часто думаю отдельно, никак не связывая его со своим именем. Но какое это необходимое и полезное дело: именно грант во имя человека, готового придти на помощь ближнему. Здесь не только сам грант, как явление гуманное само по себе, направлен ли он на писателя, на общественного деятеля или вчерашнего студента, — гениальна идея! Идея проста, и тем она значительнее, потому что естественное добро потихоньку уходит из нашей жизни.

Что касается — ещё раз — таблеток для В. С.: невероятное спасибо, я всё уточню и напишу. Особый поклон Соне. Это мой старый тезис: мужчина стоит лишь то, что вылепила из него женщина.

Дружески обнимаю.

С.Есин.

17 августа, среда. Утром опять встретился со строителями, которые очень серьезно начали обсчитывать, во что обойдется реконструкция нашей электротрассы. Предписание у нас есть, кабели в земле лежат уже 30 лет, менять действительно пора. Судя по всему, если нам удастся еще шкафы в трансформаторной поменять за счет города, обойдется в 22–25 тысяч долларов. В разговоре с милейшим и обаятельнейшим Михаилом Владимировичем Чириковым я выяснил, что заказчики уже согласились заплатить нам 20 тысяч. Дай Бог, чтобы не сорвалось! С них я еще слуплю и подводку к нашей столовой, и дерево на место сломанного последней бурей. В разговоре с М.В. выяснилось, что у нас много общего, его отец работал в драмвещании на телевидении, знает Кузакова. Любопытные были характеристики Швыдкого и других деятелей. Поговорили всласть, по крайней мере, мне было интересно.

К часу дня пришел Леня Колпаков, и мы пешком пошли с ним во МХАТ на чествование Олега Табакова. У меня был для него подарок: замечательное издание Библии с иллюстрациями палешан. Показалось, Олег мне искренне обрадовался, по крайней мере удивился, в списке приглашенных гостей меня не было. Расцеловались. Олег как-то по-хорошему ко мне прислонился, заработали фотоаппараты. В этот момент я ему шепнул, подразумевая подаренный том: "Это твоя последняя роль". Было как-то особенно, по-театральному аффектированно. По портретному фойе сновали знаменитые актеры и актрисы со старыми лицами. Видел Зою Богуславскую без Андрея. Потом я сговорил Марину Зудину на жюри в Гатчине, и мы хорошо с Леней закусили. На горячее давали не только отличное мясо, но и каких-то вкусных моллюсков.

Звонил в Гатчину Генриетте Карповне, в районной больнице усганавливают аппарат гемодиализа, может быть, удастся свозить В.С.

По телевидению последние несколько дней показывают манифестации и акты гражданского неповиновения в Израиле. Дело в том, что правительство решило покинуть сектор Газа, идущий вдоль Средиземного моря, и некоторые районы западного берега реки Иордан. Удержать эти области Израиль физически не может, и в этом смысле акт совершенно верный. Теперь возник конфликт: поселенцы не хотят покидать насиженные места, созданию которых отдали много сил. Это понятно, но, если говорить коротко, — неизбежно. Однако менталитет — это менталитет. Можно понять левые националистические силы, которые всегда протестуют по любому поводу. Но вот что интересно: уходя из своих домов, в которые неизбежно — слово

для меня ключевое — вселились бы палестинцы, израильтяне рисуют в них свинью. Мусульмане в таком доме жить не станут. Некоторые свои дома жгут. И это, конечно, не то, что было в 1812-м или в 1941-м. Мне такой внутренний настрой не очень понятен, мы, русские, — фаталисты…

18 августа, четверг. Начал читать книгу "Говорят свидетели защиты", которая выпущена по инициативе Н.И. Рыжкова, по крайней мере на титульном листе есть упоминание Интеллектуально-делового клуба. Эта книга связана с процессом над Слободаном Милошевичем, которого судит — слово очень неточное, было бы кстати другое слово, "судилище", но очень уж пахнет низкопробной газетчиной — Гаагский трибунал. Здесь есть вступительное слово самого бывшего президента Сербии, произнесенное 31 августа 2004 года, и прения суда, и допрос свидетелей защиты, среди которых Н.И. Рыжков (23–24 ноября, 2004) и Г.М. Примаков (30 ноября, 2004). Что здесь особенно интересно для меня? Саму ситуацию — агрессию НАТО во главе с Америкой, исторические экскурсы с планами от Гитлера до властелинов послевоенной Европы — пропускаю. Все это изложено в блистательной вступительной речи Милошевича. Здесь можно только развести руками: какой замечательный и опытнейший юрист, сколько знаний и какова сила убеждения! Но и с какой невероятной аргументированностью, твердостью и человеческим умением выступают и наши Примаков и Рыжков. Уровень невероятный, сколько в обоих еще не выбранного потенциала. Вся коллизия, благодаря нашим средствам массовой информации, которые легли под Запад, для нас — практически неизведанная Антарктида.

19 августа, пятница. Запустил экзамен у заочников по русской литературе. И снова уехал в Сопово с книжными шкафами, которые прослужили у меня лет двадцать пять. Я покупал их с помощью Вити Воеводина, еще когда жил на проспекте Мира. Они старательно переезжали с квартиры на квартиру, горели в 1992 году, потом года четыре служили СП., хранились в институтском гараже, а вот теперь снова я их, кажется, запускаю в дело. Пробыл в поселке часа два. Сережа, Толин племянник, очень добросовестно покрасил сарай, разложил книги и даже развесил по стенам мои почетные грамоты. На обратном пути ехал на электричке, смотрел в окно, замечательные дали, леса, проехали станцию Есино, вспоминал Юру Копылова, который жил в Электростали. Магия русских просторов. Вечером опять приехал Саша Мамай, на этот раз за уже готовыми линзами. Кажется, у него с оперированным глазом все благополучно, но так страшно сглазить. Приехал он довольно

веселый, привез, кроме того что, как всегда, что-то купил на рынке у метро, еще и банку самодельного мармелада. Делается все очень просто: сок из красной смородины, чуть-чуть сахара и переварить с желатином.

20 августа, суббота. Утром позвонил Анатолий: наш план медленного путешествия через дачу в Ракитках, операция там с новыми окнами, утепление пола, а потом уже в Обнинск — сорвался. Он в свое время не проверил, и рамы для окон оказались не готовы. Я почему-то пришел в страшную ярость, мне показалось, что для всех, кроме меня, существуют лишь собственные планы. Но в их планах все может существовать и завтра, и через месяц, и через год, а мне отпущено уже мало, и когда все закончится, я не знаю. Толик, обещавший в свое время сделать террасу, так ее и не закончил, и уже почти два года мы навешиваем петли, затыкаем щели, стеклим рамы. Все на потом. Он поленился сделать окна, как мы договаривались, раздвижными, потом — все быстрее, быстрее! купил не те колесики и рельсы. Я ведь создавал две комнаты — террасу и проходную — для того чтобы иметь свой угол, чтобы не мешать никому, если кто-нибудь примется смотреть телевизор или слушать музыку. Когда я об этом подумал, то уже не смог собою управлять. Я пришел в ужас, что мне надо собирать кормежку для всех, наливать в термос суп, который сварила В.С., думать о каких-то котлетах, гарнире. Поэтому всех разогнал, пусть остаются в Москве, ремонтируют мотоцикл, убирают комнаты, и один без продуктов поехал в Обнинск. Хорошо, что по дороге присоединился ко мне СП. На зло всем и сами можем: натопили баню и замечательно попарились. В бане с СП. говорили об институтских делах, о некоем письме, которое надо написать, но которое я сам ни за что писать не стану. Возникло имя Чудаковой, и тут я подумал, что эта женщина обладает, кроме знаний, еще поразительной волей, силой, страстью убежденного и думающего по-своему человека, но ведь она еще и простодушна, как ребенок. Вот почему тянет и меня, и многих к ней. Качество редчайшее.

Ночью дочитывал книгу о свидетелях защиты на процессе Милошевича. Я уже писал, как иногда "наотмашь" отвечали "наши" на наглые выходки их суда?

ОБВИНИТЕЛЬ Д. НАЙС: Ваша честь, я обратил внимание, что свидетель периодически зачитывает заметки, которые он имеет на руках. В одном случае мне показалось, что это был документ, а в другом — просто записи для выступления. Было бы полезно знать, какой именно документ зачитывает свидетель.

СУДЬЯ П. РОБИНСОН: Господин Милошевич и господин

Примаков, Вы слышали, что заявил прокурор. Вам не следует зачитывать какой бы то ни было документ, если он не был представлен Суду ранее и не получил одобрения Суда. Поэтому сообщайте, какой документ зачитывается, Суд выяснит обстоятельства происхождения документа и даст формальное разрешение на его использование в показаниях.

Е. ПРИМАКОВ: Хорошо. Только я хочу повторить, что это — указание нашему представителю, которое было передано господину Милошевичу. И я это сделал по поручению президента Ельцина.

Ваша честь, я не думаю, что это является документом, который может быть представлен Суду. Указание было передано по шифросвязи, а шифротелеграммы не фигурируют в Суде в качестве доказательств. Если меня пригласили сюда для дачи показаний в качестве свидетеля, — меня, который был и премьер-министром, и министром иностранных дел, и руководил службой внешней разведки, — то я думаю, что определенная степень доверия к тому, что я говорю, у Суда должна быть.

Много интересного, поучительного, бесстрашного, но я всегда останавливаюсь на фактах, которые уже вошли когда-то в мой дневник, а тут появились новые подробности.

С. МИЛОШЕВИЧ: Хорошо. Господин Примаков, много писали о Вашей "петле" над Атлантикой. Не могли бы Вы рассказать об этом?

Е. ПРИМАКОВ: Действительно, будучи премьер-министром, я летел в Соединенные Штаты. Главной темой моего визита были экономические отношения с Соединенными Штатами. Визит был в рамках Комиссии Гор — Примаков, до этого была Комиссия Гор — Черномырдин. При промежуточной посадке в Шенноне я узнал о том, что на 98 процентов, как сообщил мне наш посол в Вашингтоне, уже принято решение о бомбардировках Югославии. Я позвонил вице-президенту Гору и попросил информировать меня, как будут развиваться события. Я подчеркнул, что мы дорожим отношениями с Соединенными Штатами, и поэтому я продолжаю свой полет, но в надежде, что все-таки решение о бомбардировках принято не будет. Но с борта самолета я соединился с Гором еще раз, и он сказал мне, что решение принято. В этих условиях я посчитал невозможным начинать свой визит в Соединенные Штаты и развернул самолет, который полетел назад в Москву.

21 августа, воскресенье. Приехал в Москву рано, а в доме, оказывается, сломана телевизионная антенна, — телевизор молчит. Боже мой, какая благодатная тишина, какая свобода думать и работать.

22 августа, понедельник. Идут собеседования на заочном отделении. Это будет продолжаться три дня, но со вторника. Вот и получился маленький перерыв. Самое время немного собраться, подумать, но пришли Михаил Юрьевич и СП. и объявили: на сайте ВАКа появился список журналов, участие в которых маркирует докторскую диссертацию. Нас там нет. Я абсолютно уверен, что это или какие-то наши внутренние интриги или опять-таки наше, идущее из института, недоброжелательство.

Я об этом договаривался с Г.А. Месяцем, и специалисты посмотрели и сказали, что журнал абсолютно нормален и вполне может быть внесен в список. На экспертизу журнал был отправлен с резолюцией самого Месяца. Я не могу поверить, что коллектив, какие-то дамы в нем, так беззастенчиво наплевали на своего начальника. Страстно захотелось узнать, кто был внутренним рецензентом, и, конечно, я это узнаю и прослежу всю цепочку. Захотелось также написать письмо Месяцу, сказать ему, как мало он значит для собственного учреждения.

Утром же состоялся довольно длинный разговор с В.А. Тычининым, который все время пишет заявления, собираясь уходить. У него нелады с Марией Валерьевной Ивановой, новым деканом. Возможно, я совершил ошибку: по крайней мере, за время работы в институте М.В. набрала большое количество недоброжелателей. В этом смысле, в ее борьбе с Тычининым ей хорошо подыгрывает Светлана Викторовна, у которой с Виктором Андреевичем старые нелады. Тычинин говорит, что эти дамы хотят, чтобы предмет его в расписании числился, ну а что касается самих физкультурных обязанностей, то нашим перекормленным девочкам это вроде бы и не нужно. У меня есть также ощущение, что М.В. имеет свою кандидатуру на должность Виктора Андреевича. Но я абсолютно уверен, что больше, чем он, никто с нашими студентами нянчиться не будет.

В первой половине дня был Сергей Константинович Никулин. Говорили по поводу книг его издательства "Артист. Режиссер. Театр". У меня два ящика этих книг, которые выставлены на Госпремию. Глядя на них, можно воочию увидеть, как много могут сделать для культуры два человека — в издательстве у Сергея есть еще дама-театровед. Сережа рассказал также о смерти Жени Агафонова, радиорежиссера в Ленинграде. Умерла и его жена. Последние 20 лет они провели в деревне, удалившись на покой, уйдя и из жизни искусства. А ведь когда-то Женя играл Гамлета… Правда, пили они много и ели изрядно.

Состоялся также звонок С.А. Филатова — я согласился на "мастер-класс" в Липках и на присутствие наших студентов на этом семинаре. Договорились, что список литинститутовцев, всех

вместе, мне пришлют, и тогда я издам общий приказ, чтобы всё это над ребятами не висело. Вот так, одно событие к другому, шел день, не считая, конечно, хозяйственных хлопот: ремонта театрального зала, работы с приёмной комиссией и проч.

В четыре часа приехали китайцы, китайское телевидение делает большой фильм о России, а я у них "забойщик" по Ленину. У всех такое ощущение, что я по Ленину специалист. Но я специалист только по своему роману о Ленине. Меня никогда не волновали ни даты, ни события, ни то, как события на самом деле включались в жизнь, меня волновали лишь чувствования и характеры. Пришлось выкручиваться по поводу нэпа, по поводу военного коммунизма. Правда, до этого я взял консультацию у Людмилы Михайловны и Зои Михайловны. Удивительно, как люди помнят то, что выучили в молодости и чему посвятили основную часть своей жизни! Зоя Михайловна помнит всё, что когда-то читала студентам. В её интерпретации (а это то, что мне нужно) история раскладывается на ясные и точные периоды и совершенно законченные отрывки.

Вечером, дома, взялся за большой альманах "Мнемозина". Письмо З.Н. Райх к Горькому. До чего же решительная, без комплексов, была женщина! Театру было нужно закрыть казино, чтобы присовокупить к себе его помещение. И сколько для этого было потрачено энергии, с какой удивительной оценкой себя и своего мужа обращалась она к Горькому, в конце письма давая инструкцию: "Прошу Вас о двух вещах: первая — внушить Уханову и Уманову, что казино отдается государственному Театру Мейерхольда…" И вторая: "…Правительству, для которого у нас нет в театре бархатных лож, как есть, например, в Большом театре, и с которым дружить через женщин мы не в охоте — а на простой интерес к театру их не хватает, — что Мейерхольду вручены художественная, общественная, культурная роль… в культурной революции — и затравлять и игнорировать Мейерхольда не следует". Вот так жена четко и определенно пишет о величии своего мужа.

Ну, а потом принялся читать переписку В.А. Теляковского, уже бывшего директора всех императорских театров, и А.И. Южина, в то время практически директора и руководителя Малого театра. Переписка датируется 17–24 годами. Теляковский просит Южина помочь ему достать из сейфа в банке К. Коровина, от которого потерян ключ, тетради его знаменитых Дневников. Видимо, когда в 17-м году Теляковский опасался за гибель дела его жизни (а к тому времени пришло понимание им масштабности его знаменитых Дневников), он положил их в банк — а тут революция и проч. и проч. Во время революции

знаменитый театральный деятель и директор стал директором же, но сапожной мастерской. К счастью, при помощи Луначарского, на что потребовалось несколько лет, дело было сделано: Дневники вернули. Через всю переписку фоном сквозят невероятные трудности времени. "У нас по-прежнему и холодно и голодно, у меня в квартире около восьми, а бывает и пять. Цены на продукты, о которых Вы спрашиваете, похожи на наши, только в прибавлении к ним 10–20 %". В ответ Южин пишет (это уже письмо от 31 декабря из Москвы): "Снега у нас такие, каких я не запомню. В театре холод постоянный, 7–8 градусов считается счастьем. Сейчас у меня была Мария Николаевна Ермолова. Боясь меня не застать дома, она заготовила мне записку, в которой пишет: "Умоляю отложить мой юбилей на май, до тепла. Невозможно играть, когда всё внутри дрожит, нет ни сил, ни голоса, это всё заморожено"".

16 июля 20-го года А. Сумбатов-Южин в ответ на письмо нового директора сапожной мастерской пишет: "Действительно, как говорит Диккенс, судьба прибавляет к незаслуженной обиде и горькую насмешку, ставя Вас во главе сапожной мастерской, в то время когда духовные сапожники становятся во главе театра!!" Чем-то меня эта цитата привлекла. И еще две цитаты. Теляковский вообще был большим умницей, я несколько раз цитировал его в своих предыдущих Дневниках, когда читал его поденные записки. И вот еще одно его размышление — не очень оригинальное, потому что мы все в плену этой мысли: "Всё больше убеждаюсь, как мало общего у России с остальной Европой. История её требует другой мысли, другой формулы, чем мысли и формулы Запада. И как говорил Пушкин: "Провидение не алгебра, ум человеческий не пророк, а угадчик". Слово "угадчик" из Пушкина меня просто покорило". Теляковский прожил до 24-го года, его Дневники публикуются только сейчас. Но сколько умный человек может рассыпать интересного за свою жизнь! Я ведь выписываю только то, что или созвучно мне, или кто-то сформулировал лучше, чем я. Это то, о чем я много раз думал и говорил своим товарищам и по институту, и, еще раньше, по радио: "Подчас критика бывает строгая, но стараюсь различно относиться к людям, творящим дело (артистам и художникам), которым, конечно, свойственно и заблуждаться и ошибаться в своих делах, и людям, стоящим около этого дела, то есть чиновникам, администраторам, которые должны не столько свое дело делать, сколько облегчать работу главным театральным деятелям". Как это все справедливо и для нашего времени! И не могу вытерпеть, чтобы не привести еще одну подробность из письма А. Южина своему корреспонденту: "Как бы то ни было,

сегодня, в четверг 20 января, мы с Машей, нашей горничной, привезли на салазках мешок, наполненный сорока Вашими тетрадями".

Из телевизионных событий: смотрел мельком, почитывая книжки, запомнился один эпизод, связанный с событиями в Израиле. Раньше израильтяне рисовали, чтобы насолить арабам, свинские рыла на своих домах. Но дело пошло дальше. Оставленные дома сжигают, разбивают, выкапывают даже деревья — палестинцам должно остаться всё, как и было, будто не прошло 20 с лишним лет, очень наполненного, в смысле прогресса, времени. Пусть снова возникнет пустыня! — хотят они. И после этого рассчитывают, чтобы их если не полюбили, то относились лояльно? Вспомнился эпизод, описанный в свое время А.Куприным. Он зашел в парикмахерскую и увидел, что молодой брадобрей мочится прямо на стену зала. На вопрос, что случилось, тот ответил: "Случилось-таки, да! Мы арендуем помещение в другом месте, получше этого…" Люди не умеют перешагивать через эгоизм своего чувства. Это мешает и каждому человеку в отдельности, и всему человечеству.

23 августа, вторник. Набирали прозу на заочное отделение. Сидел Руслан и все остальные, как обычно. Иногда было так скучно, что хотелось заснуть. При выборе базировались практически только на оценках преподавателей. Иногда было даже трудно задать какой-либо вопрос, потому что знания вчерашних школьников современной литературы были совершенно пустые. Такое ощущение, что все отрезано. И здесь не совсем школа виновата, не только то, что она насильно внедряла. Есть почти полное падение интереса к современной русской литературе. В общем, молодой человек значительно лучше знает литературу западную, чем русскую. Здесь возникают хотя бы какие-то имена, фамилии, названия романов. Что касается наших писателей, то дальше Довлатова, которого легко читать, и Пелевина, который, также читается легко, дело не идет. Возникает еще иногда Веллер. И всё. А мы потом раздражаемся и нервничаем: почему фэнтэзи, почему в романах нерусские имена, зачем какие-то маги. В отсутствии подлинной литературы плацдарм захватывают прописи телевизионных сериалов, бандиты, убийцы, адюльтеры или маги, рыцари, волшебники.

Вечером заходили Максим Замшев и Иван Голубничий. Принесли документы, из которых следует, что целый ряд зданий МСПС продан и сейчас оформляется для передачи новым владельцам. Пикантность ситуации заключается в том, что проданы они по решению исполкома МСПС. И вот меня просят дать, как в милиции, объяснение относительно того, что я об этом

знаю. У меня об этом полная незнайка, так как ни одного исполкома с решением хозяйственных вопросов я не помню. Меня всегда эта чрезвычайность смущала, ведь, в отличие от наших институтских ученых советов, никогда там не ставились вопросы аренды, купли-продажи, а, насколько я понимаю, даже сдать помещения без решения коллективного органа нельзя. Вся эта ситуация повергла меня в шок: ведь если печати не поддельные, то Ларионов действительно человек бесчестный. Я сказал, что готов написать соответствующую бумагу, но при одном условии: мне нужен какой-либо запрос, а так как пока нет ни запроса от прокуратуры, ни запроса от милиции, то единственный человек, который может меня спрашивать — председатель исполкома, С.В. Михалков. При всей трагической некрасивости этой ситуации она решает для меня одно: мои моральные обязательства, связанные с прошлым, перед А.В. Ларионовым закончились.

Колокол N 6

24–25 августа, среда, четверг. Подбираю за два дня, потому что прошли они, как один, и разделить 1 их можно только по одному ощущению: вчера было чуть менее талантливо, сегодня урожай был получше. Среда и четверг — последние дни собеседований. Вчера шла поэзия, руководитель Галина Седых, сегодня поэзия у Сережи Арутюнова и маленькие семинары. Мне вообще показалось, что в этом году поэзия как-то пошла, после многих лет умирания, веселее. В каждом из этих семинаров оказалось по несколько очень интересных ребят. Возможно, время как-то сглаживает внутренние трудности у поэтов и сложный период в поэзии закончился. Я заметил еще, что институт снова начинают понемножечку оккупировать, вместо вчерашних девочек, ребята. Если говорить о национальном составе поступающих — довольно много татар. Вчера один из них, Богаутдинов, меня и всю комиссию просто поразил: прочитал дивное стихотворение о любви, о любви к пластмассовой кукле. Но сколько за этим! Конечно, есть некоторая перекличка и реминисценция с набоковской "Лолитой", но ясно, что рука, сделавшая сегодняшнее произведение, — рука мастера. Талантливых ребят часто приходится отбивать от способных, но уж очень "внятных" и хорошо успевающих по школьной программе девушек. Они тоже, конечно, есть. Так вот, вчерашнему парню я сразу же предложил идти на очное отделение. Но не тут-то было. Казанский папа согласился с гуманитарным стремлением сына: черт с тобой, если очень хочешь — учись, но только в двух вузах сразу, и папа решил, что

на бюджетной основе сын будет учиться у себя на строителя и архитектора. У папы, кажется, своя фирма. И сегодня же запомнился еще один малый (даже несколько, всем им приходилось натягивать баллы по собеседованию), Вася Попов, из Иркутска. "Какие отношения у вас с армией?" — спрашиваем его. "Пока бегаю", — отвечает он. После долгих перезвонов со своими родителями решил оставаться в Москве. Я предоставил ему мое резервное место — 71-ое, которое ректор имеет право отдать кому-то вне контрольных цифр. У Васи есть еще одна проблема, я пока не пишу о ней, но решим ее в конце собеседований. И вот я немного ободрился и селекцию стал проводить более жестко, без жалостей и личных симпатий. У Апенченко и у Торопцева тоже пошли талантливые ребята.

Вышел номер нового журнала "Российский колокол", в котором у меня кусок из дневников. Максим Лаврентьев ходил в Московское отделение и принес целую пачку. Мельком посмотрел, я уменьшаю дистанцию — дневники за 2005 год. Дневники аннотированы на обложке в самом низу. Кажется, есть кое-что интересное и помимо, с этим я разберусь чуть позднее. Что касается страницы дневников, которые я еще раз прочел, то, надо сказать, опять ломаю голову, что же в них такое, почему они читаются с увлечением не только мною — это все же моя жизнь, — но и многими не связанными ни со мною, ни с литературой людьми. Что-то я в композиции и в самой компоновке материала нашел, что делает их и интересными, и литературой. Кстати, я заметил, что в какой-то мере стал родоначальником нового жанра, "сегодняшнего дневника" не только для себя, но и как явление современной журнальной литературы. Много повторов, найденный ход с активным цитированием из самых разных источников тем не менее выполняется только формально. Читал отрывки из литературного дневника, например, Переяслова: все хорошо, но пружина не работает, прицел надо, братцы, поднимать выше.

26 августа, пятница. Замечательно провел день, утром уехали с В.С. на дачу СП. в Ракитки. Накануне Анатолий вместе с ребятами с шести до часа ночи переделывали там оконные рамы. Сделали даже и люк на второй этаж. Конечно, все это кукольное сооружение, но постепенно, как и любое хозяйство, все обрастет мясом и бытом. Из Ракиток — а это рядом от Окружной, съездили в магазины "Икея" и "Ашан". Какая серьезная разница в ценах по сравнению с городом! Сколько же мы все, если налицо такая разница, иногда в 40–50 процентов, переплачиваем малому и большому бизнесу? Какая же наценка на рынках и в маленьких лавочках?

Обедали часа в четыре, нам с В.С. очень понравилось гаспаччо, которое готовит СП. После обеда я даже чуть-чуть поспал и написал страничку в роман. А что мне еще надо?

Уже дома разбирал книги и ставил на полки держатели, чтобы книги на неполных полках не заваливались.

Как бы мне избежать интриг за ректорство на новый срок? Если бы все решилось с кандидатской, а потом докторской диссертацией, здесь нечего об этом было бы и думать. Как начинать учебный год? Мою жизнь очень отравила анонимка: я все время должен теперь держать в уме мысль, что к этому "документу" причастен кто-то из близких мне людей. Теперь моя задача все свои переживания обменять на новый роман.

27 августа, суббота. Проснулся в шесть утра с чувством свободы, наверное, это связано с какими-то неясными и колеблемыми туда и обратно решениями. В.С. до половины девятого спала, я вымыл кухню, разобрал стол, почистил книжные полки, зафуговал овощное рагу и в девять, сев поесть, включил телевизор. "Евроньюс" с пометкой "без комментариев" показало такую картинку. Человек входит в пустой очень современный и светлый дом без обстановки, подходит к окну и разбивает его бейсбольной битой, потом то же делает с другим окном. Телевизор молчит, не комментирует, но мы уже начинаем анализировать: человек в кепуре, на голове у него маленькая шапочка, которую носят верующие евреи, — значит исход израильтян из сектора Газы. Потом показали, как к целому дому подходит бульдозер с механическим ковшом и начинает этим ковшом проламывать крышу. Потом показали покрытый крошеным бетоном пустырь. Я думаю, эти страшные кадры сделают для противопоставления еврейской нации всему цивилизованному миру больше, чем перечисление всех Шейлоков и выступления всех антисемитов, вместе взятых. Человек — не пишу "еврей" — только ты сам злейший враг себе.

В три часа дня приехали в Обнинск, где решили продолжить день рождения СП. Шашлык, вино "Изабелла", купленное еще в "Ашане", салат исключительно из собственных огурцов и помидоров. У меня была еще цель — ввинтить в люстру энергосберегающие лампочки, которые я купил в "Икее". Мысль у меня: на такие же лампочки заменить все и дома в Москве. Вот в этом мы тоже, наконец, европеизировались. По крайней мере, тенденция такая: Чубайс будет требовать все больше и больше, энергия начнет стоить все дороже. Получилось, кстати, замечательно. Каждая лампа стоит семьдесят рублей, цена киловатта — один рубль пятьдесят. При мощности 11 ватт лампа дает света, как лампа накаливания в 60 свечей.

Уже под самый вечер пошли купаться. Последнее время стояла жаркая, без дождей погода, все вокруг пожухло, на участке серо, выцвел и берег. Мне этот берег, тропинка, подъем к железнодорожной линии — все напоминает мои прогулки с собакой. Никого из навсегда ушедших людей я, пожалуй, не помню с такой невероятно осязаемой материальностью. Спал, как всегда после шашлыка и вина, плохо, несколько раз просыпался и начинал что-нибудь читать, а под утро вперился в уже знакомый мне сборник дебютов "Квадратура круга". Я уже прочел там раньше "Гепарда и львенка", теперь читаю Владимира Лорченкова "Хора на выбывание". Это на молдавском политическом материале острая сатирическая повесть о власти, о партиях, о национализме, о последней политической жизни. Написано все легко и свободно, а, главное, увлекательно. Надо признаться, что каким-то образом талантливая и сильная молодежь вызревает и помимо Литинститута. В обще-то мы, старшее поколение — Ким, Маканин, Курчаткин, отчасти я, — мним себя ведущими писателями, но подросло поколение, которое "поштучно" пишет, не только хорошо, но и, порою, лучше нас. Вопрос только в одном: хватит ли у них при сегодняшнем положении литературных дел времени, сил и упорства на судьбу?

28 августа, воскресенье. Пошел сразу же после сна погулять. Это тот маршрут, которым я когда-то пробегал, — от дома до шоссе верхом, в гору, потом спускался к реке, бежал под мостом, долго бежал полем, и возвращался домой, перебираясь через железную дорогу. Потом по этому пятикилометровому маршруту стал ходить с собакой. Вот уже, наверное, месяца четыре или пять я ни разу на этих тропинках не появлялся. Осень, довольно грустно; солнце светит, поле совсем заросло серой травой, не знаю, сеяли ли что-нибудь в этом году. Вспомнил, что год или два тому назад здесь работали корейцы, брали это поле в аренду, навезли машин, качали из реки воду. Замечательная была морковка, капуста. Какая-то очень точная была у них и интенсивная технология. Если не изменяет память, не повезло им со сдачей продукции, они сами объясняли это так: везде мафия, на базах выгоднее получить эту продукцию откуда-нибудь из-за рубежа. Все окружающие их ненавидели. Поле сегодня пустое. Вот и начинаешь думать о национальной политике, нужны или не нужны нам мигранты и почему нужно ненавидеть всех, кто работает. В восторг от всего этого не приходишь.

Когда вернулся в Москву, сначала смотрел передачу о Беслане. Сейчас об этом говорят много. Неловко писать, но скучно и неинтересно это, так как нет главного: как, каким образом мы это допустили, кто в этом виноват, почему так поздно

отреагировали. Сначала всё пустили на самотек, потом превратили в героизм. Собственно говоря, это почти всё.

Был еще звонок Константина Яковлевича Ваншенкина. Он на прошлой неделе заходил ко мне, я подарил ему оба тома "Власти слова". Теперь он отзванивал. Не комплиментарно, это чувствуется, а по сути говорил о тексте, рассказал обо мне, рассказал то, что я сам хорошо знаю и всегда ждал: когда же кто-нибудь это заметит. Говорил о моей терпимости, о чувстве искусства, о стремлении читать, даже об эрудиции. Было очень приятно. Хотя комплименты — вещь для слушающего их достаточно тяжелая. Говорили еще о критике, о Трифонове, которому исполняется 80 лет. У К.Я. удивительная память, которой можно позавидовать, он рассказал мне, что говорила обо мне Марина Левитанская, когда я пришел в литдрамвещание.

Сварил две литровые банки сливового варенья — это наш урожай. В этом году, кажется, ничего из ягод не покупали.

29 августа, понедельник. Встал в половине шестого. Минут тридцать занимался языком, потом продолжил чтение "Хора на выбывание". Это, конечно, очень раскованный и очень острый материал, но мне и всем, кто занимается литературой, надо иметь в виду, что иногда слишком свободное пользование формой (а современный язык и большое количество нажитых литературных ассоциаций это позволяет) приводит к ее разрушению. Литература перестает быть литературой, дом рассыпается на сарайчики и маленькие квартирки. Это тоже может быть опасным.

На работе, как всегда — приказы, студенты. Перечитал статью о Татьяне Александровне Бек, снял с компьютера Дневники с 1 июня до сегодняшнего дня. Всё как обычно, всё как всегда.

БАСКЕТБОЛИСТКА!

Дистанция еще очень мала. Писать о Тане Бек трудно. Она еще в наших литинститутских коридорах, её голос, облик, её высказывания еще очень свежи. Еще не перейдена граница меж тем, что было, и тем, что "о мертвых или хорошо или ничего".

Ценил ли я Татьяну Бек как поэта? Я понимал её, признавал, любил; как человек пишущий, отчетливо представлял трудности воплощения мысли в слово. Но литература приучила меня к уважению любого движения мысли, а в русской поэзии есть такие глыбы с маститыми вершинами, и масштаб этих вершин так значителен!.. Её стихи были хороши, когда, перебивая друг друга, мы читали: я чужое, она — свое, когда она с эстрады читала свои коронки. А познакомились мы с ней в самом начале перестройки,

я — тогда автор нашумевшего романа "Имитатор", она — молодая поэтесса, дочь известного писателя. Роман "Волоколамское шоссе" Александра Бека, ее отца, был замечательным романом, но набирало раскрутку "Новое назначение". Отчетливо помню знаменитую сцену из этого романа — известные советские управляющие вышли после окончания какого-то важного совещания, чуть ли не в Кремле, подошли к метро — и обнаружили, что ехать им не на что, денег никто при себе не носил.

Мы с Татьяной Бек познакомились в какой-то писательской поездке между Оренбургом и Ладожским озером. Подумать только, эта молодая женщина — дочь своего великого отца! Разговорились. Вечером в приволжской гостинице какого-то маленького городка пили чай. Тогда в первый раз и возникло обменивание, жонглирование общими понятиями, когда форму не надо было договаривать, когда имена одних ознаменовывались определенным периодом, а восклицания отражали длинные отношения. Переполненные залы, надежда на новую жизнь, — вот тогда я узнал, что Татьяна еще в университете увлекалась игрой в баскетбол (а университет был тот же, что окончил и я, только разные факультеты: Татьяна — журналистский, я — филологический). Про себя я называл ее "баскетболистка". Выходила прекрасная, полная сил, с пленительным голосом сильной забойщицы, девушка из интеллигентной семьи, читала свои стихи… Эти прекрасные незабываемые дни, может быть, провисли бы в памяти, но уже в 1992 году мы встретились с Татьяной в Литературном институте.

Единение счастливых тех дней не забывается, хотя мы иногда (даже не иногда, а чаще всего) были по разные стороны идеологических баррикад того времени, но каждый из своего "далека" мог подать друг другу сигнал. При всем том люди одного искусства и одного понимания его силы всегда согласны с тем, где это искусство есть, а где его нет: в приёмной ли комиссии института, в оценке ли дипломных работ студентов мы всегда выстраивались в одну шеренгу, каждый из нас поддерживал друг друга — и не потому, что связаны чем-то, что больше искусства, а потому, что связаны самим искусством и честностью в нем.

У Татьяны были замечательные ученики, она вела семинар вместе с Чуприниным, мы все знаем его, важного, торжественного, неглупого человека, с интересными замечаниями. Искусство всегда передается только из полы в полу, от учителя к ученику — Татьяна же передавала своим ученикам нечто другое, что иногда важнее точности просодии и энциклопедического охвата поэтического строя. Вот это другое

меня в ее учениках и привлекало. И недаром сегодня, этой осенью, ее ученик Сережа Арутюнов, в качестве преподавателя института, набирает семинар. Я считаю, что после ее трагической нелепой смерти мой долг — позвать в институт ее учеников, ведь так важно для художника иметь их, преданных соратников, важнее даже, чем иметь собственных детей.

Сильным ли человеком была Татьяна. Боюсь, что "баскетболистка" имела ранимую, более чем мы предполагали, душу. Уж кто-кто, а она была хорошей жертвой запугивания или травли. Хорошо помню такой эпизод. Когда под нажимом моих "левых" товарищей я баллотировался в Московскую городскую думу, делалось всё, чтобы мне не поменять свою судьбу, не попасть туда. Но тем не менее без денег, без связей, вторгшись в эту кампанию за 15 дней до выборов, я взял второе место, хотя претендовало на него 25 человек. Для этих выборов был сделан плакат с хорошим и точным слоганом: "Думай, а то опять проиграешь". И мой портрет, и подписи моих друзей и старших товарищей, которые за меня как бы ручались: Вячеслав Тихонов, Татьяна Доронина, Виталий Вульф, Олег Табаков, Валентин Распутин, Сергей Михалков, Владимир Орлов, Виктор Розов. Татьяна тоже стояла в этом списке. Но кто-то что-то ей сказал. Кто осмыслил наше противостояние по разным лагерям? Когда плакат был уже готов, она стала звонить и передавать разным людям свою просьбу снять с плаката её имя. Сняли. "Мне с этими людьми жить!" И мне очень жаль, что на этом плакате, который висит у нас в деканате, нет ее имени.

Думаю, что она втайне долго мучилась, когда подписала одно письмо, не делавшее чести русской интеллигенции. Но что поделать? Слишком большие люди подписали этот документ. Это случилось как раз сразу после путча, письмо вошло в историю как знаменитое письмо 42-х. Писатели требовали в нем от правительства решительных действий. Среди сорока двух подписавших было пять преподавателей нашего института. Двоих — Юрия Левитанского и Татьяны Бек — уже нет. Другим я желаю долгих лет жизни.

Недаром говорят, пока живы люди — жива и память об ушедших. Там, за небосводом (я точно это знаю), меня ждет моя мать, рядом с ней моя собака, там же несколько замечательных друзей, моих родственников. И абсолютно уверен, что там мы снова сядем с Татьяной за один стол и перебросимся несколькими фразами о том, как оставшиеся на земле справляются без нас… И мы будем знать, что наши тени бродят по излюбленным местам и по коридорам Литературного института.

30 августа, вторник. Приехали ребята из Нальчика, которых

нам навязало министерство сверх контрольных цифр. Говорили, что об этой "нагрузке" кабардино-балкарское начальство договорилось непосредственно с Путиным. Мы ожидали, как обычно, великовозрастных бойцов, которые будут здесь заниматься своими делами, торговать, ухаживать за девочками, а заодно немножко учиться. Но оказалось, что приехали два прелестных, лет по шестнадцать, робких и тихих паренька, а привезла их мать одного из них. Мать сейчас домохозяйка, а раньше работала продавщицей в магазине. По-русски они говорят сносно, экзамены сдавали у себя в госуниверситете в Нальчике, аттестаты средние, даже собеседование проходили там. Мальчиков обезопасили. К их делам были приложены протоколы о прохождении этого собеседования с очень наивными вопросами. Я в приемной комиссии просмотрел их дела. Вытянув шеи, ребята внимательно наблюдали за тем, как я листаю их бумаги, и пытались угадать мое от их троек и четверок в аттестатах впечатление. Когда я блицем задал им по несколько вопросов, то оказалось, что в пределах специфики их образования, а один заканчивал школу в селе, они многое знают. Один, кажется Магомед, так тот шпарит наизусть всего "Евгения Онегина". Я дал им тут же задание: мой первый день в Москве. Их отвели писать в отдельную аудиторию, про себя я решил в тексты, чтобы не портить впечатление, не заглядывать. Тут же позвонил в общежитие СИ. Лыгареву и попросил ребят устроить как следует и подальше от наших заочников, от веселой жизни и пьянки.

Днем виделся с В.А. Луковым, и потом Саша Волоховский меня снимал для книги. Саша приехал на желтом низком форде.

К четырем поехал на проспект Мира в фонд С.А. Филатова на совещание по Липкам. Ситуация с молодежью сильно поменялась и отмахиваться от нее дальше было нельзя. Главное, чтобы что-то в литературе появлялось. На столе лежали списки участников творческих семинаров с кучей молодых писателей, расписание мероприятий. В фонде довольно хорошо разработанная система привлечения молодежи. Списки предстояло утвердить. Были Кирилл Ковальджи, Чупринин, Шайтанов, Галя Седых, Роман Сенчин, Марина Вишнивецкая и другие.

Филатов очень хорошо объяснил все про деньги. Министерство культуры в этом году дало вместо 800 тысяч рублей только 400, кто-то не дал вовсе, хотя обещал. Только за пансионат надо было заплатить 1 миллион 300 тысяч. На этот раз была отдельная графа: Литинститут. Все, кто из учившихся в Лите когда-нибудь был участником форума, в новый список, конечно, не попали, их много. Но, например, в нем оказалась Лена Нестерина, моя ученица, которая уже лет пять или шесть,

как окончила институт. В обсуждении я говорил о том, что театр Розовского приглашается уже в пятый раз. У Филатова был ответ: Табаков обещал и не приехал и не приехал Фоменко, а Розовский мобильнее. Я предложил театр-док, мне кажется, это ребятам было бы интересней, драматургия рождается из фактов жизни. Мне также показалось, что по пять раз подряд отдельных ребят приглашать не следует, и возраст бы понизить не до 35-ти, а до 30, это уже не детский сад.

Весь день по радио и вечером по телевидению много говорили об облегченном порядке оформления права собственности на садовые участки. Все это одновременно с рассказом по тем же каналам о том, сколько и какой земли и за какую смехотворную цену купил бывший премьер Михаил Михайлович Касьянов. Одновременно говорили еще и о том, что бывшего министра Адамова требует к выдаче не только Америка, где ему грозит до 50 лет, но и наша страна. У наших ему бы дали только 10. Америка требует бывшего министра, обвиняя его в присвоении 9 миллионов долларов, мы, по дружбе, обвиняем в "превышении полномочий". Вся надежда только на американское правосудие. А не пора ли вводить у нас в стране суд Линча! А как иначе?!

31 августа, среда. Приехал рано утром, потому что надо было подписать приказ по заочникам, который я не подписал вчера вечером, подписать студенческие билеты. Когда вернулся вчера от Филатова, то взял приказ и обнаружил, что в нем стоит Вася Попов, стихи которого нам всем так понравились на собеседовании. Он должен был оказаться в другом приказе. Там же, на собеседовании, я сказал, что мы готовы взять его на дневное отделение вне контрольных цифр. На фоне тех нескольких ребят и девушек, которые прошли в институт, не имея, как мне кажется, настоящего таланта, я во что бы то ни стало не захотел отпускать этого паренька в армию. Я решил проверить, в чем здесь дело. Мы договаривались, что сразу же проведем его приказом на очное отделение. Правда, показалось, что у моих женщин в приемной комиссии были какие-то особые соображения.

Долго ждал, пока появится кто-нибудь из приемки, собирал разные точки зрения: имеет, как было раньше, право ректор взять одного человека, помимо контрольных цифр, или нет? Все оставил по-старому, но своего добьюсь, если потребуется, заплачу за первый семестр этого парня из своего кармана.

Утром же написал небольшое письмо СВ. Михалкову.

Председателю исполкома Международного сообщества

писательских союзов

Михалкову С. В.

Глубокоуважаемый Сергей Владимирович!

Я получил пакет с копией документов, свидетельствующих о продаже части Дома писателей на Поварской. Естественно, ни о чем подобном никто раньше не мог и подумать. Дай Бог, всё теперь удастся миновать и вернуть собственность обратно. Хотелось бы также надеяться, что среди нового состава исполкома не окажется новый поклонник обжигающей страсти к деньгам. Но, как всегда и бывает, у любого события есть его диалектическое продолжение: у многих пропали остаточные иллюзии, у меня лично исчезли последние моральные обязательства перед человеком, с которым была связана моя юность.

Пользуясь этим не самым веселым поводом, я тем не менее хочу выразить Вам, Сергей Владимирович, благодарность за неизменное внимание и доброту, которую Вы ко мне проявляли.

Сегодня же вышла моя статья в "Литературной газете", которую я еще раньше переписал к себе в дневник 11 августа. Все слово в слово, кроме небольшого постскриптума, который я приписал к статье чуть ли не в гранках.

P.S. Колеблюсь. Надо бы на инвективу ответить в том же органе, где статья и была напечатана. Но смущают два обстоятельства. Первое: к ректору и Литинституту "Литературная Россия" относится амбивалентно: ругают и нападают публично, а извиняются один на один. И второе: в моём ответе есть некоторые моменты, которые я хотел бы довести до общественности не через малотиражную газету.

Долго говорили с проректорами СП. и М.Ю. о расписании и экзаменах, о разных новых формах. При всех очень интересных и нужных новациях экзамен, по-моему, должен оставаться площадкой, на которой студент мог бы поговорить со своим профессором. Разве часто в повседневной жизни ему это удается?

1 сентября, четверг. Лето трагически и быстро закончилось, дожди еще не пошли, но стало холодновато. Открывал я учебный год в плаще. Как всегда, стоял на крыльце главного здания и удивлялся, сколько же много народа мы напринимали и сколько же людей вмещает в себя наш скверик. К моему удивлению, было и много преподавателей: Смирнов и вся его кафедра, Анна Константиновна, Л.И., Леонов, Кешокова, Тарасов, даже Дьяченко. Я к нему и не подошел. Кстати, если уж о нем зашла речь, то мы прекрасно отремонтировали зал, который он освободил. Пропала только хрустальная люстра, если не найдется, значит спер кто-то из хозяйственников или охранников. Хорошо помню, что когда ее десять лет назад снимали, я приказал повесить куда-нибудь на

виду и, кажется, в хозяйственной части, но потом опять были ремонты…

Утром был и Лева Скворцов, ни слова о моей диссертации и о той распечатке сайта, которую я ему дал на последнем ученом совете. Лева самый крупный специалист по эвристике в России: ему-то уж угадать автора — раз плюнуть.

Открытие нового учебного года прошло достаточно хорошо. Я говорил в мегафон о праздниках, о Дне знания, о необходимости учиться и о новой, уже чисто практической, цене знаний. Потом выступил А. Королев, В.Костров. Еще до этого Володя подарил мне свою книжку, которую надо будет обязательно прочесть.

Днем договорился с министерством об одном дополнительном месте на очное отделение для Попова, теперь хорошо бы он не взбрыкнул и не бросил учебу. Днем же говорил с Магомедовым, которого взять на очный не удалось, потому что он долго финтил со своим аттестатом. Я думаю, он куда-то поступал на очное отделение и не поступил. Вот и остался сидеть на двух стульях. Обидно.

А потом занялся расписанием. У меня вызвали сомнение два спецкурса по зарубежной литературе, в названии которых присутствует театр: "История западноевропейского театра" и "Античность и западноевропейский театр". В обоих случаях мимо античности, хотя и по-разному, не пройдешь. Смутил меня также спецкурс по кафедре классической литературы (Минералов) о Суворове. (Этот спецкурс у нас уже был один или два раза, а почему не о Кутузове, а почему не об Ушакове!). С другой стороны, при спецкурсе об Инн. Аннинском и курсе по литературе русского зарубежья вдруг появляется спецкурс "Пушкин в поэзии Серебряного века". Хлипкость термина, придуманного эмигрантами не без политического намека, недаром против него так протестовала Ахматова. А ведь много лет не было Тютчева, Державина, Ломоносова, много лет не было спецкурса об А.Островском.

В четыре часа пошел в Моссовет на вручение наград — "Премии Москвы". Отдал Л.И. Швецовой письмо относительно покупки для М.Ю. квартиры по остаточной стоимости БТИ. Обещала помочь. Мэр, как всегда, говорил хорошо, но на этот раз короче, чем обычно. Вспомнил новый фильм С. Говорухина по роману Дудинцева. К сожалению, все лауреаты были очень немолоды и слишком много искусствознания и всего, что я называю, вокруг искусства.

В Ex libris'e вышло мое огромное интервью, которое сделал Саша Вознесенский. Здесь много о сегодняшней литературной

ситуации, кое-что я решаюсь сохранить.

Фрагмент

— А сама сегодняшняя литература — не имитация?

— Я часто думаю об этом. Чистый продукт самой литературы во многом заменен несколькими модными образцами. Ну, например, наш отечественный русский роман просто выродился. И в этом отношении свою роль сыграл Букер, который насадил короткий, ясный, с простой историей, несколько американизированный роман. Второй вариант — тоже некий западный образец, вроде Генри Миллера: простая история с каким-нибудь сексуальным наворотом. И третий вариант: перенесение телевизионной ситуации в романную форму, бесконечный сериал. Другого ничего нет, и прорывы столь редки! Хотя и есть: скажем, иногда тяжелые, как дредноуты, но всегда написанные хотя бы другим, своим языком романы Александра Проханова, книги Эдуарда Лимонова, блестяще написанный последний роман Василия Аксенова "Вольтерьянки и вольтерьянцы". Все остальное — скучища. И журналистика так хорошо стала маскироваться под литературу, что штучных вещей я насчитываю буквально единицы.

— Но популярными в последнее время становились именно "журналистские" вещи, устроенные, как, например, в случае с Оксаной Робски, по принципу "что вижу, то и пишу".

— Беда всей этой литературной журналистики заключается в том, что, во-первых, когда она написана даже более-менее нормальным языком, не хватает языка, который возбуждал бы подсознание. И, во-вторых, ход сюжета, как правило, настолько очевиден, что большинство этих романов лично я не дочитываю. Оксану Робски я, кстати, дочитал, но скорее из профессионального любопытства. У нее — блестящее начало и провальный конец.

Это вообще поразительное свойство современного романа: его дочитываешь с интересом до половины, а потом понимаешь, что это тихая спокойная имитация. Я очень люблю, скажем, Виктора Пелевина. Но дочитал я "Священную книгу оборотня" ровно до половины и вспомнил, что существует Пу Сунь Лин, откуда, собственно, все эти пелевинские лисы-оборотни и взялись. И потом, действие вдруг прекратилось, утратило идеологическо-психологический характер, осталось только разворачивание одного и того же сюжета в его новых модификациях. Но для литературы этого мало.

Фрагмент

— А Интернетом пользуетесь? Там ведь во многом рождается новая литература, новые способы говорения, письма.

— Нет. Я скажу вещь опасную, но у меня есть даже некая к этому брезгливость. Нет, я за то, чтобы использовать интернет в качестве средства коммуникации, но я не стану решать там литературных задач. Я отчетливо понимаю, что поставь я свои "Дневники" в интернет, их там раздерут. И поэтому они выходят книжками или в журналах. Огромная книжка "Дневник ректора" выходила года три назад, скоро будет еще одна. Кстати, я вообще считаю, что я первый для нашего времени открыл заново жанр публичного дневника.

2 сентября, пятница. Две недели назад взял месяц отпуска, из которого меня тут же отозвали, и за месяц взял денежную компенсацию. Отгуливать буду по одному или два дня в неделю. Отпуск уже начался, и утром я отправился в "Ашан" и "Икею". В "Ашане" — продукты, в "Икее" буду покупать железки для кухни и ванной. Я так много лет подряд мечтал о покупке этих вещей, без которых можно обойтись. В "Ашане", который производит впечатление не меньшее, чем "Метро", поражают не размеры и ассортимент, а дешевизна в сравнении с городскими магазинами. Это значит, что с нас со всех уважаемые торговцы берут немыслимые накидки.

Витя собирался приехать вечером на мотоцикле.

3 сентября, суббота. С невиданным энтузиазмом занимался уборкой в доме, покрасил два окна, выходящих на яблони. Витя истопил баню, и мы замечательно попарились. Но до этого разбирался с книгами, отбирал в коробку все, что СП. дал мне на хранение. Сколько же у меня хранится замечательных, но еще не прочитанных книг! В том числе нашел и книжку Цвейга с тремя очерками: о Казанове, Ницше и Фрейде. У меня такое ощущение, что, по крайней мере, про Казанову я уже читал. Но каждый раз и в каждом возрасте читаешь по-разному. Здесь меня заинтересовало все, что связано с ремеслом писателя. "Он ничего не знает о бессонных ночах, о днях, проведенных в угрюмой рабской шлифовке слова, пока, наконец, смысл ясно и радужно не засверкает в линзе языка…" Это о самом Казанове, о его бесхитростном стиле, о его искренности, но здесь же гениальная формула итогов работы писателя. Далее мысль о двойственности жизни художника: "…в этом вечная трагедия человека, отдавшегося творчеству: именно он, призванный и жаждущий познать всю ширь, все сладострастие существования, остается прикованным к своей цели, рабом своей мастерской, скованным принятыми на себя обязательствами, прикрепленным к порядку и к земле. Каждый истинный художник проводит большую часть своей жизни в одиночестве и единоборстве со своим

произведением; не непосредственно, а лишь в творческом зеркале дозволено ему познать желанное многообразие существования всецело отдавшись непосредственной действительности; свободным и расточительным может быть лишь бесплодный жуир, живущий всю жизнь ради жизни. Кто ставит себе цель, тот проходит мимо случайностей: каждый художник обычно создает лишь то, что он не успел пережить". И вот как бы итог: "Редко поэты имеют биографию, и, наоборот, люди с настоящей биографией редко обладают способностью ее написать". В следующем пассаже нет, казалось, ничего особенного: человек просто описывает свою жизнь, но дальше идет цифра часов работы писателя-любителя за столом. Вот чему можно позавидовать. Обязательно во вторник прочту эти цитаты ребятам. "В этой маленькой костяной коробке — между лбом и затылком — аккуратно и нетронуто сложено все, что в тысяче авантюр жадно ловили блестящие глаза, широкие, вдыхающие ноздри и крепкие, алчные руки; узловатые от подагры пальцы заставляют гусиное перо тринадцать часов в день бегать по бумаге ("тринадцать часов и они для меня как тринадцать минут"), вспоминая о всех гладких женских телах, обласканных некогда ими с таким наслаждением".

Дальше, собственно, продолжаю потому, что это еще и обо мне, о моих дневниках, вообще о подобной литературе, которая сейчас так читается: "Рассказывающий свою жизнь делает это почти всегда с какой-нибудь целью и некоторой театральностью; он выходит на сцену, уверенный в зрителях, заучивает бессознательно особую манеру держать себя или интересный характер, заранее учитывает впечатление, преследуя зачастую какую-нибудь особую цель". И далее: "Знаменитые люди не могут беззаботно создавать свое самоизображение, ибо их живой портрет сталкивается с портретом уже существующим, в воображении или наяву, у бесчисленного множества людей, и они против воли вынуждены приспосабливать собственное изображение к уже скроенной легенде. Они, эти знаменитости, должны, во имя своей славы, считаться с родиной, детьми, моралью, почитанием и честью, бессознательно заглядывают они в зеркало сужденной им роли и достоинств, потому у тех, кто многим принадлежит, много и обязанностей".

4 сентября, воскресенье. Ходил платить за свет, теперь это надо делать ежемесячно, и тут узнал, что моя соседка по даче Валентина летом умерла. Я с ранней весны смотрел на ее окна, которые напротив моих, и все одно и тоже — не задернутые с прошлого года, с осени, занавески. Сегодня же приехал ее брат Володя, которого я помню с того времени, когда мы начинали

строиться, приехал вступать в права наследства. Все ближайшие соседи предлагают купить участок с домом. Валентина была хорошим редактором. Умерла она от саркомы. Володя сказал, что подкосил ее именно уход с работы, когда ее уволили с телевидения. А как она радовалась, когда в самом начале перестройки ее отправили в США. Ее политические взгляды поменялись, когда пришлось уходить с телевидения. Весь день Володя вместе с женой на тачке вывозил на свалку какие-то старые вещи покойной. Валентине было 70, мне столько же исполняется в декабре, и я собираюсь в этом году еще переделать прихожую на даче. Весь день красил в зеленую краску окна. Утром написал страничку в роман: сейчас у меня героиня заглядывает в окно отдела кадров и начинает подозревать, что собака Муза носит погоны майора КГБ.

Ехал домой один, не включал радио, думал обо всем на свете, но только не о том, как бы остаться ректором. Лучше не оставаться, но, боюсь, вокруг меня коварные люди, которые хотели бы сделать так, как выгодно им.

Дома тоже решил ничего не делать, а почитать Цвейга. Сначала взялся за газеты. Меня не интересует даже встреча Путина с матерями из Беслана, для меня-то давно ясно, кто виноват: тот, кто ничего не делает с нашей страной, а только занимается саморекламой и поддерживает воровство и капитал.

Но заинтересовала статья в "Труде" о реконструкции Большого театра. "Большой театр переживает не самые легкие времена. В связи с закрытием главного здания на долгую (минимум три года) реконструкцию из коллектива уже уволено 297 человек, причем это не только технический персонал, но и оркестранты, хористы, танцовщики кордебалета и миманса, даже некоторые солисты". Началось все довольно эпически, хотя понимаешь, сколько за этой эпикой сломанных жизней. Минимум 297. А еще жены, матери, дети. Потом речь пошла собственно о театре, о необходимости его переустройства. Детали опускаю, но, наконец, дело сдвинулось с мертвой точки и разговоров и ремонт начался, по крайней мере закрыли большое фойе. Когда я там был последний раз, оно уже было закрыто. "Впрочем, реконструкция, едва начавшись (работы, проводимые фирмой СУИпроект, стартовали 2 июля), похоже, притормозилась. И этого в общем-то следовало ожидать: уж слишком много вопросов вызывала и продолжает вызывать организация дела. Прежде всего ошарашивает запрошенная строителями и реставраторами сумма. Слухи о том, что Большой влетит стране в большую копеечку, шли не один год. Но огласить публично сумасшедшую цифру — миллиард долларов — глава Федерального агентства по культуре

и кинематографии Михаил Швыдкой (именно его ведомство — государственный заказчик реконструкции) отважился только весной нынешнего года". Обратим внимание на невероятность этой цифры, невероятной даже для нашей огромной страны. С расчетом на что она возникла? Какой процент был накинут для присвоения? Я уже представлю себе, как в некоторых семьях распределяли доход и предполагали, что могут купить от остатков этой реставрации какую-нибудь дачку под Каннами или на Майами. Этот процент, видимо, был столь велик, что можно, оказалось, что-то и сбросить, и все равно, не боясь остаться в накладе, строить и реставрировать. Дальше в этой статье Сергея Бирюкова сказано: "…возникла новая цифра — 700 миллионов долларов, или 20.5 миллиарда рублей. Тоже впечатляет, хоть и на треть меньше… 1 июля театр закрыл свой последний перед ремонтом сезон, вызвали рабочих… И вдруг 1 августа — не без влияния, думается, ряда депутатов Госдумы, считающих оценку работ завышенной, — грянуло заседание по Болышому театру в Минэкономразвития. На нем глава ведомства Герман Греф, тоже не скрывая изумления масштабом цифр, откровенно признался: на ближайшие три года в бюджете таких денег нет". Но есть и еще один аргумент, убийственный, свидетельствующий о многом, а главное, об аппетитах проектировщиков, строителей, руководителей, а скорее всего о всеобщей коррупции: проверяющие тоже в доле. "И все же — не дешевле ли было бы просто снести обветшавшее здание "до основанья"? Ведь именно так поступили британцы со своим знаменитым на весь мир "Ковент-Гарденом". Напомню, главный лондонский "оперный дом" — полностью новодел, лишь повторяющий исторические контуры, а внутри начиненный по последнему слову театральной техники. И это обошлось в 360 миллионов долларов. Сумма вдвое скромнее, чем у нас. Правда, тот же Михаил Швыдкой категорически возражает против сравнения наших и зарубежных расценок — они формируются совершенно по-разному. Что ж, возьмем пример поближе — воссоздание храма Христа Спасителя стоило "всего" 500 миллионов".

И теперь самое последнее, так сказать крайнее. Не затеял бы я это огромное цитирование, если бы не одно обстоятельство: суд между министром Соколовым и бывшим министром Швыдким закончился мировой. Швыдкой отозвал свой иск.

5 сентября, понедельник. Еще вчера вечером позвонил Александр Иванович. На один день многовато известий о смерти: умер Валерий Васильевич Иванов, приемный отец нашего декана. Несколько лет назад он еще читал у нас лекции, а как-то давно я был у них в гостях на даче, он был бодр, покуривал, не против

был выпить стопку, а самое главное — ведь мы все учились по его учебникам. Если мне не изменяет память, рассказывал о войне, которую прошёл. Александр Иванович сообщил, что отпевание в 11 часов на Ваганьковском кладбище.

Приехав в институт, постоял у дверей аудитории 1-го курса, отобрал у опоздавших 4–5 студенческих билетов (если не приучить сначала, они так и будут опаздывать, а на 5-м курсе не станут ходить вовсе).

Еще у себя на "Университетской" купил на гроб покойному лилии. На Ваганьковском долго ждали. Родные, видимо, к его смерти были подготовлены, хотя, в общем, всё произошло внезапно: 29-го отвезли в больницу, а в пятницу, 2-го, он уже умер. Очень жаль Галину Ееоргиевну Виноград. Я представляю, как всем им будет теперь трудно, придется думать и о материальной стороне жизни, все-таки у него была пенсия фронтовика, а теперь эта огромная квартира останется на трех женщин.

На Ваганьковском кладбище поразил разгул роскоши. Чудовищный памятник братьям Квантришвили, на самом почетном месте — памятник Листьеву, даже памятник Высоцкому меня раздражает: люди будто не понимают, что все эти лица перед русской культурой и временем — полное ничто. Сейчас вообще на московских кладбищах этот разгул мавзолеев. Входя, уже ощущаешь атмосферу больших денег. В человеческой памяти самое недолговечное — именно мавзолеи, бронзовые скульптуры, гранитные плиты, а мы остаемся или в памяти близких или в памяти целого поколения людей, если что-то для них сделали, что-то совершили. Цепка и долговечна только устная память. Сказки переживут все произведения художественной литературы.

Народу было очень много. Я с интересом разглядывал дочь Марии Валерьевны — Машу; это уже молодая женщина, хорошо одетая, знающая, как себя вести и что на что менять. Боюсь, что в жизни это знание ей может сильно помешать, но, как ни странно, может и вытянуть.

Простоял всю панихиду, испытывая, как всегда, удивительное чувство слияния с прошлым. Священник хорошо говорил о жизни вечной. Покойный и присутствующие понимали слова службы, наверное, лучше всех в Москве — это были крупнейшие специалисты по старославянскому языку. К сожалению, не зашел к отцу, который лежит там же, на Ваганьковском, в колумбарии. На своих у меня всегда не хватает времени. И всё равно, во мне присутствует некое ощущение праведности моей жизни, откуда оно берется — не знаю.

Вернулся в институт и сейчас занимаюсь делами наших

веселых девочек, которые выпили по поводу нового учебного года и пытались протащить каких-то мальчиков сначала в институт, а вечером — в общежитие. Это Сакирская и Яхина, не очень уже юные девочки, которые и раньше несколько раз проходили у меня по приказам.

Вечером же мне сказали, что умер Володя Кейдан. Он звонил мне пару лет назад и спрашивал о моем замечательном армейском портрете, который он написал. Портрет был почти полностью погублен во время пожара в квартире, и это, пожалуй, единственная вещь, кроме икон, об утрате которой я сожалел. Мы договорились по телефону, что портрет я привезу с дачи, и он попытается его отреставрировать. Уже в Москве портрет лежал у меня с год, и вот месяц назад я стал торопить Максима найти телефон Володи. Тот на сайте Союза художников нашел список его работ, а в пятницу, оказывается, Володя, мой армейский друг, которому я так многим обязан в духовном смысле, умер. Прощай, с армии так и не повидались, Володя!

Утром в машине по мобильному отвечал на вопрос "Вечерней Москвы"

6 сентября, вторник. Первый в этом году семинар. Установил порядок обсуждений на ближайшие недели, для разминки прочел вслух ребятам одну из сказок Андерсена, в которой молодой человек решил стать поэтом "к Пасхе", говорил о текущем литературном процессе…

7 сентября, среда. Есть в начале сентября один день, когда все складывается ближе к свободе, к интересным беседам и встречам, нежели к рутинной несвободе и строгому, как работа в шахте, расписанию. В этом году Международная московская книжная выставка-ярмарка открылась в восемнадцатый раз. Не было еще года, когда бы в этот день не светило солнце, не стояла хорошая погода. Ритуал устоялся. Уже в третий или в четвертый раз ко мне приезжает утром Леня Колпаков, и вместе мы едем с ним на ВДНХ. В этот раз открытие было скромнее, чем обычно, на эстраде в центре выставки между павильонами не было никого из правительства, никакого Жириновского, главным же персонажем явился посол Польши, так как в прошлом году мы, русские, а в литературе надо обязательно говорить — мы, российские, были главными гостями на Варшавской выставке-ярмарке. Значит, в этом году у нас гостями стали вольные поляки. На эстраде стоял также В.М. Сеславинский, председатель Книжного союза С.В. Степашин, главный директор нашего книжного дела и один из учредителей "Вагриуса" В. Григорьев. Этот был в замечательном галстуке и роскошном костюме. Речи были не очень вразумительны, в рамках гуманитарных условностей. Живее всех

был Степашин. Зачел что-то по бумажке Борис Васильев, я не слушал. На всё это мы с Леней Колпаковым и Юрой Поляковым смотрели снизу, говорят, неплохо.

После церемонии открытия на сцене стали плясать, петь, мне удалось немного поговорить со Степашиным. Он сказал, дескать, президент всё обещал. Я сказал, что обещал, но не дал. Он сказал: а вы добивайтесь. Я подумал: черта с два через вас всех добьешься. Степашин мне определенно нравится.

Через час в конференц-зале подписывали некую Хартию согласия — это, так сказать, соглашение цивилизованных отношений между издателем и писателем. Кроме общих слов, есть и еще один пункт: все друг другу будут честно платить — гонорары писателям, налоги государству, никто не будет издавать левых тиражей. Я в это не очень верю. Опять был президиум, сидели, в основном, всё те же люди. Но между ними была и Маринина, "гранд-дама русского детектива", как ее называет Лиза Новикова. Мы встретились с нею еще в вестибюле, даже поцеловались. Она сказала, что очень мне благодарна. Я просто к ней хорошо отношусь, она хорошо себя ведет и делает свое дело, ничуточки не строя из себя классика. А уж кто лучше, она или Улицкая, это неизвестно. Возможно, ей понравилось мое поздравление с днем рождения в "Коммерсанте". Честно говоря, проблема противопоставления писателей меня волнует. В своем жанре она работает почти безукоризненно, наверное лучше других. И я работаю в своем жанре неплохо, но при всем этом я не смогу написать и выстроить сюжет так, как делает она, и я этому завидую. М.А. сказала мне, что не могла бы и абзаца написать так, как делаю это я. Ну что ж, давайте радоваться взаимному профессионализму разных стилей.

Но вернусь к подписанию Хартии. Во время процедуры Степашин сказал: "Россия — страна хотя и демократическая, но византийская". Ловко! Я замечательно выписываю фразы. Во-вторых: "Мы пошли по традиционному русскому пути — я не о национальности, а о стране говорю". Ну, потом были еще высказывания, в частности, той же Марининой: "У приличной писательницы должен быть один муж и один издатель". Сидящий в президиуме Ю. Поляков, который даже в торжественной обстановке не может удержаться от полемики (кстати, я такой же!), сказал: "На фоне персонифицированных издательских проектов теряется сама литература". Не литература, а проекты. Вполне правильная мысль. Среди премированных книг, томов, изданий, роскошных альбомов литература действительно может уйти в сторону. Интересно (и опять мы здесь с Поляковым схожи), что он себя писателем не называл в своей речи, а только —

литератором.

В институте, куда я приехал к обеду, опять занимался нашей армянской девушкой, имя и фамилия которой Астхик Симонян, на этот раз перезванивался с кем-то из армянского парламента, из министерства высшего образования. Потом написал письмо уже в наше министерство. По сути дела, меня страшно смущает одно: ей 33 года, о ее драматургии надо судить как о драматургии взрослого драматурга. И есть ощущение, что не учиться она сюда приехала, а завязывать связи, печататься, жить, — впрочем, не будем увлекаться.

Вечером поехал на гала-концерт и вручение премий по итогам ежегодного национального конкурса "Книга года". Это в концертном зале России. Сам концерт, в который было вкраплено представление книг, был достаточно провинциален, меня особенно удивило большое лазерное зрелище вначале — какие-то облака… Я подумал: "На сколько это потянуло?". Что касается самого конкурса, то лучшая проза была у Аксенова, лучшая поэзия — у Мориц. С обоими этими номинантами я, пожалуй, согласен. Попутно скажу: еще на выставке встретил своего бывшего студента Гасина, уж забыл, как его зовут, он работает менеджером в издательстве "Время". Он-то и подарил мне прекрасную книжку поэзии Юнны Мориц с ее рисунками. Поэзия Мориц мне нравится, она ясна, точна, ее перестали любить собратья по крови и братья по демократии, потому что кое-что она в их адрес, на основании собственного опыта, высказала. Интересно не только, кто награжден, но и кто представляет. Поэзию представлял С. Филатов, прозу — В. Сеславинский. Бестселлером года оказались не Робски и Акунин, а переводной антихристианский роман Брауна "Код да Винчи". Честно говоря, это смешно: почему победителем должен быть иностранец? Наградили также 6 томов писем Тютчева и при этом сказали доброе слово о новых переводах с французского его стихов В. Костровым. Собственно говоря, почти всё. Обещанный всем Денис Мацуев не играл. Владислав Пьявко с компанией, его парад теноров, был, как всегда, интересен. Мюзик-холл Платона Равинского — это парад кукол Барби, столько длинных ног, столько перьев. Когда профессионально танцуют дети — как в народном ансамбле "Калинка", — я искренне этих детей жалею, потому что детский энтузиазм эксплуатируется тут взрослыми, и мне это, откровенно говоря, претит.

Жуткий день, не делал зарядку, ничего для себя. У В.С. опять температура.

8 сентября, четверг. К девяти часам поехал в ВАК, где встретился с Николаем Ивановичем Загузовым. Еще накануне СП.

сказал мне, что весь напряг с моей диссертацией в МГПУ разрешился. Я объясняю это очень просто. Сначала всем казалось, что идет блатная диссертация. Потом заглянули в текст, обнаружили, что работа сделана на основе нескольких книг, по крайней мере добросовестно, и угомонились, хотя по отношению к подобным людям трудно сказать, что им стало стыдно. Я рассказал Ник. Ив. всю эту ситуацию в Педуниверситете, он ответил, что знает таких любителей помариновать, почваниться. (Фамилии не вписываю, и я называл и мне называли). Обещал помочь с журналом, сказал, что, несмотря на то что у меня нет статьи в реферированном журнале, ВАК мою диссертацию как докторскую примет. Немного поговорили о жизни. В общем, было интересно.

А на работе узнал, что последовала новая атака из Армении — на этот раз письмо от председателя Союза писателей. Но выявилась совершенно потрясающая подробность: оказывается, наша абитуриентка не только молодой автор и член Союза писателей Армении, но и выпускница Ереванского государственного института театра и кино. Значит, девочка начала свое пребывание в Москве с обмана: написала в приемной комиссии документ об окончании какого-то технического училища, а это лишь среднее образование. Значит, понимала, что совершает что-то не вполне законное. По крайней мере, с точки зрения наших российских порядков. Друзья, получайте ответ:

Председателю СП Армении
Л.З. Ананяну
Уважаемый Левон Захарович!

Я в двойственном положении: с одной стороны, мы прочли пьесу Астхик Симонян; пьеса неважная, отзывы на нее написали два наших преподавателя, профессор и доцент. Пьесу эту прочел также семинар драматургии, в который мы предполагали определить Астхик. Студенты отнеслись к пьесе с большой иронией. Я тоже посмотрел пьесу, и она не вызвала у меня энтузиазма. Как Вы понимаете, здесь подход дифференцированный: одно дело 18-19-летний молодой человек, начинающий свою карьеру писателя, другой — уже достаточно взрослый драматург, перешагнувший 30-летний рубеж. Это, так сказать, диспозиция, как я уже написал — с одной стороны. С другой стороны, меня забомбардировали звонками из Армении: из парламента, из министерства образования, из Союза писателей. Как мне поступить? Творческий вуз держится на определенных принципах, и главный из них — необходимый уровень способностей, позволяющий поддерживать общую

атмосферу. Поступившись этими принципами единожды, почему бы не превратить творческий вуз в некое административное учреждение, — я надеюсь, Вы меня понимаете. Среди прочих обстоятельств я имею в виду еще и то, что средний возраст первого курса этого года — 18 лет. Каким образом в эту среду внедрить человека старше всех ребят чуть ли не вдвое?

Допускаю, уважаемый Левой Захарович, что мы все ошиблись, отказав уважаемой госпоже Симонян. Но разве все мы заканчивали Лытынститут? Я сам окончил Московский государственный университет, и это не помешало мне стать писателем; Василий Павлович Аксенов окончил медицинский институт; Владимир Семенович Макании — физико-математический факультет университета. Я называю писателей не последнего ряда.

Теперь следующее. В своем письме Вы пишете, что Астхик Симонян — выпускница Ереванского института театра и кино. Это, кстати, уважаемая г-жа Симонян от нас скрыла. А, собственно, чему мы можем ее научить у нас? Мне кажется, ей теперь надо идти в аспирантуру и продолжать свое базовое образование. Прочитав Ваше письмо, уважаемый Левой Захарович, я вообще перестал что-либо понимать: есть ГИТИС, есть аспирантура ГИТИСа. А вот если бы Вы прислали нам молодого способного человека, которому надо начинать жизнь, карьеру — мы были бы рады, и, если мне не изменяет память, наш институт закончили в свое время несколько писателей из Вашей прекрасной республики — это Метаксэ Погосян, Паруйр Севак, Майя Ай-Артян и некоторые другие. Уверяю Вас, уважаемый Левой Захарович, что мы с радостью продолжим этот ряд.

9 сентября, пятница. Сначала была делегация из Шанхайского университета иностранных языков. Три нормальных образованных мужика, профессора во главе с проректором. С одним из них я был знаком, мы встречались в Орле на пленуме СП, и, кажется, я подарил ему тогда Дневники. По крайней мере, он сказал, что в них довольно много написано о Китае. Цели у китайской профессуры те же, что и у нас, по крайней мере у меня: а) чтобы ездили на стажировку наши студенты; б) чтобы ездили, даже если это научное прикрытие, профессора. Подписали договор, который не очень ко многому обязывает и нас, и их. Я люблю, чтобы наши сотрудники ездили, это расширяет кругозор. В Пекине, например, Ю.Минералов написал целый учебник. Мы немножко поговорили, я чуть-чуть рассказал им об институте, потом прибежал задержавшийся Олег Бавыкин — приехала эта группа по приглашению ведомства Ганичева, — и мы пошли

обедать. Все довольно скромно, между обедом и ланчем: мясо, немножко семги, салаты, овощи, а главное, селедка с вареной картошкой, на которую все почему-то и налегли. Тут же раскрылся и исток любви к не совсем китайским блюдам: один учился в университете Париж-4, другой в Германии, третий чуть ли не в Америке. После закуски дали хорошо приготовленный стэйк из семги или кеты, все далее пили чай, я, как обычно, чай с молоком.

Проводил китайцев, и тут одно из другим, два письма. Вся Армения занимается устройством нашей милой драматургессы. Взвешенное и корректное письмо посла, если бы оно пришло сразу, я бы еще попытался что-нибудь предпринять, принялся бы уговаривать Вишневскую и прочее.

И тут же из Совета Федерации пишет мне некий господин сенатор.

У меня сложилось впечатление от этого письма, что наш сенатор представляет не Россию, а Армению. Он еще пишет об армяно-российских связях! Лучше бы подумал, как на людей, по своей работе связанных с этой проблемой, все это отразится, как они будут воспринимать российско-армянские связи.

Ректору Литературного института
имени А.М. Горького
С.Н. Есину
123104, Москва, Тверской бульвар, д.2
Уважаемый Сергей Николаевич!

В соответствии с межгосударственным соглашением между Российской Федерацией и Республикой Армения Союзу писателей Армении предоставлена дополнительная квота на обучение молодых писателей республики в Литературном институте имени А.М. Горького.

Однако, как мне сообщили из Союза писателей Армении, вот уже два года все попытки армянской стороны возобновить традиционно активные творческие контакты с Литературным институтом не встречают поддержки со стороны руководства института. Так, не утверждены аспирантская квота Рудика Геворкяна и студенческая квота драматурга Астхик Симонян. Формальные ссылки на несдачу творческого конкурса не представляются обоснованными.

Хорошо известно, что Армения является стратегическим партнером России на Кавказе и совместные проекты в сфере образования, включая подготовку специалистов, составляют неотъемлемую часть укрепления многостороннего сотрудничества между нашими странами.

Уважаемый Сергей Николаевич, обращаю также Ваше внимание, что Союз писателей Армении — коллективный член Ассоциации российско-армянского делового сотрудничества, почетным президентом которой является Президент Республики Армения Р.С. Кочарян. Полагаю, Вами будут предприняты все необходимые действия для исправления возникшей ситуации, наносящей ущерб политическому курсу российского руководства. В частности, будет положительно решен вопрос предоставления возможности обучения в возглавляемом Вами институте указанным представителям Армении.

С уважением,
Член Совета Федерации,
заместитель председателя Комитета
по вопросам местного самоуправления
Федерального Собрания Российской Федерации,
Первый вице-президент Ассоциации
армянского делового сотрудничества
Л.Х.Чахмахчян

Ну что же, надо давать господину сенатору прямой большевистский ответ. Наше, как говорится, дело правое, победа будет за нами.

Уважаемый Левон Харенович!

Привыкший знать дело конкретно и по существу сообщаю вам следующее: персональная квота Рудика Геворкяна никогда не существовала, я ее никогда в глаза не видел. И вообще квота — это прерогатива Министерства, а никак не Литинститута. У Литинститута могут быть только свои соображения по поводу того или иного абитуриента, но никак не решения. Я полагаю, здесь Вас ввели в заблуждение.

Аспирантура — это не императив, это в первую очередь контекст между руководителем и аспирантом. Начинается всё с содержательного и подробного собеседования или реферата. У г-на Р. Геворкяна, как я знаю, нет базового гуманитарного образования, и никаких его теоретических работ в институте никто не видел.

Что касается г-жи Астхик Симонян, то мы доброжелательно ее встретили, но несмотря ни на какие квоты существует правило, по которому любой поступающий в творческий вуз должен проходить творческую аттестацию, т. е. должны быть выявлены его способности для обучения в институте. "Творческое собеседование" г-жа Симонян не прошла. Есть две письменные рецензии на её пьесу. В том числе и поэтому я не могу принять

Ваше утверждение, что "формальные ссылки на несдачу творческого конкурса не представляются обоснованными". Закон, как Вы понимаете, не надо обосновывать — он закон. Для творческого вуза это, повторяю, и закон, и больше чем обоснование. Меня также удивило, что госпожа Астхик Симонян при сдаче документов заявила, что имеет только среднее образование. В дальнейшем через переписку выяснилось, что она уже окончила Ереванский институт театра и кино. Тогда, опуская подоплеку всего этого дела, хотелось бы задать два вопроса: чему учить человека, который всему, что связано с искусством, уже выучен. И второй: разве талантливая молодежь в Армении ограничивается 32-летней г-жой Симонян? Разве нет молодых, начинающих девушек и ребят 18-19-20 лет, которые хотели бы сделать карьеру на почве культуры?

Как не обоснование, а дополнительный нюанс: в этом году набранный нами курс — это люди 18–19 лет.

P.S. Ваше письмо произвело на меня неизгладимое впечатление, будто я окунулся в советское райкомовское время. Еще начиная с 1992 года, когда я стал ректором, никогда я не подвергался такому нажиму по поводу кого-либо из абитуриентов, хотя отказывал в соответствии с правилами и руководителям фракций Госдумы.

Сергей Есин
ректор,
секретарь СП России

Во второй половине дня уехал вместе с Михаилом Юрьевичем Стояновским на Книжную ярмарку. Главная у меня цель — проверить, действует ли договоренность, по которой всех студентов и преподавателей пропускали бы на ярмарку бесплатно. Все оказалось именно так, Огородников молодец, все передал, всех проинструктировал. И хотя у меня в кармане были пригласительные билеты, мы совершенно свободно с Мишей прошли на выставку по служебным удостоверениям. Во вторник же устрою у себя на семинаре опрос: кто из студентов на ярмарку все же сходил?

Снова, внимательно все разглядывая, прошел по рядам вдоль стендов. В основном народ интересуется книгами функциональными: кулинария, медицина, самоусовершенствование, модная литература, которая кажется последним достижением литературы интеллектуальной — Мураками, прошлогодний Коэлья, боевики со Сталиным и Гитлером. Тем не менее в выгородке "Олма-пресс" нашел два экземпляра своих дневников. Интересно попасть на выставку чрез

пару дней, продадут ли? Скорее всего нет, а тем не менее Галина Степановна Кострова заканчивает редактирование нового тома. Как много для писателя значит редактор, его связи, его решительность. До конца жизни я буду вспоминать Галю Кострову и Викторию Геллерштейн, она редактировала мои книги в "Современнике".

Итак, шел, разглядывал, купил книжечку с занятным названием "Элегантная жизнь, или Как возник весь Париж" Анны Мартен-Фюжье, репринт аж с издания Сабашниковых — я люблю что-нибудь из ирошловековой культурологии — и вдруг слышу из рупора голос: некий автор подписывает книги и — замечательный рекламный ход — автор этот, оказывается, еще и студентка Литинститута. Подходу, сидит за прилавком милая знакомая девочка Кристина Выборнова, узнала, зарделась. Я решил было, книгу для поддержания торговли купить, ан нет — мне ее подарили.

Вторую купленную мною на ярмарке книгу "Предсмертные слова знаменитых людей" просмотрел тем же вечером. Люблю подобные книги, но эта меня ничем особенно не обогатила. Все как-то мимо. Прельстился на издательство "Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета".

10 сентября, суббота. Лето заканчивается, В.С. ездить на дачу на электричке уже не может. Твердо решил остаться дома и ждать ее с диализа, чтобы везти на дачу. Витя с Сережей поехали в Обнинск на мотоцикле, значит, к нашему приезду все будет готово — дом с водой, газ включен.

День в Москве посвятил экскурсиям по "Тысячам мелочей" и двум магазинам — спортивному и хозяйственному на улице Вавилова. Изучал рынок, прикидывал, что бы кому купить, искал себе ботинки, естественно, не нашел. Потом принялся за готовку. Выручает меня лучшая кулинарная кухня всех времен и народов — старинная микояновская "Книга о вкусной и здоровой пище". По ней я фарширую судака, солю огурцы и мариную капусту. Сегодня из залежавшихся еще с прошлой пятницы шампиньонов решил сварить суп-крем. Два часа работы, и все было готово, такой вкусноты суп я и в ресторане никогда не ел. Теперь у меня два неотразимых суповых впечатления — гаспаччо даже не у СП, а у нас в кафе "Форте", и мой собственный суп из шампиньонов. Но это не я, это замечательная и вполне доступная книга. Это вам ребята не кулинарные уроки Макаревича! Попутно сварил для дачи рис и сделал классный яблочный пирог, что-то вроде шарлотки, но с добавлением творога.

Приехали около десяти, ребята уже протопили баню и

намыливались ехать на мотоцикле куда-то на очередную гулянку. Ужинали макаронами по-флотски еще московского изготовления. После этого я возился с компьютером на диване внизу и начал читать книгу А.Ф. Киселева "Страна грез Георгия Федотова". Стиль иногда виден с первых же строк. "В феврале 1917 г. в России пала монархия. Тысячелетняя государственность, которую олицетворял царь, на первых порах уходила с исторической сцены мирно и как-то обыденно, в келейной тиши царского поезда, стоявшего на заснеженных запасных путях станции с символическим названием Дно". Подобную емкость во фразе я люблю.

Теперь последние перед сном размышления. А не преследуют ли они нас постоянно? Это со стороны я кажусь решительным, волевым и уверенным в себе, на самом деле я человек слабый и ранимый. Только привычка и понимание, что никто не поможет, заставляют меня держаться и ныть окружающим на свою жизнь. К чему я все это пишу? А к тому, что уже два дня я только и думаю о этой армянской деве, которая во что бы то ни стало хочет учиться в Москве. По большому счету я не верю в ее страстное желание учиться только в Литинституте. Что мы ей можем дать нового, кроме того, что она уже проходила у себя на родине? Потом, почему надо начинать с вранья? И к этому вранью, средним способностям прибавился еще беспрецедентный на меня нажим. В общем, я много об этом размышлял и все так не оставлю. Письмо господина с замечательными формулировочками, оставшимися в нашем бюрократическом лексиконе чуть ли не с 1937 года, я отправлю спикеру Совета федерации С.Миронову. Это я решил уже поздно вечером за мытьем посуды.

11 сентября, воскресенье. Я бы себя спалил, если бы вчера ничего не сделал, но у меня была даже страничка в роман готова. Именно поэтому снизошел к себе, когда обнаружил, что ничего не прочел, не написал и даже зарядку сегодня не сделал.

12 сентября, понедельник. Ем на кухне свою утреннюю яичницу. Телевизор включен, показывают сюжет об уходе последних израильских солдат из сектора Газа. Звучит такая информация: израильтяне решили оставить несколько синагог, не разрушая их, как они поступают с остальными зданиями. Не успел я подумать: "Ну, слава Богу, может быть, вокруг этих синагог со временем появится какой-то консенсус, какая-то веротерпимость…" Ан нет! Теперь уже арабы приговорили эти здания к уничтожению — пусть разруха, пусть бетонное крошево под ногами, лишь бы ничего не напоминало здесь прежних обитателей. Обе стороны стоят друг друга. Или тут важно, кто

первый начал рушить дома? Или мир-таки не может жить без войны, в каком-то другом, спокойном состоянии?..

О Новом Орлеане не говорю. Он тоже все время на телеэкране. Телеэкран — последнее прибежище коллективного садизма: трупы, наводнения, аварии, другие катаклизмы. Всё это смотрится с удовольствием, с внутренним подтекстом: определенное количество несчастий всё равно в мире произойдет, но, слава Богу, мимо меня. Но в принципе вся новоорлеанская ситуация, теперь, уже с рекламными поездками Буша на военном грузовике, Буша, делающего облеты на вертолете, показала очень низкую степень единства в американском народе. В нашем народе единство это еще есть, но боюсь, что политика последних дней разъест и то, что осталось.

В институте начал с того, что всыпал своей любимой Светлане Викторовне. Еще по прошлому понедельнику было известно, что лекции Гусаровой, которая в отъезде, состояться не могут, но ребят опять не предупредили. Мы требуем точности и исполнительности от студентов, а сами не обязательны по отношению к ним. Полтора часа утром им дали бы возможность хоть выспаться после субботне-воскресного загула.

Следующий фактор, как, наверное, многие считают, моего плохого настроения, — достаточно серьезный разговор с Оксаной. Она, конечно, жалуется, устала, но я этих жалоб имею право не принимать, потому что нормального отпуска, чтобы куда-то далеко ездить, а не посидеть дома, посидеть на даче, посмотреть на облака, — я просто и не знаю… Но, впрочем, я выбрал себе этот путь сам. Оксана решила, что в три часа начнут работать наши Высшие литературные курсы — тихо, спокойно, соберутся по группам у двух мастеров и — вперед! Но как же это можно, не устроив собрания всех слушателей, платящих довольно большие деньги за обучение, приступить к занятиям! Необходимо собрание, с представлением преподавателей, с общим большим разговором. Попутно выяснится и расписание, во сколько начало всех занятий. Сложность усугубляется тем, что в три часа у меня начинается семинар. В общем, решили начать всё в пять часов. Скорее всего, эта наша преподавательская "малина", когда все сваливали до четырех часов с работы, на этом будет закончена, и мы, коммерческое предприятие, будем работать так, как удобно слушателям, скорее всего во вторую половину дня, после трех. Ну, есть, конечно, дни, когда всё безумно уплотнено.

А вот понедельник, этот день тяжелый, закончился звонком из Министерства культуры: к нам едет еще одна делегация китайцев. Не принять ее невозможно. Если вкратце, то повод поразительный: некий Ли Янлен, профессор Цицикарского

университета в Китае (это возле Харбина, в нескольких часах езды) выпустил силами своей профессуры и спонсоров десять томов описания "Литературы русских эмигрантов в Китае". Конечно, будут, наверное, говорить, что в этих томах отсутствует Вертинский, другие известные люди, но, как рассказывает профессор, они практически выбрали эти десять томов из груды бумаг, свезенных куда-то после отъезда русской эмиграции. Здесь не только литература, но и самодеятельность — масса перепечатанных небольших поэтических сборничков. В общем, это огромная копилка интересов и духовных исканий русских людей в Харбине после революции. Масса будущих кандидатских диссертаций.

Тома изданы роскошно — десять книг в специальной коробке для нашей библиотеки, сначала я их покажу Смирнову. А десять других томов, в коже, для Александра Ивановича Горшкова, потому что Ли Янлен или был его учеником, или был учеником его учеников. Здесь у меня попутно возникло одно соображение. Давно наблюдая китайцев, я всегда отмечал мощность их русистики, и не только в обучении языка, но и в широте их взглядов. Вот что значит своевременно заслать в страну три или четыре десятка тогда еще молодых, но талантливых русистов, вот откуда и харбинская, и шанхайская школа русистики — наши там были! И спасибо Александру Ивановичу за его учеников.

Визит этот вызвал, конечно, большой переполох — пришлось сразу вызывать с лекции Горшкова. На всякий случай перечислю эту китайскую делегацию, во-первых, это интересно и справедливо, а во-вторых, надо учиться не только правильно произносить, но и правильно писать китайские имена. Подстегивают к этому не только последние победные русско-китайские военные учения, но и вся наша жизнь. Это Ли Янлен (Ли Яньлин), профессор Цицикарского университета, кавалер ордена Дружбы России, в книге он изображен вместе с В.В. Путиным; Ван Чжи Юн, это уже почти наш, специалист по контактам с Китаем, хотя он природный китаец, но работает в минкульте РФ; Ди Цянвэй, составитель 3-го тома; Чжан Дин Ян, директор Всекитайского издательства "Китайская молодежь" в Пекине. Была еще дочка профессора-руководителя, тоже русистка.

И, наконец, главное, хотя далеко не последнее, что случилось в этот день, обозревая который поздно ночью, я удивлялся: откуда беру силы, ведь приходится действовать с полной отдачей энергии, а, в общем, и всей своей жизни.

Заехал за Галиной Сергеевной Костровой, и мы отвезли в издательство "Олма-пресс" три года — 2001, 2002, 2003 моих

Дневников. Возможно, это будет новая книга. Возни мне с ней еще предстоит много — фотографии и проч. и проч. Но даже ребята из моего семинара канючат: "Сергей Николаевич, когда выйдут новые Дневники?" Я ведь не только хочу восстановить свою утраченную жизнь, но и сохранить жизнь окружающих меня людей. Итак, все было достаточно удачно. На обратном пути пообедали, и снова институт, бумаги, учебный план ВЛК. Встретил в издательстве Дину Кондахсазову, она заговорила о том, о чем я давно уже думал: о курсах редакторов и корректоров. И независимо от того, как сложится моя личная судьба, я эти курсы еще в этом году запущу. Меняется и издательская жизнь: то, что раньше было в новинку — рукопись редактирует сам автор, — сейчас никого не удивляет. Пусть будет авторская редактура, но вычитанная и выправленная рукопись обязательна (а моя книга "Власть слова" — это вообще скопище опечаток и ошибок).

К шести часам у Альберта Дмитриевича уже был испечен парадный пирог с капустой и грибами, Соня Луганская купила прекрасный букет цветов, небольшой, но изысканный, — и я, эскортируемый Максимом, отправился через Тверской бульвар во МХАТ, на день рождения Т.В. Дорониной. Горячий поднос я нес, держа на ладони, как заправский официант; Максим нес букет.

Ну что ж, мы теперь всегда ждем этого дня. Это наш традиционный праздник, мы заранее знаем, о чем будем говорить, знаем, что будем хвалить одну героиню, но это доставляет нам удивительное наслаждение — говорить то, что мы думаем, говорить правду, знать, что это соответствует действительности: великая женщина, великая актриса, великая умница. Для меня, любителя поесть, это еще и некое гастрономическое удовольствие. После всех этих, похожих один на другой, отвратительных и несъедобных фуршетов, здесь и холодец, и заливной судак, и жареные грибы, и моя любимая селедка с разварным картофелем; на горячее подали в этот раз замечательную далму в триумфальных виноградных листьях. Уйти по-английски, не прощаясь, не удалось, но в качестве прощального спича я произнес некое славословие столу и еде. Я говорил, первым или вторым, о театральной семье, о сокровенной необходимости каждому высказать свою любовь, я не очень даже помню, о чем еще. Юра Поляков говорил о театре как об очаге сопротивления, говорил о времени, когда боролись не только с советизмом, но и против совестизма… Интересно говорил Виктор Кожемякин, кажется он сказал, что наша любовь к прежнему МХАТу и первоначальная любовь к этому новому полуконструктивистскому зданию все-таки перешла в эти стены,

к этой сцене, к лицедействующему на ней коллективу. Народу было не очень много, человек сорок, сидели, как всегда, в столовой. Все хорошо поели, немного выпили, а потом раздались сладкие, как мед, цыганские песни…

Сегодня же отправил письмо в Совет федерации, Миронову писать не стану.

Уважаемый Левон Харенович!

Привыкший знать дело конкретно и по существу, сообщаю Вам следующее: персональная квота Рудика Геворкяна никогда не существовала, я ее в глаза не видел. И вообще квота — это прерогатива Министерства, а никак не Литинститута. У Литинститута могут быть только свои соображения по поводу того или иного абитуриента, но никак не решения. Я полагаю, здесь Вас ввели в заблуждение.

Аспирантура — это не императив, это, в первую очередь, контакт между руководителем и аспирантом. Начинается всё с содержательного и подробного собеседования или реферата. У г-на Р. Геворкяна, как я знаю, нет базового гуманитарного образования, и никаких его теоретических работ в институте никто не видел.

Что касается г-жи Астхик Симонян, то мы доброжелательно ее встретили, но, несмотря ни на какие квоты, существует правило, по которому любой поступающий в творческий вуз должен проходить творческую аттестацию, т. е. должны быть выявлены его способности для обучения в институте. "Творческое собеседование" г-жа Симонян не прошла. Есть две письменные рецензии на её пьесу. В том числе и поэтому я не могу принять Ваше утверждение, что "формальные ссылки на несдачу творческого конкурса не представляются обоснованными". Закон, как Вы понимаете, не надо обосновывать — он закон. Для творческого вуза это, повторяю, и закон, и больше чем обоснование. Меня также удивило, что госпожа Астхик Симонян при сдаче документов заявила, что имеет только среднее образование. В дальнейшем через переписку выяснилось, что она уже окончила Ереванский институт театра и кино. Тогда, опуская подоплеку всего этого дела, хотелось бы задать два вопроса: чему учить человека, который всему, что связано с искусством, уже выучен. И второй: разве талантливая молодежь в Армении ограничивается 32-летней г-жой Симонян? Разве нет молодых, начинающих девушек и ребят 18-19-20 лет, которые хотели бы сделать карьеру на почве культуры? Как не обоснование, а дополнительный нюанс: в этом году набранный нами курс — это люди 18–19 лет.

P.S. Ваше письмо произвело на меня неизгладимое впечатление, будто я окунулся в советское райкомовское время. Еще начиная с 1992 года, когда я стал ректором, никогда я не подвергался такому нажиму по поводу кого-либо из абитуриентов, хотя отказывал в соответствии с правилами и руководителям фракций Госдумы.

Сергей Есин,
ректор,
секретарь СП России

13 сентября, вторник. В 11 часов открылась Шолоховская конференция в ИМЛИ. Я приехал немного раньше, сидел на скамейке, любовался зданием с его колоннами по второму этажу, со сплетенными над полукруглыми окнами орлами. Потихонечку, один за другим, приходили люди: Ушаков, за ним Петр Палиевский, который неизменно вызывает у меня восхищение; прошла Светлана Семенова, жена Георгия Гачева, которая тоже мне очень нравится — и как ученый, и как человек. На новенькой "Ниве-шевроле", с шофером, подъехал В.Ганичев. Пришел и С.П. Меня, несмотря на большую мою нелюбовь к парадностям, все-таки усадили в президиум, и я был этому даже рад, так как удалось поговорить с новым директором, А.Б. Куделиным. Для меня всё это в интерпретации наших литературных умельцев звучало так: ну вот, директором ИМЛИ вдруг стал некий специалист по западной литературе. Академик Куделин открывал конференцию ярко, интересно, без тягучей нашей нудной манеры, к которой я привык в этих стенах. Вступительное слово говорил умно, конструктивно, а так как я сидел рядом и заглянул в его бумажки, то увидел там пункты 1, 2, 3… Он сказал, что эту конференцию специально проводят вне Шолоховских дней, вне шумихи, и что одна из сессий Академии посвящена Шолохову. Среди прочего, возникла такая мысль: каков был взгляд на Шолохова в момент первых публикаций "Тихого Дона"? У нас и даже за рубежом распространялось мнение, что Шолохов, дескать, "областнический писатель". И тут же Куделин зачитал формулировку Комитета по нобелевским премиям 1965 года: Нобелевская премия "присуждается в знак признания художественной силы и четкости, которую он проявил в Донской эпопее об исторических фазах жизни русского народа". Вот так, от "областнического" писателя до писателя общенародного и — мирового.

Первой блистательно выступила Н.В. Корниенко. Она анализировала небольшой кусочек шолоховского текста, но фактически говорила о языке, как время влияло на язык, как на

него действовала современность. Её главный и очень важный для меня тезис — отказ Шолохова от типизации факта, а именно о типизации факта советское литературоведение постоянно и говорило. Попутно я думал о своем новом романе. Интересно отметить, что сидящий рядом академик сказал: "Я специалист по медиевистике, но тем не менее совершенно спокойно отличаю союзписательскую болтовню от текста настоящего филолога". Мелькнула еще фраза о добротном базовом образовании. Интересно выступал В.В. Васильев, говоривший о прижизненных изданиях писателя и об искажениях, вносимых в его книги. Ну и когда предоставили слово Ф.Ф. Кузнецову, я, естественно, ушел, потому что вынести еще раз уже неоднократно слышанную его "манную кашу" был не в состоянии.

В три часа начался семинар, обсуждали Марка Гасунса. Он написал небольшие притчи-эссе о своей поездке в Индию на конгресс по изучению проблем истории и культуры этой страны. Марк уже на пятом курсе, я помню, как он пришел еще даже не очень соображающим в русском языке и за эти пять лет сделал невероятный рывок. Что это, его рижское происхождение, западное упорство, помощь родни, природа? Здесь не только каждый эпизод, но и общая канва, внутренняя размеренность и законченность событий. Слава Богу, я перестал за него волноваться, важно теперь, чтобы он к декабрю сдал дипломную работу.

В самом конце семинара провел опрос, сколько человек воспользовалось возможностью бесплатно посетить книжную ярмарку. Из моего семинара, в котором больше двадцати человек, на ярмарке побывало только десять.

В пять часов провел собрание нового, платного, набора на ВЛК, было человек десять новых слушателей. Я попросил быть наших "телевизионных лиц" — Кострова, Волгина, Бородина и Сорокина, — и они все пришли. Сидели также Стояновский, Толкачёв и Царева. Говорил о задачах курсов, о том, как пойдут там занятия. Этот платный центр — одна из потерь нашего законодательства и нашего образования, и, открыв его, я никаким героем себя не чувствую.

Вечером позвонил Толкачёв. Со слов М.Н. рассказал об экспертном совете, который состоялся сегодня же. Общая картина такова: возможно, Н.И. Загузов, очень опытный чиновник, который, ставя определенные трудности, как бы стараясь соблюсти объективность, мне помогает, но скорее всего идет какая-то завистливая игра. Сам Николай Иванович — доктор педагогических наук, долго говорил на совете, что у меня нет в реферированных журналах работ по диссертации. Я чувствую, что

очень не хочется кому-то разрешить мне защиту докторской. Тем не менее пока кандидатскую диссертацию экспертный совет подтвердил.

14 сентября, среда. Утром внимательно все посмотрел, взвесил и все же отправил письмо в Совет Федерации. Отчетливо представляю, сколько врагов наживу, но что же здесь поделаешь, жизнь есть жизнь. Еще с вечера читал, а потом всё утро думал над книжкой Анны Мартен-Фюжье "Элегантная жизнь, или Как возник "Весь Париж"". Книжка, конечно, увлекательная, отражение той эпохи, когда еще жили короли, женщины ходили в роскошных платьях, дворяне устраивали балы, охоты, обеды… Но что меня в ней привлекает больше, чем её внешняя занимательность, — это посленаполеоновская Реставрация, потом Июльская монархия, герцог Орлеанский, Луи Филипп, и показано, как из общества исключительно элитарного, знатного, дворянского родилось общество смешанное, куда пускают артистов, писателей и проч. Процесс шел медленно. Долгие годы не пускали туда артистов — определенной обструкции подвергалась даже такая международная звезда, властительница дум, королевств и империй, как мадемуазель Марс. Кстати, я вспоминаю: на кладбище Перлашез был потрясен полузаброшенным видом ее могилы. Камни менее долговечны, чем память и слово. Но возвращаюсь к теме. С огромной осторожностью в это новое общество впускались представители крупной буржуазии, и очень постепенно возник, как говорят сейчас, "весь Париж"… А я думаю о так называемой "всей Москве": это, наверное, единственная в мире элитная тусовка, в которую, кроме высокопоставленных управляющих, иерархов от религии и культуры, вхожи еще и главари бандитов и жуликов. Какой позор — министры воруют, а страны дерутся за то, в какую из них выдать министра, где он больше украл!..

Днем, как и договаривались раньше, приезжал очень крупный чиновник нашего министерства — Николай Иванович Аристьер. Долго с ним говорили, я рассказывал об институте, показывал здание, мемориальные доски, нашу столовую… Он перед этим многое рассказал о ВАКе, в котором работал раньше. О невероятно раздутом президиуме, о тайнах, которые окружают всю процедуру. А главное, ученый совет, допустим, университета решает судьбу диссертаций, достаточно внимательно ознакомившись с работами, а на президиуме все может быть завалено или надолго отложено лишь легкими сомнениями одного человека. Суть посещения Аристьера сводилась к деликатному моменту: к моим выборам. Министерству хотелось, чтобы я остался, но закон этого не позволяет — мне 70. У

Фурсенко, дескать, даже с Вербицкой будет сложно на следующий год. Н.И. сказал, что через Думу до декабря пройдет поправка к закону, позволяющему в любом вузе иметь и ректора и президента, с ограниченными полномочиями. Не уверен, что пойду на это, но если и останусь на какое-то время, очень немного, будет возможность сдать дела, посмотреть, как кто работает в новых условиях. Проблема заключается в том, кто будет в паре. Не очень я всё это вижу, хотя некоторые кандидатуры есть.

Днем занимался также синдромом 1-го курса. Наши провинциалы не могут без богемы, без пьянки, гитары, криков о своей исключительности. На это я отвечаю пока очень жестко — просто выселяю из общежития. Ребят, конечно, жалко, не если их не собрать сейчас, они к пятому курсу распустятся окончательно.

Юра Поляков вроде согласился написать предисловие к моим Дневникам. В.С. напечатала новую статью в "Литгазете" о фильме Лунгина. Ее главный тезис: "А за что же ты, голубчик, так не любишь Россию?" Смотреть фильм не хочется. Хотя понимаю, что в узком кругу "нелюбилыциков" он вызовет определенное волнение.